РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. АПРѢЛЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Похоронный годъ. Н. К. Шильдера..... 5—25

II. Къ характеристикѣ императора Николая I и исторіи его царствованія. (Характеристика императора Николая.—М. Л. Магницкій.—Стихотвореніе по поводу введенія винныхъ откуповъ.—Записка о состояніи войскъ и общества въ 1827 г.—Письма о коронаціи императора Николая. — Императоръ Николай у архимандрита Фотія въ Юрьевомъ монастырѣ.—Происшествіе съ лордомъ Дургамомъ.—Императоръ Николай и генералъ Пенхержевскій.—Кадетъ объ императорѣ Николаѣ и проч.)..... 27—54

III. Картинки боевой жизни. (Изъ посмертныхъ записокъ Ѳ. Э. Штоквича). Сообщ. В. Антоновъ. 55—66

IV. Сатира 1811 года на Тверской бульваръ. Сообщ. А. В. Безродный.... 67—72

V. Записки графа Л. Л. Бенигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Гл. VIII—IX. Сообщ. П. М. Майковъ..... 73—102

VI. Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ въ Калугѣ въ 1861—1863 г.г. (Воспоминанія П. Н. Обнинскаго). 103—119

VII. Изъ семейныхъ воспоминаній объ императорѣ Александрѣ I. Сообщ. М. А. Дружинина..... 121—126

VIII. Мировой судъ въ Подоліи. (Изъ записокъ и воспоминаній мироваго судьи). Гл. VI—IX. И. Н. Захарьина (Якунина). 127—158

IX. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской. (Рожд. княжны Голицыной). Гл. IV—VI ..... 159—178

X. Матеріалы по исторіи русской цензуры. Гл. II Сообщ. В. Виништокъ. 179—206

XI. Записная книжка „Русской Старины“: Отданіе чести сенаторамъ и Постановленіе общаго собранія Сената о присутствованіи всѣмъ составомъ на погребеніи ген.-фельдмаршала князя Н. И. Салтыкова. Сообщ. А. В. Безродный. (стр. 26). — Собственноручное письмо Ив. Ив. Дмитріева Осипу Егоровичу Франку отъ 23-го іюля 1826 г. (120).

XII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ..... 97—128

XIII. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ князя Юрія Николаевича Голицына. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1897.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1897 г.

Библіографическій листокъ.

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. V. Письма царя Алексѣя Михаиловича. Изданіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1896 г.

Въ настоящій выпускъ вошло 69 писемъ царя Алексѣя Михайловича за время съ 1654 по 70-е годы XVII вѣка; 65 изъ этихъ писемъ писаны царемъ въ бытность его въ „польскомъ“ и „ливонскомъ“ походахъ въ 1654—56 гг., когда онъ уѣзжалъ изъ Москвы къ своимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ на западной границѣ; остальныя четыре были писаны царемъ въ 1660, 1670 и 1674—75 гг. изъ Троице-Сергіева, Саввина Звенигородскаго монастыря и подмосковнаго села Семеновскаго. Въ концѣ книги приложены двѣ таблицы фототипическихъ снимковъ, на которыхъ, кромѣ особаго знака, какой находится въ концѣ многихъ его писемъ, и печатей царя Алексѣя Михайловича, помѣщены: на первой таблицѣ часть письма (въ уменьшенномъ размѣрѣ), писаннаго дьякомъ, съ собственноручной припиской царя, а на второй—часть письма, которое все было писано самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Сборникъ разсматриваемыхъ нами писемъ составленъ и напечатанъ подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, С. А. Бѣлокурова.

Всѣ эти письма, проникнутыя глубокою религіозностью, кромѣ весьма существеннаго историческаго значенія, очень важны еще и тѣмъ, что въ нихъ отражаются характеръ, душевное настроеніе, необыкновенная привязанность къ семьѣ, роднымъ и весь умственный и нравственный складъ царя Алексѣя Михайловича.

Начало всѣхъ этихъ писемъ почти одинаково и заключаетъ въ себѣ обращеніе къ членамъ царской семьи. Такъ первое письмо изъ Можайска отъ 26-го мая 1654 года начинается слѣдующимъ образомъ: „Г(о)с(у)д(а)рынѣ [1]) моей матушкѣ благовѣрной ц(а)ревнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михаиловне и го(су)д(а)рыням моим сестрам—ц(а)ревнѣ и великой княжнѣ Аннѣ Михаиловнѣ и великой княжнѣ Татиане Михаиловне. Радуйтеся и веселитеся и уповайте крѣпко на Господа! Той да соблюдетъ, Той да укрѣпитъ васъ в молитвѣ и в постѣ, Той да сподобитъ васъ, свѣтовъ своих, намъ видить в радость. Братъ вашъ ц(а)рь Алексѣй челом бьетъ“.

Со втораго письма царь, въ обращеніяхъ своихъ, начинаетъ упоминать и о женѣ и о дѣтяхъ своихъ. Такъ въ письмѣ изъ-подъ Смоленска отъ 23-го августа 1654 г., онъ пишетъ: „... о Бозѣ радоватися!... з женою нашею ц(а)р(и)цею Маріею и з дѣтми п(а)ш(и)ми...“.

Изъ первыхъ писемъ 1655 года можно заключить, что въ отношеніяхъ сестеръ-царевенъ къ царицѣ произошло что-то нелад-ное. Въ письмѣ изъ Вязьмы отъ 17-го марта 1655 г. царь, между прочимъ, говоритъ: „... Да для Христа не покиньте жены і дѣтей моихъ и живите в совѣте; не опечальте меня до конъца“. Въ этомъ же письмѣ въ первый разъ упоминается и о патріархѣ Никонѣ. Послѣ обращенія къ сестрамъ царь пишетъ: „...А мы м(и)л(о)стию Б(о)жиею і отца ц(а)ш(е)го великого г(о)с(у)д(а)ря св(я)тѣйшаго Никона патріарха московскаго, всея великия і малыя Росіи м(о)л(и)твами пришли в Вязму марта...“ Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что со второй половины 1655 года царь начинаетъ называть Никона патріархомъ московскимъ „всеа великия і малыя і *бѣлыя* [1]) Росіи“.

Особеннымъ интересомъ отличаются письма, писанныя Алексѣемъ Михайловичемъ во время походовъ. Въ нихъ онъ послѣдовательно и обстоятельно разсказываетъ о движеніи войскъ, ходѣ военныхъ дѣйствій, о затрудненіяхъ въ пути, военныхъ трофеяхъ и т. п. Такъ въ 17-мъ письмѣ изъ села Кубенскаго, отъ 13-го марта 1655 года, царь между прочимъ, сообщаетъ: „...А дорога такова худа, какой мы от роду не видали: просовы великіе і выбои такие великие ж, без пѣшихъ обережатых никоими мѣрами ѣхать нелза“. Въ письмѣ изъ-подъ Шклова, отъ 26-го іюня 1655 г., онъ слѣдующимъ образомъ извѣщаетъ о взятіи Велижа: „...стоял под городом Велижем... полскихъ і литовскихъ людей побилі і языковъ многихъ поимали, а город Велиж намъ, великому г(о)с(у)д(а)рю, добил челом, и воевода Матвѣй Шереметевъ въ городъ вошол“. При этомъ нелишнимъ будетъ замѣтить, что, сообщая объ одержанныхъ побѣдахъ и своихъ боевыхъ успѣхахъ, царь Алексѣй Михайловичъ обыкновенно приписываетъ ихъ милости Божіей, молитвамъ патріарха Никона и счастію своему и сына своего царевича Алексѣя; при чемъ всегда въ этихъ случаяхъ именуетъ себя великимъ государемъ и великимъ княземъ всея великія и малыя Россіи самодержцемъ (письма 37, 41 и др.).

Въ письмѣ изъ села Крупки, отъ 8-го іюля 1655 г., сообщивъ о побѣдѣ, одержанной 6-го числа того мѣсяца воеводою Б. М. Хитрово близъ Минска, царь присовокупляетъ: „...литовскихъ людей гнали до Менска і мно-

[1]) Выдержки изъ писемъ приведены дословно съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуаціи оригинала. Буквы, помѣщенныя подъ титлами, заключены въ скобки, а буквы, написанныя надъ строкой, напечатаны курсивомъ.

[1]) Курсивъ нашъ.

КНЯЗЬ ЮРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГОЛИЦЫНЪ,

(Въ ополченіи).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1897.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

25014.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯТИДЕСЯТЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1897.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «**Русской Старины**» изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «**Русской Старины**» **1** руб. а для всѣхъ остальныхъ **1 руб. 50 коп.**

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала «**Русская Старина**»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что **Указатель** напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго,** которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло».**

*

ПОХОРОННЫЙ ГОДЪ. [1])

Долго во время междуцарствія рѣшался въ Петербургѣ вопросъ о престолонаслѣдіи, тѣло императора Александра оставалось въ Таганрогѣ, ожидая перевозки къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Неудивительно, что среди исключительныхъ обстоятельствъ тогдашняго времени всякія распоряженія по этому дѣлу отсутствовали. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ безмолвствовалъ, указывая только на Петербургъ, какъ на источникъ высочайшей воли. Въ Петербургѣ же полагали, что цесаревичъ либо выѣхалъ въ Таганрогъ, либо слѣдуетъ въ столицу [2]). Наконецъ 3-го (15-го) декабря великій князь Николай Павловичъ положилъ конецъ недоумѣніямъ князя Волконскаго, написавъ ему слѣдующее письмо:

«Письмо матушки, любезный Петръ Михайловичъ, достаточно васъ увѣдомитъ о причинахъ, побудившихъ насъ всѣхъ просить чрезъ нее государыню императрицу рѣшить самой все, что касается до тѣла

---

[1]) См. въ №№ 1 и 2 „Русской Старины“ 1897 года статьи: „Таганрогъ въ 1825 году“ и „Междуцарствіе въ Россіи“.

[2]) Михайловскій-Данилевскій по поводу неопредѣленнаго положенія дѣлъ, сопровождавшаго междуцарствіе, передаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующій разсказъ, относящійся къ пребыванію его въ 1825 году въ Кременчугѣ въ званіи бригаднаго начальника 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи: „Однимъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ корпуснаго командира жандармъ съ такъ называемымъ циркулярнымъ предписаніемъ отъ главнокомандующаго донести сему послѣднему, не извѣстно ли мнѣ мѣстопребываніе императора Константина и не проѣзжалъ ли онъ въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ ѣздить по расположенію всего третьяго корпуса; такимъ образомъ россійскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи» (Рукописный журналъ 1825 года).

нашего Ангела; кому, если не ей, принадлежитъ собственность сихъ драгоцѣнныхъ останковъ нашего отца, кому жъ, если не ей, рѣшить все, что въ силахъ будетъ сама рѣшить. Но такъ какъ ея рѣшеніе можетъ касаться только до общихъ распоряженій, то на васъ остается тяжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего Ангела распоряженій.

«Потомъ беру я на себя[1]) просить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ главнокомандующимъ и съ прочими мѣстами, съ коими нужно будетъ, довольствуясь прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣрахъ, разрѣшаю напередъ все, что найдете приличнымъ. Для сего, а равно и для увѣдомленія, что императрица изволитъ рѣшить касательно отъѣзда, дороги и времени прибытія сюда, равно и что самой государынѣ заблагоразсудится дѣлать, прошу сейчасъ прислать мнѣ увѣдомленіе; всѣ же сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣлать непосредственно чрезъ меня.—Дабы быть всегда извѣстному, какъ о здоровьи государыни, такъ и объ вашихъ распоряженіяхъ, нужнымъ считаю просить присылать увѣдомленіе по крайней мѣрѣ черезъ два дня. Государь предоставилъ мнѣ всѣ по оному распоряженія. Статья важная, и которую сама государыня изволитъ рѣшить, есть—вести ли тѣло Отца нашего на Москву или иной дорогой; ей одной должно и можно сіе рѣшить. Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ извѣстій—повторяю, помните, кого храните, и чей государь онъ былъ! Скорѣе много, чѣмъ мало, вотъ мое мнѣніе. Вамъ искренно доброжелательный Николай.

«Къ вамъ ѣдетъ Реадъ, я рѣшился его отпустить къ вамъ[2]). Ждемъ послѣднихъ повелѣній государя, послѣ которыхъ всѣ свободные генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты просятъ ѣхать на встрѣчу и провожать тѣло нашего Ангела»[3]).

Черезъ день, 5-го (17-го) декабря, великій князь Николай Павловичъ по тому же поводу писалъ князю Волконскому:

«Въ дополненіе послѣдняго моего письма, любезный Петръ Михайловичъ, нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что съ разрѣшенія матушки всѣ флигель-адъютанты государя, не находящіеся при войскахъ, и генералъ-адъютантъ Трубецкой, какъ одинъ здѣсь безъ должности находящійся, получили повелѣніе отправиться и явиться къ вамъ для нахожденія при тѣлѣ нашего Ангела. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ хотя безъ должности, но находящійся въ Совѣтѣ, гдѣ присут-

---

[1]) Два раза подчеркнуто великимъ княземъ.

[2]) Адъютантъ князя Волконскаго Евгеній Андреевичъ Реадъ. Въ 1826 году назначенъ флигель-адъютантомъ. Убитъ подъ Шумлою въ 1828 году.

[3]) Государственный Архивъ. Разрядъ III № 34.

ствіе его необходимо, остается здѣсь, равно какъ и прочіе генералъ и флигель-адъютанты, до особаго повелѣнія государя императора.—Извѣстія отъ его величества нами ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо все зависитъ отъ него одного. Ежели мы здѣсь долго останемся безъ его повелѣній или въ безъизвѣстности его рѣшенія, будетъ ли или не будетъ ли сюда, мы не будемъ въ состояніи отвѣчать здѣсь за поддержаніе нынѣшняго порядка и устройство тишины, которые, благодаря Бога, совершенны и поразительны не только для чужестранныхъ, но, признаюсь, и для насъ самихъ. Михайло Павловичъ, пріѣхавшій третьяго дни съ извѣстіемъ изъ Варшавы, что государь изволитъ уже быть извѣстенъ о несчастномъ вашемъ донесеніи, ничего не привезъ рѣшительнаго и потому отъ матушки возвращенъ въ Варшаву сего же дня, съ неотступною ея просьбою пожаловать сюда, гдѣ его присутствіе необходимо.

«Извѣстія ваши объ здоровіи государыни Елисаветы Алексѣевны насъ крайне безпокоятъ, хотя ея величество и изволила сама писать къ матушкѣ рукою, кажущеюся тверже послѣдняго письма; оборони насъ, Боже, втораго несчастія.

«Здоровье матушки хорошо, важность обстоятельствъ развлекаетъ полезнымъ образомъ ея мысли и не даетъ предаваться совершенно одному горю. Богъ милостивъ.

«Прощайте, да хранитъ васъ Богъ, и молите его, и чтобъ насъ не покинулъ. Вашъ искренній Николай».

По полученіи письма великаго князя Николая Павловича князь Волконскій 14-го (26-го) декабря отвѣчалъ:

«Прибывшій сюда 12-го декабря вечеромъ изъ С.-Петербурга адъютантъ мой г. Реадъ вручилъ мнѣ всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго высочества, коимъ изволите увѣдомлять, что всѣ флигель-адъютанты и генералъ-адъютантъ князь Трубецкой получили повелѣніе отправиться сюда для нахожденія при тѣлѣ покойнаго государя императора. Принося вашему императорскому высочеству мою наичувствительную благодарность за таковое извѣщеніе, полагаю поручить генералъ-адъютанту князю Трубецкому главное начальство при сопровожденіи тѣла, а флигель-адъютанты въ то же время будутъ отправлять дежурство по очереди.

«Зная важность теперешнихъ обстоятельствъ, весьма понимаю нетерпѣніе, въ какомъ должны находиться ваше императорское высочество отъ неприбытія еще государя императора въ С.-Петербургъ; я надѣюсь, что Всевышній Богъ поможетъ милостію своею вашему императорскому высочеству поддержать существующій порядокъ, устройство и тишину, и что всѣ вѣрноподданные его императорскаго величества всячески стараться будутъ сохранить оныя вполнѣ.

«Здоровье государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны очень насъ безпокоитъ частою перемѣною и всегда менѣе къ лучшему. Г. лейбъ-медикъ Стоффрегенъ еще сегодня увѣрялъ меня, что онъ находитъ ея величество лучше, и что прежде чувствуемыхъ припадковъ она болѣе не имѣетъ; напротивъ того, получила отъ скорби обыкновенные нервическіе припадки, которые, по его мнѣнію, не подаютъ никакого безпокойствія, и надѣется, что съ помощью Божіею со временемъ совсѣмъ пройдутъ.

«Пользуясь симъ случаемъ, осмѣливаюсь отнестись къ вашему императорскому высочеству объ испрошеніи высочайшаго разрѣшенія на слѣдующій порядокъ, необходимый для собственнаго моего огражденія. При жизни покойнаго государя императора на всѣ расходы, какъ въ путешествіи, такъ и въ пребываніе въ Таганрогѣ, отпускалась мнѣ отъ министра финансовъ довольно значительная сумма, изъ коей повелѣно было мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ вести расходъ на слѣдующемъ основаніи: всѣ издержки, касающіяся до стола какъ ихъ императорскихъ величествъ, такъ кавалерскаго и людскаго и по должностямъ: мундшенкской, кофишенкской и тафельдекерской, относить на счетъ придворной конторы; издержки, по содержанію лошадей и починку экипажей—на счетъ придворной конюшенной конторы, о каковыхъ счетахъ, по возвращеніи двора въ С.-Петербургъ, сообщить г. министру финансовъ для вычета издержанныхъ здѣсь денегъ изъ отпускаемыхъ ежегодно суммъ на содержаніе двора; всѣ прочія же издержки, какъ-то: наемъ квартиръ и экипажей для свиты и на разныя постройки, передѣлки и починки, какъ по дворцу, такъ и по кавалерскимъ домамъ, расходовать изъ суммъ казначейскихъ. Я продолжаю нынѣ вести всѣ таковые расходы на томъ же основаніи; но какъ за смертью покойнаго государя императора обстоятельства измѣнились, почему и нужно мнѣ имѣть необходимо высочайшее разрѣшеніе, какъ въ семъ случаѣ поступать: на прежнемъ ли основаніи, или будетъ сдѣлано вновь какое-либо другое положеніе, о чемъ всепокорнѣйше прошу меня увѣдомить».

Императоръ Александръ въ предвидѣніи близкой кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны взялъ съ собою при отъѣздѣ въ Таганрогъ церемоніалъ погребенія императрицы Екатерины II, вѣроятно, чтобы, въ случаѣ надобности, соображаясь съ нимъ, начертать самому весь порядокъ похоронъ. Но судьба распорядилась иначе. Послѣ кончины императора Александра этотъ церемоніалъ былъ найденъ между его бумагами и пригодился князю Волконскому и барону Дибичу для всѣхъ необходимыхъ распоряженій, вызванныхъ столь неожиданнымъ событіемъ, къ которому они не знали какъ приступить.

11-го (23-го) декабря тѣло императора Александра было перенесено

изъ дворца въ соборъ Александровскаго монастыря и поставлено на устроенномъ тамъ катафалкѣ, подъ балдахиномъ, увѣнчанномъ императорскою короною. Въ соборѣ совершались ежедневное архіерейское служеніе, а поутру и ввечеру панихиды. Здѣсь тѣло оставалось до 29-го декабря 1825 года (10-го января 1826 года). Въ этотъ день печальная процессія двинулась изъ Таганрога на дальній сѣверъ.

«Вчерашній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ, писалъ князь Волконскій 30-го декабря цесаревичу Константину Павловичу, ибо на вѣки разстались съ отцемъ нашимъ, въ Бозѣ почивающимъ покойнымъ государемъ императоромъ. Не могу описать вашему императорскому высочеству той минуты, въ которую принесено послѣднее поклоненіе праху его, и чувствъ горести и скорби, всѣми ощущаемыхъ. Въ 10 часовъ утра, послѣ литургіи и панихиды, кортежъ выступилъ отсюда съ тою же церемоніею, какая была при переносѣ тѣла изъ дворца въ монастырь. Народъ сопровождалъ по всей дорогѣ до самаго ночлега и даже изъ сторонніхъ деревень. Вдовствующая государыня императрица Елисавета Алексѣевна изволила присутствовать при послѣдней панихидѣ и прощалась съ тѣломъ любезнѣйшаго ея супруга, съ коимъ вѣчная разлука не могла не подѣйствовать на весьма ослабленное уже отъ скорби и прежней болѣзни ея здоровье» [1])

На другой день послѣ выступленія печальной процессіи изъ Таганрога, 31-го декабря 1825 года (12-го января 1826 года), императрица Елисавета Алексѣевна писала своей матери:

«Всѣ земныя узы порваны между нами. Тѣ, которыя образуются въ вѣчности, будутъ уже другія, конечно, уже болѣе пріятныя, но, пока я еще ношу эту грустную, бренную оболочку, больно говорить самой себѣ, что онъ уже не будетъ болѣе причастенъ моей жизни здѣсь, на землѣ. Друзья съ дѣтства, мы шли вмѣстѣ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ. Мы вмѣстѣ пережили всѣ эпохи жизни. Часто отдаленные другъ отъ друга, мы тѣмъ или другимъ образомъ снова сходились; очутившись наконецъ на истинномъ пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. Какъ разъ въ подобный моментъ она была отнята отъ меня.

«Конечно, я заслуживала это, я не достаточно сознавала благодѣяніе Бога, быть можетъ, еще слишкомъ чувствовала маленькія шероховатости. Наконецъ, какъ бы то ни было, такъ было угодно Богу. Пусть Онъ соблаговолитъ позволить, чтобы я не утратила плодовъ этого скорбнаго креста—онъ былъ ниспосланъ мнѣ не безъ цѣли. Когда я думаю о своей судьбѣ, во всемъ ходѣ ея я узнаю руку Божію» [2]).

---

[1]) Военно-ученый архивъ. Отд. I № 507 (а).

[2]) Tous les liens terrestres sont rompus entre nous! Ceux dans l'éternité seront différents, ils seront plus doux sûrement, mais tant que je porte encore cette triste enveloppe mortelle il est douloureux de me dire qu'il n'aura plus

По тому же поводу князь Волконскій писалъ императору Николаю 4-го (16-го) января 1826 года:

«Насчетъ сопровожденія онаго (т. е. тѣла императора Александра) я былъ въ большомъ затрудненіи по неприбытіи сюда никого изъ С.-Петербурга; изъ генералъ-адъютантовъ графъ Ожаровскій не бывалъ по сіе время, графъ Ламбертъ хотя и находится здѣсь, то какъ онъ не нашего исповѣданія, то государынѣ императрицѣ угодно было приказать потребовать генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, коему изволила сама поручить драгоцѣнные останки покойнаго супруга своего, въ надеждѣ, что ваше императорское величество благоволите утвердить сдѣланный ея величествомъ выборъ и позволите графу Орлову-Денисову довершить до С.-Петербурга возложенное на него порученіе» [1]).

Предъ выступленіемъ печальной процессіи изъ Таганрога императрица Елисавета Алексѣевна призвала къ себѣ Д. К. Тарасова и сказала ему:

«Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Печальная процессія двинулась изъ Таганрога черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу въ Москву. Начальствующій надъ церемоніею и войсками, составлявшими эскортъ гроба, графъ Орловъ-Денисовъ наблюдалъ вездѣ, какъ пишетъ Тарасовъ, строгій порядокъ и военную дисциплину. На козлахъ колесницы постоянно сидѣлъ лейбъ-кучеръ покойнаго государя Илья Байковъ. Всѣ ночлеги были въ селахъ или городахъ, такъ что гробъ всегда ночевалъ въ церквахъ. Усердіемъ жителей сооружались великолѣпные катафалки. Въ каждой епархіи на границѣ встрѣчали архіерей и духовенство всего уѣзда и смѣняли

---

de part à mon existence ici bas. Amis d'enfance, nous avons marché ensemble pendant 32 ans. Nous avons traversé ensemble toutes les époques de la vie.— Souvent éloignés, nous nous retrouvions toujours d'une manière et d'une autre; enfin sur le vrai chemin, nous ne goûtions plus que la douceur de notre union.— C'est dans ce moment qu 'elle m'a été enlevée.—Sûrement je le méritais, je ne sentais pas assez le bienfait de Dieu, je ressentai peut-être trop encore de petits inconvénients. Enfin quoique cela soit Dieu l'a voulu.—Qu' Il daigne permettre que je ne perde pas le fruit de cette douloureuse croix—ce n'est pas pour rien qu' elle m'a été envoyée. Je reconnais la main de Dieu dans toute la direction de ma destinée en y réfléchissant.

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 35. Въ письмѣ къ своей матери императрица Елисавета Алексѣевна пишетъ, что графъ Орловъ-Денисовъ принялъ данное ему порученіе: „avec tout le zèle et j'ose dire—une sainte joie".

духовенство предшествовавшей губерніи. Въ городахъ войска выстраивались шпалерами, и, гдѣ была артиллерія, во время слѣдованія процессіи производилась пальба. Народъ нерѣдко отпрягалъ лошадей отъ колесницы и везъ ее на себѣ. Переѣзды были обыкновенно не болѣе пятидесяти верстъ. На границѣ каждой губерніи останавливались въ полѣ, и губернаторъ одной губерніи передавалъ церемоніалъ губернатору другой, который и провожалъ процессію чрезъ свою. На всемъ пути, даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими массами; въ городахъ, а въ особенности въ губернскихъ, стеченіе народа принимало обширные размѣры. Не было недостатка и въ разныхъ нелѣпыхъ слухахъ, которые, какъ говоритъ Тарасовъ, распространялись неблагонамѣренными людьми среди народа и вызывали со стороны графа Орлова-Денисова принятіе необходимыхъ мѣръ предосторожности. Такъ, напримѣръ, когда шествіе приближалось къ Тулѣ, то донесли, что фабричные намѣреваются вскрыть гробъ; но все обошлось благополучно. Оружейники просили только отпречь лошадей и позволить имъ везти колесницу до города на разстояніи пяти верстъ.

Тарасовъ пишетъ: «Кромѣ личнаго повелѣнія, даннаго мнѣ императрицею въ Таганрогѣ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостью тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи графа, производились въ полночь пять разъ, и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о цѣлости тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ градусовъ по Реомюру, тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и повареною солью, для поддержанія холода» [1]).

3-го (15-го) февраля 1826 года печальная церемонія прибыла къ Москвѣ. На разстояніи версты отъ Подольской заставы по обѣимъ сторонамъ дороги поставлены были войска, пѣхота и кавалерія, съ заряженными ружьями. Въ Коломенскомъ гробъ былъ поставленъ на парадную колесницу, приготовленную въ Москвѣ. Здѣсь прежнихъ лошадей замѣнили восемью придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокимъ трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. При этомъ случилось, какъ повѣствуетъ Тарасовъ, замѣчательное, хотя и не такъ важное происшествіе. «По смѣнѣ въ колесницѣ лоша-

[1]) Воспоминанія Д. К. Тарасова. „Русская Старина“ 1872 года. Томъ 6-й, стр. 133.

дей лейбъ-кучеръ покойнаго императора Илья Байковъ поспѣшилъ и на новой парадной колесницѣ занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ траурѣ лейбъ-кучеръ подходитъ къ нему и проситъ его уступить мѣсто; Илья Байковъ положительно и настойчиво отказываетъ ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ унтеръ-шталмейстеръ и приказываетъ Байкову оставить мѣсто; Байковъ не повинуется приказанію. Наконецъ это упорство Байкова доведено было до свѣдѣнія самого князя Голицына (московскаго генералъ-губернатора), который приказалъ-было удалить Байкова силою, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байковъ, въ чувствѣ преданности къ императору, отвѣчалъ:

— Я возилъ императора слишкомъ тридцать лѣтъ и хочу служить ему до его могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить.

«Князь Голицынъ, тронутый такою преданностью, приказалъ оставить Байкова на козлахъ».

Вступленіе траурнаго шествія въ Москву совершилось въ должномъ порядкѣ по распоряженіямъ печальной коммиссіи, бывшей подъ начальствомъ князя Николая Борисовича Юсупова. Гробъ поставленъ былъ на катафалкѣ въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ царей русскихъ. Стеченіе народа для поклоненія гробу императора было громадное. Въ виду тревожныхъ слуховъ, распространившихся въ Москвѣ, полиціею приняты были дѣятельныя и строгія мѣры предосторожности для предупрежденія безпорядковъ и смутъ. Въ 9 часовъ вечера запирали ворота въ Кремль и у каждаго входа ставили заряженныя орудія. Пѣхота располагалась въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада съ осѣдланными лошадьми въ экзерциргаузѣ. Въ городѣ всю ночь ходили военные патрули. Однако, ни малѣйшаго шума или безпорядка замѣчено не было.

Въ день выступленія изъ Москвы печальной процессіи, 6-го (18-го) февраля, архіепископъ Филаретъ сопровождалъ гробъ за Тверскую заставу до Петровскаго дворца, гдѣ онъ совершилъ со всѣмъ московскимъ духовенствомъ послѣднюю литію. Затѣмъ шествіе направилось черезъ Тверь и Новгородъ въ Царское Село.

На границѣ Новгородской губерніи на встрѣчу печальной церемоніи, по обыкновенію, выѣхалъ епархіальный архіерей; при немъ находился архимандритъ Фотій. На ночлегахъ, по ночамъ, Евангеліе при гробѣ императора большею частію читалъ Фотій.

По разсказу Тарасова, тамъ же къ кортежу присоединился графъ Аракчеевъ, «который своимъ рыданіемъ и слезами выказалъ все свое чувство столь важной для него потери». При въѣздѣ въ Новгородъ всѣми войсками командовалъ графъ Аракчеевъ. Гробъ поставленъ былъ

въ Софійскомъ соборѣ на великолѣпномъ катафалкѣ, устроенномъ заботливостью «безъ лести» преданнаго графа [1]).

При выступленіи изъ города графъ Аракчеевъ хотѣлъ стать на колесницу, но флигель-адъютанты сначала его не допустили, а когда онъ испросилъ на то позволеніе графа Орлова-Денисова, то они все-таки настояли, чтобы удержать за собою правую сторону, а графъ Аракчеевъ стоялъ одинъ на лѣвой сторонѣ [2]).

Въ Новгородѣ графъ Орловъ-Денисовъ получилъ отъ верховнаго маршала печальной коммиссіи въ Петербургѣ, князя Алексѣя Борисовича Куракина, увѣдомленіе, содержавшее въ себѣ всѣ приготовленія въ столицѣ для встрѣчи и принятія печальной процессіи; вмѣстѣ съ тѣмъ потребовано было подробное и самое обстоятельное донесеніе о положеніи и цѣлости тѣла императора. Вслѣдствіе этого Д. К. Тарасовъ просилъ графа Орлова, по выступленіи изъ Новгорода, произвести послѣднее до Царскаго Села освидѣтельствованіе тѣла. Оно произведено было на второмъ переходѣ отъ Новгорода, въ присутствіи графа Аракчеева, подписавшаго вмѣстѣ съ прочими актъ освидѣтельствованія, который и отправили къ князю Куракину въ Петербургъ.

26-го февраля (10-го марта) тѣло императора Александра прибыло въ Тосну. Тамъ встрѣтила его императрица Марія Ѳедоровна. «Кто опишетъ горесть матери. Она лишилась сына, и какого сына», читаемъ въ современныхъ описаніяхъ.

До прибытія печальнаго шествія въ Царское Село императоръ Николай поручилъ Вилліе осмотрѣть тѣло покойнаго государя. Это исполнено было въ Бабинѣ. Въ запискѣ, представленной послѣ этого, Вилліе говоритъ:

«Сего 26-го февраля, въ 7 часовъ пополудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіемъ сѣрнистоводороднаго газа, обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершен-

---

[1]) Графъ Аракчеевъ издалъ книгу съ рисунками, подъ заглавіемъ: Церемоніалъ къ встрѣчѣ и сопровожденію въ Новгородѣ тѣла въ Бозѣ почивающаго императора Александра I. С.-Петербургъ 1826 г. (Печатано и литографировано въ штабѣ военныхъ поселеній).

[2]) Воспоминанія Н. И. Шенига. „Русскій Архивъ“ 1880 года, книга 3, стр. 291. Онъ сообщаетъ также, что графъ Аракчеевъ за нѣсколько дней до прибытія тѣла императора Александра самъ дѣлалъ репетиціи монахамъ, чиновникамъ и солдатамъ, какъ подходить къ гробу и прикладываться. По поводу церемоніала встрѣчи тѣла въ Новгородѣ Шенигъ пишетъ: „надобно было удивляться порядку, но и безчувственности распорядителя“.

ной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ до прибытія въ Царское Село [1])».

При вскрытіи гроба присутствовалъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что при семъ случаѣ удостоился приложиться къ образу, который императоръ Александръ всегда носилъ на себѣ, и поцѣловалъ его руку [2])

28-го февраля (12-го марта) печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай выѣхалъ на встрѣчу шествію; его сопровождали великій князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Вильгельмъ прусскій, принцъ Оранскій и первые чины двора. Здѣсь же находились царскосельскіе жители съ духовенствомъ и крестьяне царскосельскаго дворцоваго вѣдомства. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь,—пишетъ Тарасовъ. «Сошедъ съ коляски, императоръ, приближась къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, взошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу; императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ.

«1-го (13-го) марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

— Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?

«Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

«Въ $11^1/_2$ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба я снялъ

---

[1]) Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 596.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1867 года. Стр. 1322.

атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спецій, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

«По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ по прежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія».

Прусскій генералъ Герлахъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что при вскрытіи гроба императора Александра присутствовалъ также принцъ Вильгельмъ. По его разсказу императрица Марія Ѳедоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il a maigri!» Трижды возвращалась она къ гробу и подходила къ тѣлу. Принцъ Вильгельмъ, по свидѣтельству Герлаха, былъ также глубоко потрясенъ видомъ усопшаго императора [1]).

5-го (17-го) марта тѣло императора Александра было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму и поставлено въ церкви дворца. По разсказу Тарасова, «въ двѣнадцатомъ часу вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ церковномъ обрядѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежняго деревяннаго гроба, въ свинцовомъ гробѣ, переложено въ новый бронзовый великолѣпный гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ въ гробѣ, въ ногахъ, а ваза съ сердцемъ у самаго тѣла съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобранъ и распиленъ и со всѣми принадлежностями въ кускахъ помѣщенъ былъ въ новый».

Графъ Комаровскій пишетъ: «Переложеніе это было дѣлано одними только генералъ-адъютантами, бывшими при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился».

6-го (18-го) марта шествіе двинулось изъ Чесменскаго дворца въ Петербургъ. День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За гробомъ слѣдовали императоръ Николай, великій князь

---

[1]) Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Berlin. 1891. B. Erster Band, p. 20.

Михаилъ Павловичъ, чужестранные принцы, герцогъ Веллингтонъ и многочисленная свита, всѣ въ черныхъ шляпахъ и плащахъ.

«О печальной церемоніи нужно сказать, пишетъ очевидецъ, что она была исполнена въ послѣдній разъ по церемоніалу, соблюдавшемуся со времени Петра Великаго, когда была цѣликомъ заимствована изъ нѣмецкихъ церемоніаловъ Германіи. И чего только не было въ печальной процессіи по этому церемоніалу! Начать съ того, что всѣ участвовавшіе въ ней, начиная съ государя, шли въ длинныхъ и широкихъ черныхъ плащахъ, имѣя на головахъ черныя же шляпы съ распущенными полями. Нельзя вообразить себѣ, какой мрачный видъ представляла вся печальная процессія. Не говоря уже о многочисленныхъ представителяхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, гербахъ, орденахъ, регаліяхъ и пр., особенное вниманіе мое привлекли на себя боевой и траурный кони и рыцари веселаго и печальнаго образа: первый въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, а второй—въ черныхъ, съ опущенными забраломъ и мечемъ, выступавшій мѣрнымъ шагомъ... За многочисленнымъ духовенствомъ, наконецъ, показалась великолѣпная траурная печальная колесница и на ней гробъ — кого же? того, который послѣ двадцати четырехъ лѣтъ царствованія въ Россіи оставилъ по себѣ такую громкую славу и общую любовь! Нужно было быть современникомъ той эпохи и свидѣтелемъ этой печальной церемоніи, чтобы постигнуть всю полноту мыслей и чувствъ при видѣ этого гроба. Подлинно, можно было бы, подражая словамъ Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго, сказать: «что видимъ? что дѣлаемъ?—Александра I погребаемъ»! [1])

Въ половинѣ втораго часа пополудни печальный поѣздъ прибылъ къ Казанскому собору [2]). Здѣсь закрытый уже гробъ императора Александра былъ выставленъ на поклоненіе всѣхъ сословій народа въ продолженіе семи дней. Ежедневное стеченіе публики и народа въ храмъ во всю недѣлю было громадное, и въ эти семь дней все народонаселеніе Петербурга перебывало въ Казанскомъ соборѣ.

По свидѣтельству Тарасова, «доложено было императору объ откры-

---

[1]) Записки князя Николая Сергѣевича Голицына 1825—1855 гг. „Русская Старина“ 1880 года.

[2]) Въ Петербургѣ, также какъ и въ Москвѣ, распускали нелѣпые слухи: разсказывали, что предположено злоумышленниками поставить четыре бочки съ порохомъ подъ Казанскимъ мостомъ и, когда повезутъ тѣло усопшаго государя, взорвать мостъ; то же самое злодѣяніе будто предполагаютъ исполнить и въ крѣпости (Военно-ученый архивъ. Отд. секрет. № 40. Дѣло со свѣдѣніями о народныхъ слухахъ по поводу кончины императора Александра 1825 и 1826 гг.). Ходили также слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были везти тѣло покойнаго императора.

тіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, нимало не измѣнила чертъ лица».

Мнѣніе, высказанное Д. К. Тарасовымъ въ своихъ запискахъ, вполнѣ расходится со взглядомъ, выраженнымъ княземъ Волконскимъ въ письмѣ изъ Таганрога къ Г. И. Вилламову, значительно ранѣе, а именно еще 7-го (19-го) декабря 1825 года.

Князь Волконскій писалъ: «Мнѣ необходимо нужно знать, совсѣмъ ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать бы здѣсь; ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сыраго воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гроба не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ здѣсь совсѣмъ отпѣть; о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго».

13-го (25-го) марта 1826 года, въ одиннадцать часовъ, во время сильной мятели, погребальное шествіе направилось изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость; оно слѣдовало по Невскому, Большой Садовой, Царицыну лугу, черезъ Троицкій мостъ. Въ тотъ же день происходило отпѣваніе и погребеніе. Во второмъ часу пополудни пушечные залпы возвѣстили, что великій монархъ снисшелъ въ землю на вѣчное успокоеніе [1]).

25014

---

[1]) 16-го (28-го) марта 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: „les malheureuses journées qui ont précédé le 13, m'ont privé presque de toutes mes facultés physiques et morales: ce n'est que depuis hier que je respire un peu".

Цесаревичъ отвѣчалъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1826 года: „Je conçois parfaitement, cher frère, l'état où vous avez du vous trouver durant l'époque qui a précédé la cruelle journée du 13, je l'ai vivement partagé dans mon éloignement; grâces en soient rendues à l'Être suprême que toute notre famille l'a supporté avec courage et résignation et que les restes de notre cher et immortel Empereur reposent en paix".

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько строкъ изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1826 года: „En général vous ne sauriez croire, ou plutôt vous le croirez facilement, quelle pénible sensation on éprouve ici; tout est comme de son temps dans sa chambre. Son chapeau, ses gants, ses épaulettes, mouchoirs etc, tout absolument comme s'il devait y être, on le cherche à tout moment, chaque lieu le rappelle au point que souvent on peut s'oublier; mais aussi le moment de l'affreux réveil de cette illusion est insupportable".

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Въ Варшавѣ съ 26-го марта (7-го апрѣля) по 11-е (23-е) апрѣля 1826 года происходили траурныя церемоніи, по особому церемоніалу, въ католическомъ соборномъ храмѣ св. Яна, посвященныя памяти императора Александра I.

Въ лютеранскихъ церквахъ и въ еврейской синагогѣ также были назначены особыя религіозныя службы [1]).

За нѣсколько дней до погребенія императора Александра, 9-го (21-го) марта 1826 года, преемникъ его написалъ Лагарпу нижеслѣдующія строки, посвященныя памяти усопшаго государя.

«Посреди самаго печальнаго торжества и такъ сказать на могилѣ того, коего мы оплакиваемъ кончину, отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 16-го января. Въ подобную минуту мысль моя должна, по естественному влеченію, перенестись на васъ, и я еще живѣе могъ оцѣнить тѣ чувства, кои вы мнѣ выражаете. Подъ вашими глазами, вашими попеченіями развивались первыя сѣмена тѣхъ благородныхъ качествъ, которыя изъ императора Александра сдѣлали славу Россіи и которыя пріобщили все человѣчество къ плачу о Его утратѣ. Мое сердце подсказало мнѣ то, что должно было происходить въ вашемъ, когда вы имѣли несчастіе узнать, что этотъ великій монархъ взятъ отъ насъ, отъ нашего уваженія и нашихъ надеждъ. Связь, существующая между нами вслѣдствіе этой общей скорби, останется для меня всегда священною. Повѣрьте, что я никогда не забуду ни привязанности къ вамъ покойнаго моего брата, ни минутъ, проведенныхъ мною самимъ съ вами, и что мнѣ всегда пріятно будетъ возобновить вамъ увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи».

Продолжавшееся болѣзненное состояніе императрицы Елисаветы Алексѣевны предвѣщало тогда въ скоромъ времени еще новое горе для императорской фамиліи; надломленныя силы государыни не могли перенести столь тяжкаго удара.

12-го (24-го) апрѣля князь Волконскій писалъ императору Николаю изъ Таганрога:

«Долгомъ почитаю вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что слабость здоровья вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны вновь увеличивается. Сверхъ того ея императорское величество чувствуетъ въ груди иногда сильное удушье, которое препятствуетъ даже говорить, и сама изъявила г. Стоффрегену опасеніе водяной болѣзни въ груди. Хотя г. Стоффрегенъ не увѣренъ,

---

[1]) Всѣ эти варшавскія печальныя церемоніи описаны въ сочиненіи: „Description de la cérémonie funèbre en mémoire de feu sa majesté Alexandre I empereur de toutes les Russies, roi de Pologne, célébrée à Varsovie les 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23 avril 1826. Varsovie (chez N. Glücksberg) 1829 г.

что таковая болѣзнь существуетъ, но начинаетъ однако сильно безпокоиться, предложилъ ея величеству лекарства для предупрежденія оной, и надѣется, что предполагаемое путешествіе можетъ отвратить сію болѣзнь.

«Въ прошедшую субботу, 10-го числа, государынѣ императрицѣ угодно было повелѣть переставить походную церковь въ ту комнату, гдѣ покойный государь императоръ скончался; можетъ легко быть, что воспоминаніе горестнаго происшествія производитъ сіе дѣйствіе надъ ея величествомъ; не менѣе того не могу скрыть передъ вашимъ величествомъ крайняго опасенія худыхъ отъ сего послѣдствій». [1])

21-го апрѣля (3-го мая) 1826 года императрица Елисавета Алексѣевна покинула Таганрогъ, въ которомъ ей суждено было пережить столько горестныхъ событій. Государыня направилась чрезъ Харьковъ въ Калугу, гдѣ должно было состояться свиданіе съ императрицею Маріею Ѳедоровною, выѣхавшею къ ней на встрѣчу изъ Петербурга. «Je suis souffrante et abattue de corps et d'âme», писала Елисавета Алексѣевна изъ Харькова своей матери въ послѣднемъ предсмертномъ письмѣ отъ 26-го апрѣля (8-го мая).

Дѣйствительно, слабость императрицы во время пути съ каждымъ днемъ усиливалась и вскорѣ дошла до того, что она могла только съ трудомъ говорить. Судя по письму князя Волконскаго отъ 2-го мая 1826 года изъ Орла къ Григорію Ивановичу Вилламову, сопровождавшему императрицу-мать въ ея путешествіи, князь Петръ Михайловичъ просилъ предварить государыню, что положеніе императрицы Елисаветы Алексѣевны «такъ худо, что ея величество найдетъ ужаснѣйшую въ ней перемѣну.—Не могу описать вамъ, милостивый государь, продолжаетъ князь,—всѣхъ безпокойствъ моихъ насчетъ здоровья ея императорскаго величества во время путешествія и безпрестанно молю Бога, чтобы сподобилъ благополучно доѣхать до Калуги».

3-го (15-го) мая императрица Елисавета Алексѣевна прибыла на ночлегъ въ Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губерніи; крайняя слабость препятствовала ей продолжать дальнѣйшій путь. Въ это время императрица Марія Ѳедоровна находилась уже въ Калугѣ и въ виду угрожающихъ извѣстій, сообщенныхъ княземъ Волконскимъ, немедленно выѣхала въ Бѣлевъ по желанію, выраженному императрицею Елисаветою. [2]) Между тѣмъ въ шестомъ часу утра 4-го (16-го) мая, когда камеръ-юнгфера вошла въ спальню къ больной государынѣ, она уже не

---

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ III, № 35.

[2]) 3-го мая, по пріѣздѣ въ Бѣлевъ, князь Волконскій писалъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ: „Nous sommes arrivés ici plus tard que je ne le supposais à cause de la pluie et des mauvais chemins, ce qui a tellement augmen-

дышала. Къ десяти часамъ утра въ Бѣлевъ прибыла императрица Марія Ѳедоровна, но, вмѣсто предположеннаго свиданія, государыня могла только присутствовать при первой панихидѣ по усопшей невѣсткѣ [1])

Снова потянулось печальное шествіе въ Петербургъ, и 21-го іюня (3-го іюля) гробъ императрицы Елисаветы Алексѣевны опущенъ былъ въ склепъ рядомъ съ могилой императора Александра Павловича.

Въ продолженіе всего царствованія императора Александра имя одной вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны прославлялось и увѣковѣчено было благотворительными учрежденіями; ей одной предоставлены были первенствующее мѣсто и всѣ почести. Тихій и скромный образъ бездѣтной императрицы Елисаветы Алексѣевны, отодвинутый на второй планъ, какъ-бы меркнетъ въ боевыхъ тревогахъ того времени, въ блескѣ славы, окружавшей побѣдителя Наполеона, и затѣмъ назамѣтно отходитъ изъ этого міра почти одновременно съ кончиною Александра I-го.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую характеристику супруги императора Александра:

«Прекрасная собою, любезная, умная, Елисавета Алексѣевна показала большую твердость духа въ ту эпоху, когда нашествіе Наполеона угрожало цѣлости имперіи. Она имѣла свои слабости, свои вины передъ супругомъ, и хотя сначала играла роль, всегда вызывающую участіе, женщины покинутой, ревностной патріотки, но ея холодность и совершенное удаленіе отъ общества внушили всей почти націи полное къ ней равнодушіе; подъ конецъ своей жизни императоръ Александръ, раз-

---

té la faiblesse de l'Impératrice qu 'elle n'est pas capable de partir d'ici demain. Sa Majesté me charge de Vous en prévenir, Madame, en faisant ses excuses de ce qu'elle n'écrit pas elle même à V. M. I., à cause de la faiblesse qui le lui empêche. Comme V. M. me marque dans sa dernière lettre que dans le cas, où l'Impératrice s'arrêterait dans quelques villes avant Kalouga, Vous désireriez, Madame, venir la réjoindre. j'ai communiqué ce souhait à l'Impératrice qui m'a ordonné de Vous écrire qu'elle sera bien heureuse de recevoir V. M. I. ici, si toutefois cela ne Vous fatigue et ne Vous dérange pas. Il m'est, impossible de Vous exprimer, Madame. toutes les vives alarmes que j'éprouve sur la santé de l'Impératrice et je serai bien heureux de voir arriver V. M. I. ici».

[1]) 8-го (20-го) мая 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Dans ce moment je suis interrompu par la nouvelle d'un nouveau malheur! Que Dieu reçoive en paix la pauvre Impératrice, elle a cessé de vivre le 4.—Je tremble pour ma mère; quelle suite de peines et de chagrins pour elle; que Dieu la soutienne et lui donne des forces. Pour moi, je ne sais que faire!—et m'en remets à Dieu qui ne nous abandonnera pas! Je finis car vous pouvez penser aux embarras où je suis".

очарованный суетностями міра и увлеченный мистицизмомъ, чувствуя потребность болѣе сосредоточиться въ самомъ себѣ, возвратился къ своей супругѣ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы.

«Очутившись наконецъ на истинномъ пути (enfin sur le vrai chemin)», какъ выразилась императрица въ выше приведенномъ письмѣ къ своей матери, они были внезапно разлучены другъ съ другомъ. «Такъ было угодно Богу (Dieu l'a voulu)».

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о народныхъ слухахъ, распространившихся по Россіи въ 1826 году; они были вызваны неожиданной кончиной императора Александра I-го въ Таганрогѣ и необычайными обстоятельствами, среди которыхъ совершилось восшествіе на престолъ императора Николая Павловича. Самые нелѣпые толки и слухи зарождались и распространялись подъ сѣнью господствовавшей тогда полнѣйшей безгласности, которая благопріятствовала ихъ развитію среди невѣжественныхъ народныхъ массъ. Правительство собрало въ то время множество донесеній объ этихъ толкахъ; они заслуживаютъ вниманія историка, какъ несомнѣнное произведеніе народной фантазіи, старавшейся по своему объяснить событія этой смутной эпохи.

Для ознакомленія съ характеромъ слуховъ и толковъ, распространившихся въ народѣ по поводу событій 1825 года, достаточно привести здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, собранные въ числѣ 51 вскорѣ послѣ этихъ происшествій однимъ любителемъ въ Москвѣ. [1])

«Государя убили, изрѣзали и долго тѣло его искали и навѣрное не могутъ утвердить, есть ли нашли только израненъ и нельзя узнать, для того сдѣлали на лицо восковую маску» (6-й слухъ). [2]).

«Государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ, и все тѣло такъ почернѣло, что никакъ и показывать не годится, для того и сдѣлали восковую накладку, а гробъ свинцовый въ 80 пудъ» (8-й слухъ).

«Государь живъ, его продали въ иноземную волю» (10-й слухъ).

«Государь живъ, уѣхалъ въ легкой шлюпкѣ въ море» (11-й слухъ).

«Государя везутъ совсѣмъ не его, а поддѣланный, и какъ привезутъ

---

[1]) „Московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить не однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальняго время незабвеннаго, именно 1825 года, съ декабря 25-го дня". Эти слухи, числомъ 51, записаны были дворовымъ человѣкомъ Федоромъ Федоровымъ. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

[2]) Подобные фантастическіе разсказы о таганрогскихъ событіяхъ неоднократно появлялись въ 1825 году и въ заграничныхъ газетахъ.

и поставятъ въ Москвѣ, гдѣ будетъ назначено; и противъ онаго гроба наведутъ пушки, а около гроба поставлены будутъ четыре унтеръ-офицера съ заряженными ружьями; и какъ народъ станетъ усиливаться его посмотрѣть въ лицо, оные унтеръ-офицеры выпалятъ изъ ружей, и въ ту жъ минуту изъ наведенныхъ пушекъ выпалятъ прямо въ гробъ и расшибутъ его такъ, что и найтить ничего нельзя будетъ; и потомъ начнется въ Кремлѣ страшная тревога и пальба изъ ружей и рубить начнутъ всякаго званія людей, кто только тамъ случится и кроволитная послѣдуетъ тревога» (20-й слухъ).

«Когда государь поѣхалъ въ Таганрогъ, то за нимъ гнались во всю дорогу многіе господа, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ убить его; то двое и догнали въ одномъ мѣстечкѣ, но убить не осмѣлились; такъ народъ заключаетъ, что государь убитъ въ Таганрогѣ вѣрноподанными извергами» (25-й слухъ. Февраля 5-го дня 1826 года).

«Когда государь былъ въ Таганрогѣ, то приходятъ къ той палатѣ нѣсколько солдатъ и спрашиваютъ, что государь дѣлаетъ? Имъ отвѣчали, что государь пишетъ, то и пошли прочь; на другую ночь опять пришли солдаты и спрашивали, что государь дѣлаетъ? Имъ отвѣчали: Государь спитъ, то на третью ночь пришли опять спрашивали, что государь дѣлаетъ? Имъ отвѣчали: Государь ходитъ по покоямъ, то одинъ солдатъ взошелъ къ государю и сказалъ ему: Васъ сегодня изрубить приготовились непремѣнно; то государь сказалъ солдату: хочешь ли ты за меня быть изрубленъ, то солдатъ сказалъ: я не хочу ни того, ни другаго, то государь ему сказалъ: ты будешь похороненъ, какъ я, и родъ твой будетъ весь награжденъ; то солдатъ на оное согласился и надѣлъ на себя царскій мундиръ, а государя спустили въ окно, а солдата вбѣжали изверги и всего изрубили вмѣсто государя; а какъ они вбѣжали въ ту комнату, гдѣ былъ государь, мнимый ими, то вдругъ первое начало сдѣлали, огонь погасили, чтобъ не такъ было совѣстно въ потьмахъ рубить его, и такъ изрубили, какъ ихней благородной совѣсти было угодно, и тѣло его бросили изъ покоевъ вонъ, а настоящій государь бѣжалъ подъ скрытіемъ въ Кіевъ и тамъ будетъ житьо Христѣ съ душею и станетъ давать совѣты, нужные теперешнему государю Николаю Павловичу для лучшаго управленія государствомъ» (40-й слухъ, 4-го марта 1826 года).

«Когда Александръ Павловичъ былъ въ Таганрогѣ, и тамъ строился дворецъ для Елисаветы Алексѣевны, то государь пріѣхалъ въ оный съ задняго крыльца; стоявшій тутъ часовой, остановя его, сказалъ: не извольте ходить на оное крыльцо, васъ тутъ убьютъ изъ пистоли, и государь сказалъ: хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть, ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ весь награжденъ, то солдатъ на оное согласился и переодѣлся; государь надѣлъ солдатовъ

мундиръ и сталъ на часы, а солдатъ надѣлъ царскій мундиръ, шинель и шляпу, пошелъ въ отдѣлываемый дворецъ и лицо шинелью прикрылъ, и какъ взошелъ въ первыя комнаты, то вдругъ изъ пистоли по немъ выпалилъ одинъ баринъ и не попалъ, а самъ упалъ въ обморокъ; а солдатъ какъ повернулся назадъ идти, то другой выпалилъ по немъ и пристрѣлилъ, то вдругъ подхватили и понесли въ тѣ палаты, гдѣ жила его супруга, и ей доложили, что государь весьма нездоровъ, и потомъ послѣ померъ, яко государь, а настоящій государь, бросивъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, и неизвѣстно куда, и писалъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ письмо, чтобъ онаго солдата приказала похоронить какъ меня» (43-й слухъ. 16-го марта 1826 года). [1])

Постепенно народные слухи по поводу событій 1825 года умолкли; современные о нихъ письменные слѣды уже давно покоились въ различныхъ архивахъ, какъ вдругъ во второй половинѣ настоящаго столѣтія неожиданно и съ новой силою воскресли старыя, давно забытыя народныя сказанія. На этотъ разъ они сосредоточились на одномъ таинственномъ старцѣ, появившемся въ Сибири и умершемъ 20-го января 1864 года, какъ полагаютъ, 87-ми лѣтъ, въ Томскѣ. Личность этого отшельника, называвшагося Ѳедоромъ Кузьмичемъ, вызвала даже къ жизни офиціальную переписку о нѣкоемъ старикѣ, о которомъ ходятъ въ народѣ ложные слухи.

Легенда, распространившаяся изъ Томска по Сибири, а затѣмъ и по Россіи, заключалась въ томъ, что Ѳедоръ Кузьмичъ есть не кто иной, какъ императоръ Александръ Павловичъ, скрывшійся подъ именемъ этого старца и посвятившій себя служенію Богу. Затѣмъ, независимо отъ устныхъ преданій, стали появляться печатныя свѣдѣнія о чудесахъ и предсказаніяхъ таинственнаго отшельника. Наконецъ, въ 1891 году появилась въ Петербургѣ спеціальная монографія о жизни и подвигахъ старца Ѳедора Кузьмича, выдержавшая нѣсколько изданій [2]).

[1]) Въ разсказахъ о народныхъ слухахъ, записанныхъ Федоровымъ, отразилась еще одна любопытная черта того времени: это народный протестъ противъ крѣпостнаго права. Благородные господа названы первѣйшими въ свѣтѣ подлецами, а отстраненіе великаго князя Константина Павловича отъ престолонаслѣдія является въ народной фантазіи какъ бы слѣдствіемъ его намѣренія освободить невольниковъ: цесаревичъ является жертвою своего заступничества за народъ. Встрѣчается, напримѣръ, такой разсказъ, что великій князь, „видя такое неустроенное въ Россіи варварское на все россійское простонародіе самовластное и тяжкое притѣсненіе“, вознамѣрился по возможности уничтожить оное и для этой цѣли обратился за помощью къ австрійскому императору, который обѣщался двинуть полтораста тысячъ войска“ (28-й слухъ, 8-го февраля 1826 года).

[2]) Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія старца Ѳеодора Кузьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 года по 1864 годъ. С.-Петербургъ. 1891 г.

О жизни загадочнаго Ѳедора Кузьмича до появленія его въ Сибири ничего не извѣстно. Въ 1836 году около г. Красноуфимска въ Пермской губерніи мужчина лѣтъ шестидесяти былъ задержанъ, какъ бродяга, наказанъ двадцатью ударами плетей и сосланъ въ Сибирь. Съ 1837 года началась извѣстная уже по различнымъ описаніямъ отшельническая жизнь старца, которая прославила его въ Сибири, окружила ореоломъ святости и прекратилась лишь въ 1864. [1]) На могилѣ его, въ оградѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, былъ поставленъ крестъ съ надписью: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Ѳеодора Кузьмича, скончавшагося въ Томскѣ, 20-го января 1864 года». Тайну свою Ѳедоръ Кузьмичъ унесъ въ могилу; незадолго до кончины, на просьбу объявить хотя имя своего Ангела, загадочный старецъ отвѣчалъ: «Это Богъ знаетъ». На подобный же вопросъ, сдѣланный старцу ранѣе, онъ замѣтилъ: «Я родился въ древахъ; если бы эти древа на меня посмотрѣли, то бы безъ вѣтра вершинами покачали».

По разсказамъ, Ѳедоръ Кузьмичъ былъ роста высокаго, плечистый, съ величественной осанкой, такъ что этою своею благообразною наружностью и вмѣстѣ съ тѣмъ тихою и степенною рѣчью производилъ на своихъ собесѣдниковъ обаятельное впечатлѣніе. Всѣхъ сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всемъ обликѣ, въ пріемахъ и въ движеніяхъ старца, въ поступи и въ говорѣ и особенно въ благолѣпныхъ чертахъ лица, въ кроткихъ глазахъ и въ обаятельномъ звукѣ голоса, въ чудныхъ рѣчахъ, выходившихъ изъ устъ его. Иногда онъ казался строгимъ и даже повелительнымъ. Все это побуждало посѣтителей преклонять предъ старцемъ колѣна и кланяться ему въ ноги.

На очень распространенныхъ фотографическихъ изображеніяхъ, снятыхъ съ портрета Ѳедора Кузьмича, онъ представленъ въ кельѣ, сѣдымъ старцемъ съ бородой въ длинной бѣлой рубахѣ, подвязанной поясомъ; одна рука покоится на груди, другая заткнута за поясъ. Въ углу убогой кельи виднѣются распятіе и икона Божіей Матери. Лицо старца напоминаетъ нѣсколько черты императора Александра Павловича.

Приведемъ здѣсь одинъ разсказъ изъ жизни Ѳедора Кузьмича въ Сибири.

Таинственный старецъ, по говору народному, имѣлъ какой-то осо-

---

Въ 1894 году въ Москвѣ появилось третье изданіе этой брошюры. Къ сказанію приложены два портрета Ѳедора Кузьмича, виды его келіи и образецъ почерка.

[1]) Съ 1859 года Ѳедоръ Кузьмичъ переселился на жительство къ томскому купцу Семену Ѳеофановичу Хромову.—Существуетъ составленное имъ „жизнеописаніе великаго старца Ѳедора Косьмича“. (Рукопись).

бенный даръ утолять страданія не только тѣлесныя, но и душевныя единымъ словомъ, часто въ видѣ прозорливаго предсказанія о исцѣленіи или указанія средствъ къ тому. Съ молвою росла и слава о немъ въ Сибири, и скоро не было нигдѣ тѣлесно или душевно страждущихъ или руководимыхъ благочестивыми чувствами людей, которые не старались бы посѣтить, видѣть и слышать отшельника во что бы то ни стало. Въ той же мѣстности, въ которой былъ водворенъ старецъ, жили двое сосланныхъ, бывшихъ придворныхъ служителей; одинъ изъ нихъ тяжко заболѣлъ и, не имѣя возможности самому отправиться къ старцу, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить исцѣленія больнаго. Товарищъ его при помощи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ Ѳедору Кузьмичу, былъ принятъ послѣднимъ въ его келіи, а провожатый остался въ сѣняхъ. Посѣтитель, войдя въ келію, тотчасъ бросился въ ноги къ старцу и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшей головою, съ невольнымъ страхомъ разсказалъ ему въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что старецъ обѣими руками поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ и не вѣритъ ушамъ своимъ – чудный, кроткій знакомый ему голосъ.... Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на старца и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на полъ. Передъ нимъ стоялъ и говорилъ въ лицѣ отшельника (какъ онъ потомъ утверждалъ) самъ императоръ Александръ Павловичъ, со всѣмъ его наружнымъ обликомъ, но только старцемъ съ сѣдой бородою. Ѳедоръ Кузьмичъ отворилъ дверь и кротко сказалъ провожатому: «возьмите и вынесите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ,—больной же товарищъ его выздоровѣетъ».—Такъ дѣйствительно и случилось. Очнувшійся посѣтитель повѣдалъ, однако, провожатому и товарищу, что въ лицѣ старца онъ узналъ императора Александра Павловича, и съ тѣхъ поръ въ Сибири распространилась народная молва о таинственномъ происхожденіи Ѳедора Кузьмича.

Если бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собою самые смѣлые поэтическіе вымыслы; во всякомъ случаѣ, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе. Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ, русской исторіи, и его тернистый жизненный путь увѣнчался бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости.

Н. Шильдеръ.

Отданіе чести сенаторамъ.

29-го іюня 1798 года, генералъ-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ вошелъ къ императору Павлу I съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ.

«По обряду издавна введенному, господамъ сенаторамъ, при входѣ ихъ въ Сенатъ, отдаваема была честь отъ сенатскаго баталіона фронтомъ съ барабаннымъ боемъ. Вновь изданнымъ же высочайшимъ воинскимъ уставомъ повелѣвается: въ отсутствіе императорской фамиліи, отдавать честь однимъ только: военному губернатору и коменданту по ихъ чинамъ, да шефу полка или баталіона. Въ слѣдствіе сего осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго разрѣшенія: отдавать-ли честь господамъ сенаторамъ?»

Императоръ Павелъ написалъ на докладѣ: «продолжать, по прежнему, сенаторамъ отдавать честь».

Сообщ. **А. В. Безродный.**

Постановленіе общаго собранія Сената о присутствованіи всѣмъ составомъ на погребеніи генералъ-фельдмаршала князя Н. И. Салтыкова.

1816 года мая 30-го дня, общее собраніе Правительствующаго Сената с.-петербургскихъ департаментовъ имѣли разсужденіе, что, по случаю кончины его свѣтлости г. генералъ-фельдмаршала, предсѣдателя Государственнаго Совѣта и комитета министровъ, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера, князя Николая Ивановича Салтыкова, прилично всему Правительствующему Сенату, какъ гг. сенаторамъ, такъ и канцеляріи, присутствовать при выносѣ и погребеніи тѣла его, имѣющемъ быть наступающаго іюня 1-го числа, яко мужа, многими заслугами отечеству долговременно отличавшагося,—а для того опредѣлили: въ наступающее 1-е число іюня присутствію въ Правительствующемъ Сенатѣ не быть; для чего съ сего постановленія дать во всѣ департаменты копіи, дабы и тѣмъ изъ гг. сенаторовъ, кои сего числа въ присутствіи не были, чрезъ кого слѣдуетъ, повѣщено было.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

и

ИСТОРІИ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Характеристика императора Николая I.—М. Л. Магницкій.—Стихотвореніе по поводу введенія винныхъ откуповъ.—Записка о состояніи войскъ и общества въ 1827 г.—А. П. Ермоловъ и гр. И. И. Дибичъ.—Письма о коронаціи императора Николая I.—Церемоніалъ принятія депутатовъ Царства Польскаго.—Императоръ Николай I у архимандрита Фотія въ Юрьевомъ монастырѣ.—Происшествіе съ лордомъ Дургамомъ.—Императоръ Николай I и генералъ Понжержевскій.—Кадетъ объ императорѣ Николаѣ I.—Императоръ Николай I и князь Витгенштейнъ.—Фельдъегерь Миллеръ.—Двѣ собственноручныя записки императора Николая I министру юстиціи.—Братья Вольфы.

1.

Выписка изъ письма бывшаго иркутскаго губернатора Трескина къ коллежскому совѣтнику Трескину въ Москву.

25-го февраля 1826 г. С.-Петербургъ [1]).

По письму Ив. Бор. (Пестеля) онъ долженъ былъ выѣхать сюда 19-го или 20-го февраля; скоро долженъ быть здѣсь, если уже не пріѣхалъ. Какъ-то будетъ онъ принятъ и чѣмъ благословитъ его Господь? Предъузнать никакъ нельзя, особливо по случаю несчастной исторіи сына его. Мое письмо все еще не готово; не достаетъ духу и все еще примѣняюсь къ дѣйствіямъ новаго государя. За всѣмъ тѣмъ отгадать его трудно; дѣйствія его по сію пору неопредѣлительны и выказывается строгость противъ многихъ губернаторовъ, какъ-то противъ владимірскаго и курскаго, которымъ сдѣланы замѣчанія по вошедшимъ журналамъ отъ министерскаго комитета (Комитетъ Министровъ). Вотъ образчикъ собственной резолюціи государя: «Мнѣніе князя Голицына справедливо, но

[1]) Изъ перлюстрованныхъ писемъ.

такъ какъ графъ Апраксинъ мнѣ прежде извѣстенъ былъ благороднымъ человѣкомъ, то, исполнивъ приговоръ комитета, объявить ему сверхъ того, что я его не узнаю и единственно за прежнюю службу, мнѣ извѣстную, не исполняю надъ нимъ того, что̀ по закону слѣдовало; но при первомъ случаѣ поступлю еще строже, чѣмъ со всякимъ другимъ». Таковы и прочія, доселѣ бывшія. Впрочемъ, особаго ничего пока не слышно, а что̀ есть, все то видно въ газетахъ. Вообще оглашаютъ, что графъ Аракчеевъ, послѣ погребенія, [1]) поѣдетъ въ ч у ж і я к р а я; по всему кажется, что ему не быть уже тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде, да едва ли и вовсе останется. О заговорщикахъ вообще ничего не слышно. Новыхъ подозрѣваемыхъ людей, какъ слышно, продолжаютъ привозить.

2.

И. И. Дибичъ—генералъ-маіору графу Гурьеву.

31-го октября 1826 г., № 142.

Государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить при семъ къ вашему сіятельству отношеніе ко мнѣ генералъ-губернатора Бахметева [2]), отъ 19-го октября, за № 218-мъ, о дѣйствіяхъ и связяхъ г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, съ тѣмъ, чтобы вы, во все время пребыванія въ Казани, для произведенія высочайше порученнаго вамъ слѣдствія, секретнымъ образомъ развѣдали о дѣйствіяхъ и связяхъ г. Магницкаго, а потомъ увѣдомили бы меня объ оказавшемся для доклада его величеству.

Препровождая къ вашему сіятельству упомянутое отношеніе генералъ-губернатора Бахметева, я, по содержанію сообщенной вамъ высочайшей воли, буду ожидать вашего увѣдомленія.

3.

Собственноручное письмо М. Л. Магницкаго—барону И. И. Дибичу.

4-го января 1827 г., гор. Ревель.

По высочайшему повелѣнію препровожденныя ко мнѣ, при почтеннѣйшемъ отношеніи вашего высокопревосходительства, съ нарочнымъ фельдъегеремъ отобранныя у меня въ Казани бумаги сегодня поутру я имѣлъ честь получить.

---

[1]) Императора Александра I.

[2]) Отношенія Бахметева при письмѣ не оказалось.

Чувство всеподданнѣйшей благодарности моей цѣнитъ всемилостивѣйшее вниманіе сіе тѣмъ дороже, чѣмъ менѣе заслужилъ я его. Но какъ безмолвное возвращеніе бумагъ моихъ означаетъ не существованіе той виновности, которая была вѣроятно взведена на меня и вынудила забрать ихъ, то я прошу дозволенія вашего, милостивый государь, склонить вниманіе ваше на мое положеніе. Ваше высокопревосходительство примѣтить можетъ быть изволили, что, не взирая на открытую для каждаго доступность къ его императорскому величеству, въ самомъ жестокомъ положеніи человѣка, моихъ лѣтъ и званія, невиннаго, который публично оглашенъ важнымъ преступникомъ, арестованъ пріѣхавшими къ нему шестью губернскими чиновниками, лишенъ, съ нарушеніемъ всѣхъ тайнъ семейственныхъ, бумагъ своихъ, влачимъ въ распутицу чрезъ двѣ тысячи верстъ съ фельдъегеремъ и, наконецъ, привезенъ сюда и сданъ, какъ арестантъ, коменданту,—я сохранилъ совершенное молчаніе, не оправдываясь и не жалуясь, доколѣ бумаги мои, заключавшія самыя тайныя чувства и весь образъ моихъ мыслей и взятыя въ такое время, какъ я наименѣе о томъ думалъ, будутъ его императорскимъ величествомъ разсмотрѣны, такъ твердо и беззаботно полагался я на правосудіе государя, такъ зналъ я, что оно само будетъ лучшимъ моимъ ходатаемъ. Къ сему-то правосудію и нынѣ, когда всѣ дѣла, всѣ мысли, всѣ чувства мои предъ его величествомъ обнаружены, чрезъ высокое и всему благородному такъ выгодное посредство вашего высокопревосходительства смѣло прибѣгаю съ слѣдующею всеподданнѣйшею просьбою:

Всѣ происшествія, въ теченіе года меня постигшія, особливо же послѣднее, нанесли мнѣ вредъ несказанный въ здоровьѣ собственномъ и гораздо для меня драгоцѣннѣйшемъ жены моей, въ имуществѣ, ибо всѣ домовыя и домашнія дѣла, на кредитѣ и довѣренности основанныя, совершенно разстроены. Въ доказательство сего, устраняя всякую мысль корысти или возмездія, приведу я одно изъ самыхъ послѣднихъ обстоятельствъ: покойный государь, благотворитель мой, пожаловалъ мнѣ аренду въ Кіевѣ; въ генварѣ будущаго года срокъ моему вступленію во владѣніе. За годъ, то-есть въ текущемъ нынѣ мѣсяцѣ, долженъ я былъ продать сію аренду на кіевскихъ контрактахъ, но будучи арестованъ въ декабрѣ, исполнить сего не могъ. Теперь долженъ буду продать за полцѣны, ибо при наступленіи срока владѣнію съемщики, зная что для продолженія продажи времени не остается, всегда такимъ образомъ продавцевъ притѣсняютъ. Я изъяснилъ сіе единственно въ доказательство десятой только части претерпѣннаго мною въ прошломъ году разоренія. Но всѣ сіи существенныя впрочемъ и весьма важныя для семейства моего страданія я вмѣняю ни во что противъ лишенія чести, заслуженной прадѣдомъ, дѣдомъ, отцомъ и мною въ те-

ченіе 150 лѣтъ, сего святаго и драгоцѣннѣйшаго наслѣдія сына моего. Его возвращенія, его одного всеподданнѣйше прошу я. Ежели какъ по поступкамъ со мною бывшимъ судить должно, взведено на меня положительное обвиненіе, то я прошу объявить мнѣ его, прошу подвергнуть меня строжайшему допросу и суду. Ежели же оно такого рода, что объявлено быть мнѣ не можетъ, я всеподданнѣйше прошу снять пятно, клеветою на меня положенное, пятно преступника, хотя яко-бы не обличеннаго, но подозрѣваемаго, удаленнаго отъ службы и изгнаннаго.

Всемилостивѣйшій государь нашъ явилъ уже въ краткое время царствованія своего столько примѣровъ подобнаго возстановленія чести, сего божественнаго дѣйствія державной власти, и неужели для меня одного праведное милосердіе его оскудѣетъ.

4.

Стихотвореніе по поводу введенія винныхъ откуповъ.

1827 г. [1]).

Гляжу какъ безумный на царскій указъ,
И слезы ручьями льются изъ глазъ.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
По части питейной я славно служилъ;
Питейная часть богатила меня,
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.
Однажды услышалъ не въ добрый я часъ,
Что будто въ сенатѣ есть царскій указъ
Питейные сборы на откупъ отдать,
Казнѣ же виномъ перестать торговать.
Услышавъ указъ сей я проклялъ его
И кучера призвалъ тотчасъ своего.
Въ сенатскую лавку летѣлъ на конѣ,
И жадность къ корысти стонала во мнѣ;
Лишь только увидѣлъ я лавки порогъ,
Въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ;
Я въ лавку вступаю, читаю указъ

---

[1]) 26-го марта 1827 года были высочайше утверждены условія для содержанія питейныхъ сборовъ въ 29-ти великороссійскихъ губерніяхъ. См. Полное собр. законовъ, собраніе II, т. II, № 987. Ред.

И чувствую въ жилахъ ужаснѣйшій мразъ:
Хотѣлось мнѣ въ домикѣ каменномъ жить,
И съ садикомъ дачку для лѣта купить.
Питейные сборы погибли кругомъ,
А съ ними и дача, и садикъ, и домъ.
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей,
Съ тѣхъ поръ не беру съ кабаковъ податей.
Гляжу какъ безумный на царскій указъ
И слезы ручьями льются изъ глазъ.

5.

Секретная записка неизвѣстнаго, поданная генералъ-адъютанту Дибичу.

8-го іюня 1827 г.

Бывши въ мѣстахъ расположенія войскъ 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ, а особенно на возвратномъ пути изъ Одессы останавливаясь тамъ, гдѣ происходили мятежи, всячески старался узнавать о духѣ, образѣ мыслей сихъ полковъ, въ поведеніи коихъ вообще ничего худаго не замѣтилъ: все смирно и хорошо, служба идетъ своимъ строгимъ порядкомъ.

Что касается до 3-й гусарской дивизіи, то я, ѣдучи въ Одессу, проѣзжалъ мѣста, гдѣ она расположена, и на обратномъ пути послалъ бывшаго со мною чиновника 14-го класса Коноплева, который, бывъ партикулярно одѣтъ и никѣмъ не замѣченъ, вездѣ былъ, все смотрѣлъ и ничего худаго не видалъ и не слыхалъ; вездѣ строгая субординація. Форма, какъ въ дивизіонномъ штабѣ, равно и въ полкахъ, строго наблюдается, чего въ сей дивизіи прежде, сколько извѣстно мнѣ, никогда не было.

По разговору съ знакомыми офицерами видно, что сей хорошій родъ службы завелся только со вступленіемъ г-на генералъ-лейтенанта Ридигера, который началъ тѣмъ, что за малѣйшее упущеніе по службѣ взыскивалъ строго, чѣмъ самыхъ шалуновъ и нерадивыхъ офицеровъ заставилъ выйти въ отставку, а хорошихъ офицеровъ заставилъ уважать себя. Они говорятъ о немъ, что хотя онъ строгъ и взыскателенъ, но справедливъ; не нравится имъ только то, что онъ имѣетъ манеру подъ рукою узнавать объ образѣ мыслей и частной жизни своихъ подчиненныхъ, что впрочемъ для начальника необходимо. Кромѣ сего отдаютъ ему справедливость въ деликатномъ обхожденіи его со всѣми, и личность не имѣетъ у него мѣста.

Не трудно замѣтить, что многіе нехорошіе слухи насчетъ сей дивизіи, кажется, происходятъ чрезъ волынскаго гражданскаго губернатора Андржейковича. Не смѣю писать подробности не удостовѣрившись; но если вѣрить общимъ слухамъ, то подобнаго корыстолюбца и лихоимца свѣтъ не производилъ; но какъ онъ, будучи опытенъ и знающій по дѣламъ, ведетъ оныя такимъ образомъ, что наружная форма иногда можетъ оправдывать его. При всемъ томъ, какъ говорятъ, легко бы было уличить его въ противозаконныхъ поступкахъ, если бы не боялись. Ненависть его на гусаръ происходитъ болѣе оттого, что подъ начальствомъ генерала Ридигера наряжена военная коммиссія для изслѣдованія дѣла о шайкѣ воровъ и мошенниковъ, существовавшихъ нѣсколько лѣтъ почти публично въ Бердичевѣ. И какъ слышно, то по дѣламъ оказывается, что полиція знала о семъ, почему и бывшій полиціймейстеръ отрѣшенъ отъ должности и находится подъ слѣдствіемъ. Военная же коммиссія, согласно предписанію начальства, дѣйствуетъ настоятельно къ открытію корня зла, послѣдствія чего угрожаютъ тамошнему гражданскому начальству, и потому стараются разными способами распустить нелѣпые слухи насчетъ сей дивизіи, полагая тѣмъ уязвить генерала Ридигера.

О князѣ Сибирскомъ я, еще до пріѣзда моего въ городъ Махновку, слышалъ отъ генерала Эйсмонта, съ коимъ знакомъ еще съ коммиссіи, и теперь случайно съѣхавшись на станціи, вмѣстѣ ѣхалъ съ нимъ отъ Чернигова до Кіева. Между разговорами сказалъ онъ мнѣ и о князѣ Сибирскомъ, коего описалъ онъ, какъ расточительнаго человѣка, и когда онъ нуждался въ деньгахъ, то разными манерами старался выпрашивать у г.г. полковыхъ командировъ командуемой имъ дивизіи, кои нехотя принуждены были давать ему. По прибытіи моемъ въ Махновку, я слышалъ о семъ подтвержденіе, и сверхъ того говорили, что онъ велъ жизнь безъ малѣйшаго разсчета, надѣлалъ много партикулярныхъ долговъ, выстроилъ себѣ домъ, какъ говорятъ стоющій ему до пятидесяти тысячъ рублей серебромъ, безъ малѣйшаго вкуса и вида, и притомъ на такомъ мѣстѣ, что если придется продать, то едва дадутъ ему третью часть.

Какъ я слышалъ, то полковые командиры, при сдачѣ дивизіи, подали ему свои претензіи. Узнавши, что въ семъ городѣ содержитъ караулъ Казанскій пѣхотный полкъ, коимъ командовалъ полковникъ Аврамовъ [1]), долгомъ себѣ поставилъ оставаться тамъ нѣсколько для наблюденія о духѣ сего полка; говорилъ со многими офицерами, приходившими въ трактиръ, гдѣ я остановился, посылалъ также Коноплева

[1]) Декабристъ.

какъ человѣка непримѣтнаго, и все слава Богу найдено смирно и хорошо. Хотя г-да офицеры и хвалили Аврамова, какъ хорошаго полковаго командира, но не менѣе того съ презрѣніемъ говорили насчетъ гнуснаго поступка его, присовокупя къ тому: «Слава Богу, что не успѣвъ завлечь и нашихъ братьевъ, онъ по справедливости самъ и наказанъ».

Равно освѣдомлялся и о Вятскомъ полку, коимъ командовалъ Пестель, гдѣ также все смирно и хорошо.

Все, что я только могъ въ продолженіе трехнедѣльнаго пребыванія моего въ городѣ Одессѣ замѣтить и слышать отъ разныхъ лицъ, заключается въ слѣдующемъ:

О духѣ и образѣ мыслей здѣсь живущихъ дворянъ, негоціантовъ и разнаго званія людей ничего болѣе нельзя сказать, кромѣ того, что вниманіе всѣхъ устремлено къ пріобрѣтенію богатствъ; всякій по своей части поднимается на аферы и употребляетъ всѣ способы къ сдѣланію выгоднаго оборота, какимъ бы то образомъ ни было. Это, можно сказать, составляетъ почти всякаго ежедневное занятіе. О политическихъ сужденіяхъ и разсказахъ новостей ни отъ кого не услышишь. Я замѣтилъ, что даже въ клубахъ, казино и другихъ публичныхъ собраніяхъ никакихъ политическихъ журналовъ не имѣется, кромѣ «С.-Петербургской газеты», «Сенатскихъ Вѣдомостей» и коммерческихъ газетъ, которыя читаютъ съ большимъ вниманіемъ. Повидимому, даже и греки немного заняты своими единоземцами.

Правленіемъ графа Воронцова всѣ вообще не такъ довольны; говорятъ о немъ, что онъ дѣлами весьма мало занимается, не входитъ въ подробности, какъ бы слѣдовало, полагается на своихъ чиновниковъ, которые, какъ слышно, не безъинтересны. Бумаги по восьми и десяти дней лежатъ безъ подписи; ввѣряется нѣкоторымъ своимъ любимцамъ, кои дѣйствуютъ въ дѣлахъ почти по своему произволу; онъ же неприступенъ.

Производство дѣлъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ идетъ медленно и сопряжено съ издержками тяжущихся, или лучше сказать, рѣшеніе дѣлъ основано на интересѣ.

Кромѣ безпечности его въ отношеніи текущихъ дѣлъ, еще замѣтно слѣдующее: въ городѣ нечистота до такой степени, что осенью и весною даже по большимъ улицамъ почти проѣзду нѣтъ, несмотря на то, что мостовыя, какъ говорятъ, стоили милліоновъ, и при ежегодной починкѣ оныхъ не было обращено вниманіе сдѣлать для стоку воды канавы до сего времени и не заботились о пріисканіи дикаго камня.

О лицеѣ всѣ говорятъ, что оный, какъ въ отношеніи ученья, равно и нравственности питомцевъ, дошелъ было до такого жалкаго состоянія, что родители стали отнимать (?) дѣтей своихъ, опасаясь худыхъ по-

слѣдствій такого воспитанія; но со вступленіемъ новаго директора всѣ, видя его неутомимую дѣятельность и строгую нравственность и имѣя надежду, что стараніемъ его возстановится порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ, стали опять отдавать дѣтей своихъ не токмо жители Одессы, но даже привозить и изъ дальнихъ мѣстъ.

Въ городовомъ магистратѣ также большіе безпорядки: хорошіе купцы уклоняются отъ выборовъ потому, что у нихъ бываютъ такіе расходы, кои при сдачѣ должности нельзя показать въ формальныхъ отчетахъ, и сіи падаютъ всегда на ихъ собственность, отчего въ мартѣ мѣсяцѣ еще не были выбраны новые судьи, кои должны были быть выбраны въ декабрѣ.

Въ приказѣ общественнаго призрѣнія, какъ говорятъ, долженъ быть большой ущербъ, потому что деньги раздаваемы были подъ залогъ домовъ, заводовъ и проч., кои по слабости начальства были оцѣнены слишкомъ дорого; но когда они за неплатежъ подверглись аукціонной продажѣ, то за нихъ не даютъ той суммы, въ коей были заложены.

Въ разговорахъ же съ нѣкоторыми насчетъ графа Палена всѣ относятся о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, дѣятельномъ и достойномъ занимать ту должность, которую обнимаетъ во всѣхъ частяхъ и въ состояніи былъ бы исправить всѣ существующіе безпорядки, если бы не былъ въ зависимости отъ графа Воронцова, и притомъ, окруженный всѣми его чиновниками, не можетъ принять мѣръ къ улучшенію нѣкоторыхъ частей.

Проѣзжая Херсонскую губернію, нельзя не замѣтить тѣхъ необозримыхъ степей, въ коихъ народонаселеніе едва замѣтно. Изыскивая сему причину, я узналъ, что зло сіе произошло оттого, что вначалѣ земли раздаваемы были желающимъ съ тѣмъ, что если въ теченіе десяти лѣтъ населятъ оную по положенію, тогда выдастся имъ на вѣчное владѣніе крѣпость. Впослѣдствіи же времени, когда посланы были чиновники для обревизованія населенія владѣльцевъ, кои, увлекаясь интересомъ, выдавали свидѣтельства на законное населеніе душъ тѣмъ лицамъ, у коихъ и десятой части не было противъ показанія. Таковые владѣльцы прежде сего принимали бѣглецовъ изъ разныхъ мѣстъ для обработыванія земли пополамъ, но какъ сіе прекратилось, то стали оною барышничать, а между тѣмъ народонаселеніе нимало отъ сего не увеличивается. Какъ слышно и теперь есть такіе, которые при десяти или пятнадцати душахъ имѣютъ до десяти тысячъ десятинъ земли. По настоящему, слѣдовало бы всѣхъ таковыхъ пользующихся незаконнымъ правомъ владѣльцевъ обязать подпискою, если они въ теченіе трехъ лѣтъ не заселятъ владѣемую ими землю указнымъ числомъ душъ, то въ такомъ случаѣ отберется отъ нихъ излишняя земля и раздастся

тѣмъ, кои въ состояніи будутъ поселить; тогда навѣрно почти можно сказать, что край сей приметъ другой видъ, и пустыя степи обратятся въ плодовитыя нивы.

Въ разговорѣ съ графомъ Паленомъ, когда зашла рѣчь о семъ предметѣ, онъ согласился съ моимъ замѣченіемъ, только прибавилъ къ сему, что есть мѣста, кои неудобны для поселенія, по недостатку воды, но таковыхъ мало и почти не розданы. Между прочимъ, повидимому, онъ, зная или догадываясь, что всѣ безпорядки правительству должны быть не безъизвѣстны, давая замѣтить мнѣ о своемъ зависящемъ отъ другихъ положеніи, коснулся и до безпорядковъ Бессарабской области, и что онъ получилъ свѣдѣніе о бѣжавшихъ оттуда слишкомъ ста человѣкъ за границу. Я же, будучи такъ близко отъ Кишинева, рѣшился заѣхать туда.

На пути въ Кишиневъ, проѣзжая чрезъ Бендерскій цинутъ, замѣтилъ я, что казенные лѣса, отъ худаго присмотра, или лучше сказать, злоупотребленія лѣсныхъ чиновниковъ, весьма много истреблены; судя по времени, какъ они были посѣяны, должны бы уже, на здѣшней плодоносной почвѣ земли, быть годны для строенія, вмѣсто коихъ виденъ одинъ только кустарникъ.

О губернаторѣ вообще относятся не хорошо; онъ съ самаго пріѣзда сказывается больнымъ. Въ Кишиневѣ пропасть тяжущихъ дѣлъ; хотя и носятъ къ нему оныя въ домъ для разсмотрѣнія, однако ни малѣйшей дѣятельности и исполненія по онымъ не видно. Дѣло, продолжающееся нѣсколько лѣтъ, не приходитъ къ окончанію; въ судебныхъ мѣстахъ безъ денегъ ничего не дѣлается; частныя жалобы и просьбы остаются безъ всякаго удовлетворенія и часть сія весьма запущена.

Жители, имѣющіе виноградныя заведенія, жалуются на откупщика, который, не довольствуясь одними доходами, получаемыми имъ за продаваемую имъ пополамъ съ водою горилку, беретъ еще около трехъ леовъ съ ведра, привозимаго изъ уѣзда поселянами на продажу въ городъ вина.

Курсъ монеты, по худому качеству, и безпрестанная поддѣлка паръ въ Молдавіи цыганами, часто перемѣняется въ оборотѣ; видны одни только пары, между копми навѣрно болѣе половины фальшивыхъ. Леовъ же почти вовсе не видно; лева, по обороту, считается въ сорокъ паръ, полагая каждую въ $1^1/_2$ копѣйки, что составляетъ 60 коп. (на сей курсъ жители между собою продаютъ и покупаютъ всѣ продукты и издѣлья здѣшняго края), а размѣнять на ассигнаціи для платежа откупщику или въ казну, пара принимается въ одной только копѣйкѣ, слѣдственно жители теряютъ третью часть.

Таможня и карантины по Днѣстру, оставшіеся еще съ тѣхъ временъ, какъ рѣка сія была границею Россіи, весьма много стѣсняютъ и

вредятъ промышленности сей области съ сосѣдственными губерніями, ибо для вывозу произведеній здѣшняго края требуется свидѣтельство губернскаго правленія, полученіе коего сопряжено съ проволочкою и издержками; равно же провозъ товаровъ и переѣздъ чрезъ днѣстровскіе таможни и карантинъ. Все сіе стоитъ столько издержекъ, сколько и самый товаръ, каковые расходы падаютъ на здѣшнія произведенія, кои продаются за безцѣнокъ, а казна чрезъ сіе не токмо что ничего не пріобрѣтаетъ, но даже теряетъ тѣмъ, что бѣдные поселяне, не получая награды за труды свои, не только что теряютъ охоту заниматься разведеніемъ садовъ и улучшеніемъ хлѣбопашества, но даже оставляютъ свои жилища и уходятъ за границу; мѣстное же начальство на все сіе не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Край сей, по грунту земли, несравненно лучше херсонскаго; лѣсъ и всѣ плодовыя деревья выростаютъ весьма скоро, также и для всякаго хлѣба очень плодородно. Народонаселеніе же весьма ограничено, и поселяне въ бѣдномъ состояніи; при хорошемъ распоряженіи и дѣятельности начальника, управляющаго сею областью, и маломъ поощреніи трудовъ поселянъ, прекращеніи злоупотребленій, весьма не трудно бы было возстановить благоденствіе здѣшнихъ обитателей и оживить почти совсѣмъ упавшую торговлю.

6.

Собственноручное письмо А. П. Ермолова—графу И. И. Дибичу.

13-го іюля 1827 г.

Спѣшу отозваться на почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, извѣщающее о новой наградѣ, которою его императорское величество всемилостивѣйше ущедрять меня изволитъ, назначая пять тысячъ рублей серебромъ въ годъ столовыхъ денегъ.

Исполненный вѣрноподданническихъ чувствъ признательности, принялъ я прежнюю милость государя, которою опредѣлено мнѣ жалованье по чину и столовыя деньги по званію корпуснаго командира. Милость сія, оказываемая другимъ въ однихъ со мною чинахъ, въ одинаковомъ положеніи, толико по образу жизни моей велика для меня, что всякій другой даръ содѣлываетъ излишнимъ. Но не осмѣливаясь уклоняться новой награды, дабы не умножить неблаговоленія его императорскаго величества, которое имѣю несчастье явно носить на себѣ, я, пріемля оную, буду чувствовать обязанность мою щедроту монарха употребить достойнымъ ея образомъ, ничего не отвращая въ пользу свою.

7.

Секретная записка коменданта Веревкина—московскому генералъ-губернатору князю Голицыну.

13-го августа 1827 г.

Генералъ-маіоръ Фришъ вчерашняго числа донесъ мнѣ, что стоявшій въ караулѣ, на главной гауптвахтѣ Сибирскаго гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Боцанъ и прапорщикъ Ковалевскій объявили своему полковому командиру полковнику Юницкому, что приходилъ на главную гауптвахту московскаго университета студентъ Николай Лужниковъ; сперва разспрашивалъ у нѣкоторыхъ изъ караульныхъ гренадеръ каковъ ихъ ротный командиръ, которые отозвались, что они имъ довольны и его любятъ. То послѣ сего, означенный студентъ, подойдя къ штабсъ-капитану Боцану, старался познакомиться, и по нѣкоторомъ привѣтствіи просилъ какъ его, такъ и Ковалевскаго войти съ нимъ въ короткія связи, объявлялъ секретъ и просилъ въ ономъ участвовать, сказавъ, что ихъ партія довольно значительная, какъ въ Москвѣ, такъ въ Петербургѣ и въ Сибири, и что они предположили сего мѣсяца, 22-го числа, въ день коронаціи, сдѣлать революцію, а передъ тѣмъ намѣрены по всему городу разбросать возмутительныя записки, а также у монумента Пожарскаго выставить, сколько было невинно повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь.

Я приказалъ означеннымъ офицерамъ притворно согласиться и стараться всячески вывѣдывать и узнавать въ семъ сообщниковъ, и сколь возможно секретнѣе.

Сего числа объявили, что означенный студентъ живетъ въ Кремлѣ, у дяди своего, экзекутора кремлевской экспедиціи, и что сегодня обѣщалъ придти къ нимъ въ Хамовническія казармы съ товарищемъ, какимъ-то Критскимъ, и хотѣлъ имъ показать какія-то бумаги и на образецъ приготовленный кинжалъ. Въ ожиданіи дальнѣйшаго открытія злодѣевъ симъ спѣшу донесть вашему сіятельству.

8.

Собственноручное письмо генералъ-адъютанта Матвѣя Храповицкаго—графу Дибичу.

23-го августа 1827 г., Москва.

Благодаря Бога, день священнаго коронованія его императорскаго величества прошелъ не только что покойно, но даже въ праздновав-

шемъ народѣ, кромѣ искренняго веселья и спокойствія на гуляньи, бывшемъ въ Александровскомъ саду, ничего я не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ было онаго до двадцати тысячъ человѣкъ. Но несмотря на малое пространство, находящееся между малою рѣшеткою сада и строеніемъ, порядокъ не былъ ни на минуту нарушенъ.

Съ согласія г-на военнаго генералъ-губернатора, для предосторожности, войска подъ разными предлогами были при своихъ мѣстахъ, въ готовности по первому приказанію прибыть въ Кремль; но я повторяю, что ни малѣйшаго знака не было, который бы подалъ поводъ къ заключенію, что въ сей день готовилось какое-нибудь преступное дѣйствіе, да и изъ показаній взятыхъ подъ арестъ видно, что это было одно разсужденіе ихъ, что въ торжественный день удобнѣе производить подобныя предпріятія при торжествахъ.

Изъ тѣхъ же показаній усмотрѣлъ, что они старались возбудить въ нижнихъ чинахъ негодованіе на своихъ начальниковъ въ строгомъ съ ними обращеніи, а на правительство сравненіемъ службы въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ она назначена шесть лѣтъ. Несмотря, что рядовой, съ старшимъ изъ Критскихъ разговаривавшій, скрылъ свое имя, мною отысканъ, и за то, что не объявилъ о семъ разговорѣ, будетъ наказанъ, но я воздерживаюсь на нѣкоторое время, дабы не придать вѣсу сему необдуманному, но весьма преступному предпріятію. Отобранный мною допросъ въ копіи при семъ къ вашему сіятельству на благоусмотрѣніе прилагаю. Изъ онаго вы усмотрѣть изволите, что рядовой Кашнерюкъ виноватъ въ необъявленіи своему начальству о разговорѣ, котораго, впрочемъ, часовой не долженъ ни съ кѣмъ и имѣть.

При семъ честь имѣю васъ увѣдомить, что по наблюденію моему духъ въ войскахъ похвальный; заключаю сіе по вліянію, какое надъ ними производитъ похвала или неудовольствіе мое.

Пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить васъ, сіятельнѣйшій графъ, повергнуть меня къ стопамъ его величества.

Показаніе Астраханскаго гренадерскаго полка рядоваго Франца Кашнерюка.

21-го августа 1827 г.

Сего года, въ іюлѣ мѣсяцѣ, по приходѣ съ полкомъ въ Москву, для содержанія караула, въ первую очередь находясь въ караулѣ на главной гауптвахтѣ, былъ поставленъ на часы въ корридорѣ кавалерскихъ корпусовъ, гдѣ вышедшій изъ комнаты неизвѣстный мнѣ человѣкъ во фракѣ, довольно высокаго роста, бѣлокурый, съ собачкою на рукѣ, подойдя ко мнѣ, предлагалъ трубку, коей я однако не принялъ, сказы-

вая, что сдѣлать сего на часахъ не могу. Послѣ сего началъ онъ разспрашивать, какой я губерніи и съ котораго года въ службѣ. Предполагая въ немъ придворнаго чиновника, я разсказалъ ему, изъ которой я губерніи и когда служу (Каменецъ-Подольской, съ 1812 г.). Послѣ, на вопросъ какъ меня зовутъ, не желая объявить ему настоящаго прозванія, сказалъ, что меня зовутъ Францъ Бобринскій, каковое прозваніе имѣла моя мать. За симъ тотъ же неизвѣстный мнѣ человѣкъ сталъ меня разспрашивать, какова нынѣ служба, тяжела или нѣтъ, также какихъ имѣю начальниковъ, кто они именно и доволенъ ли ими. На что я также отвѣчалъ, что служба сноснѣе противъ прежней, только нѣсколько скучны въ Москвѣ караулы. Тутъ я поименовалъ начальниковъ, подъ командою коихъ состою и прежде состоялъ, въ числѣ коихъ упомянулъ бывшаго полковаго командира, что нынѣ генералъ-маіоръ, Акутина. На что тотъ неизвѣстный человѣкъ говорилъ, что онъ знаетъ Акутина, и что былъ пребестія и тиранъ, причемъ поносилъ и прочихъ начальниковъ, сказывая, что нынѣ ни одного нѣтъ начальника, каковы прежде были. Далѣе, продолжая разговоръ, спросилъ присягалъ ли я великому князю Константину Павловичу. Я отвѣчалъ, что присягалъ съ прочими въ городѣ Тулѣ. Потомъ на послѣдующій вопросъ его, присягалъ ли нынѣ царствующему государю императору, когда я сказалъ, что тоже присягалъ, то онъ говорилъ, что не должно было вторично присягать, и что это былъ обманъ. На сіе хотя я возражалъ, что при сей послѣдней присягѣ читаны были манифестъ и завѣщаніе, и потому никакого въ томъ сомнѣнія нѣтъ, но онъ утверждалъ по прежнему, что это былъ обманъ, и что не должно было присягать въ другой разъ, продолжалъ издѣваться надъ симъ. Почему я въ шутку сказалъ ему, что я будто бы не хотѣлъ присягать, но былъ принужденъ къ тому ротнымъ своимъ командиромъ, который ударилъ будто бы меня за оказанное при семъ случаѣ сопротивленіе, а я его толкнулъ прикладомъ, и за то разжалованъ въ рядовые. Послѣ того сей же неизвѣстный человѣкъ, изъявляя сожалѣніе, что служба наша продолжительна, сказывалъ, что ежели бы сдѣлалась перемѣна, то служба была бы вмѣсто 25-ти только 6 лѣтъ. Дальнѣйшій разговоръ прекращенъ былъ приходомъ смѣны, которую примѣтя говорившій со мною человѣкъ, отойдя отъ меня прочь, побѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, сказавъ, что еще со мною увидится. Однакожъ, послѣ того я нигдѣ его не видалъ.

9.

Церемоніалъ представленія его императорскому величеству присланныхъ отъ Царства Польскаго депутатовъ, для принесенія вѣрноподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйшее всепрощеніе и за оказанныя Царству милости.

Высочайше утвержденъ
27-го апрѣля 1832 г.

Представленіе депутатовъ имѣетъ быть въ Зимнемъ дворцѣ въ воскресенье 1-го мая, въ 12 часовъ пополудни.

Для сопровожденія ихъ назначится отъ церемоніальнаго департамента одинъ изъ церемоніймейстеровъ, который увѣдомитъ ихъ о времени представленія и согласится съ ними о домѣ, изъ котораго бы всѣ вмѣстѣ могли они отправиться во дворецъ.

Въ назначенный для представленія день, церемоніймейстеръ отправится, въ придворныхъ экипажахъ, къ депутатамъ; въ « » часовъ пріѣдутъ они во дворецъ, на большой дворъ, слѣдующимъ порядкомъ:

Два придворныхъ ѣздовыхъ верхами. Придворная четырехмѣстная карета цугомъ, въ которой сидѣть будетъ старшій изъ депутатовъ по правую, а церемоніймейстеръ по лѣвую сторону; насупротивъ одинъ изъ младшихъ депутатовъ.

Предъ каретою пойдутъ два скорохода, а за оною два придворныхъ лакея, въ парадныхъ ливреяхъ; съ правой стороны кареты конюшенный офицеръ верхомъ.

Пять четырехмѣстныхъ придворныхъ каретъ цугомъ, въ которыхъ сидятъ остальные депутаты по старшинству, позади каждой кареты два придворныхъ лакея въ парадныхъ же ливреяхъ. Въ заключеніе кортежа два придворныхъ ѣздовыхъ верхами.

При выходѣ изъ каретъ, депутаты встрѣчены будутъ у подъѣзда гофъ-фурьеромъ, который и поведетъ ихъ на парадную лѣстницу, въ переднюю комнату, гдѣ встрѣтитъ ихъ камеръ-фурьеръ; онъ идетъ предъ ними чрезъ Бѣлую галлерею до Статсъ-Дамской, назначаемой камерою ожиданія, въ которой приметъ ихъ главный директоръ коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго, свиты его императорскаго величества генералъ-маіоръ графъ Строгоновъ, и дастъ знать чрезъ церемоніймейстера министру императорскаго двора о прибытіи депутатовъ.

Между тѣмъ, по объявленной отъ двора повѣсткѣ, въ Георгіевскомъ залѣ, гдѣ рота дворцовыхъ гренадеръ будетъ разставлена шпалеромъ, въ « » часовъ утра соберется весь придворный штатъ, городскія дамы, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, генералитетъ, гвардіи

штабъ и оберъ-офицеры сухопутныхъ и морскихъ войскъ и первыхъ 4-хъ классовъ особы, имѣющія пріѣздъ ко двору.

По докладу его императорскому величеству министромъ императорскаго двора о пріѣздѣ депутатовъ во дворецъ, ихъ императорскія величества съ ихъ императорскими высочествами изволятъ прибыть въ Георгіевскій залъ изъ Эрмитажа.

Государь императоръ съ государынею императрицею изволятъ остановиться предъ тономъ, а государь великій князь наслѣдникъ цесаревичъ, со всею императорскою фамиліею, по правую сторону трона.

Въ приличномъ разстояніи отъ государя императора будутъ находиться: министръ императорскаго двора, министръ внутреннихъ дѣлъ и дежурный генералъ-адъютантъ.

Возлѣ императорской фамиліи станутъ члены Государственнаго Совѣта, а за фронтомъ роты дворцовыхъ гренадеръ—генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи; вправо отъ трона, позади императорской фамиліи—весь главный штабъ его императорскаго величества, сухопутный и морской.

Противъ императорской фамиліи, по лѣвую сторону трона, будутъ находиться статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины; возлѣ ихъ, за фронтомъ роты дворцовыхъ гренадеръ,—городскія дамы, сенаторы и всѣ придворные чины; далѣе—адмиралы, морскіе штабъ и оберъ-офицеры и гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ.

Генералъ-маіоръ графъ Строгоновъ, получивъ повелѣніе о допущеніи депутатовъ, приведетъ ихъ въ Тронную залу, слѣдуя самъ по правую ихъ сторону, а церемоніймейстеръ, прибывшій съ ними, по лѣвую.

При вступленіи въ Тронную, депутаты сдѣлаютъ первый поклонъ, на срединѣ залы второй, а приближась къ ихъ императорскимъ величествамъ—третій поклонъ. За симъ старшій депутатъ произнесетъ рѣчь на польскомъ языкѣ, на которую, по полученіи повелѣнія его императорскаго величества, прочитанъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ отвѣтъ.

По прочтеніи сего отвѣта, ихъ императорскія величества изволятъ шествовать чрезъ Эрмитажъ во внутренніе аппартаменты, а депутаты, по выходѣ ихъ императорскихъ величествъ изъ Тронной, будутъ препровождены генералъ-маіоромъ графомъ Строгоновымъ, чрезъ Бѣлую галлерею и большую Мраморную залу, въ Концертную залу, для особеннаго представленія ихъ императорскимъ величествамъ.

Депутаты отвозятся изъ дворца тѣмъ же порядкомъ.

10.

Императоръ Николай I въ Юрьевомъ монастырѣ.

(По письмамъ архимандрита Фотія).

24-го мая 1835 года императоръ Николай I посѣтилъ Юрьевъ монастырь. Архимандритъ Фотій, не безъ претензіи на поэзію, писалъ графинѣ Орловой, что день этотъ былъ одинъ изъ прекрасныхъ весеннихъ дней; солнце сіяло; утренніе лучи «купалися и разливалися въ струяхъ водныхъ, вода казалася съ горы садовой какъ-бы солнечная, кристаловидная». Тишина царила кругомъ мертвая. Денной свѣтъ хотя и былъ рѣзкій, но пріятный, ласкающій взоры, «сладостнѣйшій». Прекрасно устроенные монастырскіе сады представляли собою нѣчто неземное: яблоки, груши, вишня, сливы, каштаны, кедры ярко зеленѣли и были въ полномъ цвѣту; по деревьямъ и кустарникамъ порхали пѣвчія птички; воздухъ былъ насыщенъ «благоуханнѣйшимъ» ароматомъ. Въ общемъ, сады «казались во всей нѣжной красотѣ, видъ же всего въ монастырѣ былъ неописанный, невообразимый».

Фотій неоднократно возбуждалъ съ графиней переписку о томъ, чтобы она непремѣнно предупредила его о пріѣздѣ государя въ Юрьевъ монастырь. Но царь прибылъ неожиданно, и при томъ сряду послѣ утренней службы въ обители, такъ что монахи всѣ спали, и двери у каждаго были «на затворѣ извнутри». Государь вошелъ въ монастырь съ «чернаго» входа отъ конюшенъ и, въ сопровожденіи свиты, никѣмъ изъ братіи незамѣченнымъ, по словамъ Фотія, «яко тать въ нощи», направился въ соборъ Воздвиженія Креста, подробно осматривалъ его; гулялъ по садамъ, восторгался ихъ красотами; любовался чрезъ ограду разливомъ рѣки Волхова.

Но вотъ по монастырю пронесся слухъ, что «здѣсь царь»; монахи какъ «юродивыя дѣвы вскочили срѣтать земнаго жениха» и поспѣшили не въ соборъ, гдѣ слѣдовало бы зажечь свѣчи, паникадила и вообще приготовиться къ церковной службѣ, а направились къ царю «веселыми ногами, съ радостными сердцами и цвѣтущими лицами».

Самъ Фотій, узнавъ о прибытіи царя, наскоро одѣлъ синюю бархатную рясу и «побѣжалъ» тоже къ нему, но при встрѣчѣ не благословилъ государя, а примкнулъ къ свитѣ и не отрывался ни на минуту. Во время сопутствованія, императоръ сказалъ Фотію, что монастырь содержится отлично, хорошо сооруженъ и приспособленъ, а также хвалилъ сады и прочее благоустройство. Кромѣ того, государь задавалъ Фотію обычные вопросы: когда создана обитель, сколько монашествующихъ, старыхъ, больныхъ, спрашивалъ также «о трехъ нагихъ святыхъ:

«Маркѣ, Петрѣ и Онуфріи, написанныхъ на образѣ», интересовался происхожденіемъ схимы и мощами св. Ѳеоктиста.

Затѣмъ Николай Павловичъ вторично пришелъ въ соборъ и пожелалъ, чтобы была отслужена ектенія. Совершалъ службу іеромонахъ, а Фотій стоялъ возлѣ государя. Царю понравилось церковное пѣніе; онъ подпѣвалъ и говорилъ Фотію: «пѣніе стройное, пріятное, мелодія превосходная—жалко, подладить не могу». Архимандритъ объяснилъ, что это пѣніе древнихъ отцевъ, введенное Ярославомъ Великимъ.

Послѣ службы, выйдя изъ собора, государь обратился къ Фотію и сказалъ: «Отецъ архимандритъ, благословите!» Послѣдній благословилъ и протянулъ монарху руку для цѣлованія.

Затѣмъ прежнимъ же путемъ царь отбылъ изъ монастыря.

Чрезъ нѣсколько дней Фотій былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему объявили, что государь собственноручно сообщилъ Сѵноду, что онъ, осматривая Юрьевъ монастырь, нашелъ въ немъ отмѣнное благоустройство и чистоту, но тѣмъ не менѣе замѣтилъ и отступленія отъ должнаго порядка, сдѣланныя лично архимандритомъ Фотіемъ: 1) не служилъ самъ ектеніи, а находился все время возлѣ царя; 2) не подносилъ къ цѣлованію креста; 3) при осѣненіи крестнымъ знаменіемъ, не соблюлъ того благоговѣйнаго уваженія, которое оказывается въ данномъ случаѣ августѣйшимъ особамъ, т. е. не поцѣловалъ руки у государя, 4) протянулъ самъ руку царю для цѣлованія и 5) былъ одѣтъ, вмѣсто черной, въ фіолетовой рясѣ.

Святѣйшій Сѵнодъ, обсудивъ подобныя отступленія обстоятельно, нашелъ, что Фотій своими поступками имѣлъ намѣреніе выразить предъ лицомъ государя и его свиты явное непочтеніе, гордость и дерзость; посему опредѣлилъ: юрьевскаго архимандрита Фотія отдать подъ начало намѣстнику Александро-Невской лавры Палладію, дабы онъ научилъ и вразумилъ его, какъ должно встрѣчать царствующихъ особъ.

Это, конечно, не ускользнуло отъ вниманія графини Орловой, да Фотій и не хотѣлъ скрывать своего наказанія, какъ непризнававшій себя ни въ чемъ виновнымъ и пострадавшій отъ враговъ и завистливыхъ людей. Онъ постарался какъ можно ярче обѣлить свою личность предъ графиней и приводилъ доказательства тому, что всѣ его дѣйствія во время пребыванія государя въ Юрьевѣ были совершенно правильны, святы и исходили отъ Провидѣнія, а онъ какъ-бы былъ посредникомъ между царемъ и Богомъ. Убѣждая графиню въ своей правотѣ, Фотій, конечно, могъ всегда разсчитывать, что его оправданія Орлова, какъ одна изъ приближенныхъ фрейлинъ, перескажетъ государю, да еще въ защитительномъ и болѣе выгоднымъ для «своего отца» свѣтѣ.

Всѣ взводимыя обвиненія по пунктамъ Фотій опровергалъ также пунктуально. Онъ объяснялъ графинѣ Орловой:

— Говорятъ, что не хотѣлъ я самъ служить ектенію, на сіе скажу съ удивленіемъ, страхомъ и трепетомъ: чудо чудесъ, дивное чудо! Какъ можно было ангелу правды стерпѣть такое безчиніе, нечестіе въ храмѣ отъ меня сдѣланное наружно. Никто не разсудилъ, что царь велѣлъ краткую ектенію сказать. Было бъ чудо болѣе всѣхъ чудесъ свыше на мнѣ, ежели бъ во время данное для краткой ектеніи могъ я все нужное собрать. Гдѣ же можно въ нѣсколько минутъ соборъ освѣтить, свѣщи возжечь, свѣтильники, облачиться, митру взять, всѣхъ собрать и кого надобно отрядить съ собою на службу ектеніи. Впрочемъ я успѣлъ захватить въ соборъ мантію и надѣть ее на себя, но прелюбезнымъ словомъ царя былъ остановленъ; я снялъ въ сѣняхъ мантію и остался безъ нея. Какъ нагій предъ очами царя и неготовый предъ Богомъ не могъ предстать ектеніи служить. Войти въ алтарь просто при царѣ— угодное ему сотворить, Бога же оскорбить, царя славы Христа. Чтобы не согрѣшить Богу и царю не сдѣлать замедленія, мѣра благоразумія удержала меня отъ служенія въ неготовности. Безъ должнаго всего показаться царю царей, въ томъ простомъ видѣ, въ коемъ я стоялъ близъ царя, долженъ былъ ждать казни за вѣдомые и невѣдомые грѣхи. Ежели бъ царское благоволеніе стерпѣло мою дерзость быть у престола, то царь небесный не стерпѣлъ бы, поразилъ бы меня чрезъ архистратига, и я палъ бы мертвъ. Я не вхожу для молитвы никогда въ алтарь безъ мантіи; безъ нея не вхожу къ дѣйствію или послѣ дѣйствія въ святыя врата.

Такимъ образомъ, по словамъ Фотія, государь лишилъ его облаченія, а безъ онаго онъ не могъ угодить царю изъ боязни прогнѣвить Бога и пасть мертвымъ отъ пораженія ангела.

Относительно же неподнесенія креста Фотій приводилъ тѣ же доводы:—былъ безъ облаченія, «нагій», и боялся грѣха.

Что же касается нецѣлованія руки у государя, онъ говорилъ:

— Самъ благословляяй, не цѣловалъ руки, хотя радъ былъ всѣ персты цѣловать царевы—у ногъ и у рукъ. Когда благоволитъ царь даже ногу свою цѣловать нашимъ грѣшнымъ устамъ— цѣлуемъ, ибо царь въ нынѣшнія времена вовсе неприступенъ для насъ духовныхъ, особенно же для монаховъ. Мы, монахи, удалены отъ лица его, паче всѣхъ въ свѣтѣ; не дерзаемъ приближаться даже къ особѣ его, ни писать, ни говорить, ежели не велитъ. За все великая бѣда отъ царя тому, кто дерзнетъ чрезъ предѣлы его воли что либо чинить. Когда по глаголу цареву дѣлалъ крестное осѣненіе, не зналъ обычая мірскаго отъ неученія политики, не догадался проворно, въ одно и то же время руку цареву цѣловать.

Выходитъ такъ, что Фотій не зналъ «политики» о цѣлованіи царской руки.

Однако, на такой доводъ графиня выразила сомнѣніе; Фотій самъ почувствовалъ, что толкованіе его слабо и нѣсколько наивно. Онъ привелъ другое:

— Кромѣ сего, мнѣ не дано было свыше цѣловать десницу царя, не дано мнѣ сотворить то царю, что по благодати дано священнику, чего правилами не позволяется и преданіями отъ святыхъ. Христосъ былъ посреди насъ. Съ нами Богъ и той вся дѣйствовалъ нами во славу Бога Отца. При крестномъ осѣненіи было соблюдено то благоговѣніе, какое бываетъ во время совершенія страшныхъ таинъ надъ Сыномъ Божіимъ.

Поднесеніе руки царю Фотій объяснилъ такъ:

— Я руку простиралъ и языкъ вращалъ не самъ по себѣ, а сіе Богъ творилъ. Духъ Святый найде на насъ и сила Вышняго осѣнила насъ; царь цѣловалъ руку истово тоже не самъ по себѣ, а творилъ силою, дѣйствіемъ и наитіемъ Св. Духа. Я благословилъ, а врагъ осудилъ, оклеветалъ слово и дѣло Божіе и ведомъ былъ священникъ на судъ предъ царемъ и владыкой отвѣщевати за истовое крестное знаменіе и даяніе руки къ цѣлованію. Слава Богу, что сподобился судъ принять.

Значитъ, Фотій протянулъ руку къ цѣлованію не по своему личному желанію, а сдѣлано это было силою Провидѣнія. Относительно же цвѣта рясы Фотій говорилъ:

— Я былъ въ рясѣ темносиней бархатной, но показался въ фіолетовой, я же никогда въ житіи моемъ не носилъ рясы сего цвѣта — царскому и патріаршему достоинству приличнаго. Хотя я и не видалъ себя чиста, но дано было царю видѣть меня не како я былъ, но како свыше дано было показаться. Слава Богу, что я здѣ показался въ видѣ чистоты предъ царемъ и человѣками и на судѣ Владыкъ всѣхъ, ибо цвѣтъ синій значитъ вѣру, а фіолетовый — чистоту. На мнѣ въ часъ свиданія съ царемъ было таково одѣяніе. Я былъ въ синей рясѣ, въ хитонѣ подъ рясой фіолетовомъ. Для тепла подъ хитономъ на мнѣ былъ короткій хитонъ, агнчій (овечій), покрытый голубой матеріей, цвѣта славы. Подъ симъ короткимъ хитономъ были вериги крестныя; на тѣлѣ же власяница агнчей шерсти, на главѣ былъ клобукъ; на рясѣ на персяхъ панагія брильянтовая, на подобіе звѣзды съ коронованіемъ Богородицы, по хитону былъ поясъ съ кистями препоясанъ съ серебряною застежкою; на ней же было изображено тоже коронованіе Богородицы. По власяницѣ поясъ узкій былъ съ надписью «Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся». На веригахъ, что на груди, крестъ большой съ распятіемъ, а внутри съ мощами св. Побѣдоносца; назади дска (доска) съ образомъ Воскресенія Христова. На шеѣ былъ неснимаемый златой крестъ съ распятіемъ, а на другой сторонѣ надпись: «Христосъ съ тобою». На ногахъ

были сапоги, въ рукахъ янтарныя четки. Вотъ въ чемъ я былъ и царя благословлялъ.

Давая возраженія противъ обвиненій, Фотій добавилъ:

— Въ страхѣ и трепетѣ, не потерявъ ума и соблюдая осторожность, чинъ, благоговѣніе къ Богу и почтеніе къ царю, я сдѣлалъ все нужное, по крайней мѣрѣ, по возможности. Не убоялся я лица царева и не бросился отъ радости ему въ глаза; не смутился, не хватился не за свое дѣло и не въ своемъ видѣ за дѣло Божіе. Не сдѣлалъ даже мины погрѣшительной при смѣшанности всѣхъ и каждаго. Не вышелъ изъ себя и не указалъ ни на что негодное, не молвилъ ни одного слова не кстати. Старался показать, что приказывалъ царь, старался сказать, что вопрошалъ и знать отъ меня онъ желалъ. Царю все показалось прекрасно. Простерта была рука къ цѣлованію просто; не зная обычая, не цѣловалъ руку царя.—Неблаговоленіе царя за несоблюденіе одного ему угоднаго, того, что око привыкло его видѣть, ухо слышать, сердце пестоянно желать, неблаговоленіе для меня, слабаго, больнаго, не было убійственно, ибо горесть сія поднесена была въ прекрасномъ видѣ и благодатію Христовою преподобный отецъ Фотій ядъ горести испилъ и ничего же его вредилъ.

Ссылаясь большею частью на перстъ Божій, Фотій доказывалъ невинность своихъ дѣйствій во время пребыванія Николая I въ Юрьевомъ монастырѣ [1]).

11.

Происшествіе съ лордомъ Дургамомъ и резолюція императора Николая I.

Докладъ почтоваго департамента князю А. Н. Голицыну..

1835 г. [2])

Въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ (1835 года) управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Родофиникинъ сообщилъ директору почтоваго департамента, что лордъ Дургамъ, по выдержаніи въ Одессѣ карантина, отправится сюда (въ Петербургъ) чрезъ Москву, почему и просилъ дать строжайшія предписанія, чтобы всюду на станціяхъ, не только не могъ встрѣтить онъ затрудненія, но нашелъ бы вездѣ должное къ особѣ его уваженіе, а къ свитѣ приличное вниманіе.

---

[1]) Сообщилъ А. Слезкинскій.

[2]) На докладѣ число и мѣсяцъ не обозначены.

Вслѣдствіе сего, отъ почтоваго департамента сдѣланы были немедленно зависящія распоряженія.

По донесеніямъ мѣстныхъ почтовыхъ начальниковъ, слѣдованіе лорда совершалось благополучно до Орловской губерніи. При проѣздѣ же посла чрезъ городъ Кромы, 15-го октября, какъ доносятъ тамошніе уѣздный и орловскій губернскій почтмейстеры, экипажъ лорда Дургама, проѣхавъ градскую заставу, во второмъ часу пополуночи, по темнотѣ ночи поворотя съ дороги влѣво, завезенъ былъ въ ровъ, гдѣ и долженъ былъ остановиться. По полученіи о томъ извѣстія, чрезъ посланнаго переводчикомъ почтаря, почтмейстеръ города Кромъ тотчасъ отправился съ ямщиками и фонарями къ заставѣ, гдѣ и нашелъ дѣйствительно экипажъ близъ рва.

Посолъ, принявъ его за городничаго, изъявилъ неудовольствіе, что его такъ принимаютъ. Почтмейстеръ, объяснивъ чрезъ переводчика, что онъ не городничій, просилъ лорда на станцію или въ занимаемую имъ (почтмейстеромъ) квартиру, на что онъ сначала не соглашался, сказавъ, что хочетъ на мѣстѣ дождаться городничаго, но повременя немного, приказалъ везти себя на квартиру почтмейстера и, прибывъ туда, велѣлъ ему, за неисправность и незнаніе дороги ямщиковъ, везшихъ экипажъ его, наказать ударами по десяти палокъ, что̀ почтмейстеръ и вынужденнымъ нашелся тогда же выполнить. Лордъ Дургамъ, пробывъ такимъ образомъ на станціи около пяти часовъ, по перемѣнѣ новыхъ лошадей, отправился, въ сопровожденіи исправника, до станціи Клубра, куда и прибылъ благополучно.

Департаментъ считаетъ долгомъ о происшествіи семъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства.

Подписали: вице-директоръ Егоръ Кривошапкинъ и начальникъ отдѣленія Михаилъ Нератовъ.

На этомъ докладѣ императоръ Николай, 10-го ноября, 1835 г., собственноручно написалъ: «За глупое исполненіе еще глупѣйшаго приказанія почтмейстера посадить на три дня на гауптвахту» [1]).

12.

Отрывокъ изъ письма гвардейскаго капитана Челищева.

« » августа 1836 г. С.-Петербургъ [2]).

Маневры нынѣшніе продолжались восемь дней, въ самое дурное время, однакоже его величество изволилъ остаться совершенно дово-

[1]) Сообщилъ Н. Славинскій.

[2]) Къ кому писано это письмо намъ неизвѣстно.

ленъ всѣми, и гренадерскій корпусъ награжденъ большими милостями неожиданно, безъ всякаго представленія; войскъ въ лагерѣ было около ста тысячъ. При семъ случаѣ долженъ разсказать вамъ одинъ случай, которому Европа удивится, не только нашъ братъ.

Послѣ одного корпуснаго ученья, государь собралъ генераловъ, командовавшихъ частями, дѣлалъ имъ нѣкоторыя замѣчанія, въ томъ числѣ и генералу Пенхержевскому, за медленное движеніе легкой кавалеріи. Генералъ Пенхержевскій оправдывался тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ согласно приказанію его величества, переданному ему флигель-адъютантомъ.

— Кто флигель-адъютантъ, привозилъ вамъ мои приказанія? — спросилъ государь.

Генералъ Пенхержевскій хотя и зналъ, кто былъ флигель-адъютантъ, но не хотѣлъ его ввести въ отвѣтственность предъ государемъ, а потому и отозвался тѣмъ, что онъ не знаетъ фамиліи флигель-адъютанта; но смѣетъ увѣрить его величество, что онъ дѣйствовалъ по приказанію.

— Стыдно вамъ, генералъ, не знать моихъ адъютантовъ, подите прочь отсюда,—сказалъ государь съ сердцемъ.

Пенхержевскій отъѣхалъ въ сторону. Съ симъ вмѣстѣ изъ толпы окружавшихъ выѣхалъ впередъ флигель-адъютантъ князь Радзивилъ.

— Я отвозилъ приказанія генералу Пенхержевскому, — сказалъ онъ,— и можетъ быть я ошибочно понялъ волю вашего величества и не такъ передалъ оную генералу.

Государь, не разспрашивая ничего болѣе, уѣхалъ.

На другой день сего происшествія отданъ былъ высочайшій приказъ собраться всѣмъ генераламъ къ ставкѣ его величества. Всѣ ломали головы, и никто не могъ понять для чего. Когда всѣ съѣхались, государь вышелъ.

— Господа генералы, сказалъ онъ, вчера я несправедливо обидѣлъ генерала Пенхержевскаго, а въ лицѣ его и всѣхъ васъ, почему и считаю долгомъ, сознаваясь въ моей опрометчивости, извиниться предъ всѣми вами и просить прощенія у генерала Пенхержевскаго.

Государь вызвалъ Пенхержевскаго, взялъ за руку и просилъ забыть обиду.

Вы можете себѣ представить удивленіе всѣхъ и особливо Пенхержевскаго.

13.

Кадетъ объ Императорѣ Николаѣ I.

Письмо Александра Аполлоновича Марина къ отцу А. Н. Марину.

9-го августа 1837 г. лагерь подъ Петергофомъ.

Дорогой мой батюшка Аполлонъ Никифоровичъ! Пишу это письмо къ вамъ изъ лагеря, гдѣ мы провели цѣлое лѣто подъ Петергофомъ. Прежде не могъ писать, было много занятій: экзамены, потомъ приготовленіе къ лагерямъ; частыя ученья. Насъ водили изъ корпуса на плацъ 1-го Кадетскаго корпуса на Васильевскій островъ. Въ лагерь мы выступили и собрались всѣ корпуса у Нарвской заставы, куда пріѣхалъ государь и великій князь Михаилъ Павловичъ, мимо которыхъ мы проходили церемоніальнымъ маршемъ во всей походной амуниціи.

Походъ до Петергофа былъ веселый, ночлегъ у колонистовъ и потомъ вступленье черезъ Александрію, гдѣ насъ опять встрѣтилъ государь и пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ. Прійдя въ лагерь опять начались ученья утромъ и вечеромъ, потомъ маневры и тревоги, которыя дѣлалъ намъ государь императоръ. Пріѣзжая въ лагерь, подойдетъ къ барабанщику, возметъ у него барабанныя палки и самъ бьетъ тревогу. Наше знамя почти всегда появлялось одно изъ первыхъ на передней линейкѣ и около него бѣгомъ собирался нашъ Павловскій баталіонъ.

21-го іюля ночью мы были пробуждены подобною тревогой. Государь повелъ насъ на заднее поле, гдѣ мы учились и ученье окончилось маневрами. Нашъ обожаемый отецъ государь былъ нами очень доволенъ, разблагодарилъ, назвалъ насъ молодцами и приказалъ распустить гулять въ Петерговскій садъ и въ Александрію, гдѣ имѣетъ свою резиденцію лѣтомъ государь и его семейство. Я пошелъ въ Александрію и неожиданно встрѣтилъ государя, ѣхавшаго въ кабріолетѣ съ государыней. Поровнявшись съ экипажемъ я сдѣлалъ ихъ величествамъ фронтъ, снявъ фуражку. Государь удостоилъ меня словами: «Здравствуй, молодецъ Павловецъ». Отвѣтъ мой былъ по формѣ. Когда экипажъ скрылся за кустами, я довольный счастливой встрѣчей пошелъ къ мачтѣ и сѣткѣ, гдѣ обыкновенно собирались кадеты скакать и лазить на мачту. Это близъ дворца въ Александріи. Въ скоромъ времени государь съ государыней возвратились съ катанья и государь, выйдя изъ дворца на крыльцо, крикнулъ своимъ молодецкимъ голосомъ: «Кадеты ко мнѣ». Услышавъ голосъ нашего дорогаго обожаемаго царя, всѣ кадеты бросились къ монарху и обступили крыльцо. На государѣ былъ надѣтъ любимый его сюртукъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, сюр-

тукъ былъ старый, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были заплатки. Государь былъ безъ фуражки и безъ галстуха, сюртукъ былъ растегнутъ. Когда мы обступили царя, то увидали на крыльцѣ столъ, на которомъ стояло нѣсколько корзинъ съ спѣлыми вишнями. Государь улыбался и приказалъ подходить къ себѣ по одному, и каждому кадету давалъ въ ротъ изъ собственныхъ рукъ вишню. Мы всѣ цѣловали его дорогую ручку. Слезы блестѣли у насъ на глазахъ: такъ мы всѣ были счастливы и тронуты такой милостью и лаской царя. Видя такую отеческую ласку нашего дорогаго отца государя, у всякаго изъ насъ въ сердцѣ что-то дрогнуло, явилась какая то неизмѣримая любовь и преданность, готовность посвятить всю свою жизнь ему, нашему благодѣтелю. Чѣмъ мы отблагодаримъ за такую ласку и милость нашего драгоцѣннаго монарха? Черезъ нѣсколько минутъ появилась государыня императрица. Я, получивъ отъ государя вишню, стоялъ на крыльцѣ близъ ступенекъ лѣстницы, гдѣ толпились кадеты; среди толпы пройти было трудно. Императрица, проходя мимо меня, желая сойти съ лѣстницы въ садъ, пожаловала мнѣ свою ручку, чтобы я помогъ ей сойти внизъ съ лѣстницы. Это обстоятельство опять привело меня въ какой-то неописанный восторгъ. Я подумалъ, за что это судьба сегодня балуетъ меня? Когда я свелъ государыню съ лѣстницы за лѣвую ручку, она меня поблагодарила, сказавъ «mercі, mon enfant», и потрепала меня по щекѣ.

17-го іюля насъ всѣхъ кадетъ водили въ нижній Петергофскій садъ къ фонтану Самсонъ, для взятія штурмомъ каскада. Эта потѣха представляла взятіе штурмомъ крѣпости Каскадъ. Ставили насъ колонной лѣвымъ флангомъ къ бассейну фонтана Самсона, а впереди насъ возвышалась каменная лѣстница съ высокими 7-ю ступенями. Съ самаго верху этой лѣстницы бѣжитъ обильной струей вода и обливаетъ всѣ ступени лѣстницы. По этимъ ступенямъ надо было влѣзать наверхъ. Государь, государыня и вся царская фамилія располагались наверху на площадкѣ близъ Верхняго дворца, гдѣ былъ поставленъ столъ съ подарками или призами, которые раздавались самой государыней тѣмъ изъ кадетъ, которые влѣзали первыми. Шесть человѣкъ, получившихъ подарки, цѣловали ручку царицы. Я получилъ яшмовую печатку.—Подарки эти приготовлялись на Петергофской гранильной фабрикѣ изъ разныхъ сибирскихъ камней яшмы: печатки, кольца и другія предметы. Директоромъ этой фабрики вашъ старый финляндскій товарищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Козинъ.—Чтобы влѣзать на водяную крѣпость, надо было ожидать команды. По командѣ самого государя «ура!» всѣ бросаются къ лѣстницѣ каскада и съ крикомъ «ура!» влѣзаютъ на крѣпость. Когда окончилась эта потѣха, и насъ повели обратно въ лагерь, всѣ мокрые въ одеждѣ идя мимо каналовъ, устроенныхъ для фонтановъ, кадеты опять бросались въ воду и плавали, продолжая купаться.

Часто пріѣзжалъ государь въ лагерь, чтобы видѣть всѣхъ кадетъ. Обыкновенно пріѣздъ государя оглашался крикомъ дежурныхъ: «всѣ на линію» и тогда всѣ летѣли съ восторгомъ и счастіемъ увидѣть нашего обожаемаго отца-благодѣтеля. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней посѣтилъ государь нашъ лагерь, въ это время многіе изъ родныхъ и родителей кадетъ были въ лагерѣ. Государь, поздоровавшись съ кадетами 1-го кадетскаго корпуса, увидалъ нѣсколько частныхъ лицъ, стоявшихъ впереди линіи. Привѣтствуя постороннихъ лицъ, онъ обратилъ свое вниманіе на одного отставнаго Семеновскаго офицера, который стоялъ безъ шапки, имѣя шинель, сложенную на лѣвой рукѣ. Тотчасъ спросилъ его фамилію.—Услышавъ знакомое имя, государь вспомнилъ, что офицеръ этотъ былъ командиромъ роты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ то время, когда государь, будучи великимъ княземъ, командовалъ этимъ полкомъ. Императоръ, оставивъ свою шинель въ коляскѣ, вышелъ изъ экипажа, обнялъ отставнаго старика Семеновца и, разцѣловавъ его, сказалъ «здравствуй, старый товарищъ», посадилъ его съ собой въ коляску и увезъ во дворецъ. Вотъ мой родной дорогой папочка все, что у насъ дѣлается въ корпусѣ и въ лагеряхъ и какъ насъ балуетъ нашъ общій отецъ, царь и благодѣтель.

Еще скажу вамъ, что я получилъ письмо отъ дядиньки Ивана Максимовича Марина; онъ пишетъ, что возьметъ меня послѣ лагерей къ себѣ въ отпускъ. Онъ съ тетенькой будутъ жить въ селѣ Пулковѣ близъ Царскаго Села, гдѣ обыкновенно стоитъ 1-й баталіонъ Семеновскаго полка, которымъ онъ командуетъ. Деньги, которыя вы мнѣ прислали, дорогой мой папочка, я всѣ истратилъ и еще задолжалъ разнымъ разносчикамъ и корпусному булочнику Степану, за пеклеванники съ масломъ и молоко. Долженъ я 5 рублей. Сильно пристаютъ и больше на книжку не даютъ. Прошу васъ, родной мой, не гнѣвайтесь на меня, что я такъ много задолжалъ. Пришлите: надо расплатиться. Обнимаю васъ, родной мой, да хранитъ васъ Богъ! Молюсь за васъ и прошу вашего благословенія. Любящій сынъ вашъ и другъ Александръ Маринъ.

14.

Императоръ Николай I и князь Витгенштейнъ [1]).

1840 г.

Покойный императоръ Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно, лѣтомъ, инспектировать войска, расположенныя въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

---

[1]) Сообщилъ коллежскій совѣтникъ А. Майеръ.

Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ государя въ Кіевъ, въ 1840 году, онъ дѣлалъ смотръ корпусу, которымъ командовалъ въ то время генералъ Кайсаровъ. Въ свитѣ государя находился и фельдмаршалъ Витгенштейнъ. Желая изъявить свое благоволеніе корпусному командиру за отличное состояніе войскъ, императоръ сказалъ:

— Паисій Сергѣевичъ, теперь я хочу сдѣлать тебѣ визитъ,—и тотчасъ пошелъ къ дому, занимаемому Кайсаровымъ.

Надобно знать, что домъ находился чрезъ улицу отъ эспланады, на которой происходилъ смотръ; эспланаду отдѣлялъ отъ улицы довольно высокій барьеръ, который государь перешагнулъ очень легко. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что старикъ Витгенштейнъ, по своему небольшому росту, не можетъ перебраться чрезъ слишкомъ высокій для него барьеръ. Тогда императоръ вернулся назадъ и перенесъ стараго фельдмаршала на своихъ рукахъ. Толпа народа, слѣдовавшая за государемъ, огласила воздухъ восторженнымъ «ура!..»

Государь милостиво поклонился и, перейдя улицу, вступилъ въ квартиру генерала Кайсарова.

15.

Императоръ Николай I и штабсъ-капитанъ Миллеръ [1]).

Въ 1864 году я лежалъ больной въ 1-мъ военно-сухопутномъ (нынѣ Николаевскомъ) госпиталѣ, гдѣ и познакомился съ штабсъ-капитаномъ фельдъегерей Миллеромъ, который разсказалъ мнѣ слѣдующій случай: Когда умеръ предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Васильчиковъ, и его отпѣвали въ Преображенскомъ соборѣ, государь, призвавъ меня, изволилъ сказать: «поѣзжай въ Петропавловскій соборъ, и когда будетъ отходить обѣдня, пріѣзжай и скажи мнѣ». Подозрѣвая, что государь по разсѣянности вмѣсто Преображенскаго собора приказываетъ мнѣ ѣхать въ Петропавловскій, и не осмѣливаясь переспрашивать, я, проходя мимо двухъ камеръ-лакеевъ, стоявшихъ у дверей кабинета, тихо сказалъ имъ: «помните куда посылаетъ меня его величество».

Когда обѣдня въ Петропавловскомъ соборѣ стала приходить къ концу, я возвратился въ Зимній дворецъ и доложилъ, что обѣдня въ Петропавловскомъ соборѣ оканчивается. Государь въ это время разгова-

---

[1]) Сообщилъ коллежскій совѣтникъ А. Майеръ.

ривалъ, стоя у окна, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и, обратившись ко мнѣ, строго спросилъ: «куда я тебя посылалъ?»

— Въ Петропавловскій соборъ, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— Неправда, я посылалъ тебя въ Преображенскій. Чѣмъ ты докажешь, что не туда ѣздилъ, куда былъ посланъ.

Тогда я сослался на камеръ-лакеевъ, и когда они подтвердили слова мои, то государь, надѣвъ каску и перчатки, подошелъ ко мнѣ, взялъ подъ козырекъ и сказалъ:

— Господинъ штабсъ-капитанъ, прошу меня извинить; конь о четырехъ ногахъ, да и тотъ спотыкается.

16.

Очищеніе императоромъ Николаемъ I списковъ служащихъ [1]).

Двѣ собственноручныя записки государя министру юстиціи.

Отъ 11 декабря 1846 г. «Озабочиваясь очищеніемъ списковъ служащихъ по военной части, но не несущихъ должностныхъ обязанностей, и потому безполезныхъ, нахожу справедливымъ то же сдѣлать и по гражданскому вѣдомству, начавъ съ Сената. Прошу мнѣ прислать списокъ однимъ тѣмъ сенаторамъ, которые службы не несутъ, въ Сенатъ не ѣздятъ и потому безполезны—съ отмѣткой, что каждый нынѣ получаетъ содержанія и что ему слѣдуетъ въ пенсіонъ по уставу».

Отъ 18 декабря 1846 г.: «По запискѣ вашей полагаю на дняхъ съ вами лично переговорить. Въ спискѣ сенаторовъ, что вы прислали, не пояснено получаемое ими нынѣ содержаніе; заготовьте подобный списокъ, но не однимъ этимъ, а всѣмъ сенаторамъ. Полагаю, что найдутся еще многіе, которыхъ дальнѣйшее сохраненіе въ службѣ безъ пользы. Я отнюдь не намѣренъ ихъ бросить въ нищету, но уваживъ лѣта службы и достоинство тѣхъ, коихъ уволить рѣшу, опредѣлю имъ пенсіоны по собственному усмотрѣнію, но придерживаясь устава. О прочемъ переговоримъ при свиданіи».

17.

Императоръ Николай I и братья бароны Вольфы.

Въ 1847 или 48 году, въ Петербургъ пріѣхали трое братьевъ, бароны Вольфы, кто для поступленія въ университетъ, кто на службу,

[1]) Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Черезъ нѣсколько дней шли они по Невскому проспекту и не поклонились проходившему мимо ихъ, какъ имъ показалось, одному изъ генераловъ. Остановивъ молодыхъ людей, онъ спросилъ:

— Знаете вы меня?

Они отвѣчали, что не знаютъ.

— Для того—сказалъ тотъ же встрѣтившійся,—чтобъ вы знали меня, ступайте на гауптвахту.

Проходившіе объяснили Вольфамъ, что это государь, и они отправились куда имъ повелѣно было. Посланникъ баронъ Мейендорфъ, дядя Вольфовъ, узнавъ объ этомъ, доложилъ государю, что племянники дѣйствительно прежде не видывали его величества. Государь не только приказалъ тотчасъ освободить ихъ, но пригласилъ ихъ къ себѣ, и они, въ день помилованія, имѣли другое счастіе—обѣдать у императора.

Масленицей 1851-го года, вечеромъ, одинъ изъ этихъ же Вольфовъ ѣхалъ черезъ Адмиралтейскую площадь на Васильевскій островъ. Вдругъ сани его извозчика подкатились подъ чьи-то чужія сани; Вольфа выбросило на снѣгъ, а испуганный извозчикъ его ускакалъ. Вольфъ слышитъ, что кто-то, наклонившись надъ нимъ, спрашиваетъ:

— Вы ушиблись, вы больно ушиблись?

Сначала Вольфъ не могъ ничего говорить, но потомъ, на повтореніе вопроса, вставая отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не больно ушибся, а только немного обезпамятовалъ.

Взглянувъ же на того, съ кѣмъ говорилъ онъ и кто помогалъ ему встать, Вольфъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что это былъ государь.

— Куда вы ѣхали?—продолжалъ спрашивать императоръ.

— Я ѣхалъ на балъ, на Васильевскій островъ, отвѣчалъ Вольфъ.

— Теперь, замѣтилъ государь, было бы лучше вамъ ѣхать домой и успокоиться; впрочемъ, какъ вамъ угодно; вотъ мои сани, садитесь и поѣзжайте.

— Вольфъ, принося благодарность, просилъ государя дозволить ему нанять другаго извозчика.

— Зачѣмъ?—сказалъ государь, указывая на Зимній дворецъ, мнѣ близко до моего дома, я дойду; а вы встревожены и можете попасть на такого же плохаго извозчика, какъ прежній; садитесь въ мои сани.

Вольфъ долженъ былъ повиноваться, но отправился не домой, а на балъ. Пріѣхавъ туда, онъ съ торжествомъ просилъ другихъ угадать, въ чьемъ экипажѣ онъ пріѣхалъ, и никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ пріѣхалъ въ собственныхъ саняхъ государя [1]).

[1]) Сообщилъ М. М. Поповъ.

Картинки боевой жизни.

(Изъ посмертныхъ записокъ Ѳ. Э. Штоквича) [1]).

Отецъ Ѳедора Эдуардовича Штоквича исповѣдывалъ православную вѣру, родители его были переселенцами въ давнія времена изъ Курляндіи въ Ярославскую губернію, гдѣ владѣли значительнымъ состояніемъ. Онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ и въ чинѣ поручика въ 20-хъ годахъ, по личной просьбѣ, переведенъ былъ на Кавказъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Въ русско-турецкую кампанію 1828—1829 годовъ, при осадѣ нашими войсками крѣпости Карса, отецъ Ѳ. Э. вызвался быть начальникомъ охотничьей команды, изъ которой выбравъ 4-хъ унтеръ-офицеровъ и 5 человѣкъ рядовыхъ, рѣшился на отважный подвигъ, надѣлавшій въ то время много шума и породившій столько разговоровъ, что слухъ о подвигѣ вскорѣ достигъ до г. Тифлиса, гдѣ жила тогда жена героя. Цѣль подвига заключалась въ томъ, чтобы ночью пробраться въ Карсъ, взорвать пороховой погребъ и, при суматохѣ въ крѣпости, дать возможность русскимъ войскамъ свободно войти въ Карсъ. Команда изъ 9-ти человѣкъ знала, что никто изъ нихъ не останется въ живыхъ, и не колебалась совершить задуманное Штоквичемъ предпріятіе. Знало, разумѣется, объ этомъ предпріятіи и начальство. Цѣль, хорошо обдуманная, была достигнута блестящимъ образомъ: пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ съ командою смѣльчаковъ, и войска наши дружнымъ натискомъ ворвались въ крѣпость. Ѳедоръ Эдуардовичъ былъ тогда еще ребенкомъ, и въ память его глубоко врѣзался разсказъ сослуживцевъ отца объ этомъ

[1]) Умеръ 15-го марта 1896 г., будучи царскосельскимъ комендантомъ.

трагическомъ эпизодѣ, врѣзались въ память и горькія слезы неутѣшной матери, долго не вѣрившей о постигшей ея молодаго мужа участи.

«Я,—говоритъ въ посмертныхъ запискахъ Ѳ. Э. Штоквичъ,—заливался тоже слезами, хотя не могъ уяснить себѣ, какъ это можно взлетѣть на воздухъ, не имѣя крыльевъ. Затѣмъ я поѣхалъ съ матерью въ Карсъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней она что-то искала на развалинахъ пороховаго погреба, при чемъ, обнимая меня, указывала со слезами на груду камней. Значеніе этихъ указаній и неутѣшнаго горя матери я понялъ впослѣдствіи, когда былъ побольше. Въ 1855 году я участвовалъ въ осадѣ Карса, по взятіи котораго нашими войсками, припомнивъ разсказъ матери, пошелъ на то мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ пороховой погребъ, но могила моего отца и девяти солдатъ Апшеронскаго полка, указанная мнѣ престарѣлымъ армяниномъ, была густо застроена разными зданіями. Старожилъ-армянинъ въ неясномъ разсказѣ говорилъ о значеніи бывшаго обширнаго пороховаго погреба, о взрывѣ его, произведшемъ общую панику въ Карсѣ, и о человѣческихъ костяхъ, найденныхъ при раскопкѣ послѣ того, какъ Карсъ отданъ былъ обратно туркамъ. Отслуживъ здѣсь панихиду и поклонясь мѣсту, гдѣ погибъ отецъ, я молилъ Бога, чтобы и мнѣ привелось въ жизни сдѣлать какую-нибудь услугу отечеству.

«Спустя слишкомъ 40 лѣтъ по смерти отца моего, на долю мою выпало занять отвѣтственный постъ коменданта Баязетской цитадели въ Азіатской Турціи въ 1877 году, куда я былъ назначенъ по волѣ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича.

«Много въ жизни перенесъ я тяжелыхъ испытаній, много видѣлъ горя, неоднократно былъ свидѣтелемъ смерти въ военныхъ дѣлахъ близкихъ товарищей и не разъ наталкивался на случаи, указывавшіе мнѣ волю Провидѣнія. На назначеніе комендантомъ Баязета я смотрѣлъ тоже какъ на испытаніе, посылаемое мнѣ свыше. Были въ строю блестящіе и храбрые офицеры, стоявшіе выше меня и по чинамъ, и по заслугамъ, которымъ, казалось бы, и слѣдовало занять этотъ постъ, но ихъ не назначили, а выборъ палъ именно на меня—офицера мало извѣстнаго и незамѣтнаго. Что это, думалъ я, какъ не воля Провидѣнія!

«Дѣйствительно, настало для меня время тяжелаго испытанія въ Баязетѣ,—испытанія, не поддающагося описанію, въ которомъ сила воли и твердость характера должны занимать первенствующее мѣсто въ человѣкѣ. Малѣйшее колебаніе характера и потерянность могли бы повести къ печальному результату.

«Не говоря уже о 23-хъ дневной оборонѣ Баязета, гдѣ войска наши въ тысячный разъ доказали свою доблесть и честь высоко поднятаго русскаго знамени, я не могу пройти молчаніемъ о нѣкоторыхъ вещахъ, могущихъ деморализовать самыхъ отчаянныхъ патріотовъ и храбре-

цовъ, даже и такихъ, которые доводятъ патріотизмъ свой до безпредѣльнаго увлеченія. Выскажу также мое личное пониманіе характера русскаго, воспитывающагося на войнѣ, офицера и въ особенности солдата, безропотнаго, беззавѣтно умирающаго, твердаго въ бою и сострадательнаго внѣ войны. Всѣ эти качества въ солдатѣ есть, ихъ слѣдуетъ оберегать и Боже сохрани третировать ими.

«Гарнизонъ цитадели изъ 1.400 человѣкъ, осаждаемый 25-ти-тысячнымъ турецкимъ корпусомъ, осыпаемый день и ночь градомъ орудійныхъ и ружейныхъ снарядовъ, изнуренный до крайнихъ предѣловъ голодомъ и жаждою, при сильно палящемъ солнцѣ, не помышлялъ о сдачѣ крѣпости; офицеры и солдаты безропотно умирали, я же твердо рѣшилъ, въ крайнемъ случаѣ, взорвать на воздухъ цитадель и похоронить подъ развалинами и себя, и турокъ, если бы они ворвались въ крѣпость. Гарнизонъ составлялъ точно одну сплоченную родную семью, защищавшую крѣпость до самозабвенія; вся связь съ прошлымъ была отброшена далеко назадъ; жена, дѣти, отецъ, мать—все было забыто, все зачеркнуто и какъ бы завѣсилось плотною пеленою, словно для гарнизона ничего дорогаго не существовало кромѣ цитадели, къ которой онъ приросъ всѣмъ своимъ помышленіемъ и всею душою. «Отстоять цитадель, или умереть»—вотъ девизъ, которымъ руководился русскій солдатъ, представлявшій тогда что-то необычайное, легендарное; въ лицѣ его являлся сказочный, твердый, какъ сталь, богатырь, замѣчательная стойкость котораго не могла и не должна была уступать своего первенства никому. Ужасныя истязанія, которымъ подверглись армяне города Баязета 6-го, 7-го и 8-го іюня 1877 года, когда турки на глазахъ нашего гарнизона рѣзали мужчинъ, женщинъ, дѣтей и еще живыми кидали ихъ въ огонь пылавшихъ отъ пожара домовъ, обратили русскаго солдата въ непримиримаго противъ турокъ врага. Весь городъ тогда былъ объятъ пламенемъ, раздавались стоны, плачъ, мольбы, непрерывный гулъ орудій и ружейныхъ выстрѣловъ носился въ воздухѣ. Въ эти роковые дни и ночи, ознаменованные изувѣрствомъ, жертвъ было много, кровавая картина представляла какой-то адскій шабашъ, бойню людей, варварскій пиръ... Горсть русскихъ солдатъ, запертая въ маленькой цитадели, съ отчаяніемъ смотрѣла на эту потрясающую картину, чувствуя свое безсиліе помочь несчастнымъ. Многіе изъ солдатъ плакали и не разъ намѣревались броситься въ огненный омутъ на защиту христіанъ, но были останавливаемы начальниками частей.

«Въ самомъ дѣлѣ, трудно было не возмутиться зрѣлищемъ, отъ котораго стыла кровь и замирало сердце. Ясно и отчетливо видишь кровавую расправу: вотъ бѣжитъ по улицѣ города женщина съ развѣвающимися волосами, въ разорванномъ платьѣ, грудь и плечи ея обнажены,

она ранена, широкій кровавый слѣдъ оставляетъ за собою, по временамъ оглядывается на ребенка, въ одной рубашенкѣ бѣгущаго за ней,—это ея сынъ, или другое близкое существо,—но бѣгъ длится не долго, женщину догоняетъ турецкій солдатъ и ударомъ приклада ружья по головѣ кладетъ несчастную на мѣстѣ; 4-хъ—5-ти лѣтній ребенокъ съ визгомъ ухватывается за полу платья умирающей матери, его отрываетъ тотъ же извергъ и раскачавъ швыряетъ въ огромный костеръ пылающаго дома. Тутъ же рядомъ 70-ти-лѣтній старикъ, сѣдой какъ лунь, упавъ на колѣни, умоляетъ пощадить молодую внучку-дѣвушку, но мольбы и слезы старика встрѣчаются смѣхомъ; на несчастнаго накидываются три курда, растягиваютъ его на землѣ и съ какимъ-то упоеніемъ и злорадствомъ перерѣзаютъ ему горло; внучка дѣлаетъ попытку остановить убійцъ, хватаетъ руку изувѣра, рыдаетъ, умоляетъ, но обрызганная кровью своего дѣда, оттаскивается отъ трепещущаго трупа; обмотанный затѣмъ вокругъ шеи ея арканъ влечетъ страдалицу куда-то въ сторону, она не идетъ, упирается, падаетъ, встаетъ, спотыкается, опять падаетъ, но падаетъ уже жертвою, пораженная пистолетнымъ выстрѣломъ бѣшенаго курда. Около этой сцены идетъ ожесточенная борьба остервенѣлаго курда съ турецкимъ солдатомъ изъ-за дѣвушки-красавицы; это—борьба двухъ звѣрей, у которыхъ напрягаются всѣ силы завладѣть дѣвушкой; лица ихъ посинѣли, глаза отъ злобы и натуги чуть не выскакиваютъ изъ орбитъ, но сила одного не уступаетъ силѣ другаго борца; живая добыча намѣревается бѣжать, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ домамъ, но ее догоняютъ борцы. Курдъ опережаетъ солдата и вонзаетъ кинжалъ по самую рукоять въ спину дѣвушки, и она со стономъ падаетъ къ ногамъ убійцъ, любующихся предсмертными корчами несчастной жертвы. Эта жертва, будучи живою, служила причиною раздора двухъ воиновъ, смерть ея примирила ихъ, и они дружно побѣжали къ дому, на плоской крышѣ котораго шла новая раздирающая душу драма: полураздѣтыя женщины-армянки сталкивались въ прилегающее зданіе, объятое огнемъ, при громкомъ хохотѣ своихъ палачей. Далѣе, на мѣстѣ, не охваченномъ пожарищемъ, посѣдѣлый курдъ бьетъ грудныхъ дѣтей головами о стѣну, и это убійство онъ совершаетъ такъ хладнокровно, такъ систематически, какъ будто исполняетъ простой обыденный обрядъ. Сотоварищи помогаютъ ему, поднося новыхъ младенцевъ, а эти бѣдняжки оглашаютъ воздухъ визгомъ, какъ бы инстинктивно предчувствуя горькую участь. Вопль и рыданіе появляющейся матери служатъ только поводомъ убить ее вмѣстѣ съ ея ребенкомъ.

«Не хочется вѣрить своимъ глазамъ, не сонъ ли это, думаешь, но убѣждаешься въ горькой дѣйствительности; ужасъ охватываетъ солдатъ Баязетскаго гарнизона: одни отворачиваются, другіе бѣгутъ отъ зрѣ-

лища, третьи кричатъ и просятъ пощады, какъ будто крикъ и просьба ихъ могутъ остановить варваровъ.

— Это ужь восьмой ребенокъ,—кричитъ кто-то изъ среды солдатъ,—смотри: вотъ девятый, а вотъ и десятый, ахъ ты, Господи!..

— Боже мой, Господи! Ваше высокородіе, да что же они дѣлаютъ,—вскрикиваетъ старый казакъ, и крупная слеза останавливается на его посѣдѣломъ усѣ. Видалъ я много въ жизни смертей,—продолжаетъ онъ дрожащимъ голосомъ,—но такихъ дѣловъ не приводилось видѣть, ей Богу, в—діе, не приводилось! Эхъ, анаѳемы какіе! Нѣтъ у нехристей души, нѣтъ должно быть и семьи, однимъ словомъ, чертово отродье!

«Коробитъ русскаго солдата кровавое зрѣлище, много накипѣло у него на душѣ, рвется онъ въ бой съ турками, да силенки больно мало, не хватитъ ея, а ихъ необозримая туча, всѣ горы облѣпили, почитай тридцать на одного нашего приходится.... Постой, когда-нибудь сочтемся, дай только маленько подкрѣпиться.

«Вся эта кровавая расправа потрясала насъ, невольныхъ зрителей, до глубины души и заставляла смотрѣть на турокъ, какъ на хищныхъ звѣрей, потерявшихъ всякое чувство состраданія къ совершенно неповиннымъ дѣтямъ.

«Сцены въ цитадели имѣли тоже кровавую окраску, но являлись обычными и неизбѣжными въ военномъ дѣлѣ:

«Видишь, какъ непріятельская пуля сорветъ со стѣны солдата и онъ со стономъ, обливаясь кровью, сваливается внизъ; смотришь далѣе—ядро рикошетомъ, прыгая и пыхтя, какъ звѣрь, задѣваетъ торопливо идущаго солдата и обращаетъ его въ куски обезформеннаго человѣческаго мяса, а тамъ еще дальше, между зданіями, опять и опять, намѣчены ядромъ или пулею новыя жертвы; но у амбразуръ цитадели солдаты, словно окаменѣлые, не обращаютъ вниманія на происходящіе въ цитадели ужасы, а учащенными выстрѣлами стараются отбросить насѣдающихъ турокъ.

«Война превосходная школа для военнослужащихъ, она создаетъ стойкость, осмотрительность, осторожность и изумительную смѣтливость въ каждомъ солдатѣ. Офицеръ, находящійся въ рядахъ войскъ съ юныхъ лѣтъ, свыкается съ бытомъ простаго солдата, изучаетъ всѣ слабыя и хорошія стороны его, знаетъ его нужду, потребности, привычки, умѣетъ снисходительно относиться къ нѣкоторымъ проступкамъ солдата, не нарушая дисциплины,—офицеръ такой является современемъ умѣлымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, командиромъ отдѣльной части, и съ нимъ солдаты готовы идти въ огонь и въ воду. А между тѣмъ офицеръ этотъ не болѣе какъ практикъ, онъ, со школьной скамьи находясь въ рядахъ войскъ и дослужившись до высшаго чина, не понимаетъ, что означаютъ различныя теоретическія и практическія задачи

внѣ войны, вся наука его заключается въ обстоятельномъ изученіи дѣйствительной войны и въ познаніи русскаго солдата.

«Евдокимовъ, Аргутинскій, Бебутовъ, Лазаревъ, Колосовскій, Андрониковъ, Тергукасовъ, Багратіонъ-Мухранскій, являются не единичными лицами, оказавшими немаловажныя услуги отечеству. Эти лица хорошо изучили дѣйствительную войну и превосходно знали русскаго солдата. Приведу одинъ примѣръ для наглядности и чтобы показать, какъ умѣли во-время затрогивать самолюбіе солдата означенныя выше лица и какъ вселяли въ солдата стойкость, гордость и высокій воинскій духъ:

«2-го ноября 1854 года, на поляхъ Баяндура подъ Александрополемъ, нашъ авангардъ имѣлъ сраженіе не особенно удачное въ турецкимъ корпусомъ, ворвавшимся въ наши предѣлы. Мы ночью отступили къ Александрополю и, окопавшись тутъ, стали ожидать турокъ.

«Командиръ корпуса, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, на другой день, выстроивъ всѣ войска, вызвалъ на средину штабъ и оберъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и по 5-ти человѣкъ отъ каждой роты рядовыхъ и обратился къ нимъ приблизительно съ такою рѣчью:

— Мы вчера отступили къ городу, но не въ далекомъ будущемъ— черезъ двѣ-три недѣли не болѣе, я укажу вамъ мѣсто, гдѣ вы жестоко отомстите туркамъ за вчерашній день. Помните только мой совѣтъ, какъ стараго солдата: если вы сдѣлаете въ сраженіи одинъ шагъ назадъ, турки сядутъ вамъ на шею, и тогда трудно будетъ совладать съ ними. Будьте стойки до послѣдней минуты жизни. Желѣзнаго русскаго солдата мнѣ не приходится учить, ему слѣдуетъ только напомнить, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Русскій солдатъ имѣетъ дѣло съ турками, которыхъ онъ всегда билъ, и на дняхъ покажетъ имъ, что они намъ плохіе соперники!

«Чтобы говорить такъ, надобно много имѣть увѣренности, и въ себѣ, и въ русскомъ солдатѣ.

«Оправдались ли слова Бебутова?

«Ровно черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ, именно 18-го ноября, 1854 года, произошло сраженіе подъ Башъ-Кадыкляромъ, въ которомъ турецкая армія, по своей численности была въ семь разъ болѣе нашего корпуса.

«Эта армія была не разбита, а совершенно уничтожена: орудія, знамена, генералы и цѣлые полки взяты въ плѣнъ нашими войсками, и освобождены тысячи армянскихъ семействъ, забранныя турками въ плѣнъ 2-го ноября въ нашихъ предѣлахъ. Но дѣло не въ описаніи знаменитаго сраженія, а въ эпизодѣ, о которомъ я желаю упомянуть, показывающемъ знаніе солдата княземъ Бебутовымъ.

«По окончаніи Башъ-Кадыклярскаго сраженія, всѣ войска наши на-

правились съ занимаемыхъ ими боевыхъ пунктовъ къ мѣсту расположенія лагерной стоянки. На пути слѣдованія, съ тылу раздался крикъ: «корпусный ѣдетъ». Это извѣщеніе заставило начальниковъ частей выстроить войска фронтомъ къ дорогѣ. Вскорѣ показался верхомъ на золотистомъ карабахѣ кн. Бебутовъ со свитою. Войска взяли на караулъ и огласили воздухъ крикомъ «ура!». Все вниманіе было обращено направо, откуда ѣхалъ корпусный командиръ, а съ лѣвой стороны мы замѣтили какую-то большую толпу людей, бѣжавшихъ на встрѣчу Бебутову. Это были армянскія семейства, освобожденныя изъ плѣна. Толпа въ двадцати саженяхъ упала на колѣни, въ ожиданіи приближенія Бебутова, а когда онъ подъѣхалъ, преклонила головы къ землѣ, выражая благодарность за спасеніе. Многіе изъ толпы подползли къ коню князя, и стали цѣловать ноги его и сѣдельныя стремена.

— Остановитесь, замолчите и отойдите отъ лошади,—закричалъ Бебутовъ.

«Всѣ умолкли, тишина возстановилась такая, точно въ этой мѣстности никого не было.

— Вы благодарите меня за ваше избавленіе отъ плѣна,—обратился Бебутовъ къ армянамъ.—Да, вы избавлены отъ турецкаго ига и пстязаній, ваши жены и дѣти избавлены отъ мученій и отъ продажи въ разныя руки, но въ этомъ избавленіи я не при чемъ. Вашъ избавитель не я, а вотъ кто спасъ васъ отъ плѣна, вотъ кого вы должны благодарить, о комъ молиться и кого помнить во всю жизнь,—закончилъ свою отчетливую и громкую рѣчь Бебутовъ, указывая на баталіонъ.

«Что произошло послѣ этого, трудно описать.

«Вся толпа армянъ въ 1.000 не менѣе человѣкъ, жены ихъ и дѣти волнами хлынули въ ряды войскъ и, съ плачемъ выражая глубокое чувство благодарности, стали цѣловать у солдатъ ноги и руки; дѣти переходили отъ одного къ другому, матери ихъ ползали между рядами, обнимая ноги солдатъ...

«Умильно забилось сердце закаленнаго въ бою русскаго солдата, потрясла его эта сцена до глубины души, дрогнули всѣ ряды батальоновъ отъ сильнаго волненія; воины, за пять минутъ передъ тѣмъ безстрашно стоявшіе подъ картечью и пулями, теперь не могли удержаться отъ слезъ. Плакали всѣ, плакалъ, разумѣется, и я, стоя въ рядахъ, да и трудно было не прослезиться отъ сцены, перевернувшей всю нашу душу.

«Глубокое впечатлѣніе отъ только-что происшедшей сцены перешло затѣмъ въ оглушительный и несмолкаемый крикъ «у р а!», сопровождаемый словами: «в с ѣ г о т о в ы у м е р е т ь з а т а к о г о н а ч а л ь н и к а! В с ѣ-в с ѣ! У р а!..»

«Этотъ крикъ, бурнымъ потокомъ вырвавшійся изъ души, былъ

искренній, онъ краснорѣчиво выражалъ горячее чувство безграничной преданности и довѣрія каждаго солдата къ своему главному начальнику, всецѣло отдающему лавры побѣды имъ, солдатамъ, стойкость которыхъ въ бывшемъ сраженіи являлась дѣйствительно замѣчательною и несокрушимою.

«Бебутовъ зналъ, какъ подкупить солдата, какъ изъ него сдѣлать душевнаго и сострадательнаго внѣ войны человѣка и стойкаго до самозабвенія въ бою воина.

«Рядъ послѣдующихъ блестящихъ побѣдъ въ Азіатской Турціи вполнѣ обнаружилъ безграничную вѣру солдата въ князя Бебутова. Вѣра эта творила чудеса.

«Слѣдовательно, пушечнымъ мясомъ едва-ли слѣдуетъ и возможно называть солдата. Всѣ они очень хорошо понимаютъ, кто ими руководитъ и ведетъ въ бой, кто заботится и знаетъ нужду ихъ, кто умѣетъ затронуть за живое чувство и довести до безграничнаго увлеченія, необходимаго очень часто въ бою. Въ средѣ солдатъ много дѣльныхъ, смѣтливыхъ и практическихъ людей, выработанныхъ войною. Я бы могъ указать на простыхъ солдатъ, бывшихъ въ кавказскихъ походахъ при генералъ-адъютантѣ князѣ Аргутинскомъ въ качествѣ писарей, дослужившихся до генеральскихъ чиновъ, а одинъ изъ нихъ и до графскаго достоинства, которые оказали отечеству незабвенныя услуги при завоеваніи и покореніи Кавказа. У меня въ ротѣ былъ фельдфебелемъ Литвиненко, смѣтливость котораго въ горной Кавказской войнѣ до того была поразительна, что отъ изумленія, бывало, не знаешь, къ чему отнести его всегдашнюю догадливость. Онъ не задумывался угадывать, гдѣ прошла непріятельская партія по едва замѣтной горной тропѣ, на которой слѣдовъ не замѣчалось, высказывалъ свой взглядъ, и всегда удачно, какимъ идти путемъ, чтобы перерѣзать непріятелю дорогу, или какъ ударить въ тылъ и въ слабую его сторону, какую занять тропу или холмъ, чтобы быть менѣе уязвимымъ и наносить вмѣстѣ съ тѣмъ вредъ горцамъ; умѣлъ вселять въ солдата стойкость и веселое расположеніе духа во время самой ожесточенной перепалки, словомъ, былъ бравый и умный солдатъ, всею душою преданный своему долгу, и эту душу передавалъ онъ всей окружающей его средѣ. Послѣ окончанія Кавказской войны Литвиненко, украшенный Георгіевскими крестами и медалями, служилъ въ дворцовыхъ гренадерахъ и всегда стоялъ на часахъ у государева кабинета. Умеръ онъ годъ тому назадъ. Я съ большою скорбью хоронилъ этого доблестнаго воина, за два дня до смерти письменно просившаго меня навѣстить его и проститься съ нимъ. И въ этомъ предсмертномъ его приглашеніи виденъ неоцѣненный человѣкъ и солдатъ, привязанный къ бывшему своему ротному командиру.

«Такихъ солдатъ на Кавказѣ было немало, ихъ выработала война,

а потому стойкость Баязетскаго гарнизона являлась такою, какою должна была быть и была на самомъ дѣлѣ. «Умирать, такъ умирать—значитъ, такъ надо»,—говорилъ кавказскій солдатъ и умиралъ безропотно, въ полномъ сознаніи, что жизнь онъ приноситъ за царя и отечество. Передъ такимъ солдатомъ нельзя не преклоняться, нельзя его не любить, онъ заслуживаетъ бо́льшаго...

«Но семья бываетъ иногда не безъ урода, такъ было и въ Баязетѣ. Случай, о которомъ я хочу сказать, могъ деморализовать гарнизонъ, но къ счастью былъ устраненъ.

«Изъ всего гарнизона одно только лицо, именно господинъ П., нарушалъ строгій порядокъ между солдатами. Онъ поддался чувству трусости до такой степени, что не могъ скрывать его и довелъ свою трусость до изумительныхъ размѣровъ. Своими безпрерывными и неотвязчивыми настояніями П. уговаривалъ меня сдать крѣпость. «Все равно,—говорилъ онъ,—всѣхъ насъ перебьютъ, и крѣпость во всякомъ случаѣ будетъ взята». Я протестовалъ и предлагалъ ему даже уѣхать изъ Баязета, что́ несомнѣнно было бы имъ исполнено, если бы въ немъ была увѣренность, что внѣ крѣпости онъ не будетъ убитъ турками.

«Многолѣтнее мое участіе въ войнѣ съ горцами и турками пріучило меня смотрѣть своеобразно на людей военнаго сословія. Взглядъ, быть можетъ, ошибочный, но я не навязывалъ его никому, тѣмъ не менѣе, не могу не высказать слѣдующаго.

«Храбрость одного или нѣсколькихъ лицъ въ военномъ дѣлѣ ведетъ очень часто къ блестящимъ результатамъ. Малая сила по численности войска побѣждаетъ, а иногда и совсѣмъ уничтожаетъ цѣлую армію, доказательствомъ чего могутъ служить многіе примѣры военной исторіи, изъ которыхъ я приведу только два, какъ личный свидѣтель: въ двухъ сраженіяхъ съ турками—подъ Башъ-Кадыкляромъ, 13-го ноября 1853 года и подъ Кюрюкъ-Дара, 24-го іюля 1854 года, наши войска не только разбили на-голову турецкія арміи, превосходившія насъ численностью въ семь разъ, но и совершенно уничтожили эти арміи. Въ сраженіяхъ первыми подали примѣръ двѣ-три знаменныя роты, а за ними пошли дружнымъ натискомъ остальныя части нашего корпуса. Въ результатѣ сказочныя побѣды. Если принять въ соображеніе, что наши войска были вооружены гладкостволками, а всѣ турецкія ударными ружьями, то сила тупецкихъ армій становится не въ семь разъ, а значительно болѣе.

«Въ противоположность чувству храбрости, трусость одного или нѣсколькихъ лицъ можетъ служить заразительнымъ примѣромъ для всей массы и повести къ крайне печальнымъ результатамъ. Такъ думалъ я, когда П. неотвязчиво настаивалъ на сдачѣ крѣпости. Мысль эта сильно тревожила меня, а въ особенности 16-го іюня, когда тру-

сость П. приняла болѣе опасный и острый характеръ. Увлекаемый чувствомъ самоспасенія и забывая, что комендантъ крѣпости есть главное отвѣтственное лицо за цѣлость ея, онъ взошелъ на стѣну цитадели и, усиленно махая бѣлымъ платкомъ, сталъ кричать непріятелю прекратить пальбу и идти принимать крѣпость, какъ добровольно сдающуюся, нижнимъ же чинамъ строго приказалъ «не стрѣлять». Стойкость гарнизона поколебалась, онъ поддался вліянію и приказанію П.; стрѣльба съ нашей стороны и турецкой прекратилась, и турецкіе батальоны, видимо торжествующіе, волнами хлынули къ крѣпости. Я прибѣжалъ съ другой стороны цитадели къ мѣсту, гдѣ П. продолжалъ махать платкомъ и кричать туркамъ о сдачѣ. Спасенія ждать было не откуда, мой протестъ и мои настоянія ставились П. ни во что, а турки между тѣмъ приближались.

«Одна только смерть П. могла возстановить порядокъ въ рядахъ нашихъ солдатъ и возвратить гарнизону ту замѣчательную стойкость, которая выказывалась имъ во всѣ предшествующіе дни осады.

«Совѣсть не упрекнула бы того, кто рѣшился бы убить этого наглаго измѣнника, у котораго чувство самоспасенія стояло выше всего, попирая присягу, долгъ и честь оружія...

«Онъ былъ убитъ на-повалъ...

«Съ этого знаменательнаго, по послѣдствіямъ, момента, командныя мои слова «стрѣлять» электрическимъ токомъ пронеслись по рядамъ солдатъ, свидѣтелей смерти П., и пальба съ крѣпостныхъ стѣнъ возобновилась съ особенною учащенностью. Цитадель была спасена, непріятель отступилъ, усѣявъ свой путь трупами убитыхъ.

«Съ приходомъ на выручку начальника Эриванскаго отряда, генералъ-лейтенанта Тергукасова, роковые дни и ночи закончились, закончились и страданія гарнизона, дошедшія уже до тѣхъ предѣловъ, когда упадокъ физическихъ силъ, отъ голода и жажды, обращаетъ человѣка въ какое-то неопредѣленное, полуживое существо, въ какой-то кусокъ человѣческаго мяса, двигающійся еле-еле, но не потерявшій еще сознанія намѣченной цѣли—отстоять цитадель или умереть. Два-три суточные сухарика и одна столовая ложка протухлой, съ трупнымъ запахомъ, воды, при 40—45-ти-градусной палящей жарѣ въ теченіе многихъ дней осады, сдѣлали свое дѣло,—они не убили гарнизонъ, но обратили его въ толпу скелетовъ и живыхъ мертвецовъ, на которыхъ безъ душевнаго содроганія и ужаса нельзя было взглянуть. И теперь при одной только мысли о тяжелой 23-хъ-дневной оборонѣ, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу и болѣзненно сжимается сердце, а въ памяти отчетливо вырисовываются сказочные по отвагѣ солдаты—изнуренные, исхудалые, съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ и безъ малѣйшаго ропота на тяжелое положеніе. Эти солдаты, не утратившіе бодрости духа, преобладавшаго надъ исто-

щеннымъ ихъ тѣломъ, являлись могучею силою для выполненія намѣченной патріотической задачи—«отстоять во что бы то ни стало крѣпость». Продлись осада еще 5—6 дней,—и весь гарнизонъ поголовно былъ бы мертвъ отъ голода и жажды, или же цитадель взлетѣла бы на воздухъ вмѣстѣ съ ворвавшимися въ крѣпость турками.

«Части войскъ, при приближеніи генерала Тергукасова выстроенныя на крѣпостныхъ веркахъ, единодушно пропѣли гимнъ «Боже, царя храни» и радостно огласили воздухъ крикомъ «ура!».

«Я, изнуренный тѣломъ и душевно измученный, едва передвигая ноги, бросился навстрѣчу къ генералу и въ сильномъ волненіи отрапортовалъ ему о стойкости гарнизона.

«Слезы боеваго генерала служили мнѣ отвѣтомъ.

«Эти слезы животворно подѣйствовали на меня и отрадно отразились въ душѣ всего гарнизона, проникнутаго сознаніемъ честно выполненнаго имъ долга. Стойкость оцѣнилась и отечествомъ, чему доказательствомъ служатъ неограниченныя милости ко мнѣ и къ гарнизону верховныхъ нашихъ вождей, священный обликъ которыхъ не изгладится въ душѣ моей до послѣдней минуты жизни».

Его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ Кавказа и главнокомандующій Кавказскою арміею, 7-го іюля телеграфировалъ капитану Штоквичу изъ Эривани: «Государь императоръ приказалъ мнѣ поздравить васъ съ Георгіемъ 4-й степени. Искренно радуюсь. Еще разъ усердно благодарю».

Спустя недѣлю, и именно 15-го іюля, временно командовавшій лейбъ-гренадерскимъ Эриванскимъ полкомъ, полковникъ Микеладзе, изъ Кюрюкъ-Дара, телеграфировалъ въ штабъ Эриванскаго корпуса для передачи капитану Штоквичу: «Главный защитникъ Баязета и доблестнаго гарнизона, поддержаннаго важными распоряженіями вашими, еще болѣе укрѣпили въ насъ увѣренность въ непоколебимости русскаго солдата. Передайте поклонъ и привѣтъ отъ храброй горсти сотоварищей-эриванцевъ. Примите также отъ бывшихъ однополчанъ увѣреніе, что съ вашимъ именемъ теперь навсегда связаны лучшія воспоминанія для полка».

Подвигъ защитниковъ Баязета сталъ скоро извѣстенъ во всей Россіи, и начальникъ славнаго гарнизона обратилъ на себя всеобщее вниманіе. 2-го января 1878 года начальникъ штаба войскъ Эриванскаго отряда писалъ Штоквичу:

«Милостивый государь, Ѳедоръ Эдуардовичъ! Учрежденное съ 23-го минувшаго октября Тифлисское городское попечительство, въ виду заявленія содержателей частной мужской гимназіи въ Тифлисѣ принять

въ заведеніе пансіонерами двухъ мальчиковъ изъ сыновей героевъ, павшихъ или отличившихся при защитѣ Баязета, протоколомъ отъ 11-го сего ноября опредѣлило обратиться къ начальнику отряда съ просьбою не оставить принять на себя трудъ указать достойнѣйшихъ кандидатовъ на вышеназванныя двѣ вакансіи.

«Его превосходительство, въ виду отличій, оказанныхъ вами при защитѣ Баязета, желая предоставить одному изъ вашихъ сыновей воспитаніе въ частной мужской гимназіи, поручилъ просить васъ сообщить мнѣ въ возможной поспѣшности имена вашихъ сыновей, лѣта отъ роду и гдѣ они воспитываются».

На это письмо Ѳ. Э. Штоквичъ отвѣчалъ:

«Искреннѣйше благодарю господина начальника отряда за вниманіе къ моимъ заслугамъ и моему семейству, но, не желая отнимать возможности на облегченіе семейства одного изъ достойныхъ защитниковъ Баязета—капитана 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка Колоссовскаго, обремененнаго большой семьей, состоящей изъ малолѣтнихъ сыновей и дочерей, осмѣливаюсь покорнѣйше просить начальника отряда ходатайства о воспитаніи, вмѣсто одного изъ моихъ сыновей, сына капитана Колоссовскаго, Ивана, восьми лѣтъ».

Сослуживецъ Ѳ. Штоквича **В. Антоновъ**.

Сатира 1811 года на Тверской бульваръ.

Во второй половинѣ 1811 года появились въ Москвѣ слѣдующіе «Стихи на Тверской бульваръ» [1]):

Жаль разстаться мнѣ съ бульваромъ,
Туда не-хотя идешь,
Тамъ глядишь на милыхъ даромъ
И утѣхи даромъ пьешь.
Вездѣ труппою прекрасны
Представляются глазамъ.
О! сколь стрѣлы ихъ опасны
И сколь пагубны сердцамъ.
Тамъ въ зелененькомъ корсетѣ
Тихо Дурова идетъ,
Ее въ пюсовомъ жилетѣ
Братецъ миленькій ведетъ;
Оба тяжко воздыхаютъ,
И бульваръ ужь имъ не милъ:
Отъ любви они страдаютъ,
Цѣлый свѣтъ для нихъ постылъ.
Къ нимъ Евреиновъ прекрасный
То жъ подъ пару подстаетъ;
Женщинъ милыхъ врагъ опасный
Сломя голову идетъ.

---

[1]) Въ изслѣдованіи г. Пыляева «Старая Москва», выпускъ XVII стр. 513, приведены отрывки изъ этой сатиры, но въ значительно измѣненномъ текстѣ противъ подлинника. При этомъ г. Пыляевъ не называетъ имени автора сатиры не говоритъ и о послѣдствіяхъ, имъ испытанныхъ за это сочиненіе. Р е д.

Дальше взоры провожаетъ
Блескъ каменьевъ дорогихъ,—
Шепелева то блистаетъ
Въ пышныхъ утваряхъ своихъ.
Гусаръ-мужъ ея въ мундирѣ
Себѣ въ голову забралъ,
Что красавца, какъ онъ, въ мірѣ
Еще рѣдко кто видалъ.
Усы—мѣры въ полъаршина
Отрастилъ, всѣмъ на-показъ,—
Пресмѣшная образина
Шепелевъ въ глазахъ у насъ.
Вотъ Анюта Трубецкая
Сломя голову бѣжитъ;
На всѣ стороны кивая,
Всѣхъ улыбкою даритъ.
За ней дѣдушка почтенный
По слѣдамъ ея идетъ;
Покой внучки драгоцѣнной
Пуще глаза бережетъ.
Вѣтерокъ ли къ ней повѣетъ,—
Онъ платочкомъ заслонитъ;
Солнце ль жарко ее грѣетъ,—
Онъ отъ жара защититъ.
А за ними, адъютантомъ,
Князь Голицынъ нашъ идетъ,
Камергерскимъ своимъ бантомъ
Всѣхъ насъ со смѣху моритъ.
Вотъ летитъ и Болховская,
Искрививши правый бокъ,—
Криворукая, косая,—
Точно рвотный порошокъ.
Да и младшая сестрица
Не уступитъ ей ни въ чемъ,—
Одинакихъ перьевъ птица,
Побожиться можно въ томъ.
Вотъ поповичъ Малиновскій
Выступаетъ также тутъ;
За нимъ тоненькій Витковскій,
Въ коемъ жиру тридцать пудъ,—
Онъ жену ведетъ подъ ручку
Наравнѣ съ нимъ толщиной.

Какъ на смѣхъ, всѣ жирны въ кучку
Собрались между собой.
Вотъ и Майковъ, музъ губитель,
Декламируя идетъ;
Какъ театра управитель,
Онъ актеровъ всѣхъ ведетъ.
Адъютантъ его Андрюшка
Ни на шагъ не отстаетъ,
Въ модномъ фракѣ, какъ вертушка,
Дамамъ тоны задаетъ.
Мочаловъ, Зубовъ, Колпаковъ
Его съ почтеньемъ провожаютъ;
Лисицынъ, Фрыгинъ, Кондаковъ
Ему дорогу очищаютъ.
За нимъ всѣ авторы стремятся,—
Въ рукахъ трагедіи у нихъ;
Вокругъ всѣ дивятся, тѣснятся,
Приносятъ даръ умовъ своихъ.
«Возьми, возьми!»—провозглашаютъ —
«О! Майковъ, ты труды сіи».
И, съ словомъ симъ они швыряютъ
Въ него трагедіи свои.
Но какое здѣсь явленье
Поражаетъ весь народъ?
На всѣхъ лицахъ удивленье,
Всѣ глядятъ разиня ротъ?
Ужь не чудо ли морское,
На бѣду нашу катитъ,
Иль страшилище какое
Къ намъ по воздуху летитъ?
Нѣтъ! пустые это вздоры,—
Графъ Кирюша тутъ бѣжитъ,—
Всѣмъ умильно мечетъ взоры,
На всѣхъ ласково глядитъ.
На него-то всѣ дивятся,
Обернувшися къ нему,
Да и, надобно признаться,
Что есть подлинно чему:
Мундиръ шитый, генеральскій
Къ его рожѣ не присталъ,—
Лучше бъ сдѣлалъ онъ капральскій
И его бы надѣвалъ,—

И въ семъ прелестномъ одѣяньѣ
Жилъ бы въ горницѣ своей,
Не ходилъ бы на гулянье,
Не смѣшилъ бы всѣхъ людей.

Посланіе къ автору «Стиховъ на бульваръ».

Чѣмъ васъ прочи огорчили,
Стихотворецъ милый мой!
Что вы ихъ не помѣстили
Въ протоколъ прелестный свой.
И они также одѣты,
Всякій тоны задавалъ;
Ахъ, позволь, чтобъ ихъ портреты
Хотя я здѣсь описалъ.
Вотъ катится чудный шарикъ
Въ красной лентѣ, со звѣздой,—
То Нелединскій—сударикъ
И пьянюга дорогой
Иноходцемъ запущаетъ;
Не жалѣя ничего,—
Въ галлерею поспѣшаетъ,
Тамъ мадера ждетъ его.
Банкъ ли пометать пуститься,
Или штосъ сдѣлать порой,—
Онъ всегда на все годится,—
Малый этотъ—золотой.
Выпивъ водки близу бочки,
Вотъ Алябьевы идутъ,
То-то милые дружечки
Едва головы несутъ.
Къ нимъ еще двое несчастныхъ
Въ кадриль ловко подошли,
Съ лицами отъ спирта красныхъ,
Также на бульваръ пришли.
То Травинъ пьянюга ловкой
И при немъ хорошій шутъ
Бабицинъ, съ большой головкой,
Ковыляютъ вмѣстѣ тутъ.

Это что еще за спица
Такъ быстра сюда бѣжитъ,
Не еще ль какая птица
Позабавить насъ летитъ?
Не Мясновъ-ли чудотворный,
Нашъ прелестный новый франтъ,
Парень легкій и проворный,
Дамскій милый адъютантъ?
Никого себѣ подъ пару
Не беретъ сей господинъ,—
Вѣчно ходитъ по бульвару,
Какъ сироточка, одинъ.
И Волконскій съ карусели
Въ шпорахъ звонкихъ прикатилъ,—
Весь растрепанъ, какъ съ постели,—
Малый этотъ, право, милъ.
Мерлиній дуракъ красавчикъ
Вотъ изволилъ прискакать;
Оправляя свой рукавчикъ,
Также тону хочетъ дать.
Ну, его ли глупой рожѣ,
И чего ждать отъ него,
Коль мундиръ цѣнятъ дороже,
Нежель самого его,—
Благо за свое старанье
Славный получилъ накалъ;
Чтобы дѣлать на гуляньѣ,
Лучше бъ дома попивалъ.
Сыну глупому богатства
Не помога, слышалъ я,
Коли мудрости изрядства
Не купилъ онъ для себя.
Графъ тому въ примѣръ Кирила:
Хоть богатъ и знатенъ такъ,
Но куда ни сунетъ рыла,
Тотчасъ виденъ, что дуракъ.
Но не всѣхъ же вѣдь до крошки
Намъ сюда переписать,—
Не пора ли сѣсть на дрожки,
Да домой,—ужь время спать.

Авторомъ этихъ стихотвореній оказался служившій въ гражданской канцеляріи главнокомандующаго въ Москвѣ фельдмаршала графа

Ивана Васильевича Гудовича 16-ти-лѣтній титулярный юнкеръ кн. Волконскій.

«Коль скоро узналъ я о таковомъ его поступкѣ,—писалъ графъ Гудовичъ И. И. Дмитріеву [1]) 18-го сентября 1811 года,—и получилъ отъ него чистосердечное въ томъ признаніе, я, въ страхъ и примѣръ другимъ, почелъ нужнымъ, исключа Волконскаго изъ штата моей канцеляріи, предать сужденію совѣстнаго суда, какъ малолѣтняго, 16-ть только лѣтъ имѣющаго. Нынѣ совѣстный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, представилъ ко мнѣ свое заключеніе, коимъ полагаетъ: титулярнаго юнкера князя Волконскаго, въ исправленіе развращенной его нравственности и вредныхъ его склонностей, въ толь молодыхъ еще лѣтахъ обнаружившихся, посадить на хлѣбъ и на воду на одинъ мѣсяцъ.

«Не считая приличнымъ подвергать его таковому наказанію, которое по закону считается для дворянина наравнѣ съ тѣлеснымъ, я мнѣніемъ полагаю: онаго князя Волконскаго, какъ, по образу поведенія своего, къ исправленію не совсѣмъ надежнаго, обратить въ военную службу, для выслуги; о чемъ доводя до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорнѣйше прошу васъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества на то соизволеніе и меня объ оном ъ почтить отзывомъ вашимъ».

По докладѣ министромъ юстиціи какъ мнѣнія генералъ-фельдмаршала графа Гудовича, такъ и состоявшагося о князѣ Волконскомъ приговора суда, Императоръ Александръ, 22-го октября 1811 г., утвердилъ приговоръ совѣстнаго суда.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

[1]) Тогда министру юстиціи.

Записки графа Л. Л. Беннигсена
о
войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

VIII [1]).

Наступленіе Беннигсена.—Донесенія маршала Нея.—Дѣло при Морунгенѣ.—

7-го (19-го) января русская армія перешла въ наступленіе, и 8-го (20-го) числа главная квартира расположилась въ Хейлиге-линде.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ, что, узнавъ о пребываніи еще непріятельскаго эскадрона въ окрестностяхъ Лангхейма, онъ послалъ туда полковика Грекова 18-го съ его казачьимъ полкомъ, который и нашелъ возможнымъ окружить этотъ эскадронъ, принадлежавшій къ 3-му гусарскому полку французовъ, убилъ нѣсколько человѣкъ и взялъ въ плѣнъ 83 рядовыхъ, двухъ оберъ-офицеровъ и капитана Сентъ-Обёнъ-ле-Брёнъ. Полковникъ Грековъ отдавалъ должную справедливость храбрости и хорошему образу дѣйствія французскихъ офицеровъ и въ особенности самого капитана.

Я долженъ присовокупить, что французы были захвачены врасплохъ,—доказательство, что непріятель въ точности не зналъ о нашемъ наступленіи. Этотъ случай, а также другой, бывшій наканунѣ, всполошилъ всю его линію, расположенную въ старой Пруссіи.

Прусскій отрядъ подъ командою Лестока я приказалъ усилить тремя батальонами Выборгскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ полковника Пилляра и казачьимъ полкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Лестоку на другой день атаковать Шиппенбейль.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1897 г.

9 (21) января армія заняла послѣ обѣда квартиры, покинутыя непріятелемъ утромъ того же дня. Главная квартира была въ Бишофштейнѣ.

Генералъ Марковъ прислалъ въ главную квартиру офицера и семь солдатъ французскихъ, взятыхъ въ плѣнъ въ одной деревнѣ. Генералъ Барклай-де-Толли сообщалъ, что при его движеніи впередъ казачій полкъ Илловайскаго 9-го встрѣтилъ небольшой непріятельскій отрядъ, близъ деревни Банзенъ, и взялъ въ плѣнъ одного унтеръ-офицера и семнадцать рядовыхъ.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, сосредоточивъ свой отрядъ близъ Денгофштадта, подвинулся до Шиппенбейля. Непріятель сжегъ мостъ на рѣкѣ Аллэ и очистилъ городъ. По поводу этого отступленія французовъ маршалъ Ней писалъ военному министру:

«Имѣю честь донести вамъ, что отступленіе (mouvement retrograde) моего корпуса начато отрядомъ на рѣкѣ Аллэ въ составѣ двухъ эскадроновъ 10-го егерскаго полка, которые эшелонами отступили отъ Шиппенбейля, Бартенштейна и Гейльсберга и вечеромъ прибыли въ Гутштадтъ. Въ тотъ же день 3-й батальонъ вольтижеровъ, стоявшій въ Лангеймѣ, отступилъ вмѣстѣ съ 3-мъ гусарскимъ полкомъ на Бишофштейнъ, гдѣ находился 25-й легкій полкъ.

«25-й легкій и 27-й линейный полки отступили 21-го числа: первый на Себургъ, а послѣдній на Алленштейнъ, гдѣ находились уже 59-й, 69-й и 79-й полки, а также четыре драгунскихъ полка генерала Груши, отступившіе 20-го и 21-го числа отъ Бишофсбургъ на Пассенгеймъ; эта колонна прибудетъ сегодня въ Нейденбургъ, гдѣ уже находится 39-й полкъ. 6-ой легкій пѣхотный полкъ явится 22-го числа въ Гогенштейнъ. Драгуны прикрываютъ сообщенія съ Вилленбургомъ и лѣвымъ крыломъ примыкаютъ къ отряду генерала Кольбера, стоящему съ утра сегодня въ Вартенбургѣ вмѣстѣ съ батальономъ вольтижеровъ и однимъ гренадерскимъ, а также двумя орудіями и 25-мъ легкимъ полкомъ. Завтра въ четыре часа утра излишекъ вольтижеровъ и гренадеръ, 10-й стрѣлковый, рота легкой артиллеріи и 50-й полкъ выступятъ изъ Гутштадта, чтобы занять позицію при Алленштейнѣ; въ восемь же часовъ утра 27-й и 59-й полки отправятся изъ Алленштейна въ Гогенштейнъ. Путемъ этихъ передвиженій я всѣ свои войска къ 24-му числу сосредоточу между Гогенштейномъ и Нейденбургомъ. Тутъ я подожду одинъ день, чтобы разузнать о намѣреніяхъ непріятеля. Не считаю его однако настолько уже сильнымъ, чтобы онъ отважился серьезно меня атаковать; до настоящаго дня онъ обнаружилъ значительное число кавалеріи, мало пѣхоты и отсутствіе всякой артиллеріи [1]). 18-го числа непріятель дѣлалъ общую рекогносци-

[1]) Изъ этихъ словъ видно, до чего мало извѣстно было французамъ 10 (22) января то движеніе, которое я совершалъ со всею моею армію. Примѣч. Беннигсена.

ровку отъ Лангейма, Лейнебурга на рѣкѣ Зейнѣ и Бартена до Шиппенбейля; его попытки были однако отражены. Въ особенности въ Лейнебургѣ непріятель понесъ большую потерю убитыми и ранеными, а также плѣными; въ числѣ раненыхъ находится полковникъ Штутергеймъ (пруссакъ). При Лангхеймѣ и Шиппенбейлѣ мы одержали подобные же успѣхи [1]). 20-го числа за моимъ колоннами слѣдовала русская и прусская кавалерія, а также нѣсколько отрядовъ пѣхоты, которые двигались въ саняхъ. Вечеромъ и въ продолженіе ночи непріятельская кавалерія тревожила почти въ одно время всѣ позиціи, занятыя моими аванпостами, но къ моимъ пѣхотнымъ полкамъ она приближалась съ большою осмотрительностію: она оставила раненными нѣсколько людей и лошадей. Одинъ эскадронъ 3-го гусарскаго полка, слишкомъ увлекшись атакою, былъ сильно отброшенъ на пѣхоту и потерялъ нѣсколько человѣкъ. Вотъ показанія нѣкоторыхъ плѣнныхъ и дезертировъ: одна пѣхотная колонна русскихъ и прусскихъ войскъ, въ составѣ около 4.000 человѣкъ, направляется изъ Зеебурга на Вилленбургъ. Другая колонна изъ десяти кавалерійскихъ полковъ, въ составѣ отъ 800 до 900 человѣкъ каждый, идетъ на Гутштадтъ, Алленштейнъ, Гогенштейнъ и Нейденбургъ. Пѣхота русская, которая должна слѣдовать за этою кавалеріею, находится еще въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ позади; численность ея неизвѣстна. Генералъ Беннигсенъ находится въ Растенбургѣ. Пруссаки, подъ командою генерала Лестока, направляются на Либштадтъ и Эльбингъ, по лѣвому берегу Алле. Сообщаю Понте-Корво [2]) и маршалу Сульту о моемъ отступленіи и о свѣдѣніяхъ, которыя имѣю о непріятелѣ»

10 (22) января я послалъ генералу Маркову приказаніе двинуться съ авангардомъ въ Кирвиненъ и выслать отряды по направленію къ Гейльсбергу и Гутштадту, чтобы собрать свѣдѣнія объ отступленіи непріятеля и объ избранныхъ имъ для этого дорогахъ. Другое приказаніе было отправлено генералу-лейтенанту графу Остерманну-Толстому, чтобы двинуться со 2-ю дивизіею на Зеебургъ для преслѣдованія непріятеля.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, не имѣвъ возможности перейти Алле у Шиппенбейля, былъ принужденъ идти на Фридландъ, чтобы переправиться чрезъ эту рѣку, и въ тотъ же день успѣлъ достичь Прейсиш-Эйлау.

Главная русская квартира въ этотъ день находилась въ Бишоф-

---

[1]) 7 (19) января я совершалъ общее наступленіе, которое непріятель принялъ за рекогносцировку. Мнѣ ничего неизвѣстно объ этихъ двухъ стычкахъ. Прим. Беннигсена.

[2]) Понте-Корво былъ титулъ маршала Бернадотта. Прим. переводч.

штейнѣ; остальныя войска оставались также на квартирахъ, занятыхъ ими наканунѣ.

11 (23) января я получилъ донесеніе отъ генерала Маркова, что онъ не нашелъ непріятеля въ Кирвиненѣ. Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманнъ равнымъ образомъ доносилъ, что непріятель очистилъ Зеебургъ незадолго до его прибытія въ это мѣстечко. Генералъ лейтенантъ Лестокъ прибылъ со своимъ отрядомъ въ Ландсбергъ.

Маршалъ Ней отъ 11 (23) числа послалъ военному министру слѣдующее донесеніе о своемъ движеніи.

«Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что мое отступленіе продолжалось и сегодня безъ всякихъ попытокъ со стороны непріятеля чѣмъ-либо тревожить движеніе моихъ колоннъ. Вчера, въ два часа утра, непріятель дѣлалъ рекогносцировку на Вартенбургъ, но отступилъ при первыхъ ружейныхъ выстрѣлахъ. Генералъ Груши сообщаетъ мнѣ изъ Іедвабно отъ вчерашняго числа, что, со времени выступленія его изъ Бишофсбурга, съ бригадою генерала Марконіэ, непріятель вовсе не слѣдовалъ за нимъ; что русскія и прусскія войска направляются вправо и идутъ повидимому на Гутштадтъ; что наконецъ драгунскій полкъ, стоявшій въ Ортельсбургѣ, но который онъ придвинулъ къ себѣ, не имѣетъ никакихъ извѣстій о непріятелѣ. Это, казалось бы, опровергаетъ сдѣланное мнѣ донесеніе о движеніи колонны, идущей изъ Зенсбурга въ Вилленбургъ. Генералъ Кольберъ увѣдомляетъ меня сегодня утромъ, что русская кавалерія заготовляетъ продовольствіе въ Бишофсбургѣ и что Зеебургъ занятъ многими полками русской кавалеріи. Главныя силы моего корпуса займутъ 25-го числа этого мѣсяца слѣдующія мѣста: Нейденбургъ, Гильгенбургъ, Сольдау, Лаутенбургъ, Куцбракъ, Млаву, Янову, Козеленъ.

«Драгунская дивизія генерала Груши, имѣя аванпосты въ Мюленѣ, по дорогѣ изъ Гогенштейна въ Гильгенбургъ, займетъ двумя своими полками селенія, находящіяся отъ Нейденбурга до половины дороги въ Гильгенбургъ; остальные же два полка будутъ размѣщены по деревнямъ отъ Нейденбурга до Сольдау.—Легкая кавалерія генерала Кольбера вступитъ въ Яново, отрядитъ одинъ эскадронъ въ Козеленъ, а другой—впереди Нейденбурга, чтобы прикрывать сообщенія изъ Вилленбурга, Іедвабно и Гогенштейна. Посредствомъ подобнаго размѣщенія я надѣюсь имѣть возможность собрать весь мой отрядъ менѣе чѣмъ въ два дня къ Нейденбургу, Гильгенбургу, Сольдау или Млавѣ.

«Завтра я отправлюсь въ Нейденбургъ, гдѣ пробуду нѣсколько дней, пока не разузнаю о намѣреніяхъ непріятеля. Я нашелъ Гогенштейнъ занятымъ драгунскою дивизіею корпуса князя Понте-Корво; этотъ пунктъ долженъ быть охраняемъ очень тщательно, такъ какъ онъ прямо сообщается съ Остероде. Я пишу князю Понте-Корво и маршалу

Сульту, чтобы дать имъ знать о моихъ диспозиціяхъ и о направленіи непріятельской арміи повидимому на Гутштадтъ».

Вечеромъ того же числа маршалъ Ней писалъ князю Понте-Корво слѣдующее:

«Я только что получилъ письмо, тѣмъ же числомъ, написанное мнѣ маршаломъ Груши изъ Іедвабно. Онъ сообщаетъ мнѣ, что непріятель быстро подвигается со всѣхъ сторонъ на моемъ правомъ флангѣ; что онъ занялъ уже Ортельсбургъ, Мейсгутъ и Пассенгеймъ немедленно послѣ того, какъ мы очистили всѣ эти мѣста; что онъ обнаруживаетъ вообще пѣхоту. Я поручилъ генералу Груши написать вамъ сегодня же ночью или завтра съ разсвѣтомъ и сообщить вамъ всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ до него дойти. Утверждаютъ, что непріятель въ большомъ числѣ стянулъ войска съ своего лѣваго фланга, начиная съ Остроленко, Іоганнисбурга, Николейкинъ, чтобы направить всѣ свои силы на Пассаргу, проходя преимущественно чрезъ Нассенбургъ.

«Генералъ Мэзонъ увѣдомилъ меня о расположеніи вашихъ войскъ; онъ предупредилъ также генерала Дютайля, что онъ завтра придвинетъ къ себѣ драгунскую дивизію. Кромѣ того онъ сообщилъ, что офицеръ вашего корпуса, прибывшій изъ Либштадта, слыхалъ ружейную перестрѣлку. Такъ какъ весьма вѣроятно, что непріятель двинется на Остероде, то я нѣкоторыя изъ моихъ распоряженій измѣняю. Я сильно займу Гогенштейнъ и немного сзади Мютенъ, чтобы быть въ состояніи поддержать вашъ правый флангъ и взять непріятеля во флангъ, если бы онъ вздумалъ проникнуть между моимъ лѣвымъ флангомъ и вашимъ правымъ. Будьте увѣрены, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ вы меня всегда найдете готовымъ предъявить вамъ доказательства моего рвенія на славу императорскаго оружія и моей привязанности къ вамъ лично».

12-го (24-го) января, моя главная квартира прибыла въ Гейльсбергъ.

Генералъ-маіоръ Барклай-де-Толи сообщалъ, что отрядилъ эскадронъ гусаръ Изюмскаго полка съ 60 казаками, подъ командою подполковника Веригина въ Пассенгеймъ, гдѣ этотъ отрядъ встрѣтилъ два непріятельскіе эскадрона 6-го драгунскаго полка, опрокинулъ ихъ, убилъ нѣсколько человѣкъ и взялъ въ плѣнъ двухъ капитановъ Дерво и Кошелота и 29 человѣкъ драгунъ.

Генералъ-маіоръ Марковъ доносилъ, что, прибывъ съ авангардомъ праваго крыла въ Эльдиттенъ, онъ узналъ, что непріятель, занимавшій маленькій городъ Либштадтъ, подъ начальствомъ генерала Пакто, съ отрядомъ пѣхоты и нѣсколькими эскадронами драгунъ и гусаръ, узнавъ о приближеніи русскихъ, собиралъ крестьянскія телѣги для отступленія. Генералъ Марковъ вслѣдствіе этого извѣстія немедленно двинулся съ авангардомъ, чтобы напасть на непріятеля, прежде его

выступленія изъ Либштадта, что ему вполнѣ и удалось. Несмотря на сопротивленіе, оказанное противникомъ при защитѣ города, онъ былъ выбитъ съ незначительными для него потерями убитыми и раненными, причемъ были нами взяты въ плѣнъ одинъ подполковникъ, одинъ маіоръ, 16 оберъ-офицеровъ, и 270 солдатъ. Наша же потеря состояла изъ 27 убитыхъ и раненыхъ.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ продвинулъ свои аванпосты до р. Пассарги. Получивъ извѣстіе, что генералъ Рукеттъ, находившійся съ отрядомъ въ Нидригунгѣ, былъ оттѣсненъ войсками корпуса маршала Бернадотта и принужденъ не только отступить чрезъ Прейсишь-Голандъ, но и покинуть даже Браунсбергъ, генералъ Лестокъ рѣшился подвинуть свое правое крыло до Мюльгаузена, съ тѣмъ чтобы отрѣзать отступленіе непріятелю. Маршалъ Ней сообщалъ въ это же время маршалу Бернадотту слѣдующее:

«Непріятель сегодня ограничился только простыми рекогносцировками; онъ заставилъ часть пѣхоты и кавалеріи двинуться по направленію къ Ортельсбургу и Пассенгейму и, казалось, достаточно ясно означалъ этимъ свое движеніе къ Данцигу. Перебѣжчики и плѣнные дали слѣдующія показанія: въ настоящее время производится значительный сборъ прускихъ войскъ между Мюльгаузеномъ и Прейсишь-Эйлау. Армія, находящаяся подъ начальствомъ генералъ Беннигсена, состоитъ изъ 80 тысячъ человѣкъ. Этотъ генералъ имѣлъ свиданіе съ англійскимъ генераломъ Гутчинсономъ, который долженъ къ нему присоединиться съ отрядомъ въ 10.000 человѣкъ; англичане, а также равное число шведскихъ солдатъ высадятся въ Данцигѣ. Фельдмаршалъ графъ Каменскій впалъ въ немилость и замѣщенъ генераломъ Беннигсеномъ, который сдѣланъ главнокомандующимъ. Громко поговариваютъ, что французская армія будетъ принуждена ранѣе десяти дней очистить правый берегъ Вислы.

«Генералъ Курбьеръ, комендантъ въ Грауденцѣ, былъ извѣщенъ русскимъ генераломъ, что блокада этой крѣпости будетъ снята одновременно со взятіемъ Торна и что сдѣланы всѣ приготовленія для перехода черезъ Вислу немедленно послѣ этого дѣла, съ цѣлію принудить французскую армію, находящуюся въ Варшавѣ, поспѣшно отступить. Наконецъ разсказываютъ, что при первомъ успѣхѣ, одержанномъ русскими надъ нами, въ которомъ они не сомнѣваются въ силу численнаго ихъ надъ нами превосходства, австрійская армія сдѣлаетъ диверсію въ Моравію и проникнетъ въ Силезію. Къ этому могу еще присоединить, что русскіе и прусскіе офицеры, являвшіеся парламентировать съ нашими аванпостами 22-го числа, впереди Алленштейна, сказывали, что они вполнѣ въ состояніи прогнать насъ за Вислу».

13(25) января главная наша квартира перешла въ деревню Аренсдорфъ; авангардъ праваго крыла получилъ приказаніе, если непріятель отсту-

питъ, двинуться къ Морунгену, а кавалерія праваго крыла должна была занять квартиры въ окрестностяхъ этого города. Авангардъ лѣваго крыла былъ направленъ на Дигиттенъ; отрядъ же генерала Багговута въ Саукендорфъ. Движеніе этихъ двухъ отрядовъ имѣло двоякую цѣль: они должны были наблюдать за корпусомъ маршала Нея и вводить непріятеля въ заблужденіе о дѣйствительномъ нашемъ намѣреніи. Генералу Барклаю было приказано съ тою же цѣлью, на пути своемъ, распространять слухъ, что главная наша армія идетъ по этому же пути, направляясь въ Остероде. Кавалерія нашего праваго крыла шла въ Альтъ-Рамтенъ. Правое крыло арміи двигалось въ Фохтсдорфъ, Швейнъ-Киттенъ, Зоммерфельдъ и Лаунау. Лѣвое крыло—въ Хейменталь, Эльдитенъ и Гутштадтъ.

Генералъ Лестокъ, узнавъ объ отступленіи непріятеля изъ Браунсберга чрезъ Мюльгаузенъ въ Прейсишь-Голандъ, рѣшилъ двинуться на Мельзакъ, а оттуда потомъ въ Вормдиттъ.

Рапорты маршала Нея отъ сего же числа изъ Гогенштейна къ военному министру заключали въ себѣ слѣдующее:

«Имѣю честь сообщить вамъ копіи двухъ писемъ, полученныхъ мною сію минуту отъ князя Понте-Корво и генерала Мэзона, его начальника штаба, отъ вчерашняго числа (эти письма не нашлись въ перехваченныхъ бумагахъ). Я буду сохранять мою позицію въ Гогенштейнѣ, Миленѣ, Нейдебургѣ до новыхъ приказаній императора. Непріятель ограничивается наблюденіемъ за мною своими разъѣздами; онъ занимаетъ по-прежнему Алленштейнъ, Вартенбургъ, Зеебургъ, Бишофсбургъ и Пассенгеймъ. Его движеніе съ превосходными силами къ Данцигу должно имѣть какую либо иную цѣль кромѣ снятія блокады этой крѣпости. Вчера рекогносцировка драгунъ дивизіи генерала Груши была сильно отражена отъ Пассенгейма въ Іедвабно.

«Дорогу изъ Вилленберга чрезъ Хорцелленъ и Пржасницъ непріятель не тревожитъ. Маршалъ Сультъ въ состояніи болѣе подробно и лучше меня знать въ точности о всѣхъ движеніяхъ непріятеля въ этомъ направленіи; онъ не замедлитъ, конечно, донести о всемъ вашей свѣтлости».

Тотъ же Ней писалъ 13-го (25-го) числа: «Сію минуту получилъ письмо генерала Мэзона, которое имѣю честь препроводить къ вамъ (это письмо также не оказалось въ бумагахъ). Я не считаю нужнымъ дѣлать какія либо движенія къ Остероде, потому что это отдалитъ меня отъ сообщеній съ Нейденбургомъ, которыя чрезвычайно необходимо сохранить за нами, чтобы прикрыть лѣвый флангъ главной арміи. Поэтому я останусь въ занимаемыхъ мною позиціяхъ въ Гогенштейнѣ, Мюленѣ и Нейденбургѣ. Обстоятельства, повидимому, дѣлаются тяжкими; мнѣ казалось бы весьма существенно необходимымъ, чтобы его величество, въ случаѣ если онъ не сочтетъ нужнымъ двинуться на непріятеля,

послалъ бы по крайней мѣрѣ одного изъ своихъ адъютантовъ на мѣсто, чтобы убѣдиться въ общемъ положеніи дѣлъ и подробно донести ему о нихъ».

Маршалъ Ней тогда же писалъ Мэзону. «Я получилъ, мой дорогой генералъ, ваше письмо отъ сего числа. Очень сожалѣю о случившемся съ генераломъ Пакто въ Либштадтѣ. Непріятель, направляющійся на Морунгенъ, повидимому, имѣетъ намѣреніе принудить васъ очистить Эльбингъ и Маріенвердеръ, чтобы установить себѣ сообщеніе съ Данцигомъ [1]). Это движеніе дастъ время 1-му корпусу соединиться въ Остероде, что́ онъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать при быстромъ движеніи непріятеля къ Прейсишь-Голланду. Моя позиція такова, что я не могу ее покинуть, не подвергнувъ опасности сообщеніе главной арміи съ Нейденбургомъ. Поэтому мнѣ невозможно подойти ближе къ вашему правому крылу для его подкрѣпленія. Министръ, которому я представилъ точный отчетъ о всѣхъ этихъ событіяхъ, еще не отвѣчалъ мнѣ. Послѣднія полученныя мною отъ него приказанія состоятъ въ томъ, чтобы я расположился въ назначенныхъ мнѣ зимнихъ квартирахъ въ Млавѣ. Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій изъ императорской квартиры».

Тотъ же Ней пишетъ генералу Груши:

«Вчера получилъ я, мой дорогой генералъ, ваше донесеніе о дѣлѣ, происходившемъ подъ Пассенгеймомъ. Надѣюсь, что этотъ урокъ, полученный нашими драгунами отъ непріятеля, заставитъ ихъ на будущее время выставлять посты внѣ городовъ и садиться на лошадей съ разсвѣтомъ дня. Выразите командовавшему въ Пассенгеймѣ офицеру все мое неудовольствіе по поводу такого преступнаго образа служенія. Равнымъ образомъ я получилъ ваше письмо отъ сегодняшняго числа. Продолжайте поддерживать сообщеніе съ Хорцелленомъ до прибытія на эту позицію генерала Кольбера. Князь Понте-Корво принужденъ былъ отступить на Морунгенъ; мы оба ожидаемъ приказаній императора».

Маршалъ Ней писалъ принцу Понте-Корво 13-го (25-го) числа въ четыре часа вечеромъ слѣдующее. «Письмо вашей свѣтлости, которое вы мнѣ вчера писали, я получилъ сегодня 25-го числа въ два часа

---

[1]) Генералъ Лестокъ направлялся къ Прейсишь-Голанду, но никогда не могъ отрѣзать корпусъ Бернадотта отъ Остероде. Это въ дѣйствительности однако случилось, но вслѣдствіе быстраго движенія русской арміи на Морунгенъ и въ особенности вслѣдствіе того, что я направилъ колонну лѣваго крыла на Альтъ-Рамтенъ, куда кавалерія прибыла въ началѣ сраженія подъ Морунгеномъ, что особыхъ послѣдствій также имѣть не могло. Отступленіе къ Торну оставалось по-прежнему свободнымъ для непріятеля; онъ и совершилъ оное при приближеніи русской арміи къ Морунгену. Прибытіе моихъ войскъ въ Либмюль окончательно преградило корпусу Бернадотта дорогу въ Остероде. примѣч. Беннигсена.

утра. Генералъ Мэзонъ, вашъ начальникъ штаба, уже доставилъ мнѣ свѣдѣнія о дѣлѣ, бывшемъ въ Либштадтѣ. Я ему писалъ, что сосредоточеніе всего вашего корпуса подъ Морунгеномъ считаю его спасеніемъ по близости этого мѣста отъ Остероде и тѣхъ средствъ обороны, которыя я бы могъ присоединить, съ цѣлью дать непріятелю одно общее сраженіе вмѣсто различныхъ отдѣльныхъ стычекъ. Вы изволили до того вполнѣ сознать необходимость этого, что приказали мнѣ оное исполнить, какъ это видно изъ вашего письма. Вотъ въ чемъ заключаются намѣренія непріятеля по моему предположенію. Переходя въ наступленіе онъ неизбѣжно имѣетъ цѣлью возстановить сухопутное сообщеніе съ Данцигомъ. Единственнымъ средствомъ достиженія этой цѣли являлось направленіе его колоннъ чрезъ Растенбургъ прямо на Гутштадтъ, что онъ и сдѣлалъ съ многочисленною кавалеріею, оставляя безъ движенія свое лѣвое и правое крыло до достиженія имъ береговъ Пассарги. Какъ скоро непріятель достигнетъ Прейсишь-Голланда, онъ, какъ я предполагаю, притянетъ къ этому же мѣсту свою колонну изъ Браунсберга. Тогда Эльбингъ остается свободнымъ, и непріятель вѣроятно будетъ стоять спокойно, развѣ что онъ имѣетъ въ виду болѣе обширный планъ при началѣ военныхъ дѣйствій. Намъ слѣдовало бы собраться въ очень тѣсныхъ оборонительныхъ позиціяхъ, что я и сдѣлалъ съ моимъ корпусомъ, будучи при томъ въ состояніи опереться на Остероде—мѣсто, назначенное по приказанію его величества для вашего корпуса. Полагаю, что непріятель будетъ дѣлать только слабую демонстрацію на Морунгенъ, какъ онъ это дѣлалъ по всему моему правому флангу, по мѣрѣ того какъ я уклонялся отъ сраженія съ нимъ, начиная съ Гутштадта до Алленштейна и Пассенгейма. Вся эта мѣстность занята непріятельскою кавалеріею, расположенною эшелонами отъ Растенбурга до Бишофсбурга, Бишофсштейна, Зеебурга и Гутштадта.

«Вы изволите предлагать мнѣ сдѣлать движенія на правомъ флангѣ и приблизиться къ Алленштейну. Мнѣ кажется однако, что такое движеніе было бы несогласно съ общимъ планомъ противодѣйствія, которое намъ должно стараться противопоставить непріятелю: я ему открою этимъ свой правый флангъ, тогда какъ въ Гогенштейнѣ, гдѣ находятся главныя силы моего корпуса, я до того въ состояніи поддержать васъ по направленію къ Остероде и двинуться вообще туда, куда потребуютъ обстоятельства; что могу, не подвергая ни малѣйшей опасности мои сообщенія съ главною арміею, отдалиться отъ занимаемаго мною пункта, до тѣхъ поръ пока его величество приметъ какое либо рѣшеніе. Если бы я могъ дать совѣтъ вашей свѣтлости, то предложилъ бы вамъ избѣгать всякаго отдѣльнаго сраженія съ превосходными силами непріятеля, до полнаго нашего соединенія, и если бы въ это время непріятель сталъ насъ тѣснить до такой степени, что намъ пришлось бы прибѣгнуть

къ этой крайности безъ приказанія о томъ императора, то тогда мы исполнили бы нашъ долгъ.»

Генералъ Марковъ донесъ, что съ частью своего авангарда онъ выступилъ изъ Мольдиттена, съ цѣлью преслѣдовать непріятеля. Сдѣлавъ переходъ въ полторы мили, частью лѣсомъ, частью узкими дефилеями, онъ нигдѣ не видѣлъ французовъ. Но вступивъ въ долину не вдалекѣ отъ деревни Георгенталь, генералъ Марковъ получилъ извѣстіе отъ своего небольшаго передоваго отряда, что сей послѣдній вступилъ въ дѣло съ непріятельскими аванпостами, и принудилъ ихъ отступить. Непріятель, однако, получалъ постепенно и постоянно подкрѣпленія и направилъ колонны кавалеріи и пѣхоты на лѣвый флангъ отряда, чтобы, повидимому, отрѣзать его отъ прохода. Въ то же время полковникъ казачьихъ войскъ Малаховъ донесъ, что значительныя непріятельскія колонны приближаются по дорогѣ въ Морунгенъ. Это двигался маршалъ Бернадоттъ, со всѣмъ своимъ корпусомъ, отъ Эльбинга, и направлялся съ остальными своими войсками на помощь тѣмъ, которые уже вступили въ сраженіе.

Генералъ-маіоръ Марковъ расположилъ свой небольшой отрядъ не вдалекѣ отъ деревни Георгенталь, на довольно выгодной позиціи, на холмахъ: Псковскій полкъ сталъ на правомъ флангѣ, 25-й егерскій—на лѣвомъ; Екатеринославскій гренадерскій полкъ находился во второй линіи. Два баталіона 5-го егерскаго полка застрѣльщиками заняли фронтъ его позиціи; одинъ батальонъ того же полка составлялъ резервъ. Два батальона 7-го егерскаго полка, съ двумя гренадерскими ротами Екатеринославскаго полка, заняли деревню Георгенталь и дороги, по которымъ можно было бы обойти деревню. Батальонъ 7-го егерскаго полка занялъ лѣсъ возлѣ лѣваго фланга. Очень жаркое дѣло завязалось около часа по полудни.

Елисаветградскій гусарскій полкъ, подъ начальствомъ своего командира, генерала Юрковскаго, былъ поставленъ въ лощинѣ, и съ великимъ мужествомъ и искусствомъ удерживалъ непріятельскую кавалерію, поддерживаемую конною артиллеріею. Видя, что онъ не въ состояніи долѣе противиться превосходнымъ силамъ непріятеля, генералъ Юрковскій рѣшился пройти дефилеемъ, находившимся позади его. Тогда непріятельская кавалерія сильно его атаковала. Полковникъ Гогель, видя это, направился съ однимъ батальономъ 5-го егерскаго полка въ дефиле и, поддержанный ротою конной артиллеріи, подъ командою полковника Ермолова, остановилъ натискъ непріятеля и далъ этимъ генералу Юрковскому возможность совершить свое отступленіе безъ значительныхъ потерь. Генералъ Марковъ, при самомъ началѣ этого дѣла, послалъ извѣстить о положеніи, въ которомъ онъ находится, генералъ-лейтенанта Анрепа, находившагося со своею кавалеріею праваго

фланга на пути къ Георгенталю, но еще въ слишкомъ большомъ отъ него отдаленіи, чтобы во-время поспѣть на помощь нашему авангарду. Анрепъ приказалъ, однако, полкамъ, шедшимъ въ головѣ его отряда, ускорить, по возможности, движеніе, и самъ, съ небольшимъ конвоемъ и двумя адъютантами, немедленно отправился впередъ.

Дѣло съ каждою минутою становилось значительнѣе и жарче, но несоотвѣтствіе въ силахъ было слишкомъ велико; корпусъ Бернадотта состоялъ изъ 16.000 человѣкъ; отрядъ же генерала Маркова, въ началѣ дѣла, имѣлъ всего 6.000 человѣкъ. Хотя онъ занималъ выгодную позицію, но не могъ достаточно укрѣпить и обезпечить отъ обхода свои фланги. Въ то же время, какъ непріятель открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій, генералъ Марковъ замѣтилъ, что сильная колонна непріятельской пѣхоты направляется на его лѣвый флангъ. Онъ приказалъ полковнику Вуичу, съ 25-мъ егерскимъ полкомъ, кинуться на нихъ въ штыки; въ началѣ Вуичъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но этотъ полкъ, составленный изъ вновь набранныхъ людей, скоро долженъ былъ отступить. Подполковникъ Панчулидзевъ, замѣтивъ это, прибѣжалъ съ двумя своими ротами 5-го егерскаго полка на помощь всему 25-му полку и остановилъ непріятеля. Капитанъ Рейтценштейнъ, служившій въ одной изъ этихъ двухъ ротъ, овладѣлъ въ схваткѣ непріятельскимъ знаменемъ 9-го пѣхотнаго полка, орелъ котораго былъ, однако, сбитъ уже ранѣе. Этотъ храбрый офицеръ былъ тяжело раненъ. Генералъ Марковъ выдвинулъ тогда два баталіона Екатеринославскаго полка, которые атаковали непріятеля въ штыки съ тою смѣлостью и храбростью, которыми всегда отличался этотъ полкъ, и принудили его отступить. Маіоръ Фишеръ, командовавшій въ то время однимъ изъ баталіоновъ, былъ тяжело раненъ.

Другая пѣхотная непріятельская колонна направилась въ обходъ нашего праваго фланга, но генералъ Марковъ выслалъ противъ нее полковника Гогеля, съ баталіономъ 5-го егерскаго полка, и подполковника Лашкарева, съ батальономъ Псковскаго полка, приказавъ имъ задержать наступленіе этой непріятельской колонны. Это и было ими исполнено съ большою храбростью и большимъ умѣньемъ. Замѣтивъ, что непріятель усиливаетъ свои колонны, направленныя въ обходъ нашихъ фланговъ, и видя невозможность долго сопротивляться превосходнымъ его силамъ генералъ Марковъ приказалъ войскамъ понемногу отступать, начавъ съ праваго фланга, всего болѣе выдвинутаго впередъ и подвергавшагося большей опасности. Непріятель продолжалъ сильно напирать на насъ, но стойкость и храбрость нашихъ войскъ, прикрывавшихъ отступленіе, удержали противника.

Въ это время, послѣ заката солнца, прибылъ генералъ-лейтенантъ Анрепъ. Ознакомившись съ ходомъ и всѣми подробностями дѣла,

онъ приказалъ генералу Маркову продолжать отступленіе. Но чтобы имѣть возможность убѣдиться собственными глазами въ силахъ непріятеля и въ томъ направленіи, которое онъ даетъ своимъ колоннамъ, Анрепъ лично отправился въ арьергардъ, прикрывавшій наше отступленіе. Рвеніе къ дѣлу увлекло слишкомъ далеко этого храбраго генерала. Онъ подошелъ къ кустарникамъ, уже занятымъ непріятельскими стрѣлками, и ружейнымъ выстрѣломъ былъ убитъ на мѣстѣ—пуля пробила ему голову. Оба его адъютанта были ранены. Потеря эта была очень для насъ чувствительна; о смерти Анрепа глубоко сожалѣли во всей арміи. Онъ все время служилъ съ выдающимся отличіемъ, пользовался довѣріемъ императора и, въ силу своего прекраснаго характера въ частной жизни и несокрушимой твердости во всѣхъ трудныхъ военныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣлъ также полное довѣріе войскъ.

Генералъ Марковъ отступилъ съ своимъ авангардомъ до Либштадта, не доходя мили до онаго. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ простиралась до 500 человѣкъ, а судя по множеству убитыхъ тѣлъ, оставленныхъ непріятелемъ на полѣ сраженія и найденныхъ нами, черезъ два дня, у Морунгена, можно допустить, что его потеря была несравненно значительнѣе. Мы взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 53 солдата. Не подлежитъ сомнѣнію, что генералъ Марковъ поступилъ бы лучше, не вступая вовсе въ сраженіе, при столь несоразмѣрныхъ силахъ. Отъ плѣнныхъ, захваченныхъ наканунѣ, а также взятыхъ въ тотъ же самый день, въ самомъ началѣ сраженія, онъ могъ бы узнать, что маршалъ Бернадоттъ сосредоточивалъ свой корпусъ въ Морунгенѣ, и въ такомъ случаѣ ему надлежало отступить обратно за дефиле, стараться только охранять выходъ изъ онаго и немедленно донести обо всемъ этомъ. Можно предполагать, что непріятель не выступилъ бы изъ своей позиціи. Многія изъ нашихъ дивизій, находившихся очень близко, могли бы на другой день подкрѣпить нашъ авангардъ и обезпечить за нами блестящую и несомнѣнную побѣду (если бы только ночью непріятель не отступилъ), тѣмъ болѣе, что колонна наша, шедшая по дорогѣ въ Альтъ-Рамтенъ, зашла бы ему въ флангъ и въ тылъ, какъ это скоро оказалось на дѣлѣ появленіемъ одного отряда нашей кавалеріи въ самомъ Морунгенѣ, во время сраженія, въ тылу непріятеля. Но генералъ Марковъ, ослѣпленный успѣхомъ, одержаннымъ имъ наканунѣ, посовѣтывался только съ своимъ рвеніемъ и закрылъ глаза отъ всѣхъ опасностей, которымъ онъ подвергался.

Въ то самое время, какъ генералъ-маіоръ Марковъ дрался съ корпусомъ князя Понте-Корво въ окрестностяхъ деревни Георгенталь, генералъ-маіоръ графъ Паленъ и адъютантъ его величества полковникъ князь Долгорукій, сдѣлали набѣгъ на самый Морунгенъ, отстоящій на милю позади отъ непріятельскаго поля сраженія. Этотъ ловкій на-

бѣгъ былъ сдѣланъ съ такою же храбростью, какъ и осторожностью, что̀ усматривается изъ слѣдующаго.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, прибывъ съ кавалеріею праваго крыла въ Альтъ-Рамтенъ и услышавъ выстрѣлы со стороны Морунгена, приказалъ генералъ-маіору графу Палену, командиру Сумскаго гусарскаго полка и полковнику князю Долгорукому, командующему Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, приблизиться съ ихъ полками къ Морунгену, чтобы разузнать о происходившемъ. Графъ Паленъ отправился со своимъ полкомъ, въ составѣ десяти эскадроновъ, и пройдя деревню Егерсдорфъ, приблизился къ лѣсу, по которому шла узкая дорога. Это побудило его оставить семь эскадроновъ передъ этимъ дефиле, чтобы они могли ему служить помощью въ случаѣ надобности, и сопровождаемый остальными тремя эскадронами, продолжалъ путь чрезъ лѣсъ со всевозможною скоростью. Въ двухъ верстахъ отъ Морунгена, около 6—7 часовъ вечера, онъ соединился съ княземъ Долгорукимъ и его тремя эскадронами драгунъ. Направо они замѣтили биваки, въ которыхъ ночью стояли полки корпуса Понте-Корво, дравшіеся въ эту минуту, въ незначительномъ разстояніи, съ нашимъ авангардомъ праваго крыла. Князь Долгорукій, съ своимъ эскадрономъ, опрокинулъ сперва караулъ, стоявшій передъ городомъ, и загналъ его въ городъ; графъ Паленъ, не вдалекѣ, слѣдовалъ за нимъ съ однимъ эскадрономъ. Много непріятельскихъ солдатъ было изрублено въ улицахъ города, два офицера и 183 солдата взяты въ плѣнъ; множество повозокъ, въ томъ числѣ экипажи князя Понте-Корво, а также значительная военная казна, были захвачены и сдѣлались добычею храбрыхъ войскъ, исполнившихъ этотъ лихой набѣгъ. Все это съ надежнымъ конвоемъ было немедленно отправлено по дорогѣ въ Альтъ-Рамтенъ. Графъ Паленъ имѣлъ осторожность, при вступленіи своемъ въ Морунгенъ, послать два эскадрона по дорогѣ, чрезъ городъ, въ Георгенталь, чтобы во̀-время получить извѣстіе о приближеніи войскъ, которыя изъ корпуса Бернадотта могли бы подойти на помощь этому мѣстечку. Дѣйствительно, непріятель не замедлилъ поспѣшить на помощь. Но нашъ отрядъ успѣлъ заблаговременно отступить со всѣмъ захваченнымъ имъ въ этомъ городѣ.

Полковникъ Крейцъ долженъ былъ прикрывать отступленіе съ однимъ эскадрономъ Сумскаго гусарскаго полка. Въ началѣ своего выступленія изъ города онъ былъ отрѣзанъ непріятелемъ и окруженъ имъ. Крейцъ рѣшился, съ оружіемъ въ рукахъ, проложить себѣ дорогу. Это удалось гусарамъ, но самъ Крейцъ былъ тяжело раненъ, упалъ безъ чувствъ съ лошади и попалъ въ руки непріятеля. Это была единственная, нѣсколько значительная потеря эскадрона.

IX.

Дѣло при Либштадтѣ.—Донесенія маршала Нея и Движеніе на Остероде, Лѣбау.—Пассенгеймъ.

14-го (26-го) января я получилъ свѣдѣніе, что маршалъ Понте-Корво, корпусъ котораго долженъ былъ получить значительныя подкрѣпленія, предполагаетъ снова атаковать нашъ авангардъ. Поэтому я приказалъ направить колонны нашего праваго крыла и центра на Либштадтъ; лѣвое же крыло арміи и его кавалерія продолжали прежнее движеніе на Альтъ-Рамтенъ.

Генералъ Марковъ получилъ приказаніе остаться на своей позиціи, по другую сторону Либштадта, и ожидать вышеназванныя подкрѣпленія. Въ 11 часовъ утра я прибылъ, съ главною квартирою, въ Либштадтъ. Черезъ часъ наши аванпосты сообщили, что непріятель быстро отступаетъ. Генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ только-что прибылъ въ армію изъ Петербурга, и я поручилъ ему общее командованіе обоими авангардами, а также и отрядомъ генералъ-лейтенанта Багговута. Князь Багратіонъ получилъ приказаніе съ авангардомъ праваго крыла, къ которому я присоединилъ еще нѣсколько кавалеріи, подвигаться впередъ, немедленно занять Морунгенъ и въ этотъ же самый день дойти еще до Альтъ-Бенстендорфа.

Для полнѣйшаго осуществленія моего первоначальнаго плана дѣйствій при вступленіи въ старую Пруссію, для лучшаго охраненія и подкрѣпленія кордона, который я намѣревался установить на остальную зиму, я приказалъ всѣ войска моей арміи раздѣлить на четыре корпуса. Первый корпусъ, или правое крыло, находилось подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лестока, который командовалъ всѣмъ прусскимъ отрядомъ, усиленнымъ мною, какъ выше сказано, нѣкоторыми русскими войсками. Второй корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова, состоялъ изъ авангарда праваго крыла, изъ 5-й, 7-й и и 8-й дивизій и кавалеріи праваго крыла. Третій, ввѣренный генералъ-лейтенанту князю Голицыну, состоялъ изъ авангарда лѣваго крыла, кавалеріи этого крыла, отряда генерала Багговутта и 2-й дивизіи. Четвертый, который долженъ былъ служить резервомъ, состоялъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Сакена, изъ 3-й, 4-й и 14-й дивизій.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ получилъ приказаніе идти въ тотъ же день къ Либштадту со своимъ корпусомъ, слѣдовать за непріятелемъ и атаковать его по другую сторону Морунгена, если онъ будетъ въ состояніи его настичь. При этомъ онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы нашъ авангардъ не зашелъ слишкомъ далеко впередъ, не подвер-

гался опасности со стороны французовъ, и чтобы была возможность во́-время его поддержать. Съ этою цѣлью авангардъ долженъ былъ идти только на полъ-мили впереди всего отряда. Корпусъ князя Голицына былъ направленъ на Альтъ-Рамтенъ, по большой дорогѣ въ Морунгенъ, съ приказаніемъ занять правымъ флангомъ разстояніе до Клейнъ-Луцейненъ, расположенное между двумя озерами—Наріенъ и Морунгъ, центромъ же—Хорнъ и Швенкендорфъ, а лѣвымъ флангомъ—Рейсенъ, лежащій на большой дорогѣ изъ Остероде въ Морунгенъ, чтобы прекратить всякое прямое сообщеніе по этой дорогѣ, между корпусами маршаловъ Бернадотта и Нея. Къ этому было еще присоединено приказаніе отряду князя Голицына: при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, сдѣланномъ корпусомъ генерала Тучкова, идти немедленно къ нему на помощь, взявъ направленіе на Гроссъ-Готсвальдъ и стараясь обойти правое крыло непріятеля; при своемъ выступленіи не только оставить занятымъ Рейсенъ, но и двинуть сильные отряды на Остероде.

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ долженъ былъ на другой день выступить съ резервомъ, занять окрестность Морунгена и держаться въ разстояніи двухъ миль отъ корпуса Тучкова. Генералъ Барклай доставилъ въ главную квартиру одного унтеръ-офицера и восемь французскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ казаками.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, съ своею бдительною дѣятельностью, обнаруженною имъ во время всей этой кампаніи, шелъ въ этотъ день чрезъ Прейсишь-Голландъ, упираясь правымъ флангомъ на Гиршфельдъ, а лѣвымъ на Сомродъ. Этимъ движеніемъ наше сообщеніе съ Эльбингомъ было возстановлено, а слѣдовательно также и съ Данцигомъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ, что въ тотъ же день офицеръ казачьяго полка Грековъ 12-й, командовавшій полкомъ за отсутствіемъ командира, двигаясь къ назначеннымъ квартирамъ, получилъ извѣстіе отъ своего передоваго разъѣзда, что какой-то непріятельскій отрядъ находится еще возлѣ деревни Ліока. Онъ немедленно направился туда съ частью своего полка, нашелъ дѣйствительно отрядъ непріятельской кавалеріи, поддерживаемый пѣхотою; тѣмъ не менѣе атаковалъ его рѣшительно, убилъ нѣсколько человѣкъ и взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 42 солдата.

Свѣдѣнія, сообщенныя о моихъ движеніяхъ маршаломъ Неемъ, отъ 26-го числа (нов. стиля), князю Понте-Корво, состояли въ слѣдующемъ:

«Сейчасъ получилъ я,—писалъ Ней,—ваше письмо отъ 25-го числа, Предупреждаю генерала д'Отпуль распространиться влѣво и быть готовымъ идти къ вамъ на помощь на Дейчь-Эйлау или Лёбау, смотря по тому, какъ выяснятся чрезъ нѣсколько дней движенія непріятеля.

Я предлагаю ему установить сообщеніе съ Остероде, чтобы непосредственно сноситься съ вами. Я приказалъ 27-му линейному полку выступить сегодня изъ Мюлена, съ генераломъ Ронье, который имъ командуетъ, и направиться, для занятія позиціи, въ Остероде, съ тѣмъ однако, чтобы вернуться снова назадъ къ занимаемой имъ нынѣ позиціи, какъ скоро вы начнете отступать. Я предувѣдомилъ маршала Сульта обо всемъ происходившемъ до настоящей минуты съ самаго начала возобновленія военныхъ дѣйствій со стороны русскихъ; завтра же я сообщу ему и послѣдній отдѣлъ вашего письма, которымъ вы предлагаете ему принять надлежащія мѣры съ его стороны. Его величество, который не можетъ не знать въ настоящее время нашихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія приметъ мѣры, которыя заставятъ непріятеля раскаяться въ его предпріятіи.

«Я также пишу генералу Дюлолуа, командующему войсками въ Торнѣ, съ цѣлью поставить его въ извѣстность о всемъ происходящемъ и доставить ему возможность вывезти все для арміи необходимое изъ Торна, направивъ или на лѣвый берегъ Вислы, если это возможно, или на Плоцкъ всѣ обозы, багажи и прочіе предметы, безполезные при движеніи арміи. Что же касается артиллеріи и парковъ, то я предлагаю ему направить все принадлежащее къ 6-му корпусу—въ Млаву, принадлежащее генералу Отпуль—въ Страсбургъ, а все относящееся къ корпусу вашей свѣтлости—въ Гильгенбургъ. Равнымъ образомъ я предлагаю генералу Дюлолуа предложить генералу Домбровскому занять позицію въ Бромбергѣ, развѣ что онъ получитъ отъ его величества другое назначеніе на все время исполненія нами всѣхъ тѣхъ движеній, которыя его величество не замедлитъ намъ предписать. Я также пишу генералу Дюлолуа, что ежели онъ принужденъ будетъ очистить Торнъ, то долженъ отступать къ корпусу маршала Ожеро, предложивъ въ то же время генералу Домбровскому выставить наблюдательный отрядъ передъ Торномъ съ нѣсколькими орудіями. Если вы изволите полагать, что въ этихъ мѣрахъ предосторожности подлежитъ что-либо измѣненію, то прошу васъ сообщить ваши предположенія генералу Дюлолуа».

Генералу Дюлолуа, командующему въ Торнѣ, Ней писалъ:

«Считаю своею обязанностью предварить васъ, г. генералъ-губернаторъ, что русская армія сильно атаковала корпусъ князя Понте-Корво и, вытѣснивъ его изъ нѣкоторыхъ занимаемыхъ имъ позицій, выполнила первую часть своего плана, которая состояла въ возстановленіи сообщенія съ Данцигомъ. Князь Понте-Корво, занявъ вчера вновь важную позицію въ Морунгенѣ, начнетъ стягивать всю свою армію къ Остероде, пунктъ назначенный ему въ общихъ распоряженіяхъ его величества.

«Князь сообщаетъ мнѣ, что непріятель наступаетъ на нашъ лѣвый

флангъ, предполагая при этомъ направиться сперва на Грауденцъ, чтобы принудить снять съ него осаду, а потомъ далѣе на Торнъ».

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе тѣхъ же предписаній, о которыхъ уже упоминалось въ письмѣ къ князю Понте-Корво.

Маршалу Сульту Ней писалъ:

«Исполняя желаніе его величества, чтобы всѣ маршалы предупреждали одинъ другаго о всѣхъ нападеніяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы непріятелемъ, прошу васъ, дорогой генералъ, о всемъ происходящемъ въ вашемъ корпусѣ сообщать маршаламъ Даву, Ланну и Ожеро, предложивъ сему послѣднему поставить кордонъ легкой кавалеріи по всему теченію рѣки Древенца, для наблюденія за непріятелемъ, который своими отрядами можетъ проникнуть до Торна. Я пишу генералу Дюлолуа, губернатору Торна, что считаю осторожнымъ и благоразумнымъ очистить это мѣсто, развѣ что онъ получитъ противоположное сему приказаніе отъ его величества. Сію минуту получилъ я ваше письмо отъ 26-го числа, мой дорогой маршалъ. Мнѣ рѣшительно невозможно послать въ Вилленбургъ мои легкія войска. Мои оба полка кавалеріи насчитываютъ не болѣе 400 лошадей и къ тому же меня сильно донимаютъ казаки; вы понимаете насколько я уже слабъ. Напротивъ того, прошу васъ прислать обратно въ Нейденбургъ 25 егерей 10-го полка».

Военному министру маршалъ Ней писалъ 26-го января слѣдующее:

«Я получилъ ваше письмо изъ Варшавы, помѣченное 26-мъ числомъ и доставленное мнѣ вашимъ адъютантомъ г. Монтолономъ, въ которомъ вы мнѣ предлагаете доставить его величеству точныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ у меня въ послѣдніе три, четыре дня. Я уже послалъ семь или восемь донесеній по сему предмету, и вы въ настоящее время знаете о всѣхъ движеніяхъ, совершенныхъ первымъ корпусомъ. Имѣю честь препроводить при семъ копію съ письма, полученнаго мною отъ князя Понте-Корво, и копію съ моего ему отвѣта. Вы усмотрите тѣ мѣры осторожности и благоразумія, которыя я счелъ нужнымъ указать коменданту Торна. Потрудитесь ему ихъ подтвердить, если вы изволите ихъ одобрить, или послать ему другія, которыя сочтете необходимыми ему дать по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся. Насъ здѣсь донимаютъ и преслѣдуютъ казаки, днемъ и ночью нападающіе на наши аванпосты. Они уже взяли у насъ въ плѣнъ нѣсколько гусаръ. Сегодня въ полдень они очень близко подошли къ городу; я приказалъ ударить тревогу, и не могу достаточно нахвалитьтя отвагою храбрыхъ войскъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ, и тою быстротою, съ которою они заняли свои позиціи».

15-го (27-го) января, я съ главною квартирою прибылъ въ Морунгенъ, имѣя намѣреніе выждать движенія непріятеля, обусловленныя

уже совершенными мною передвиженіями, и затѣмъ только подвинуть еще болѣе мой правый флангъ, т. е. отрядъ генерала-лейтенанта Лестока, чтобы побудить непріятеля снять блокаду крѣпости Грауденца.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ занялъ позицію возлѣ деревень Клейнъ и Гроссъ-Готсвальдъ.

Генералъ князь Голицынъ получилъ приказаніе остаться этотъ день въ занимаемой уже имъ съ вечера позиціи, развѣ что генералъ Тучковъ потребуетъ его содѣйствія и помощи.

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ съ резервами и тяжелою артиллеріею былъ поставленъ на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Морунгена.

Получивъ извѣстіе, что маршалъ Понте-Корво остановился съ всѣмъ своимъ стянутымъ корпусомъ на позиціи возлѣ Сонненборна, я приказалъ генералу Тучкову атаковать его завтра утромъ въ восемь часовъ. Въ то же время было приказано генералу князю Голицыну отправить его кавалерію съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы она могла прибыть завтра утромъ къ восьми часамъ къ Гроссъ-Готсвальду, и послать генерала лейтенанта графа Остермана со второю дивизіею въ Либемюль, чтобы обойти Остероде и отрѣзать всякое сообщеніе съ корпусомъ князя Понте-Корво. При этомъ князю Голицыну было снова подтверждено сильно занять Рейсенъ.

Генералъ Барклай-де-Толли донесъ, что капитанъ Лашкаревъ съ частью Изюмскаго гусарскаго полка и нѣсколькими казаками, подъ самымъ Остероде захватилъ непріятельскій постъ изъ девяти пѣхотныхъ солдатъ. Генералъ-лейтенантъ Лестокъ занялъ въ тотъ же день Саальфельдъ, его авангардъ взялъ въ плѣнъ генерала Ласкюра, раненнаго наканунѣ.

Отъ тайнаго нашего агента въ Парижѣ мы узнали, что всѣ непріятельскіе корпуса, стоявшіе на этой сторонѣ, получили приказаніе двинуться на Хорцелленъ и Млаву и что самъ Наполеонъ собирается немедленно выѣхать изъ Варшавы и отправиться къ дѣйствующей арміи.

Въ то же время маршалъ Ней, отъ 15-го (27-го) января, писалъ изъ Гогенштейна маршалу Понте-Корво слѣдующее:

«Препровождаю къ вамъ письма г. военнаго министра, доставленныя съ однимъ изъ возвратившихся моихъ адъютантовъ, которыхъ я посылалъ въ Варшаву. Вамъ извѣстно расположеніе моихъ войскъ; оно соотвѣтствуетъ намѣреніямъ его величества. Полагаю, что непріятель, повидимому, отказался отъ своего намѣренія достичь передовыми отрядами до Торна и Грауденца. Я не дамъ никакого приказанія объ очищеніи Торна, развѣ что вы мнѣ сообщите о необходимости совершить это, вслѣдствіе движеній непріятеля. Прошу васъ приказать драгунамъ генерала Сана занять позицію въ Витгевальде, которую займетъ

сегодня 27-й линейный пѣхотный полкъ. Маршалъ Сультъ сообщаетъ мнѣ, что занимаетъ сегодня Вилленбургъ передовымъ отрядомъ своего корпуса. Мои офицеры доносятъ мнѣ, что русскіе, прежде чѣмъ перевести свои войска съ лѣваго крыла, съ цѣлью двинуться на насъ, сдѣлали кавалерійскій набѣгъ на войска маршаловъ Сульта и Даву. Мы потеряли нѣсколько эскадроновъ гусаръ и егерей, которые допустили непріятеля захватить ихъ врасплохъ. Передовые посты обѣихъ этихъ корпусовъ распространяются до Кольно, который непріятель покинулъ. Императоръ приказалъ изготовить подводы по дорогѣ отъ Пултуска въ Пржашницъ. Ваши донесенія, вѣроятно, побудятъ предпринять большое наступательное движеніе, которое отмститъ за непріятельское предпріятіе».

Военному министру маршалъ Ней писалъ слѣдующее:

«Сію минуту получилъ я письмо ваше отъ вчерашняго числа, шесть часовъ утра, съ однимъ изъ возвратившихся моихъ адъютантовъ. Занимаемыя мною позиціи соотвѣтствуютъ намѣреніямъ его величества, и я не стану предпринимать какихъ-либо другихъ передвиженій, пока не выяснятся вполнѣ опредѣлительно намѣренія непріятеля. Сегодня я не получалъ извѣстій отъ князя Понте-Корво. Я посылаю ему письма и конверты, доставленныя изъ главной квартиры въ Варшавѣ. Наши сообщенія съ Остероде никогда не были прерваны, а также съ Нейденбургомъ и Хорцелленомъ. Я не переставалъ сообщать маршалу Сульту о всемъ происходившемъ предо мною, начиная съ 20-го числа сего мѣсяца, когда г. Беннигенъ началъ свое наступленіе».

Приписка:

«Сейчасъ только получилъ отъ генерала Мэзона письмо отъ сего же числа, въ копіи у сего прилагаемое, въ которомъ онъ меня предупреждаетъ, что князь Понте-Корво, находящійся въ Либемюлѣ, получилъ свѣдѣніе, что непріятель намѣревается его атаковать. Поэтому я рѣшаюсь дать приказанія, чтобы изъ Торна была вывезена артиллерія и всѣ прочія военныя принадлежности арміи, находящіяся въ этомъ городѣ».

16-го (28-го) числа января, въ пять часовъ утра, генералъ-лейтенантъ Тучковъ сообщилъ, что непріятель за ночь внезапно отступилъ изъ Сонненборна по направленію къ Торну. Вслѣдствіе этого было приказано: Тучкову—двинуться немедленно на Либемюль, а князю Голицыну—послать, не теряя времени, генерала Барклай-де-Толли съ авангардомъ лѣваго крыла овладѣть Остероде, сильно занять его, принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы удержать его и выслать сильные развѣдочные отряды по дорогѣ къ Гильгенбургу. При этомъ князь Голицынъ съ остальными своими войсками, къ которымъ была присоединена 4-я пѣхотная дивизія, долженъ былъ направиться на Гоген-

штейнъ и выбить оттуда непріятеля, если бы онъ занималъ еще это мѣсто. Равнымъ образомъ, князю Голицыну приказано было выслать также сильные развѣдочные отряды по направленію къ Гильгенбургу съ одной стороны и къ Нейденбургу—по другой сторонѣ дороги. Это было первое мое движеніе, сдѣланное для распространенія арміи по лѣвому флангу, такъ какъ на правомъ не требовалось уже имѣть значительныхъ силъ.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ прислалъ въ главную квартиру двухъ офицеровъ и 44 человѣка французскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ изъ аріергарда князя Понте-Корво. Корпусъ генералъ-лейтенанта Лестока имѣлъ дневку, чтобы дать отдохнуть войскамъ, но авангардъ его ночью двинулся впередъ и прибылъ на другой день съ разсвѣтомъ въ Маріенвердеръ, въ ту минуту, когда непріятель собирался его очистить; при этомъ были взяты въ плѣнъ: генералъ Фультріэ (Foultrier), его адъютантъ, два офицера и 27 солдатъ.

Маршалъ Ней изъ Гогенштейна доносилъ военному министру отъ 16-го (28-го) января четыре часа утра:

«Имѣю честь препроводить вамъ копію съ письма, присланнаго мнѣ генераломъ Мэзономъ объ отступленіи 1-го армейскаго корпуса, которое совершится сегодня позади Остероде. Вслѣдствіе этого я, равнымъ образомъ, дѣлаю распоряженіе также нѣсколько отодвинуться, чтобы имѣть возможность вступить въ сраженіе бо́льшею массою и поддержать князя Понте-Корво. На различныхъ высотахъ, позади Гогенштейна, я оставляю только пикеты кавалеріи; а въ Лихтейненѣ—баталіонъ линейной пѣхоты. 27-й пѣхотный полкъ, находящійся теперь въ Витигвальдѣ, будетъ занимать постъ въ Кирштейнсдорфѣ; 21-й линейный полкъ бригады генерала Роггэ (Roguer) — будетъ въ Мюленѣ; бригада генерала Лабюссіера—позади Мюлена во второй линіи.

«6-й легкій пѣхотный полкъ, который я временно придвинулъ къ Мюлену, возвратится въ Гильгенбургъ. Кавалерія генерала Кольбера стоитъ въ Тимау и его окрестностяхъ.

«Генералъ Кольберъ, бывшій въ Витигвальде, сообщилъ мнѣ эту ночь, что онъ слышалъ сильную артиллерійскую стрѣльбу 27-го января около полудня по направленію къ Остероде. Генералъ Мэзонъ объ этомъ не говоритъ въ своемъ письмѣ. Впрочемъ, непріятель продолжаетъ охватывать лѣвый флангъ корпуса князя Понте-Корво. Дай Богъ, чтобы русскіе имѣли бы тутъ тысячъ шестьдесятъ войска, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не вернется въ Московію, если его величество направится на нихъ со всѣми своими силами.

«Я остановлюсь самъ въ Мюленѣ, чтобы быть вблизи отъ князя Понте-Корво. Непріятель стоитъ предо мною все въ прежнихъ своихъ

позиціяхъ. Казаки постоянно разъѣзжаютъ по всѣмъ направленіямъ, но не приближаются къ нашей пѣхотѣ».

17-го (29-го) января генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ получилъ приказаніе занять авангардомъ праваго крыла Дейчь-Эйлау. Генералъ-лейтенанту Тучкову было приказано съ остальнымъ отрядомъ оставаться въ Либемюле. Распоряженія эти были сдѣланы съ цѣлью сдержать корпусъ князя Понте-Корво и чтобы отстранить всякое затрудненіе, которое могло бы представиться генералъ-лейтенанту Лестоку, при его движеніи на Грауденцъ. Въ тотъ же день, въ три часа утра, генералъ Багговутъ былъ направленъ въ Богуншовенъ на дорогѣ въ Лебау, чтобы тревожить движеніе непріятеля. Прибывъ къ рѣкѣ Древенцъ генералъ Багговутъ увидѣлъ, что мостъ чрезъ рѣку сожженъ, но послѣ нѣсколькихъ часовъ работы ему удалось, при содѣйствіи крестьянъ деревни Бергфридъ, возстановить мостъ и въ восемь часовъ по немъ переправиться. Казаки перешли рѣку вплавь. Въ Гробау онъ настигъ аріергардъ непріятеля, который быстро отступилъ, при чемъ мы взяли въ плѣнъ только одного капитана и 17 рядовыхъ 4-го гусарскаго полка французовъ. Багговутъ продолжалъ между тѣмъ свое движеніе, но замѣтивъ, что князь Понте-Корво находится со всѣмъ своимъ корпусомъ на позиціи у Лёбау, онъ остановился и ограничился только наблюденіемъ за движеніями непріятеля. На другой день отрядъ генерала Багговута былъ направленъ на Дейчь-Голландъ и совершилъ этотъ переходъ не будучи тревожимъ непріятелемъ.

Вслѣдствіе различныхъ полученныхъ мною свѣдѣній объ отступленіи французовъ изъ Остероде по направленію къ Нейденбургу чрезъ Гогенштейнъ, я приказалъ князю Голицыну направить Барклая-де-Толли изъ Остероде на дорогу въ Нейденбургъ, предписавъ ему выслать впередъ сильный развѣдочный отрядъ въ Нейденбургъ, для полученія свѣдѣній о движеніи непріятельской арміи. Самъ же князь Голицынъ съ остальною частью своего отряда занималъ Алленштейнъ, Пассенгеймъ, а впереди своего праваго фланга Гогенштейнъ, на лѣвомъ же флангѣ—Ортельсбургъ. Такимъ образомъ, отрядъ, поставленный въ Пассенгеймѣ могъ бы служить, по мѣрѣ надобности, поддержкою или прикрытіемъ для войскъ, находящихся и въ Гогенштейнѣ и Ортельсбургѣ. Равнымъ образомъ, князь Голицынъ долженъ былъ выслать сильный развѣдочный отрядъ по направленію къ Вилленбургу, чтобы провѣрить свѣдѣнія, только что полученныя отъ различныхъ тайныхъ агентовъ; они по преимуществу утверждали, что непріятель, въ значительныхъ силахъ, собирается въ Млавѣ и Хорцелленѣ. Генералъ-лейтенантъ Лестокъ въ этотъ день занялъ слѣдующія позиціи: его правое крыло стояло въ Маріенвердерѣ, въ шести миляхъ отъ Грауденца, примыкая къ Вислѣ; центръ его отряда находился въ Ризенбергѣ, а

лѣвое крыло—въ Розенбергѣ, откуда онъ установилъ сообщеніе съ авангардомъ князя Багратіона, стоявшимъ въ Дейчъ-Эйлау. Его аванпосты были расположены въ Нейенбургѣ и Гарзее. Генералъ Лестокъ приказалъ капитану Равену съ 30-ю казаками переправиться на лѣвый берегъ Вислы, чтобы произвести развѣдку между Мове и Науенбургомъ и въ то же время наблюдать за корпусомъ польскаго генерала Домбровскаго, который былъ размѣщенъ по квартирамъ въ этой мѣстности. Домбровскій даже подвинулся до Дершау, но былъ атакованъ частью гарнизона изъ Данцига, опрокинутъ имъ и принужденъ отступить, при чемъ лишился нѣсколькихъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ, а также нѣсколькихъ орудій и денежнаго ящика.

Когда правое крыло нашей арміи достигло этихъ мѣстъ, непріятель снялъ блокаду Грауденца, и наше сообщеніе съ этою крѣпостью было снова возстановлено.

Маршалъ Ней доносилъ военному министру изъ Гильгенбурга отъ 17-го (29-го) января, въ четыре часа вечера, слѣдующее:

«Имѣю честь препроводить вамъ копію съ письма князя Понте-Корво, которое онъ мнѣ писалъ изъ Либемюля, отъ 25-го числа. Генералъ Мэзонъ, его начальникъ штаба, предупредилъ меня вчера объ отступательномъ движеніи, совершаемомъ войсками перваго корпуса на Остероде и даже до Кошкена, причемъ въ Остероде не было оставлено ни одного солдата. Поэтому я, съ своей стороны, приказалъ 25-му полку сдѣлать небольшое движеніе назадъ до высоты Мюлена, гдѣ у меня собрано три полка и одинъ въ Кирштейнсдорфѣ по дорогѣ изъ Остероде, а также нѣсколько эскадроновъ въ Лихтейненѣ и Дробингѣ съ вольтижерами, чтобы наблюдать за Гогенштейномъ и дорогою въ Остероде.

«Сегодня, зная что князь Понте-Корво занимаетъ всѣмъ корпусомъ позиціи въ Лёбау, я далъ приказанія, чтобы завтра, съ разсвѣтомъ дня, бо́льшая часть моихъ войскъ была бы сосредоточена въ Гильгенбургѣ. Но если бы непріятель появился съ значительными силами на флангѣ моей позиціи у Мюлена, тогда отступательное движеніе совершится въ полночь. Я тѣмъ не менѣе буду удерживать постъ въ Нейденбургѣ двумя пѣхотными полками и двумя полками драгунъ. Одинъ пѣхотный полкъ будетъ стоять въ Сольдау, а два драгунскихъ полка между Сольдау и Гильгенбургомъ. Я счелъ нужнымъ сохранить позицію въ Мюленѣ и наблюдательные посты на Гогенштейнѣ съ цѣлью угрожать лѣвому флангу непріятельской арміи, если бы онъ дерзнулъ слѣдовать за княземъ Понте-Корво. Мой адъютантъ, бывшій у этого князя, словесно сообщилъ мнѣ, что блокада Грауденца будетъ снята только завтра; что непріятель показывается все въ большемъ количествѣ и направляетъ туда свои силы; что маршалъ Лефебръ прибылъ вчера въ

Торнъ и поджидаетъ тамъ прибытія польской дивизіи генерала Домбровскаго. Впрочемъ, мостъ у Торна, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ мнѣ генераломъ Леру, командующимъ моею артиллеріею, не можетъ быть приведенъ къ окончанію ранѣе 1-го февраля.

«Князь Понте-Корво не хотѣлъ самъ сдѣлать какихъ-либо распоряженій для сохраненія нашей артиллеріи и артиллерійскихъ складовъ въ Торнѣ. Поэтому я отъ себя далъ приказаніе, чтобы все принадлежащее 6-му армейскому корпусу было бы направлено въ мѣста между Сольдау и Гильгенбургомъ, по рѣкѣ Древенцъ въ Цѣхоцинъ, а оттуда чрезъ Риппинъ въ Зелено. Изъ расположенія моихъ войскъ вы изволите усмотрѣть, что я нахожусь на одной линіи съ княземъ Понте-Корво и въ состояніи въ одинъ день направить всѣ мои войска на Гогенштейнъ. Позиція при Гильгенбургѣ превосходна для обороны, и я не могу допустить мысли, чтобы непріятель, въ виду исполняемыхъ нашею арміею, по приказанію его величества, движеній на Вилленбергъ, отважился подойти къ намъ и дать сраженіе. Я не полагаю, чтобы онъ успѣлъ отойти обратно назадъ, откуда онъ пришелъ».

Второй рапортъ маршала Нея военному министру, того же самого числа, но отъ семи часовъ вечера, заключалъ въ себѣ слѣдующее:

«Я сію минуту получилъ прилагаемое при семъ письмо генерала Мэзона, начальника штаба 1-го корпуса. Вы изволите усмотрѣть, что непріятель продолжаетъ всѣми своими силами преслѣдовать князя Понте-Корво. Въ виду печальныхъ событій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, казалось бы не слѣдовало терять минуты, чтобы выручить князя. Несмотря на самую оживленную переписку съ нимъ, я не могъ никогда въ точности знать ни истиннаго положенія перваго корпуса, ни размѣровъ силъ непріятеля, его преслѣдующаго. Я опасаюсь, что теперь Торнъ подвергнется нападенію со стороны русскихъ, и я слишкомъ отдаленъ отъ этого города, чтобы чѣмъ-либо пособить ему. Я буду завтра удерживать позицію при Гильгенбургѣ, и если непріятель нападетъ на меня съ бо́льшими силами, нежели находящіяся въ моемъ распоряженіи, въ такомъ случаѣ, во избѣжаніе нерѣшительнаго дѣла, я направлю свое дальнѣйшее движеніе на Нейденбургъ, увѣдомивъ объ этомъ князя Понте-Корво».

Непріятель, повидимому, не дѣлалъ никакихъ передвиженій, ни сборовъ войскъ, которые могли бы указывать на намѣреніе помочь лѣвому крылу. Напротивъ того, я получалъ извѣстія, что непріятельскія войска, идущія отъ Млавы, Пржашницъ и другихъ мѣстъ, направляются противъ нашего лѣваго крыла. Поэтому, желая имѣть возможность сосредоточить на всѣхъ пунктахъ значительное количество войскъ и продолжать въ то же время распространять армію въ лѣвую сторону,

я приказалъ генералу Сакену съ резервомъ, состоящимъ изъ 3-й и 14-й дивизій, выступить съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы быть въ первый день—въ Либштадтѣ, во второй — въ Шеневизе, а въ третій — въ Зеебургѣ и расположить свои войска на тѣсныхъ квартирахъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ получилъ приказаніе расположить свой корпусъ слѣдующимъ образомъ: 2-ю дивизію — въ Алленштейнѣ, а 4-ю—между Алленштейномъ и Гутштадтомъ. Отрядомъ кавалеріи онъ долженъ былъ занять пространство отъ Вартенбурга до Бишофсбурга, чтобы образовать кордонъ передъ резервомъ, расположеннымъ въ Зеебургѣ; отрядомъ войскъ изъ состава 4-й дивизіи—сильно занять Вартенбургъ, выставивъ впереди его пикеты въ Шидлицѣ, Патрикенѣ, Прейленнѣ и Гиллау, которые могли бы высылать разъѣзды по дорогамъ изъ Ортельсбурга и Вилленберга.

Отрядъ генерала Багговутта рѣшено было поставить въ Бишофсбургѣ такимъ образомъ, чтобы непріятель не могъ начать обходить нашъ лѣвый флангъ, безъ того чтобы мы не были предупреждены объ этомъ заранѣе.

Генералъ-лейтенанту Тучкову было приказано немедленно смѣнить отрядъ, стоявшій подъ начальствомъ генерала Барклая въ Остероде и принадлежавшій къ корпусу князя Голицына, и послать на его мѣсто генерала Дохтурова съ его дивизіею, предписавъ сему послѣднему оградить себя со стороны Гильгенбурга, такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятель съ значительными силами находился въ этомъ мѣстѣ. Въ Либемюлѣ необходимо было оставить одну дивизію съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность удерживать это мѣсто и, въ случаѣ надобности, подкрѣплять или нашъ отрядъ, стоящій въ Остероде, или нашъ авангардъ, расположенный въ Дейчь-Эйлау. Кромѣ того, предписывалось къ третьей дивизіи присоединить егерскій полкъ съ однимъ кавалерійскимъ и однимъ казачьимъ полками и занять этимъ третьимъ отрядомъ Янково, приказавъ начальнику отряда примкнуть свои аванпосты на правомъ флангѣ къ аванпостамъ дивизіи, находящейся въ Остероде; аванпосты же его лѣваго фланга связать съ таковыми же отряда князя Голицына.

Корпусъ князя Голицына долженъ былъ, если не встрѣтится къ тому какихъ-либо препятствій, установить прямое сообщеніе чрезъ Іоганнисбургъ и Гоніондзъ съ корпусомъ генерала Седморацкаго, оставленнымъ на берегахъ р. Бобра, который поддерживалъ сношенія съ корпусомъ генерала Эссена 1-го, стоявшимъ на Наревѣ.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ въ этотъ день приказалъ подвинуть свои аванпосты до Фрейштадта и Зоммерау, чтобы установить болѣе прочное сообщеніе съ Грауденцомъ.

Сдѣлавъ такое расположеніе войскъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ

всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей постоянно сноситься между собою, сообщать другъ другу все, что дойдетъ до ихъ свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля, и въ случаѣ надобности поддерживать одинъ другаго. Въ особенности же я приказалъ князю Голицыну требовать себѣ подкрѣпленій, при надобности, какъ изъ резерва, стоявшаго позади его въ Зеебургѣ (давъ вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующія тому приказанія генералу Сакену), такъ и отъ генерала Тучкова, находившагося вправо отъ него. Кромѣ того, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы главные командиры частей произвели надлежащія измѣненія въ этой диспозиціи, сообразуясь съ условіями мѣстности, съ полученными ими свѣдѣніями о движеніяхъ непріятеля и, наконецъ, съ собственными военными соображеніями.

Маршалъ Ней писалъ князю Понте-Корво, изъ Гильгенбурга, отъ 18-го (30-го) января 1807 года, въ двѣнадцать часовъ дня, слѣдующее:

«Сію минуту я получилъ письмо вашей свѣтлости, отъ сего же числа, изъ Лёбау. Отступательное движеніе, совершенное мною вчера на Гильгенбургъ, не встрѣтило ни малѣйшаго препятствія со стороны непріятеля, который имѣетъ только наблюдательные посты по направленію къ Гогенштейну.

«Вчера онъ близко подходилъ къ намъ и завязалъ ружейную перестрѣлку близъ Кирштейндорфа. Аванпосты 27-го пѣхотнаго полка сильно оттѣснены до Рейхенау и даже далѣе; послѣ этого я не получалъ уже никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшихъ движеніяхъ непріятеля.

«Я имѣю здѣсь подъ рукою пять полковъ пѣхоты; шестой—охраняетъ пространство до Нейденбурга, седьмой—въ этомъ послѣднемъ городѣ, а восьмой—стоитъ въ Сольдау. Императоръ долженъ направить движеніе колоннъ маршаловъ Ожеро и Сульта, и мы не замедлимъ получить приказанія о наступательномъ движеніи. Если ваша свѣтлость будетъ убѣждена въ томъ, что генералъ Беннигсенъ можетъ атаковать васъ сегодня съ значительными силами, то я, очевидно, подоспѣю слишкомъ поздно, потому что, съ цѣлью васъ поддержать, могу двинуться къ вамъ съ войсками, уже сдѣлавшими шесть миль. Мнѣ казалось бы, что лучше уклониться отъ сраженія и сосредоточить ваши войска между Каушникомъ и Неймаркомъ, нежели вступать въ сраженіе въ обширныхъ равнинахъ Лёбау, гдѣ могло бы вполнѣ проявиться все превосходство непріятельской кавалеріи предъ нашею. Мое мнѣніе, конечно, не должно нисколько вліять на рѣшеніе, которое ваша свѣтлость признаетъ необходимымъ принять въ столь тяжкомъ положеніи. Если я не получу никакихъ приказаній отъ г. военнаго министра до завтрашняго дня, то сосредоточу здѣсь всѣ мои войска и распространю свой лѣвый флангъ до Кауміеница и Гюлова».

Въ тотъ же день въ пять часовъ вечера Ней писалъ:

«Я подробно и долго обсуждалъ ваше положеніе и мое собственное по отношенію къ общимъ движеніямъ и къ цѣли тѣхъ движеній, которыя императоръ приказываетъ совершать другимъ корпусамъ главной арміи. Позвольте мнѣ вновь выразить вамъ пожеланіе уклониться отъ рѣшительнаго сраженія въ занимаемой вами позиціи при Лёбау. Нельзя ли сдѣлать предположеніе, что непріятель пытается васъ обмануть и угрожаетъ фронту вашей позиціи наступленіемъ изъ Остероде съ тою цѣлію, чтобы дѣйствовать на своемъ правомъ флангѣ и зайти вамъ въ тылъ чрезъ Дейчь-Эйлау и этимъ путемъ ранѣе васъ занять Неймаркъ. Я считаю это послѣднее мѣсто настоящею оборонительною позиціею: она даетъ вамъ полное господство надъ двумя дорогами, изъ Остероде и Маріенвердера, которыми безразлично непріятель можетъ воспользоваться, такъ какъ ему принадлежитъ починъ дѣйствій. Это мѣсто прикрываетъ Торнъ; вы приближаетесь къ силамъ и подкрѣпленіямъ, подходящимъ чрезъ этотъ городъ, и вы сохраняете полную свободу маневрировать на томъ или другомъ берегу р. Древенца, по вашему усмотрѣнію, что́ всегда удобно удержать за собою. Если же дѣлаемое мною предположеніе окажется основательнымъ, и вы будете отрѣзаны отъ Неймарка, тогда вы по необходимости принуждены будете отступить къ Гильгенбургу или Лаутенбургу, и городъ Торнъ останется покинутымъ. Не останавливаясь даже на этомъ предположеніи, мнѣ слѣдуетъ вамъ припомнить, что императоръ имѣетъ намѣреніе привлечь силы непріятеля на лѣвый флангъ съ тѣмъ, чтобы получить возможность ихъ обойти своимъ правымъ флангомъ и отрѣзать имъ всякое отступленіе. Теперь я постараюсь разсмотрѣть, какое вліяніе на осуществленіе этого плана можетъ имѣть сраженіе при Лёбау. Исходъ сраженія съ непріятелемъ, превосходящимъ насъ численностію и имѣющимъ многочисленную кавалерію, можетъ быть сомнителенъ. Если онъ будетъ для васъ благопріятенъ, какъ я и надѣюсь, вы тѣмъ не менѣе не осмѣлитесь сильно преслѣдовать непріятеля, опасаясь подвергнуться нападенію съ его стороны и слишкомъ удалиться отъ Торна. Если непріятель потерпитъ на столько, что принужденъ будетъ быстро отступать, онъ однако сохранитъ возможность избѣжать преслѣдованія нашихъ отрядовъ праваго фланга, и его пораженіе сдѣлается для него спасеніемъ. Если сраженіе останется нерѣшительнымъ, и вы будете принуждены на другой день отступить на Неймаркъ, то понесенная вами въ сраженіи потеря окажется совершенно безполезною жертвою. Если же, сверхъ всякаго чаянія, вы потерпите неудачу, то это событіе хотя и не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ отношеніи предстоящихъ большихъ военныхъ операцій, тѣмъ не менѣе однако будетъ очень пагубнымъ. Такимъ образомъ на основаніи различныхъ предположеній есть возможность утверждать, что, принимая сраженіе въ Лёбау, мы будемъ отдаляться отъ цѣли, предполо-

женной императоромъ, тогда какъ, напротивъ того, отступая и привлекая непріятеля на верховье Древенца, мы достигаемъ, что онъ будетъ все болѣе и болѣе окруженъ нами. Я тѣмъ менѣе стѣсняюсь высказать вашей свѣтлости мой взглядъ на это дѣло, что, сообразивъ всѣ обстоятельства, вижу совершенную для меня невозможность съ войсками моего корпуса принять дѣятельное участіе въ сраженіи при Лёбау. Если вы будете атакованы большими силами въ семь часовъ утра, то я получу извѣстіе объ этомъ въ 10-ть часовъ; сборъ всѣхъ моихъ войскъ совершится къ 11-ти часамъ, и какъ бы я ни торопился, не могу придти къ вамъ съ значительнымъ отрядомъ ранѣе 5-ти часовъ вечера, т. е. тогда, когда участь всего сраженія будетъ вполнѣ рѣшена. Такимъ образомъ переходъ, который сдѣлаетъ мой корпусъ, будетъ вполнѣ безполезенъ, безъ всякаго значенія для васъ и не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на дальнѣйшій ходъ дѣла, предполагая что при Лёбау было сраженіе. Поэтому я безъ всякаго сожалѣнія могу слѣдовать приказаніямъ военнаго министра, которыя положительно предписываютъ мнѣ отступить со всѣмъ моимъ корпусомъ къ Нейденбургу, коль скоро численное превосходство непріятеля будетъ препятствовать вамъ движеніями вашихъ войскъ прикрывать Торнъ. Вслѣдствіе этого я теперь уже отмѣняю данныя мною приказанія о сосредоточеніи всего моего корпуса въ Гильгенбургѣ и о занятій пѣхотною бригадою Клейнъ-Напперна. Представляю на усмотрѣніе вашей свѣтлости мои соображенія съ полною увѣренностію, внушаемою старою дружбою, возникшею на войнѣ, что вы во всемъ этомъ усмотрите только желаніе съ моей стороны содѣйствовать успѣху императора и въ особенности успѣху вашихъ военныхъ дѣйствій».

19-го (31-го) января 1807 года, въ 10-ть часовъ утра Ней писалъ военному министру:

«Я только что получилъ письмо вашей свѣтлости изъ Варшавы отъ 28-го числа сего мѣсяца, которымъ мнѣ приказывается сосредоточить весь мой корпутъ у Гогенштейна, въ предположеніи, что князь Понте-Корво могъ удержаться въ Остероде. Послѣдовавшія съ того времени событія, о которыхъ я уже сообщалъ вамъ, побудили меня, не желая допустить полнаго пораженія перваго корпуса, постепенно направляться къ правому его флангу, съ цѣлію раздѣлить силы непріятельскія. Это побудило меня отступить изъ Гогенштейна на Мюленъ и изъ сего послѣдняго — на Гильгенбургъ. Сегодня князь Понте-Корво отступаетъ на Нейбургъ, чтобы уклониться отъ генеральнаго сраженія на неблагопріятной позиціи въ Лёбау, исходъ котораго могъ бы быть только гибельнымъ для общихъ военныхъ дѣйствій его величества. Отдавая Торнъ непріятелю я буду слѣдовательно оставаться здѣсь, въ надеждѣ получить дальнѣйшія приказанія вслѣдствіе письма моего, отправленнаго вчера вечеромъ. Но вмѣстѣ съ симъ я предваряю войска, расположенныя въ Сольдау

и Нейденбургѣ, быть на-готовѣ присоединиться ко мнѣ немедленно, какъ только маршалъ Ожеро вступитъ въ послѣдне названный городъ. Если до прибытія 7-го корпуса въ Нейденбургъ ваша свѣтлость мнѣ предпишетъ направиться въ Гогенштейнъ (какъ я это предполагаю), тогда мое наступательное движеніе дозволитъ князю Понте-Корво слѣдовать медленно за аріергардомъ непріятеля и дастъ возможность колоннамъ праваго крыла отрѣзать непріятелю всякое отступленіе. Прилагаю при семъ копію съ двухъ писемъ, присланныхъ мнѣ отъ князя Понте-Корво. Первое отъ 30-го, а второе—безъ числа. Полагаю, что по ошибкѣ секретаря, онъ увѣряетъ, что непріятельскій отрядъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ направляется на Млаву. Но что князь дѣйствительно въ этомъ убѣжденъ, въ томъ заставляетъ меня вѣрить собственноручно имъ сдѣланная въ самомъ концѣ письма слѣдующая приписка. «Этотъ отрядъ совсѣмъ независимъ отъ того, который расположенъ впереди меня, онъ уже отряженъ давно». Только совершенно потерявъ голову можно допустить возможность подобнаго рода маневра».

19-го (31-го) января генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ получилъ приказаніе попытаться занять Гогенштейнъ, со всѣми необходимыми однако предосторожностями. Генералу Меллеръ-Закомельскому съ Кираспрскимъ его величества полкомъ было поручено главное начальство въ этомъ предпріятіи, въ которомъ участвовали также Каргопольскій драгунскій полкъ и казачій полкъ Иловайскаго 9-го. Прибывъ къ Гогенштейну Меллеръ-Закомельскій увидѣлъ, что непріятель уже очистилъ это мѣсто. Занятіе его дѣлалось для насъ необходимымъ, чтобы обезпечить центръ нашей позиціи и чтобы непріятель, всѣ отряды котораго были въ движеніи, какъ мы это знали, не могъ бы съ быстротою направить всѣ силы на Гильгенбургъ и Нейденбургъ и прибыть къ Гогенштейну прежде, чѣмъ мы не были бы объ этомъ предупреждены во́время, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность сосредоточить наши войска и встрѣтить его съ значительною силою.

Въ тотъ же день начальство надъ кавалеріею праваго крыла поручено было генералъ-маіору графу Палену, назначенному на мѣсто генералъ-лейтенанта Анрепа.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ, что согласно полученнымъ имъ наканунѣ приказаніямъ, онъ занялъ Алленштейнъ и послалъ флигель-адъютанта полковника князя Михаила Долгорукаго съ Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, баталіономъ Ростовскаго пѣхотнаго полка и казачьимъ полкомъ Ефремова 3-го занять Пассенгеймъ.

Князь Долгорукій, подойдя къ этому мѣсту, увидѣлъ, что оно сильно занято непріятелемъ. Поэтому онъ приказалъ бывшему съ нимъ пѣхотному баталіону занять деревню Шейфельсдорфъ по дорогѣ къ Алленштейну, которая могла бы служить ему опорою въ случаѣ

отступленія. Самъ же онъ съ драгунами и казаками атаковалъ непріятеля подъ Пассенгеймомъ и опрокинулъ его. При этомъ, по показаніямъ плѣнныхъ, французы потеряли убитыми одного полковника, много офицеровъ и значительное число солдатъ. Въ числѣ плѣнныхъ, присланныхъ княземъ Долгорукимъ въ главную квартиру, былъ одинъ маіоръ, два офицера и девяносто семь кавалеристовъ. Послѣ этого князь Долгорукій занялъ Пассенгеймъ со всѣми предосторожностями, которыя этотъ молодой и храбрый офицеръ обнаруживалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ въ продолженіе этой войны. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 15-ть человѣкъ убитыми и ранеными.

Непріятель въ тотъ же день пытался взять обратно Пассенгеймъ, но князь Долгорукій съ доставленнымъ ему полковникомъ Каховскимъ подкрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ пяти эскадроновъ гусарскаго полка, съумѣлъ удержаться и принудилъ непріятеля удалиться. На нашемъ правомъ крылѣ не произошло никакихъ измѣненій въ расположеніи войскъ и все было спокойно послѣ отступленія непріятеля до самаго Неймарка.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ сообщено о событіяхъ несравненно болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ я говорилъ до настоящаго времени, но прежде чѣмъ съ ними покончить, не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ же князѣ Михаилѣ Долгорукомъ, о которомъ неоднократно упоминалъ уже при изложеніи моихъ военныхъ дѣйствій и впредь еще часто придется мнѣ говорить. Это тотъ самый, который недавно былъ убитъ въ сраженіи со шведами: [1]) эта важная и чувствительная потеря для нашей арміи. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для военнаго человѣка. При непрерывныхъ занятіяхъ военными науками онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, обдуманною разсудительностью, положительнымъ установившимся характеромъ. Онъ былъ серьезенъ при необходимости, а также веселъ и оживленъ, когда слѣдовало ободрять и воодушевлять; онъ былъ предпріимчивъ, но съ осторожностью и храбръ безъ слишкомъ большой отваги. Въ этой кампаніи я часто давалъ ему разныя порученія, и онъ всегда выполнялъ ихъ съ осторожностью и успѣхомъ. Поэтому въ арміи всѣмъ стали скоро извѣстны и его способности и подаваемыя имъ надежды въ будущемъ. Государь императоръ произвелъ его въ генералъ-маіоры и назначилъ своимъ генералъ-адъютантомъ. Въ войнѣ со шведами, въ которой снова отличался, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

---

[1]) Не надо упускать изъ виду, что Беннигсенъ писалъ свои записки въ 1810—11 годахъ, а потому и могъ упомянуть о смерти князя Долгорукаго, который былъ убитъ ядромъ въ сраженіи со шведами при Иденсальми 15-го октября 1808 года. Прим. переводчика.

Князь Михаилъ Долгорукій былъ родной братъ князя Петра Долгорукаго генералъ-адъютанта императора, который умеръ въ концѣ 1806 года по возвращеніи изъ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ; онъ долженъ былъ присоединиться къ арміи, находившейся въ Пруссіи. Смерть этого генерала въ цвѣтѣ лѣтъ была также большою потерею не только для арміи, но и для самого государя. Онъ обладалъ живымъ и проницательнымъ умомъ и былъ рѣдкой дѣятельности въ службѣ. Онъ съумѣлъ снискать расположеніе государя императора, часто возлагавшаго на него различныя порученія какъ по дѣламъ военнымъ, такъ и политическимъ; онъ, какъ я уже выше упомянулъ, былъ посланъ императоромъ въ Берлинъ, чтобы побудить прусскій кабинетъ присоединиться къ коалиціи 1805 года. Извѣстно, что онъ исполнилъ это порученіе съ успѣхомъ и большою ловкостью. Потеря этихъ двухъ молодыхъ офицеровъ, столь отличавшихся, была слишкомъ преждевременна для государства; о ней будутъ долго сожалѣть въ арміи и во всей Россіи. Князья Долгорукіе обязаны были лестной о нихъ молвѣ своимъ собственнымъ большимъ достоинствамъ, своимъ прокраснымъ качествамъ и расположенію къ нимъ императора.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ

въ Калугѣ въ 1861—1863 годахъ.

(Воспоминанія П. Н. Обнинскаго).

Одно лѣто провелъ я на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Лѣто выдалось пасмурное, съ туманами, холодами, ненастьемъ и рѣдкими просвѣтами вёдра по вечерамъ при закатѣ солнца, когда можно было въ тепломъ пальто и съ пледомъ на ногахъ сидѣть на террасѣ и любоваться восхитительной панорамой горнаго пейзажа, широко раскинувшагося у подножія горы, на склонѣ которой пріютилась моя дача. Первый планъ занимала станица, расположенная въ равнинѣ, окаймленной горами и лѣсомъ и уже погруженной въ сумракъ быстро наступавшей южной ночи; среди этого сумрака то здѣсь, то тамъ мелькали огоньки въ окнахъ незатѣйливыхъ дачъ или приземистыхъ мазанокъ; за станицей чернѣла полоса лѣса, за нимъ подымались болѣе свѣтлые горные склоны, а тамъ, на самомъ горизонтѣ, далеко, далеко, въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца горѣла яркая, золотистая полоска какого-то несжатаго еще поля...

Теперь, когда и для моей личной жизни наступилъ свой вечеръ, оглядываясь на пройденный путь, я вижу въ отдаленномъ началѣ его такую же ярко свѣтящуюся изъ-за сумрака ближайшихъ перспективъ полосу. Полоса эта—тѣ два поставленные въ заглавіи года, которые я провелъ въ Калужской губ. при В. А. Арцимовичѣ, на службѣ мировымъ посредникомъ сначала въ Калужскомъ, а затѣмъ Боровскомъ уѣздахъ. Столь же отдаленная отъ моего умственнаго ока, эта свѣтящаяся яркимъ свѣтомъ жизненная полоса уже недоступна памяти во всѣхъ своихъ деталяхъ; я не могу уже дать подробное, топографическое ея описаніе,

но до сихъ поръ вижу исходящій отъ нея свѣтъ, знаю источникъ этого свѣта и наслаждаюсь всею прелестью контраста его съ окружающимъ сравнительнымъ сумракомъ близъ лежащихъ перспективъ.

Въ этомъ—программа и рамки нижеизлагаемыхъ воспоминаній, на этотъ разъ исключительно посвященныхъ памяти незабвеннаго руководителя первыхъ шаговъ моихъ на поприщѣ общественнаго служенія.

Начавшись съ двухъ отдаленныхъ окраинъ, чтобы завершиться въ центрѣ, дѣятельность Виктора Антоновича обнимала собою такое разнообразіе государственныхъ и общественныхъ сферъ, длилась такъ долго, непосредственно касаясь двухъ величайшихъ моментовъ нашего культурнаго развитія,—отмѣны рабства и водворенія правосудія,—что представляетъ собою массу интереснѣйшаго историческаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовываетъ передъ нами личность дѣятеля въ столь величавыхъ очертаніяхъ, что эта личность является исключительною, богатырскою, поражающею современниковъ богатствомъ своего внутренняго содержанія и высотою своего нравственнаго развитія. Сочетаніе индивидуальной духовной мощи съ ея внѣшнимъ проявленіемъ во времени и пространствѣ еще болѣе усиливаетъ это впечатлѣніе. Вниманіе наблюдателя невольно разбрасывается въ этомъ обширномъ пространствѣ, въ этомъ долгомъ времени, въ блескѣ и глубинѣ этого духовнаго содержанія, горѣвшаго прометеевымъ огнемъ вплоть до послѣдняго вздоха его маститаго носителя. Наблюдатель невольно ищетъ кульминаціоннаго пункта, чтобы на немъ сосредоточиться, чтобы имъ сразу охарактеризовать роль и значеніе дѣятеля въ ихъ общихъ основныхъ чертахъ, и находитъ все это въ ту сравнительно короткую эпоху 1861—63 гг., въ которую В. А. въ качествѣ калужскаго губернатора стоялъ во главѣ великаго дѣла освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и въ которую рѣдкая совокупность положительныхъ и отрицательныхъ обстоятельствъ внѣшней обстановки образуетъ чрезвычайно отчетливый фонъ для всесторонняго освѣщенія его личности.

Въ эти немногіе годы было имъ сдѣлано много, такъ много, что затраченныхъ тогда труда, энергіи, дарованій, одушевленія и достигнутыхъ тѣмъ результатовъ хватило бы на цѣлыя десятилѣтія, на нѣсколько выдающихся біографій; въ эти немногіе годы нравственный обликъ В. А. развернулся во всю свою ширь на благодатной почвѣ того всеобщаго обновленія, того духовнаго подъема, какими отмѣчены были первые годы объявленной воли, и закалился въ тяжкой, суровой борьбѣ за правду, законъ и права освобожденнаго народа.

Введеніе новаго закона въ жизнь, воплощеніе его идеала—дѣло вообще трудное, требующее не только знанія и опыта, но и искусства, творческой способности, чтобы идеаломъ этимъ одухотворить жизнь и ею, въ свою очередь, оживить духъ вводимаго закона. Явное тому

доказательство мы видимъ въ тѣхъ, иногда рѣзкихъ и глубокихъ несоотвѣтствіяхъ, какія ложатся зачастую между писаннымъ закономъ и тщетно нормируемымъ ихъ бытомъ. Трудность эта растетъ пропорціонально тому отношенію, въ какомъ стоитъ вводимый законъ къ существующему порядку, и достигаетъ высшаго напряженія тамъ, гдѣ это отношеніе оказывается враждебнымъ, гдѣ закону предстоитъ пересоздать жизнь и гдѣ прежній строй, по тѣмъ или другимъ причинамъ, упорно отстаивается консервативными элементами реформируемой среды. Такая задача выпадала на долю всѣмъ исполнителямъ Положенія 19 февраля 1861 г., призваннымъ водворить законъ и права тамъ, гдѣ вчера еще вмѣсто нихъ жизнь управлялась произволомъ одной стороны, основаннымъ на рабствѣ другой.

Въ Калужской губ. задача эта осложнялась необыкновеннымъ антагонизмомъ сословія, рьяно стоявшаго за сохраненіе прежняго порядка и въ исполненіи закона видѣвшаго посягательство на свои права и привилегіи. Между тѣмъ во главѣ исполнителей этого закона стоялъ человѣкъ, неспособный ни на какіе компромиссы, поблажки и уступки, и не встрѣчавшій вслѣдствіе этого того содѣйствія, какое облегчало дѣло введенія закона въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ губернаторъ оказывался покладливѣе, а дворянство либеральнѣе. Въ Калужской губерніи губернаторъ и дворянство съ губернскимъ предводителемъ во главѣ представляли два діаметральныхъ противоположенія, два непримиримыя начала—новое и старое. Насколько первый былъ преданъ дѣлу реформы, настолько второе—охранѣ прежняго строя. Понятно, до какой интенсивности должна была доходить борьба при подобныхъ условіяхъ; велась она не на животъ, а на смерть; приходилось отвоевывать каждую пядь отводимой въ надѣлъ земли, отстаивать всякій рубль сбавляемаго за нее оброка; приходилось повторять почти то, что дѣлали наши войска на Кавказѣ, вырубая просѣки въ дремучихъ лѣсахъ подъ перекрестнымъ огнемъ чеченцевъ, прятавшихся за каждымъ деревомъ, подъ всякимъ кустомъ. Этихъ «чеченцевъ», кромѣ калужскихъ дебрей, было немало и въ Петербургѣ, куда то и дѣло каталъ губернскій предводитель съ своими жалобами, гдѣ то и дѣло мѣнялся вѣтеръ, а подъ конецъ открыто подулъ съ противоположной стороны. Разсчитывать на заручку вверху было такимъ образомъ невозможно; да и не таковъ былъ В. А. Арцимовичъ, чтобы опираться на нее; смѣняющіяся «вѣянія» онъ не могъ принимать не только къ «руководству», но и къ «свѣдѣнію»,—онъ зналъ только законъ и дѣло, въ которое вложилъ всю душу свою, зналъ только одну зависимость—отъ своей собственной совѣсти.

Въ такомъ положеніи, не имѣющемъ, по народной поговоркѣ, «ни дна, ни покрышки», обыкновенный человѣкъ въ лучшемъ случаѣ потерялъ бы голову; у Виктора Антоновича она только побѣлѣла, и лишь

эта довременная бѣлизна говорила о внутренней работѣ мозга и нервовъ и какъ бы символизировала чистоту и возвышенность помысловъ. А работа была по истинѣ изумительная, титаническая, тѣмъ болѣе, что велась она, какъ говорится, «на чистоту», безъ всякой примѣси какой-либо дипломатіи, къ чему Викторъ Антоновичъ ужь вовсе не былъ способенъ. Чтобы оцѣнить эту работу по достоинству, надо вспомнить, что Положеніе 19-го февраля, вводимое въ дѣйствіе въ данную эпоху, еще не имѣло никакихъ циркулярныхъ разъясненій, или руководящихъ указаній; тамъ, гдѣ теперь трудъ компилятора, тогда было ничѣмъ не восполняемое творчество. Приходилось прокладывать дорогу и дѣлать это дѣло, какъ мы сейчасъ видѣли, подъ выстрѣлами непріятеля. Инструкціи, комментаріи, оффиціальные и частные сборники — продуктъ позднѣйшихъ временъ, иногда полезный, иногда вредный, парализующій самодѣятельность юридическаго мышленія, способствующій умственной лѣни и косности практика, но во всякомъ случаѣ значительно облегчающій дѣло примѣнителя и истолкователя закона и превосходно защищающій его отъ нареканій ссылкой на чужую волю. Вмѣсто цѣлой библіотеки теперешнихъ «Законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», тогда имѣлся лишь небольшой, отпечатанный крупнымъ шрифтомъ, томикъ «Положенія 19-го февраля», заключавшій въ себѣ общія принципіальныя указанія, или вѣрнѣе, основы, на которыхъ предстояло установить новыя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Развитіе этихъ основъ въ частныхъ, практическихъ примѣненіяхъ новаго закона, рѣшеніе массы вопросовъ, недоразумѣній и затрудненій, возникавшихъ буквально на всякомъ шагу, выборъ кандидатовъ на должности мировыхъ посредниковъ, организація волостнаго и сельскаго управленія,—все это предоставлялось заботѣ и усмотрѣнію лица, стоявшаго во главѣ мѣстной администраціи.

Но этого мало: надо еще вспомнить и то, чѣмъ была наша государственная служба до 19-го февраля 1861 года и чѣмъ стала она послѣ этого «перелома», внезапно охватившаго всѣ ея сферы, создавшаго мировыхъ посредниковъ, земскихъ дѣятелей, судей по убѣжденію совѣсти. Пассивное, почти механическое исполненіе предначертаній свыше, мирное слѣдованіе по натореннымъ путямъ, карьера, оклады, протекція— вотъ существо, предѣлы и всѣ факторы того до-реформеннаго дѣла, которое даже и не называлось «дѣломъ», а «прохожденіемъ службы»; слѣды ея разносились по подлежащимъ графамъ формулярнаго списка и дальше не шли. И вотъ вдругъ, безъ всякихъ руководительныхъ антецедентовъ, въ эту застоявшуюся, омертвѣлую среду врывается дуновеніе новой, невѣдомой ранѣе жизни, на мѣсто прежнихъ приспособленій и подражаній становятся воля и творчество, исчезаютъ выручающіе се-

кретари и благодѣтельные «правители дѣлъ», чиновникъ преображается въ миссіонера, и и д е я, зажигая сердца, руководитъ дѣломъ! Понятно, какія личныя свойства требовались для того, чтобы сразу оріентироваться въ новомъ положеніи, чтобы сразу достойно отвѣтить внезапно открывшимся требованіямъ, чтобы вознестись на уровень предлежащей задачи, минуя ступени лѣстницы, которой тогда и не существовало. Вѣдь это все равно, что выпустить на волю человѣка, отвыкшаго въ темномъ и тѣсномъ заточеніи отъ свѣта и движенія. И вотъ, когда другіе, щуря глаза и немощно-протянутыми руками, ища привычную опору, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, то брели, сами не зная куда, то пятились въ страхѣ назадъ, Арцимовичъ пошелъ прямо и смѣло впередъ къ этому свѣту и простору, широко распахнувъ двери передъ грядущею въ нихъ свободою, и поставилъ у входа надежную стражу, охранявшую торжествующій путь ея. Онъ явился какъ-бы нарочно созданнымъ для такого дѣла, а самое дѣло—нашедшимъ въ немъ своего достойнѣйшаго исполнителя.

Какъ мы уже видѣли, исполненіе этого дѣла было обставлено въ данномъ случаѣ исключительными условіями, превращая его въ борьбу, безсмѣнно-державшую исполнителя какъ-бы въ осадномъ положеніи. Нервы, казалось бы, должны были мѣшать работѣ ума, парализовать волю, раздражать дѣятеля. И дѣйствительно, обыкновенный человѣкъ въ такомъ положеніи неминуемо бы ожесточился; буря личныхъ, свирѣпствующихъ вокругъ него импульсовъ и вожделѣній увлекла бы и заразила его, подняла бы и въ немъ такіе же импульсы и вожделѣнія и тѣмъ сдѣлала бы его уязвимымъ для наносимыхъ и справа и слѣва ударовъ.

Ничего подобнаго нельзя было замѣтить въ Викторѣ Антоновичѣ. Въ жестокой борьбѣ, вспыхнувшей съ первыхъ же дней введенія новаго закона между его исполнителями и мѣстнымъ дворянствомъ, въ бурномъ вихрѣ жалобъ, доносовъ, происковъ и инсинуацій, въ моменты, когда эта борьба достигла апогея своего напряженія,—Викторъ Антоновичъ сохранялъ невозмутимое, чисто олимпійское спокойствіе; ничто—ни козни, ни клевета, ни вызывающій задоръ противника—не возмущали этого величаваго покоя: ясенъ и глубокъ по-прежнему оставался взоръ, улыбка не покидала устъ, и ни морщинки на высокомъ, открытомъ челѣ. А кругомъ гремѣли проклятія, пѣнились рты и скрежетали зубы, составлялись заговоры и измышлялись ехиднѣйшіе подвохи... Это спокойствіе, это самообладаніе не имѣли, разумѣется, ничего общаго съ такъ-называемою служебною выдержкою и бюрократическимъ холодомъ высокопоставленнаго сановника, съ тѣмъ «безпристрастіемъ», которому цѣна грошъ, которое наружный холодъ заимствуетъ у внутренней пустоты и питается равнодушіемъ. Тутъ дѣло обстояло совсѣмъ наоборотъ. Викторъ

Антоновичъ до того былъ проникнутъ идеей, которая его руками претворялась въ жизнь, до того былъ поглощенъ этимъ священнымъ для него процессомъ, что въ горячемъ самозабвеніи не ощущалъ «суеты міра сего»,—то было всепрощеніе, которое дается всепониманіемъ и составляетъ удѣлъ лишь избранныхъ душъ. Вотъ живоносный источникъ этого величаваго спокойствія, передъ которымъ преклонялись иногда и враги его.

Враговъ, впрочемъ, въ тѣсномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова, у Виктора Антоновича не было, и быть не могло; къ нему л и ч н о нельзя было, нельзя ни для кого, питать что-либо подобное враждѣ. Въ немъ ненавидѣли д ѣ л о, которому онъ служилъ «вѣрой и правдой», въ немъ проклинали идею, дѣло это въ его рукахъ духотворившую. Такихъ враговъ было видимо-невидимо,—они сидѣли въ каждой помѣщичьей усадьбѣ и предводительствовались лицомъ, вполнѣ отвѣчающимъ ихъ цѣлямъ и завѣтамъ.

И они добились своего: В. А. Арцимовичу не пришлось закончить начатаго имъ дѣла. Тѣмъ не менѣе губернія ни разу не слыхала барабаннаго боя воинской команды, не слыхала ни одного выстрѣла, не видала ни одного штыка. Тѣмъ не менѣе голодъ, столько разъ посѣщавшій въ теченіе протекшихъ съ той поры трехъ десятилѣтій многія и многія губерніи, не сопровождался въ Калужской тѣми ужасами и муками, которые вызывались въ остальныхъ мѣстностяхъ не столько неурожаемъ, сколько малоземельемъ и обременительными платежами. Тѣмъ не менѣе теперь, когда громадныя и безнадежныя недоимки тяготѣютъ чуть не на всемъ крестьянствѣ, Калужская губернія является въ исключительномъ положеніи безнедоимочной губерніи. Тѣмъ не менѣе переселенческое движеніе, огуломъ охватившее страну, почти миновало эту губернію. И если многаго, конечно, въ этомъ отношеніи остается еще желать для калужскаго населенія, то благодаря лишь общимъ экономическимъ причинамъ и тѣмъ урѣзкамъ въ отведенныхъ надѣлахъ, тѣмъ повышеніямъ въ назначенныхъ по уставнымъ грамотамъ повинностяхъ, которыми реакція при преемникахъ Виктора Антоновича стремилась наверстать былыя потери.

И несмотря на то, зодчій, которому такъ мѣшали въ его задачѣ, у котораго рвали изъ рукъ строительный матеріалъ, если и не успѣлъ возвести своего зданія до кровли, то заложилъ его фундаментъ,—фундаментъ, уцѣлѣвшій до сихъ поръ и представляющій нашимъ современникамъ чудо строительнаго искусства.

Если теперь изъ области экономической мы перейдемъ въ область служебной этики, то встрѣтимъ и здѣсь такіе же итоги, еще болѣе рѣдкіе, еще болѣе благодатные: здѣсь въ распоряженіи «оппозиціи» уже не

имѣлось никакихъ средствъ, которыми можно было бы парализировать эти итоги.

В. А. Арцимовичъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыя вносятъ въ среду, гдѣ дѣйствуютъ, очищающій, облагораживающій элементъ; имъ, этимъ свѣточамъ добра и справедливости, не нужно тѣхъ обычныхъ пріемовъ, какими заурядный руководитель старается импонировать своей подвластной іерархіи; имъ достаточно нѣсколькихъ словъ, одного взгляда, жеста, чтобы морально подѣйствовать на собесѣдника; передъ ними все грязное, низкое, пошлое бѣжитъ прочь и прячется; какъ тѣнь исчезающей ночи передъ разсвѣтомъ яснаго дня, они влекутъ къ себѣ всякій умъ и покоряютъ всякое сердце. Личныхъ враговъ, какъ мы уже это сказали, подобные люди не имѣютъ, ихъ враги—враги того дѣла, которому они служатъ, и лишь измѣна ему миритъ этихъ враговъ съ ними. Чѣмъ выше это дѣло надъ средой дѣйствія, чѣмъ равностнѣе служеніе ему, тѣмъ яростнѣе вражда къ олицетворяющему это дѣло, къ представителю живой души его, но тѣмъ быстрѣе порицаніе переходитъ въ клевету и тѣмъ безвреднѣе усилія противниковъ. Прежде всего этой враждебной работѣ мѣшало то, что Викторъ Антоновичъ былъ совершенно свободенъ отъ тѣхъ слабостей и недостатковъ, которыми такъ часто страдаетъ служебный дѣятель, быстро вознесенный судьбою на тотъ или другой вліятельный служебный постъ. Каждый обращающійся къ нему совершенно забывалъ, что передъ нимъ губернаторъ, генералъ и звѣздоносецъ. Ни тѣни чиновнаго чванства, задора, ни жеста, ни голоса, въ которыхъ чувствовалась бы или звучала какая-нибудь начальственная нотка, и несмотря на то, мнѣ кажется, что у послѣдняго мерзавца не хватило бы духа непочтительно забыться передъ такимъ начальникомъ, обмануть, «подвести», или постараться плѣнить его своей раболѣпной покорностью. Не сказывался въ немъ, наоборотъ, не сказывался ни единой черточкой и иной, тогда весьма распространенный, типъ сановника-либерала, щеголяющаго своей гуманностью ради карьеры или панибратствомъ съ подчиненною молодежью ради популярности. Нѣтъ, это была какая-то величавая простота, искренняя и естественная,—душа, всецѣло поглощенная идеей, не вносившая въ свое дѣло ничего личнаго, ничего напускнаго, мягкая, спокойная и привѣтливая, но въ то же самое время сильная волей, властная и стойкая въ охранѣ права и закона. Всѣми, друзьями и недругами, какъ-то инстинктивно чувствовалась въ этомъ молодомъ человѣкѣ съ сѣдыми волосами та мощь, та миссія «не отъ міра сего», которая пребудетъ непоколебимою и вѣрною въ какія угодно эпохи, при какихъ угодно вѣяніяхъ, въ какихъ бы то ни было условіяхъ.

Нравственное вліяніе Виктора Антоновича на насъ, мировыхъ посредниковъ, было громадно, а авторитетъ его—всесиленъ. Въ немъ во-

площался передъ нами рыцарь «безъ страха и упрека», ополчившійся противъ беззаконія, лжи и насилія за правду и права народа, хотя и дарованныя, но предательски и упрямо оспариваемыя, ревностный апостолъ идеи, свободно, сознательно, честно и беззавѣтно ей преданный, строгій и неуклонный исполнитель закона, великій мастеръ въ истолкованіи сокрытаго для близорукихъ рутинеровъ духа его. Дворяне звали его «атаманомъ», а насъ—«шайкою разбойниковъ». Если отнять у этого взаимоотношенія хищническій характеръ нарушителей общественнаго порядка, сравненіе окажется, пожалуй, совершенно вѣрнымъ: руководительство вождя и преданность подчиненныхъ представляли здѣсь одно недѣлимое цѣлое; между губернаторомъ и мировыми посредниками существовала изумительная солидарность,—они были душевно преданы другъ-другу столько же, сколько и дѣлу, которое вели общими силами. Заурядныя, оффиціально-узаконенныя отношенія между губернаторомъ и чиновниками совершенно исчезали; не чувствовалась, не замѣчалась «служба» съ ея обычными «обязанностями», субординаціей, интересами и цѣлями,—служба мало отвѣчающая дѣлу, служба въ общепринятомъ, будничномъ, такъ сказать, значеніи слова. Она казалась намъ гдѣ-то далеко, внизу, а то гражданское одушевленіе, тотъ святой восторгъ, которые въ рѣдкія, исключительныя эпохи красятъ и вѣнчаютъ дѣло человѣка, были тутъ, у насъ, съ нами, близко, всегда!

Мнѣ скажутъ пожалуй, что этотъ духовный подъемъ вызывался не личностью, стоявшею во главѣ дѣла, а самимъ дѣломъ, его высокою историческою задачею. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, каждая губернія, гдѣ вводилось Положеніе 19-го февраля, не имѣла своего Арцимовича? Отчего съ отъѣздомъ Виктора Антоновича изъ Калуги все это приподнятое настроеніе какъ-то вдругъ, сразу опустилось, тогда какъ дѣло, которымъ онъ руководилъ, далеко не было закончено и находилось въ самомъ разгарѣ, продолжалось, и долго продолжалось, при его преемникахъ? Отчего, съ отъѣздомъ его, мы тотчасъ же утратили прежнюю вѣру въ то, что исполняемый нами законъ не будетъ искаженъ въ угоду помѣщику губернскимъ присутствіемъ, куда поступитъ уставная грамота или жалоба землевладѣльца? Отчего при немъ мы работали спокойно и увѣренно, не имѣя понятія о начавшейся въ верхахъ реакціи, и внезапно восчувствовали всю силу ея только разставшись съ нимъ? Отчего, наконецъ, потомъ, когда и эта реакція въ свою очередь миновала, когда объявились «завершители крестьянскаго дѣла», и «благо сельскаго обывателя» снова стало девизомъ закона,—отчего тогда не оказалось уже ни этого духовнаго подъема, ни этого гражданскаго одушевленія?..

Мнѣ скажутъ, затѣмъ, что калужскому губернатору много помогъ въ дѣлѣ освобожденія первоначальный, счастливо подобранный, составъ

мировыхъ посредниковъ, членовъ мировыхъ съѣздовъ и губернскаго присутствія. Дѣйствительно, Свистуновъ, князь Оболенскій, Щепкинъ, Грешищевъ, Гавриловъ, Рихтеръ, Бибиковъ, Рахмановъ, Пусторослевъ, Муромцевъ, Сельванъ, Пещуровъ, Долгово-Сабуровъ, Рагозинъ и другіе—все это имена, которыя до сихъ поръ съ глубокимъ уваженіемъ и сердечной отрадой хранитъ моя память, озаряя ими далекое прошлое; но к т о же нашелъ и призвалъ ихъ въ такомъ обиліи и единствѣ, не знавшихъ исключенія? И это не оттого только, что Викторъ Антоновичъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ распознавать и выбирать людей, но и оттого, главнымъ образомъ, что всякій, кто приближался къ нему, становился лучше, чище, выше самого себя, являясь какъ-бы отблескомъ его свѣтлой личности и сохраняя при этомъ всю свою самостоятельность. Кромѣ того, слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что дѣло комплектованія новаго института мировыхъ посредниковъ для губернатора, серьезно и честно къ этой задачѣ относившагося, представлялось чрезвычайно труднымъ и рискованнымъ. Окладъ въ 1,500 р. въ тѣ времена являлся крайне заманчивымъ, соискателей отъ этого была масса, а университетскіе выпуски очень скудны, дворянская партія, какъ и въ Петербургѣ, такъ и на мѣстѣ, стремилась проводить своихъ кандидатовъ; протекція и связи работали, по обыкновенію, усердно. Викторъ Антоновичъ преодолѣлъ всѣ эти трудности, обошелъ всѣ эти преграды и образовалъ составъ, подобнаго которому не имѣла ни одна губернія,—здѣсь я повторяю лишь всѣмъ извѣстный и общепризнанный теперь фактъ.

Избравъ такихъ людей и поставивъ ихъ, по его собственному выраженію, у «тяжкаго, но славнаго дѣла», Викторъ Антоновичъ уже стоялъ за нихъ горой, принимая на свою голову всѣ удары, которые посыпались на нихъ отовсюду, какъ только приступили они къ этому дѣлу. Выше я упомянулъ, что работая мы не имѣли понятія о реакціи, начавшейся вверху, и благодаря этому, съ вѣрою въ успѣхъ вели дѣло по избранному имъ направленію вплоть до тѣхъ поръ, пока вслѣдъ за нимъ сами не были устранены путемъ «сокращенія» мировыхъ участковъ. Понятно, какая жертва, какой подвигъ совершонъ имъ въ данномъ случаѣ. Это былъ подвигъ Винкельрида въ битвѣ при Семпахѣ за освобожденіе Швейцаріи, когда этотъ народный герой, охвативъ копья напиравшихъ со всѣхъ сторонъ ландскнехтовъ, направилъ ихъ въ свою собственную грудь и тѣмъ далъ своему войску возможность пробиться сквозь непріятельскіе ряды и такимъ образомъ проложить дорогу къ будущей побѣдѣ. И несмотря на все это, Викторъ Антоновичъ, по своей безпредѣльной скромности, часто говаривалъ, что онъ «плохой администраторъ», что его «настоящее призваніе быть судьей!».... К а к и м ъ оказалось это призваніе, когда открылась возможность отвѣтить ему свободно и мирно,—извѣстно каждому юристу-практику; но перво-

начальный источникъ глубины, тонкости и мѣткости истолкованія закона, которыми такъ богаты кассаціонныя рѣшенія сената, постановленныя подъ предсѣдательствомъ или при участіи этого «судьи по призванію», слѣдуетъ искать въ той изумительно-трудной и отвѣтственной работѣ, какая выпадала на долю калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—работѣ, въ которой синтезъ и анализъ юридическаго мышленія такъ дивно сочетался въ лицѣ ея руководителя съ гуманнымъ чувствомъ общечеловѣческой правды, оживляя и плодотворя сжатый текстъ вводимаго закона,—въ этой опытной школѣ, въ этомъ боевомъ закалѣ и въ той убійственной обстановкѣ труда, о которой было сказано выше.

Вышеизложенное значеніе дѣятельности Виктора Антоновича въ области служебной этики далеко не исчерпывается сферою отношеній, вызванныхъ собственно крестьянскимъ дѣломъ.

Кто помнитъ Калугу до и послѣ управленія имъ губэрніею, тотъ можетъ засвидѣтельствовать, до чего скученъ и пустъ былъ нашъ губернскій городъ въ эти два окольные періода и какимъ оживленіемъ—вѣрнѣе сказать одушевленіемъ—отмѣтилось это промежуточное, свѣтлое и короткое время. Понятно, что это оживленіе не имѣло и не могло имѣть ничего общаго съ тѣмъ обычнымъ оживленіемъ нашихъ губернскихъ городовъ, которое наблюдается во время дворянскихъ выборовъ или ярмарокъ, знаменуясь обѣдами, кутежами, картами, балами, избирательными или торговыми плутнями и больше ничѣмъ. Нѣтъ! сонный городъ проснулся и оживился при Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ совсѣмъ на другой, дотолѣ небывалый и невѣдомый ладъ: онъ сталъ думать, говорить и дѣйствовать; спорить и совѣщаться въ той области человѣческаго общенія, которая живетъ высшими и чужими интересами, общественными идеалами и нуждами, въ которой работаютъ умы и бьются сердца въ приподнятомъ настроеніи, въ которой нѣтъ ничего пошлаго, злободневнаго, своекорыстнаго и узкаго, въ которой растетъ и очищается душа человѣческая. Сколько новыхъ интеллигентныхъ силъ появилось въ городѣ на поприщѣ государственной и общественной службы, какъ содержательна и интересна сдѣлалась «неоффиціальная часть» «Губернскихъ вѣдомостей», какія жизненныя темы завладѣли бесѣдами въ свободный вечерній часъ! Все жило и работало вокругъ, и воскрешенный обыватель уже не могъ оставаться изолированнымъ въ этомъ бодрящемъ, заразительномъ и обновляющемъ движеніи. Какой-то облагораживающій отпечатокъ легъ на всѣхъ и на всемъ. Преобразилась даже трактирная жизнь. Я помню, напримѣръ, чистенькую гостинницу съ обычнымъ рестораномъ и бильярдомъ, которую содержалъ monsieur Coulon, старый французъ, веселый и юркій республиканецъ. Тамъ обыкновенно собиралась молодая компанія съѣзжавшихся изъ

уѣздовъ мировыхъ посредниковъ. «Papa Coulon», какъ мы его звали, принималъ живѣйшее участіе въ послѣобѣденной бесѣдѣ, трепалъ одобрительно по плечу своихъ шумливыхъ постояльцевъ и въ свою очередь звалъ ихъ не иначе, какъ «mes braves enfants». Милый старичекъ бралъ за все крайне умѣренныя цѣны, нимало не смущаясь сознаніемъ, что его «braves enfants»—предвѣстники того дворянскаго, а стало быть и его собственнаго, оскудѣнія, которое неизбѣжно наступитъ съ окончаніемъ ихъ миссіи. И дѣйствительно, «Papa Coulon» очень скоро разорился и долженъ былъ печально ликвидировать свое дѣло. Впослѣдствіи, когда Калуга вернулась въ «норму», въ предѣлы, присвоенные нашимъ губернскимъ городамъ, мнѣ приходилось бывать тамъ изрѣдка; «гостиницу Кулона», какъ все еще значилось на вывѣскѣ, трудно было узнать: грязь, вонь, скверный обѣдъ, грубая и заспанная прислуга, сухой трескъ кіевъ, работающихъ по бильярду, пьяные возгласы за стѣной,—и это тамъ, гдѣ еще такъ недавно все блестѣло чистотой, гдѣ такъ привѣтливо суетился ласковый хозяинъ, гдѣ было столько молодаго веселаго шума и горячихъ рѣчей, гдѣ такъ хорошо было отдохнуть и отобѣдать послѣ цѣлаго ряда безсонныхъ ночей, разъѣздовъ и закусыванія на скорую руку.

И не въ одной только «гостиницѣ Кулона» встрѣтилъ я тогда подобную метаморфозу...

Симпатіи свои къ губернатору, «хозяину губерніи», дореформенный обыватель любилъ выражать словами: «онъ соединяетъ общество», разумѣя подъ этимъ рауты, вечера, балы или благотворительныя аллегри, на которыхъ веселится губернскій beau-monde. Викторъ Антоновичъ также «соединялъ общество», только цементъ здѣсь былъ совсѣмъ другаго сорта, а объединяющимъ центромъ, животворящимъ факторомъ являлась его собственная нравственная личность. Своимъ мимолетнымъ, какъ свѣтлый метеоръ, оживленіемъ, городъ былъ обязанъ ему и прежде всего ему. Наблюдалось явленіе, которое современные соціологи зовутъ «contagion morale», обаяніе личности въ окружающей средѣ, зараза добра и правды, струя свѣжаго воздуха, ворвавшаяся въ душную, долго запертую комнату. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тридцати лѣтъ, учредилось земство, учредился новый судъ, интеллигенція отхлынула изъ столицы, развилась провинціальная пресса, развѣтвились желѣзнодорожные пути, но скука и пошлость по-прежнему царятъ въ провинціи; еще не такъ давно, въ № 234 «Русскихъ Вѣдомостей», отъ 16-го августа 1893 г., говорилось по этому поводу слѣдующее:

«Въ газетахъ ведется полемика на тему о скукѣ и пошлости провинціальной жизни. Въ самомъ фактѣ, что провинція находится въ состояніи спячки, никто не сомнѣвается. Спорятъ лишь о причинахъ этого, во всякомъ случаѣ, печальнаго событія». Далѣе приводятся от-

зывы «Новаго Времени», «Московскихъ Вѣдомостей», «Недѣли», «Гражданина», единогласно констатирующіе это событіе.

Очевидно, стало быть, что оживленіе, нѣкогда воскресившее Калугу, обусловливалось не внѣшними, атмосферическими причинами, а субъективными свойствами дѣятеля, ниспосланнаго ей капризной судьбой. Съ нимъ оно явилось, съ нимъ и исчезло, и общій духовный подъемъ въ эпоху реформъ нисколько не умаляетъ значенія факта.

Съ особенной отрадой припоминается этотъ фактъ въ виду того, что совершился онъ властью д у х а, а не властью с а н а, которой облеченъ былъ его вершитель, и къ которой онъ не имѣлъ надобности прибѣгать, обладая иными, высшими и сильнѣйшими средствами воздѣйствія. Поэтому современные патріоты-самозванцы, чающіе всякихъ благъ отъ усиленія губернаторской власти, въ этомъ исключительномъ фактѣ не найдутъ никакого аргумента въ подтвержденіе своей теоріи.

Отсутствіемъ губернаторскаго престижа объясняется въ данномъ случаѣ и та смѣлость гоненія, которымъ дворянская партія преслѣдовала своего губернатора, обличая его агитаторомъ, опаснымъ общественному порядку, врагомъ собственности, колебателемъ основъ, «краснымъ»... Ревизія Капгера, сенаторство и Анненская звѣзда нѣсколько охладили этотъ негодующій пылъ, но втихомолку продолжали раздаваться прежніе возгласы, пока превратные толки о дѣятельности Виктора Антоновича въ Царствѣ Польскомъ не вызвали другой клеветы, другихъ обвиненій совершенно противоположнаго направленія: на этотъ разъ «врагъ собственности» и «колебатель основъ» изображался защитникомъ помѣщиковъ и угнетателемъ крестьянъ! Къ еще большему удивленію, эти обвиненія слышались и отъ тѣхъ лицъ, которыя восторгались Викторомъ Антоновичемъ въ Калугѣ.

Я считаю нужнымъ коснуться здѣсь этого невѣроятнаго, казалось бы, обстоятельства, такъ какъ оно превосходно объясняетъ и клевету, взведенную на дѣятеля въ Калугѣ, и его рыцарскую любовь къ правдѣ, его независимость, какъ отъ мѣняющихся вверху вѣяній, такъ и отъ близорукихъ отзывовъ толпы.

Сопоставляя въ сравнительной параллели дѣятельность Виктора Антоновича въ Калужской губерніи съ дѣятельностью его въ Царствѣ Польскомъ, мы видимъ, что онѣ развивались при одинаковыхъ по внѣшности, хотя и совершенно различныхъ по существу условіяхъ среды, имъ нормируемой въ духѣ и разумѣ освободительнаго закона. Въ Калугѣ Викторъ Антоновичъ встрѣтилъ противъ себя сплотившееся дворянство, въ Польшѣ онъ засталъ положеніе дѣлъ, съ которымъ также и по тѣмъ же причинамъ не могъ примириться. Работать ему приходилось тамъ съ людьми, довольно своеобразно понимавшими свою освободительную миссію. Взглядовъ ихъ раздѣлить онъ не могъ: въ

освобожденіи крестьянъ онъ не могъ видѣть нѣчто вродѣ кары, экзекуціи, подготовляемой для крамольныхъ помѣщиковъ,—онъ не могъ сочувствовать ни дешевому либерализму карьеристовъ, развивающемуся на почвѣ узкаго лжепатріотизма, ни показному народничеству на чужой счетъ; онъ не могъ, ради «высшихъ соображеній», смотрѣть сквозь пальцы на узурпацію законныхъ владѣльческихъ правъ, на травлю помѣщиковъ крестьянами и не понималъ возможности внѣдрять въ «хлопахъ» надлежащія чувствованія путемъ награжденія ихъ собственностью бывшаго владѣльца. И здѣсь, какъ и въ Калугѣ, онъ, «судья по призванію», принялъ сторону права и закона, сторону слабаго и незаконно угнетаемаго; такою стороной тамъ являлись крестьяне, здѣсь—помѣщики, и если процессъ надѣленія крестьянъ землею и опредѣленія за нее повинностей въ послѣднемъ случаѣ принималъ характеръ военной контрибуціи, онъ считалъ своимъ долгомъ сдерживать подобныя тенденціи. Отсюда обвиненія въ крѣпостничествѣ. Клевета на этотъ разъ хлынула черезъ край; страшное слово «измѣна», сорвавшись съ устъ, «едва умѣвшихъ лепетать», перекати-полемъ понеслась по вѣтру и кое-гдѣ гуляетъ еще до сихъ поръ...

«Ахъ,—вздыхали возвращавшіеся съ поля битвы «ташкентцы» и «обрусители»,—Викторъ Антоновичъ теперь уже не тотъ!» Людямъ, хорошо и близко знавшимъ его, смѣшно и гадко было слушать эти «благонамѣренныя рѣчи» и эти близорукія, не рискованныя инсинуаціи, одинаково напоминавшія лай изъ подворотни. Его въ высшей степени прямая и честная натура, его свѣтлый и глубокій умъ, его рыцарское сердце,—все это такъ чуждо было возмутительной безсмысленной клеветѣ, не понимавшей того, что обѣ эпохи дѣятельности Виктора Антоновича,—калужская и польская,—были слиты въ неразрывномъ гармоническомъ единствѣ воли и разума, направленныхъ къ одной и той же высокой и чистой цѣли—торжеству права и правды на землѣ. Тамъ, въ первую эпоху, законъ по отношенію къ правамъ и благу освобождаемыхъ недоисполнялся,—здѣсь, во вторую, онъ, въ томъ же отношеніи, переисполнялся; и тамъ и здѣсь администратору, склонному поступаться закономъ и справедливостью ради политическихъ соображеній,—администратору-дипломату, несравненно легче и безопаснѣе было «плыть по теченію», не рискуя ничѣмъ ни сверху, ни снизу; но Викторъ Антоновичъ и тамъ, и здѣсь, и прежде, и теперь, продолжалъ дѣлать то, что повелѣвалъ ему служебный долгъ и собственная совѣсть, оставаясь государственнымъ дѣятелемъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.

Теперь, когда всепоглощающее время умиротворило страсти и въ вѣчномъ снѣ успокоило былыхъ борцовъ, какими жалкими и вздорными кажутся всѣ эти самоуничтожающіяся обвиненія, и въ какомъ свѣт-

*

ломъ ореолѣ глядитъ на насъ изъ своей могилы непорочный образъ обвиняемаго! «Судья по призванію», стойкій охранитель закона, самоотверженный защитникъ правды! Слово твое смолкло, но дѣло твое живетъ, и да будетъ оно вѣчнымъ примѣромъ ставшему на смѣну поколѣнію: онъ такъ нуженъ ему!

Кому же и быть такимъ примѣромъ, какъ не тому, чья душа не умѣла замыкаться въ самой себѣ и жить личными, хотя бы и возвышенными интересами, а рвалась наружу, жадно повсюду искала живаго дѣла, вся уходила въ него и вынесенными оттуда свѣтомъ и любовью такъ широко, такъ долго, такъ щедро дѣлилась съ окружающимъ міромъ чужихъ существованій, чужихъ интересовъ, чужихъ правъ.

Въ темпераментѣ Виктора Антоновича мы видимъ рѣдкое, удивительное сочетаніе гражданской стойкости, воли, умѣвшей давать отпоръ натискамъ среды, какъ бы коллективны, энергичны и авторитетны они ни были, съ необыкновенно мягкимъ, любящимъ сердцемъ, съ самою привѣтливою кротостью, съ тою «ровностью характера», которая не знаетъ ни вспышекъ гнѣва, ни суровой сухости, ни слащавой аффектаціи; — сочетаніе почти недоступное при нашихъ условіяхъ государственной дѣятельности. Эти свойства, встрѣчаемыя обыкновенно лишь вразбивку, мирящія насъ даже съ крупными недостатками обладающаго ими, совокупностью своею въ данномъ случаѣ сообщали личности Виктора Антоновича такую обаятельную оригинальность, что о немъ нельзя говорить иначе, какъ съ восторгомъ, и восторгъ этотъ будетъ искреннимъ, трезвымъ и продуманнымъ. «De mortuis aut bene aut nihil»—совѣтовали римляне; для Виктора Антоновича совѣтъ этотъ окажется не при чемъ: скрывать нечего. Вся долголѣтняя жизнь его въ этомъ отношеніи—tabula rasa, на которой ни злоба, ни зависть, ни недомысліе не напишутъ ни одного правдиваго слова.

Вотъ отчего до сихъ поръ изъ далекаго прошлаго ярко свѣтится мнѣ то незабвенное трехлѣтіе, которое я вспоминаю такъ часто, на которомъ особенно сладко отдыхаетъ душа теперь, когда все идетъ наперекоръ тѣмъ принципамъ и идеаламъ, воплощеніемъ которыхъ была тогда мною познанная, недавно угасшая жизнь. Вотъ отчего неугасимъ свѣтъ, ею намъ оставленный,—свѣтъ, который, озаривъ и согрѣвъ юность мою, не меркнетъ до сихъ поръ, когда въ наступающей старости отовсюду вокругъ сгущаются тѣни, и близится моментъ, когда въ сплошномъ мракѣ потонетъ для меня все земное. Не меркнетъ этотъ свѣтъ, но и не усиливается искусственно отдаленностью вспоминаемой эпохи, не переходитъ въ миражъ, обманывающій старика, когда онъ разсказываетъ про свою молодость. «Что прошло, то будетъ мило»,—это вѣрно, но не безусловно, и въ данномъ случаѣ нѣтъ мѣста подобной иллюзіи: она скрашиваетъ иногда былое въ тѣхъ воспоминаніяхъ, ко-

торыя касаются міра субъективныхъ явленій, въ врачующемъ забвеніи утратившихъ свою прежнюю горечь; но она не заслоняетъ истины тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о событіяхъ въ сферѣ общественной, и всего менѣе тамъ, гдѣ эта сфера была встревожена борьбою, при чемъ свѣтлыя впечатлѣнія укладывались въ памяти очевидца рядомъ съ тѣневыми, образуя такимъ образомъ контрастъ, въ которомъ «розовая дымка милаго прошлаго» нейтрализуется и уже не подкупаетъ памяти, какъ это бываетъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Виктора Антоновича въ 1863 г., когда, навсегда покидая Калугу, онъ заѣхалъ проститься со мною. Вспоминая на страницахъ «Русскаго Архива» (№ I-й 1892 г.) свое прошлое, я конечно не могъ обойти того періода, который во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ зарю его. Но въ то время жилъ еще человѣкъ, благодаря которому этотъ періодъ не по времени только сталъ «зарею» моего прошлаго, и потому я не могъ тогда назвать по имени ни его, ни губернію, о которой разсказывалъ. Для полноты заканчиваемаго очерка и для читателей, незнакомыхъ съ моими воспоминаніями, считаю не лишнимъ привести здѣсь тѣ мѣста изъ нихъ, которыя касаются Виктора Антоновича и его калужской дѣятельности.

«Я вскорѣ былъ назначенъ мировымъ посредникомъ въ одну изъ губерній средней полосы. Я надѣлъ золотую цѣпь—тогда еще впервые введенное украшеніе, такъ рѣзко выдѣлявшее мировыхъ посредниковъ отъ остальной массы служилаго люда,—и отправился представиться губернатору. До сихъ поръ хорошо помню этотъ пріемъ!... Но для того чтобы оцѣнить все его значеніе, надо сдѣлать маленькое отступленіе въ сторону.

«Положеніе студента, переходящаго съ университетской скамьи въ службу, въ тѣ времена было далеко не изъ завидныхъ. Чиновничество смотрѣло косо и недружелюбно на «университетскихъ»; бывали, разумѣется, исключенія, но я говорю объ общемъ явленіи. Чуть не каждый чинъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ рѣзче, непремѣнно старался при всякомъ удобномъ и неудобнымъ случаѣ оборвать университетскаго человѣка. Заставятъ его, напримѣръ, сочинить бумагу,—просмотрятъ, покачаютъ головой и, устремляя въ него изъ-подъ вскинутыхъ на лобъ очковъ презрительно добродушный взоръ, скажутъ, возложивъ руки на плечо: «Вы, молодой человѣкъ, хотя и въ университетѣ, хе, хе, обучались, а слогомъ, хе, хе, настоящимъ не владѣете-съ; развѣ такъ пишутъ-съ?!... Затѣмъ «начальникъ» лѣзъ въ шкафъ, вытаскивалъ оттуда какой-нибудь пузатый, истрепанный «томъ» и, распахнувъ его на потребномъ мѣстѣ, внушительно тыкалъ пальцемъ въ какое-нибудь «представленіе», «доношеніе», или «рапортъ» и совѣтовалъ «присмотрѣться, какъ надо писать». Случалось иногда и хуже того: злополучному «университет-

скому человѣку» вручали нитки съ громадной иглой и засаживали «подшивать наряды».

«Все это пронеслось въ моей памяти, когда я стоялъ въ пріемной губернатора. Вскорѣ онъ вышелъ, тоже положилъ свою руку на мое плечо (хотя встрѣчались мы въ первый разъ), но въ этомъ жестѣ было теперь что-то нѣжное, отеческое, человѣческое. Его глубокій, грустный взглядъ, молодое еще и прекрасное смуглое лицо, обрамленное густыми сѣдыми волосами, довершали такое впечатлѣніе.—«Я радъ въ васъ видѣть,—началъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ (тогда это былъ пріемъ, выходящій заурядъ)—будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, гражданина, полезнаго своему отечеству. Люди, съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу; я ищу ихъ съ огнемъ... потому что они, во-первыхъ, молоды, чисты душой, неиспорчены жизнію и существующими служебными порядками, а во-вторыхъ, что не менѣе важно для дѣла, они независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать,—тяжко и славно работать!... Вѣрьте въ свое дѣло, чтите законъ во что бы то ни стало, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ: я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ,—все, что только вы потребуете отъ меня»...

«Я слушалъ, какъ заколдованный; я ощущалъ, какъ чувство безпредѣльной радости, безпредѣльнаго уваженія къ этому человѣку росло въ моей взволнованной груди; я смѣло шелъ на встрѣчу «тяжкому, но славному дѣлу», имѣя такого руководителя, такую поддержку; я сознавалъ, что то, дорогое университетское, то, что я вношу съ собою въ это дѣло, служитъ теперь предметомъ не злораднаго глумленія, а, напротивъ, имѣетъ свою особую цѣну и пользуется уваженіемъ высшаго представителя мѣстной оффиціальной власти.

«До сихъ поръ, взглянувъ на висящій передъ моимъ письменнымъ столомъ портретъ, я съ глубокою любовью вспоминаю это отеческое напутствіе на первыхъ шагахъ молодаго студента въ жизнь, это благословеніе на предстоящія въ ней битвы, благословеніе, поданное чистыми руками и на чистое дѣло. И всѣ мы, рекруты «перваго призыва», поочередно получали его: еще не зная другъ друга, собравшись съ разныхъ сторонъ, мы уже восприняли, такъ сказать, общее крещеніе, и этотъ починъ помогъ намъ впослѣдствіи образовать такой же сплоченный, жившій такими же факторами, такой же тѣсный товарищескій кружокъ, изъ котораго мы только-что вышли, оставляя университетъ. Это общеніе было могучею подмогою въ нашей трудной задачѣ...

«Какъ-бы предчувствуя грядущую «перемѣну фронта», нашъ энергичный главнокомандующій то-и-дѣло понукалъ свою молодую армію спѣшить окончаніемъ дѣла; онъ надѣялся въ данномъ составѣ дѣятелей

установить, грамотами, хотя основныя начала будущаго землевладѣнія, согласно духу и разуму закона, не искаженнаго пока послѣдовавшими вскорѣ за тѣмъ «разъясненіями» и практикою. Этимъ надеждамъ суждено было сбыться только на-половину...

«Цѣлый рой свѣтлыхъ воспоминаній, радужныхъ надеждъ и мрачныхъ разочарованій пестрою вереницею проносятся въ моей памяти, воскрешая давно прошедшее. Тогда выпало на нашу долю приводить въ исполненіе законъ, котораго такъ горячо ждала жизнь и который такъ холодно принимали люди: внизу—злобное сопротивленіе, вверху—циркуляры и «разъясненія», и только въ глубинѣ непорочнаго сердца мечтателей-исполнителей—святая вѣрность великой идеѣ законодателя и юношескій жаръ въ тщетномъ стремленіи воплотить эту идею во всей ея дѣвственной чистотѣ и неприкосновенности. Приходилось уходить, бросать дорогое дѣло тѣмъ, кто не желалъ склониться передъ наступившей реакціей, а между тѣмъ жизнь звала неудержимо впередъ, работа только-что начиналась, и на встрѣчу ей неслось столько свѣжихъ, ненадорванныхъ еще силъ!..»

И если, несмотря на этотъ насильственный довременный конецъ, несмотря на кратковременность дѣятельности, несмотря на встрѣченное ею отчаянное сопротивленіе, Виктору Антоновичу Арцимовичу удалось достичь всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ и разностороннихъ результатовъ, о которыхъ я вспоминаю теперь, и оставить по себѣ въ Калугѣ столь глубокій слѣдъ, то легко себѣ представить тѣ факты, выводы и оцѣнку, какіе пришлось бы историку занести въ лѣтописи освобожденія, если бы не было этого довременнаго конца, этого отчаяннаго сопротивленія, если бы Викторъ Антоновичъ довершилъ начатое, если бы уцѣлѣлъ сформированный имъ составъ исполнителей и если бы не наступили такъ быстро иныя времена, истинное значеніе которыхъ начинаетъ выясняться лишь теперь изслѣдованіями и трудами кормильцевъ голодавшаго народа.

Эти «иныя времена» не коснулись лица, памяти котораго я посвящаю свои строки. Викторъ Антоновичъ оставался тѣмъ же, какимъ былъ въ Калугѣ, и сошелъ въ могилу живымъ идеаломъ правды, свободы и милосердія—трехъ величайшихъ устоевъ государственной силы и общественнаго благополучія.

Собственноручное письмо Ив. Ив. Дмитріева — Осипу Егоровичу Франку.

23 іюля 1826 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, любезный Осипъ Егоровичъ, за доставленіе мнѣ извѣстныхъ актовъ, и тѣмъ болѣе, что я вѣроятно получилъ ихъ прежде многихъ, есть ли не всѣхъ. Очень сожалѣю, что надежда имѣть удовольствіе увидѣться съ вами въ Москвѣ обманула меня. По крайней мѣрѣ я доволенъ тѣмъ, что познакомился съ вашимъ братцемъ, имѣющимъ съ вами большое сходство.

На дняхъ я посѣщенъ былъ новою печалью: потерялъ Елизавету Петровну, послѣ трехъ мѣсячнаго жестокаго страданія, въ продолженіе котораго ежедневно исчезала въ силахъ и въ тѣлѣ. Въ минувшее воскресенье она скончалась, но за три дня только перестала заботиться о моихъ пользахъ и распоряжаться для моего спокойствія. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, не отыщете ли въ С.-Петербургѣ Рота и не уговорите ли вы его быть у меня по прежнему дворецкимъ. Въ противномъ же случаѣ нельзя ли сыскать мнѣ лѣтъ сорока умную и испытанной нравственности женщину изъ нѣмокъ, которая бы согласилась взять на себя хранить мое бѣлье, содержать чай, кофе, сахаръ, и словомъ быть экономкою. Мнѣ жаль Е. П. какъ самой близкой родной; 26 лѣтъ она служила мнѣ съ примѣрнымъ усердіемъ и безкорыстіемъ.

Я уже получилъ извѣстіе отъ П. П. С. [1]) объ отправленіи ко мнѣ бюста [2]); нетерпѣливо жду его.

Заочно обнимаетъ васъ искренно любящій и почитающій васъ покорный слуга Иванъ И. Дмитріевъ.

---

[1]) Павла Петровича Свиньина.

[2]) Императора Александра I, заказаннаго И. И. Дмитріевымъ при посредствѣ П. Свиньина скульптору Трескорни.

ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ

АЛЕКСАНДРѢ I.

Въ метрическихъ книгахъ города Мобёжа записано, что отъ брака инженеръ-полковника русскихъ войскъ, бывшихъ въ то время во Франціи, Степана Степановича Ѳедорова съ Сидоніею-Лаурою-Юліею Вердевуа родилась, 31-го декабря 1816 г. (12-го января 1817 г.) дочь, названная Софіею [1]).

Итакъ, бабушка моя, съ материнской стороны, была француженка. Эта національность, вѣрнѣе сказать ея католическое вѣроисповѣданіе, явилось настолько серьезнымъ препятствіемъ къ совершенію брака съ православнымъ, что только благодаря участію императора Александра I дано было папою на это разрѣшеніе.

---

[1]) Приводимъ здѣсь любопытную выписку изъ метрической книги и краткія біографическія свѣдѣнія о С. С. Ѳедоровѣ.

Exrait des Régistres de Naissance de la ville de Maubeuge, département du Nord.

L'An dix-huit cent dix-sept, le quinze Janvier, à trois heures du soir, pardevant Nous, André Martin, Maire de Maubeuge, officier de l'état civil, est comparu Monsieur Etienne Fedoroff, âgé de cinquante ans, colonel du génie dans les armées Impériales russes, demeurant en ce moment à Maubeuge, lequel nous a présenté un enfant du sexe féminin, né le douze de ce mois, à cinq heures du matin, de lui déclarant et de Dame Sidonie-Laure-Julie Verdevoy, son épouse, et auquel il a déclaré donner le prénom de Sophie. Les dites déclarations et présentations faites en présence des sieurs Augustin Cauliez, âgé de quarante huit ans, propriétaire, et Joseph Levecque, âgé de quarante huit ans, directeur des postes, demeurant en cette Commune, lesquels ont

Въ раннемъ дѣтствѣ своемъ бабушка пережила всѣ ужасы первой французской революціи. Ей было всего шесть лѣтъ, когда, послѣ смерти родителей, она осталась на воспитаніи своей бабушки, занимавшей должность Dame d'Atour королевы Маріи-Антуанеты. По разсказамъ ея, когда пришли, по приказанію Робеспьера, арестовать мою прабабушку и обыскивали весь домъ, чтобы захватить и ея внучку, то, къ счастью, ее не нашли; она была спрятана въ шкафъ преданными слугами, на попеченіи которыхъ и оставалась до возвращенія старушки, избѣгнувшей казни только благодаря послѣдовавшему вскорѣ паденію этого кровожаднаго диктатора.

Путешествіе Ѳедоровыхъ послѣ брака, изъ Франціи въ Россію, одновременно съ возвращавшимися на родину въ 1817 г. побѣдоносными русскими войсками, было торжественнымъ по всей Европѣ шествіемъ.

---

signé avec Nous et le père, après lecture. Signé: Etienne Fedoroff, Caulier J. Levecque et Martin.

Pour extrait conforme Délivré par Nous Maire de Maubeuge, le 21 Août 1835.

Дворянинъ Казанской губерніи, Степанъ Степановичъ Ѳедоровъ,—родился въ 1763 году и 1-го января 1780 г. поступилъ на службу фурьеромъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ; ровно черезъ годъ онъ былъ уже каптенармусомъ. 1-го января 1783 года С. С. вышелъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ поручика арміи; черезъ полтора года (7-го іюля 1785 г.) былъ принятъ вновь на службу въ инженерное вѣдомство подпоручикомъ и въ 1789 г. во время войны съ Швеціею приготовлялъ къ оборонѣ Выборгскій заливъ. Въ августѣ 1791 г. С. С. Ѳедоровъ переведенъ въ сухопутный (нынѣ 1-й) кадетскій корпусъ, въ которомъ состоялъ до 1797 года и былъ переименованъ въ артиллерійскіе капитанъ-поручики.—Въ іюлѣ (27-го) 1797 г. онъ былъ переведенъ въ піонерный полкъ, въ декабрѣ 1797 произведенъ въ капитаны, а въ декабрѣ слѣдующаго года—въ маіоры. Съ раздѣленіемъ піонернаго полка на два, С. С. поступилъ во 2-й полкъ и въ 1807 году командированъ въ Крымъ для постройки казармъ въ Ѳеодосіи. За составленный проектъ этимъ казармамъ онъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени, а за постройку ихъ—орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Въ августѣ 1805 года Ѳедоровъ былъ произведенъ въ подполковники и 25 декабря 1808 года—въ полковники.

Съ 1810-го года начались уже приготовленія къ борьбѣ съ Наполеономъ: осматривались дороги, собирались разныя свѣдѣнія и укрѣплялись многіе пункты.—Полковникъ Ѳедоровъ былъ командированъ сначала въ Кіевъ, а потомъ въ Бобруйскъ для укрѣпленія этихъ пунктовъ, при чемъ „за благоразумное распоряженіе и неутомимость при надзорѣ за работами" получилъ высочайшее благоволеніе и награжденъ орденами Св. Владиміра 3-й степени и Св. Анны 2-й степени. Война 1812 года застала С. С. въ Бобруйскѣ, блокированномъ непріятелемъ; въ іюлѣ 1815 года онъ былъ вызванъ въ главную квартиру и въ сентябрѣ прибылъ въ Парижъ. Назначеный начальникомъ инженеровъ въ корпусѣ графа Воронцова полковникъ Ѳедоровъ жилъ сначала въ Нанси, а потомъ въ Мобёжѣ, гдѣ и познакомился съ дочерью французскаго офицера Карла Вердевуа, на которой женился вторымъ бракомъ, имѣя отъ первой жены сына Аполлона, служившаго впослѣдствіи въ корпусѣ инженеровъ. Ред.

По возвращеніи въ Россію С. С. Ѳедоровъ былъ въ 1818 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ управляющимъ Херсонскимъ инженернымъ округомъ.—Въ 1825 году за неважное упущеніе по службѣ онъ былъ преданъ суду, что, конечно, принесло большое горе семейству.—Зная всѣ обстоятельства дѣла и невиновность мужа, бабушка рѣшилась лично обратиться къ императору Александру I, находившемуся въ то время въ Таганрогѣ.

Государь принялъ бабушку, явившуюся къ нему съ шести-лѣтнимъ сыномъ Викторомъ [1]), чрезвычайно милостиво, выслушалъ ее и, зная лично отличную службу генералъ-маіора Ѳедорова, приказалъ только арестовать его на недѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы успокоить бабушку императоръ предложилъ ей зачислить сына кандидатомъ въ Пажескій корпусъ, а дочерей, Софію и Любовь, принять: первую—своей пансіонеркою, а вторую—пансіонеркою императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Смольный институтъ. Затѣмъ, поцѣловавъ, по обыкновенію, у бабушки руку, императоръ выразилъ еще разъ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу причиненнаго ей волненія и прибавилъ:

— Si jamais, madame, vous avez besoin de quelque chose, adressez vous directement à moi.

Обрадованная столь милостивымъ пріемомъ государя и удачнымъ окончаніемъ своего ходатайства, бабушка, уходя изъ кабинета императора, забыла тамъ своего сына, который, стоя у стеклянной двери, любовался садомъ и не замѣтилъ, какъ мать вышла.

— Madame!—сказалъ ей вслѣдъ императоръ, взявшій уже маленькаго Виктора на руки и цѣловавшій его кудрявую головку,—vous avez oublié votre fils!—и, передавъ разстроенной отъ волненія бабушкѣ ея сына, милостиво отпустилъ.

Нѣсколько дней спустя бабушка была поражена какъ громомъ вѣстью о болѣзни и скорой затѣмъ кончинѣ Александра I.

Съ теченіемъ времени невиновность моего дѣда стала еще яснѣе, и онъ въ маѣ 1826 г. былъ назначенъ севастопольскимъ комендантомъ и купилъ себѣ близъ Ѳеодосіи деревню Кринички съ 25-ю душами крестьянъ. Въ томъ же году дочери его были приняты въ Смольный институтъ: моя мать, Софія, какъ старшая—пансіонеркой императора Николая I, а тетка, Любовь—императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1829 году С. С. Ѳедоровъ былъ назначенъ состоять по арміи и 24 января 1834 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Оставшись вдовою, не зная вовсе русскаго языка, бабушка, съ малолѣтнимъ сыномъ, находившимся въ то время еще при ней, оказалась

---

[1]) Отъ втораго брака у С. С. Ѳедорова было двѣ дочери: Софія и Любовь и сынъ Викторъ.

въ безвыходномъ положеніи. Продавъ за безцѣнокъ свое имѣніе, впослѣдствіи пріобрѣтенное извѣстнымъ маринистомъ Айвазовскимъ, который въ дѣтствѣ бывалъ у бабушки въ этомъ имѣніи и любилъ, по разсказамъ ея, любоваться съ балкона открывавшимся прекраснымъ видомъ—бабушкѣ удалось, благодаря дружескимъ отношеніямъ семьи землевладѣльца въ Крыму, ея соотечественника Vassal, добраться до Петербурга.

Приказъ государя о зачисленіи малолѣтняго Ѳедорова въ Пажескій корпусъ не отыскался, и онъ былъ опредѣленъ во второй кадетскій корпусъ.

Иностранка, въ чужомъ городѣ, безъ друзей и знакомыхъ, почти безъ средствъ къ жизни, бабушка рѣшилась ходатайствовать о разрѣшеніи ей остаться при дочеряхъ въ Смольномъ институтѣ. Благодаря высочавшей милости ей удалось не разлучаться съ ними въ послѣдніе два года пребыванія ихъ въ Смольномъ.

Вскорѣ по выходѣ изъ института, а именно въ 1836 г., моя мать и тетка познакомились въ домѣ лейбъ-медика Аренда съ молодымъ Григорьемъ Павловичемъ Неболсинымъ (впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта) и отставнымъ подполковникомъ Александромъ Дмитріевичемъ Тулубьевымъ, и вышли затѣмъ замужъ: Любовь—за Неболсина, а Софія за отца моего—Тулубьева.

Воспоминанія о моемъ отцѣ тоже связаны съ именемъ императора Александра I, къ которому онъ обращался съ просьбою и былъ имъ обласканъ.

Окончивъ образованіе въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, въ которомъ, будучи камеръ-пажемъ, состоялъ при дворѣ великой княгини Екатерины Павловны, отецъ выпущенъ былъ, въ 1812 году, прапорщикомъ въ любимый Александромъ I лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. [1])

Въ Пажескій корпусъ отецъ мой былъ опредѣленъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: по существовавшему при императрицѣ Екатеринѣ II обычаю, потомственные дворяне имѣли право ходатайствовать о зачисленіи сыновей, со дня рожденія, въ тотъ или другой гвардейскій полкъ. Обычай этотъ при императорѣ Павлѣ I былъ отмѣ-

---

[1]) Сынъ титулярнаго совѣтника Александръ Дмитріевичъ Тулубьевъ родился въ 1793 году и 10 лѣтъ отъ роду (2-го іюля 1803 г.) поступилъ въ Пажескій корпусъ; въ декабрѣ 1810 г. сдѣланъ камеръ-пажемъ и 27-го августа 1812 г. произведенъ въ прапорщики въ л. г. Семеновскій полкъ.—Александръ Дмитріевичъ прибылъ въ полкъ, когда непріятель уже отступалъ изъ предѣловъ Россіи; при преслѣдованіи его войска наши перешли границу, и молодой семеновскій офицеръ 20-го апрѣля 1813 года участвовалъ въ сраженіи при Люценѣ, 8-го и 9-го мая—при Бауценѣ, 16-го августа—при г. Пирно и 17-го числа—при Кульмѣ. Ред.

ненъ, и взамѣнъ того предоставлено право ходатайствовать о зачисленіи сыновей въ Пажескій корпусъ.

Раненый девятнадцати лѣтъ, въ сраженіи подъ Кульмомъ, въ ногу, съ раздробленіемъ кости, А. Д. Тулубьевъ, въ числѣ другихъ такихъ-же офицеровъ, былъ помѣщенъ въ одномъ изъ замковъ, близъ мѣста сраженія. Благодаря молодости, предоставленнымъ владѣтельницею замка удобствамъ, удачному лѣченію лейбъ-медика Аренда, и затѣмъ лѣченію водами въ Теплицѣ,—отецъ довольно скоро настолько оправился, что былъ въ состояніи съѣздить въ Берлинъ, чтобы представиться прусскому королю и поблагодарить его за пожалованный ему желѣзный крестъ и орденъ pour le Mérite. Но затѣмъ рана вскорѣ опять открылась. Сознавая невозможность продолжать фронтовую службу, онъ рѣшился лично просить императора Александра уволить его въ отставку. Государь, милостиво принявъ отца, явившагося къ нему на костыляхъ, усадилъ его и, выслушавъ просьбу, не согласился уволить его въ отставку, а совѣтовалъ продолжать лѣченіе за-границей и разрѣшилъ ему продолжительный отпускъ, въ надеждѣ, что онъ совсѣмъ оправится и будетъ еще въ состояніи оставаться во фронтѣ. Такое вниманіе государя къ просьбѣ молодаго офицера нельзя объяснить иначе, какъ особою милостью, и казалось, что дальнѣйшая карьера моего отца была вполнѣ обезпечена [1]).

Но судьба измѣнчива и «горе ждетъ изъ-за угла». Пока отецъ лѣчился за-границею, произошла извѣстная «семеновская исторія». Полкъ былъ раскассированъ, и всѣ чины его, какъ офицеры, такъ и нижніе чины были переведены въ разные армейскіе полки; болѣе же виновные преданы суду.

Императоръ Александръ не допускалъ, впрочемъ, чтобы въ возмущеніи Семеновскаго полка принимали участіе офицеры. «Внушеніе, кажется, было *не военное*,—писалъ онъ графу Аракчееву 5-го ноября 1820 г. [2]),—ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. *Офицеры же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно*».

Очевидно, офицеры были невинны; отецъ мой, какъ отсутствовавшій, тѣмъ болѣе. Несмотря на то, онъ претерпѣлъ общую участь. Его перевели, 5-го декабря 1820 года, съ производствомъ въ маіоры, въ третій Морской полкъ [3]), въ которомъ онъ дѣйствительной службы не несъ, такъ

---

[1]) Продолжал лѣченіе, А. Д. Тулубьевъ былъ въ сентябрѣ 1813 года произведенъ въ подпоручики, 14 марта 1816 г.—въ поручики и 9 апрѣля 1819 г.—въ штабсъ-капитаны. Ред.

[2]) „Русскій біографическій словарь“, т. I, стр. 366.

[3]) Въ первомъ Морскомъ полку служилъ родной братъ его, Павелъ Дмитріевичъ.

какъ отпущенъ былъ до излѣченія раны. Попытки его выйти въ отставку и на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ; но это была уже не милость монарха, а секретное распоряженіе о надзорѣ за всѣми вообще офицерами бывшаго Семеновскаго полка. Только въ 1828 году, въ царствованіе императора Николая I, отецъ былъ уволенъ отъ службы, «за раною, подполковникомъ, съ мундиромъ и полною пенсіею».

Двадцать пять лѣтъ спустя, а именно въ 1853 году, и сорокъ лѣтъ послѣ перваго своего пребыванія въ Берлинѣ, отцу пришлось опять быть въ этомъ городѣ, куда онъ поѣхалъ лѣчиться отъ каменной болѣзни у знаменитаго хирурга Лангенбека. Не выдержавъ операціи, отецъ тамъ же вскорѣ скончался, гдѣ и погребенъ, согласно его желанія, на новомъ лютеранскомъ Даротеинскомъ кладбищѣ.

Сообщ. **М. А. Дружинина.**

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

VI [1]).

Городскіе благодѣтели и „тэгоднювки“.—Одураченный ростовщикъ. — Драка въ камерѣ.—Эксплоатація евреями 30-й статьи гр. суд.—Тесть и зять.— Сокрытіе имущества.—Дутыя взысканія и банкротства.—Взысканіе по подложнымъ векселямъ.—Ярославскій огородникъ.—Опять „батюшка“.

Дѣятельность ростовщиковъ была развита не только по деревнямъ, но и въ самомъ городѣ Хмѣльникѣ, и этимъ ремесломъ занимались здѣсь, къ сожалѣнію, не одни евреи. Главныя же дѣянія всѣхъ этихъ ростовщиковъ проявлялись въ такъ называемыхъ тэгоднювкахъ, заключавшихся въ слѣдующей нехитрой комбинаціи: лицо, взявшее взаймы, положимъ, 50 рублей, выдавало вексель на сто и обязывалось платить, по словесному уговору, еженедѣльно (отсюда и самое названіе этихъ операцій—«тэгоднювками»), два рубля, въ теченіе пятидесяти недѣль, т. е. почти годъ; считалось, что одинъ рубль идетъ въ погашеніе капитала, а другой рубль—въ проценты. Такимъ образомъ ростовщикъ наживалъ въ годъ рубль на рубль или сто на сто. Эти еженедѣльныя погашенія не обозначались на долговомъ обязательствѣ,—и оно, вплоть до конца 50-й недѣли, оставалось во всей своей угрожающей неприкосновенности,—такъ-что, при первой же неисправности должника, вексель предъявлялся ко взысканію въ двойной суммѣ дѣйствительнаго

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ, 1897 г.

долга. Только два раза въ году дозволялось должнику и то, по особо уважительнымъ причинамъ — не уплатить недѣльный взносъ, такъ что оборотъ выданнаго капитала разсчитывался какъ разъ на годъ. Этими «тэгоднювками» обязывалась болѣе всего городская бѣднота—хмѣльникскіе мѣщане (христіане) и евреи, торгующіе въ ларяхъ и лабазахъ, на столахъ базара и въ маленькихъ лавченкахъ, а также и различные бѣдные ремесленники: пріобрѣтя на занятыя, напр., 50 рублей товару, торговецъ или ремесленникъ наживалъ въ недѣлю не менѣе 10 проц., т. е. пять рублей; слѣдовательно, уплативъ ростовщику 2 рубля, имѣлъ чистой прибыли не меньше 3-хъ рублей, на которые кое-какъ и существовалъ съ семьей въ теченіе цѣлой недѣли. Должники, обыкновенно, расплачивались по субботамъ, вечерами, когда и христіане, и евреи опочили отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Тяжелыя, тоже, бывали въ моей камерѣ сцены, когда приходилось постановлять рѣшенія по этимъ завѣдомо двойнымъ векселямъ, предъявляемымъ ко взысканію тотчасъ же послѣ третьяго неоплоченнаго субботняго взноса: эти просрочки и неаккуратность случались, по бо́льшей части, вслѣдствіе болѣзни векселедателя и невозможности, поэтому, заработать въ недѣлю столько, чтобы и самому лечиться, и семьѣ просуществовать, и уплатить еще и ростовщику; а эти пьявки были всегда неумолимы и безжалостны на судѣ.

— Прошу васъ, г. судья, взыскать по закону и выдать мнѣ исполнительный листъ, подвергнувъ рѣшеніе предварительному исполненію, говорилъ, обыкновенно, ледянымъ голосомъ ростовщикъ, и принимался, иногда, чтобы разжалобить, вздыхать и охать, и плакаться на людскую неаккуратность и неблагодарность...

Такъ какъ на всякаго мудреца довольно простоты, то въ моей камерѣ былъ, однажды, случай, что и ростовщикъ опростоволосился. Это произошло такъ.

Одинъ хмѣльникскій еврей, возвратясь въ свой родной городъ послѣ долгихъ странствованій на сторонѣ, женился здѣсь и возымѣлъ намѣреніе заняться какою-то торговлей; за деньгами для этого предпріятія онъ обратился къ ростовщику, еврею же, и тотъ согласился дать ему взаймы, на «тэгоднювки», сто рублей,—при чемъ должникъ выдалъ ему вексель на двѣсти рублей, обязавшись, уплачивать каждую недѣлю по 4 рубля; но прошли первыя двѣ субботы, а должникъ не показалъ и носа къ своему кредитору, который, конечно, и поспѣшилъ предъявить вексель ко взысканію. Принимая прошеніе, я не обратилъ никакого вниманія на текстъ векселя, замѣтивъ лишь выставленную на немъ, въ верху, сумму—200 рублей, съ которыхъ и взыскалъ обычныя пошлины. Недѣли черезъ три подошелъ разборъ дѣла. Вызываю истца и отвѣтчика, — оба

тотчасъ же подходятъ къ столу, косо поглядывая другъ на друга. Обращаюсь къ отвѣтчику:

— Съ васъ взыскиваютъ 200 рублей, по векселю, вами написанному и подписанному. Признаете вы себя должнымъ?

— Цитайте, ваше в—діе!—былъ отвѣтъ.

— Я васъ спрашиваю: это вы заняли деньги и подписали этотъ вексель?

— Цитайте, ваше в—діе, цитайте!

— Что́ мнѣ читать?! изумился я: — я васъ спрашиваю: вашею рукою писанъ этотъ вексель?

— Моею, ну...

— Значитъ, вы брали деньги и должны?

— Цитайте же, ну,—и еврей пожалъ плечами...

— Онъ собѣ мысле, ваше в—діе, что пришелъ на комедь (въ театръ), пренебрежительно отозвался ростовщикъ.

Дѣлать нечего, беру и читаю все «дѣло»: въ прошеніи говорятся самыя обыкновенныя вещи: ростовщикъ проситъ взыскать съ хмѣльникскаго мѣщанина, еврея такого-то, двѣсти рублей съ процентами, со дня предъявленія иска и по день уплаты, и судебныя и за веденіе дѣла издержки. Беру, затѣмъ, обыкновенный домашній вексель, читаю его—и не вѣрю глазамъ... тамъ, буквально, было изображено слѣдующее: «Вексель на 200 рублей»; годъ, мѣсяцъ и число; далѣе, слѣдуетъ такой текстъ: «Повиненъ я по сему моему векселю уплатить р о с т о в щ и к у (такому-то), или кому онъ прикажетъ 200 рублей, изъ коихъ получилъ наличными лишь девяносто-шесть рублей, уплату коихъ обязанъ произвести въ городѣ Москвѣ, въ то время, когда мнѣ Богъ поможетъ. Мѣщанинъ города Хмѣльника (такой-то)».

Когда я, едва воздерживаясь отъ улыбки, громко прочелъ этотъ удивительный вексель, то ростовщикъ, поблѣднѣвъ какъ смерть, могъ лишь слабо пролепетать:

— Приказите ему, ваше в—діе, сицасъ надѣвать колодки на нога и ссылать его, мосенника, на Сибирь, на шамую каторзной работъ...

Еврей-отвѣтчикъ сдѣлалъ презрительную гримасу и обратился ко мнѣ:

— Ваше в—діе! не прикажите этому ростовщику меня ругать; я—честный еврей... а на каторгу пускай идутъ тѣ господа купцы, которые берутъ сто прупентовъ въ годъ...

Я, конечно, исполнилъ его просьбу и воспретилъ одураченному кредитору браниться. Когда онъ немного поуспокоился, то объяснилъ мнѣ слѣдующее:

— Я самъ неграмотный... знаю только по-еврейски. Когда онъ принесъ вексельный бланкъ, то я приказалъ ему писать при себѣ...

Цифры я знаю хорошо, вижу, что онъ написалъ 200 и подписался подъ векселемъ по-еврейски и по-русски, — я и далъ ему деньги... Потомъ, убѣдившись, что онъ не хочетъ платить, нанялъ за 20 коп. писаря написать къ вамъ, г. судья, прошеніе... Я не зналъ, что этотъ «лайдакъ» обманулъ меня... Охъ, якже можно теперь на свѣтѣ жить!..

Долго я бился съ этими евреями и ничего не могъ подѣлать: истецъ непремѣнно желалъ получить двѣсти рублей «съ прупентами», а отвѣтчикъ стоялъ на своемъ: «желаю уплатить, согласно векселю, 96 рублей, въ Москвѣ, когда мнѣ Богъ поможетъ»...

— Онъ никогда въ Москву не можетъ и пріѣхать, — говорилъ истецъ, потому что его оттуда, два года тому назадъ, выслали по этапу, за мошенничество.

Отвѣтчикъ въ долгу не оставался.

— Вретъ онъ, ваше в—діе: это не меня, а е г о выслали изъ Москвы— за сбытъ фальшивыхъ дукатовъ.

И пошли!.. Раза три они сцѣплялись браниться и взаимно изобличать другъ-друга въ хорошихъ дѣлахъ; раза три я ихъ останавливалъ и унималъ кое-какъ; предлагалъ, наконецъ, обратиться на судъ раввина, у котораго, я зналъ, евреи очень часто судились м е ж д у с о б о ю; но отвѣтчикъ не пожелалъ этого суда и требовалъ, чтобы это дѣло было рѣшено мною... Наконецъ, мнѣ удалось-таки уговорить сочинителя векселя отказаться отъ фразы «когда мнѣ Богъ поможетъ» и согласиться опредѣлить болѣе ясный срокъ уплаты,—и порѣшили такъ: вмѣсто 200 рублей отвѣтчикъ уплатитъ 112, считая тутъ и проценты; плата черезъ годъ, здѣсь на мѣстѣ, въ городѣ Хмѣльникѣ.

Едва эта милая пара вышла изъ камеры и вступила въ сѣни, какъ послышались подозрительные аплодисменты и легкія вскрикиванія; это истецъ далъ пощечину отвѣтчику, а тотъ возвратилъ ему «съ прупентами»... Я вынужденъ былъ перервать разборъ дѣлъ и приказалъ разсыльному выпроводить ихъ изъ сѣней камеры на улицу. Когда прошелъ годъ, ростовщикъ пришелъ ко мнѣ съ очень печальною физіономіей и объявилъ, что отвѣтчикъ на жительствѣ въ Хмѣльникѣ уже не находится...

Иногда мнѣ доводилось служить орудіемъ чистѣйшаго мошенничества и способствовать, volens-nolens, въ очень некрасивыхъ дѣлахъ. Дѣло въ томъ, что, согласно ст. 30 устава граж. судопроизводства, мировой судья принимаетъ къ своему разсмотрѣнію в с я к і й споръ и искъ гражданскій, если обѣ тяжущіяся стороны будутъ просить его о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти; при этомъ, конечно, цѣна иска не ограничивается уже 500 рублей и можетъ свободно выходить за предѣлы компетенціи судей. Такъ гласитъ законъ, — и евреи, въ виду моей судейской неопытности, поспѣшили воспользоваться этимъ закономъ.

Однажды въ мою камеру явились два почтенныхъ купца-еврея—мѣстный торговецъ Л. и прибывшій изъ Подольска его тесть, купецъ же 2-й гильдіи Б—еръ,—и просили «разобрать ихъ денежныя взаимныя претензіи». Такая довѣрчивость польстила моему самолюбію, и я довольно наивно приступилъ къ разбору ихъ очень немногосложнаго дѣла и присудилъ Б—еру съ Л. 12 тысячъ рублей; а такъ какъ, согласно того же закона, такія рѣшенія судей считаются окончательными и апелляціи не подлежатъ, то я, ничтоже сумняшеся, тотчасъ же выдалъ истцу и исполнительный листъ, а истецъ, потомъ, живо описалъ лавку зятя и продалъ ее какому-то подставному лицу, родственнику же Л. Затѣмъ, когда на того же Л. его кредиторы, оптовые торговцы изъ Москвы, предъявили векселя, то не получили, конечно, ни гроша; лавка же перешла впослѣдствіи на имя жены Л., и онъ преспокойно сталъ торговать, въ магазинѣ жены, по прежнему.

Потомъ уже, наученный этимъ горькимъ опытомъ, я категорически отказывалъ въ принятіи такихъ дѣлъ, основываясь на той же буквѣ закона, гдѣ говорится, что судья «можетъ» принять къ своему разсмотрѣнію такой искъ, но не сказано, что онъ непремѣнно долженъ принять; а разъ говорится, что «можетъ» принять,—значитъ, можетъ и не принять, толковалъ я...

Но евреи съумѣли находиться и въ этихъ случаяхъ. У меня, не разъ, случались такія дѣла въ камерѣ, что вдругъ приходитъ какой-нибудь еврей-купецъ, или еврейка и предъявляетъ десять и болѣе отдѣльныхъ исковъ на одно и то же лицо, по векселямъ въ 500 рублей каждый, написаннымъ «по предъявленію»; при этомъ, обыкновенно, слѣдуетъ ходатайство о скорѣйшемъ разборѣ дѣлъ; а во время суда, происходитъ слѣдующая немногосложная махинація.

Я спрашиваю отвѣтчика:

— Это вы выдали векселя?

— Ми, васе вишокоблагородіе.

— Признаете долгъ? можете уплатить его?

— Ну, конецно, прижнаю... а уплатить не могу... Прошу исполнительный листъ.

— Какъ?! вы сами просите выдать, на себя, исполнительный листъ.

— Нѣтъ, ваше в—діе, это не онъ проситъ, а я прошу, перебиваетъ истецъ, а онъ только согласенъ, потому, что онъ честный еврей: хочетъ разсчитаться по закону.

— Такъ точно, васе в—діе, я—цесный еврей и хоцю расситаться: не маю грошей, но у меня есть домъ... и лавка...

Постановляю нѣсколько однородныхъ рѣшеній о взысканіи «съ честнаго еврея» нѣсколькихъ тысячъ рублей; отвѣтчикъ расписывается,

что онъ «доволенъ» рѣшеніемъ, и я выдаю, вскорѣ, исполнительные листы; истецъ живо направляется къ проживающему въ Хмѣльникѣ судебному приставу, молдаванину Г—еу, разговариваетъ съ нимъ «по душѣ»—и живо забираетъ все имущество отвѣтчика въ свои руки. А затѣмъ, спустя нѣкоторое время, поступаетъ на отвѣтчика или какое-нибудь крупное казенное взысканіе, или частные иски довѣрчивыхъ кредиторовъ и оптовыхъ торговцевъ, которые и остаются при пиковомъ интересѣ.

Такимъ-то, вотъ, образомъ, благодаря гласному и скорому суду, евреи обработывали свои темныя дѣлишки, эксплоатируя, безбожно и безъ зазрѣнія совѣсти, именно тотъ самый «законъ», который постановленъ былъ законодателемъ для огражденія правъ и имущества русскихъ гражданъ...

Однажды, мнѣ едва не довелось совершить вопіющую и очень крупную несправедливость, и лишь случайность и предупрежденіе письмоводителя спасли меня отъ окончательнаго совершенія этой несправедливости.

Поступили ко мнѣ, ко взысканію, два домашнихъ векселя на семьсотъ рублей, писанные отъ имени довольно зажиточнаго крестьянина Ярославской губерніи, устроившагося на жительствѣ въ Хмѣльникѣ и имѣвшаго здѣсь огороды и небольшія свекловичныя плантаціи. Векселя были писаны и подписаны имъ самимъ, векселедателемъ, и выданы на имя еврея Б—га, проживавшаго въ Хмѣльникѣ же, но который, однако, былъ извѣстенъ за ловкаго и очень осторожнаго конокрада, т. е. такого, котораго не удалось еще, пока, поймать и изобличить. Ничего не подозрѣвая, я принялъ отъ истца два его прошенія, взыскалъ пошлины, а затѣмъ,ославъ повѣстки, назначилъ и разборъ дѣлъ.

Къ разбору отвѣтчикъ не явился, хотя на обратной повѣсткѣ и сказано было, что второй ея экземпляръ врученъ, за отсутствіемъ изъ дому хозяина, его женѣ, а за нее, неграмотную, росписался мой разсыльный. Я постановилъ заочное рѣшеніе, которымъ присудилъ взыскать съ неявившагося отвѣтчика 700 рублей и послалъ ему копію своего рѣшенія; на второмъ экземплярѣ копіи опять-таки значилось, что она вручена женѣ огородника, такъ какъ его самого вновь не было дома. Уклоненіе отвѣтчиковъ отъ явки на судъ по первой повѣсткѣ, съ цѣлію вызвать заочное рѣшеніе затѣмъ, конечно, чтобы просить потомъ о новомъ разборѣ дѣла, которое, такимъ образомъ, затягивается на лишній, иногда, мѣсяцъ времени, — это было такимъ обыкновеннымъ явленіемъ въ судейской практикѣ по гражданскимъ дѣламъ, что я не придалъ этому обстоятельству никакого значенія и не обратилъ даже на него вниманія. Сталъ истекать, наконецъ, извѣстный срокъ на право подачи заявленія о новомъ разборѣ дѣла, и мое рѣшеніе должно было,

черезъ день, войдти въ законную силу; тогда оставалось бы только выдать исполнительный листъ—и конецъ дѣлу; но, къ счастію, я имѣлъ у себя очень ловкаго и опытнаго письмоводителя, крестьянина Бойчакова, который зналъ всю подноготную въ Хмѣльникѣ и не шелъ ни на какіе подкупы. Наканунѣ срока, поздно вечеромъ, онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру и, съ особенною таинственностью, передалъ мнѣ слѣдующее: никакихъ семи-сотъ рублей отвѣтчикъ-огородникъ у конокрада-еврея не занималъ, да и не могъ занять, такъ какъ, у еврея такихъ денегъ никогда не было, а самъ огородникъ—человѣкъ очень не бѣдный и занимать такія деньги не имѣлъ ни нужды, ни надобности; а все дѣло заключается—по полученнымъ свѣдѣніямъ—въ томъ, что одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, отецъ N., занимался, годъ назадъ, обработкою свекловичныхъ плантацій и поставкою на войтовецкій заводъ свекловицы вдвоемъ съ этимъ самымъ огородникомъ, на половинныхъ паяхъ, и они, вслѣдствіе неурожая этого овоща, понесли крупные убытки—около 1,500 рублей; и вотъ, хитроумный «батюшка» рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что огородникъ уѣхалъ, временно, на родину, въ Ярославскую губернію, и подучилъ своего пріятеля и компаньона по нѣкоторымъ дѣламъ составить векселя и предъявить ихъ ко взысканію. Все это Бойчаковъ узналъ лишь часъ назадъ, «по секрету».

Дѣло выходило очень некрасивое, и я хорошо понималъ, что и самъ отчасти виноватъ въ немъ: я положился на подписи своего разсыльнаго, который вручалъ повѣстки безграмотной и ничего не понимающей бабѣ, женѣ огородника, не объясняя ей въ чемъ дѣло и умалчивая предо мной, что отвѣтчикъ совсѣмъ не находится въ Хмѣльникѣ, а проживаетъ временно на родинѣ, за тысячу слишкомъ верстъ, ничего не зная, не вѣдая... Пройди еще одинъ день, я бы выдалъ исполнительный листъ, а очень услужливый въ этихъ случаяхъ судебный приставъ разорилъ бы все солидное хозяйство честнаго мужичка-труженика. Въ концѣ концовъ, виноватаго конечно нашли бы, обвинили бы его въ составленіи подложныхъ векселей и усадили бы въ арестантскія роты (если бы онъ не скрылся); но это уже не помогло бы разоренному огороднику и не избавило бы меня отъ жалобъ въ министерство юстиціи и отъ нѣкоторой отвѣтственности за оплошность... Пораскинувъ умомъ-разумомъ, мы съ письмоводителемъ рѣшили такъ: оттягивать выдачу исполнительнаго листа, подъ всевозможными предлогами, впредь до возвращенія въ Хмѣльникъ самого огородника; а тогда дѣйствовать уже болѣе рѣшительно и энергично, взявши за бока главныхъ механиковъ всего этого предпріятія.

На другой день, едва я вошелъ въ свою камеру, надѣлъ цѣпь и объявилъ пріемъ прошеній и заявленій, какъ къ моему столу подошелъ истецъ-еврей и попросилъ выдать ему исполнительный листъ,

такъ какъ сегодня-де истекаетъ срокъ на подачу огородникомъ заявленія о новомъ разборѣ дѣла.

— Сегодня и я, и моя канцелярія очень заняты; зайди пожалуйста черезъ нѣсколько дней, сказалъ я просителю.

А черезъ нѣсколько дней, къ нашему благополучію, вернулся съ родины огородникъ; жена передала ему «какія-то грамотки» отъ судьи, тотъ пошелъ искать чтеца и, къ изумленію своему и ужасу, узналъ отъ него о производящемся взысканіи... Блѣдный и растерянный пришелъ этотъ мужичекъ въ мою камеру, узналъ, въ чемъ дѣло, да такъ и ахнулъ...

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, какъ могъ я писать и подписывать эти векселя, когда я неграмотенъ!—плакался онъ.

Такимъ образомъ и былъ установленъ несомнѣнный фактъ подлога векселей. А затѣмъ огородникъ разсказалъ мнѣ печальную эпопею совмѣстнаго съ «батюшкой» воздѣлыванія свекловичныхъ плантацій, о полученіи крупныхъ убытковъ и нежеланіи его компаніона принять на свою часть половинную потерю въ этомъ дѣлѣ. Священникъ N., вложивши въ дѣло болѣе тысячи рублей своихъ денегъ и получивъ при ликвидаціи и окончательномъ разсчетѣ двѣсти съ чѣмъ-то рублей, призналъ разсчетъ этотъ невѣрнымъ и угрожалъ даже подать въ судъ; но такъ какъ судьи Е., очень благоволившаго къ духовенству, въ Хмѣльникѣ уже не было, и «батюшка», въ душѣ, не могъ не сознавать всей несправедливости своихъ требованій, то и измыслилъ совсѣмъ иную комбинацію—воспользоваться отъѣздомъ огородника изъ Хмѣльника, чтобы, такъ или иначе, воротить свою потерю. Увѣренность свою, что корень всему дѣлу именно «батюшка», огородникъ основывалъ, во-первыхъ, на суммѣ иска, а во-вторыхъ на томъ, что векселя были представлены именно тѣмъ самымъ евреемъ, котораго «батюшка» не разъ присылалъ къ огороднику за деньгами и который былъ вхожъ къ нему въ домъ; а въ-третьихъ, самъ «батюшка» не разъ «грозилъ» мужику и предсказывалъ, что денежки свои онъ съ него все-таки получитъ... Ни я, ни письмоводитель мой не говорили, конечно, ему ни слова о томъ, что мы знали обо всемъ этомъ лучше его. Но главною виновницею всего дѣла напуганный огородникъ считалъ свою жену, которая безъ него такъ охотно принимала повѣстки и бережно ихъ хранила до возвращенія мужа.

— Вѣдь наказалъ же меня Господь такой дурой!—твердилъ бѣднякъ, покачивая головою и безнадежно разводя руками...

Я рѣшилъ пригласить, не медля, въ камеру самого «батюшку», чтобы выяснить наконецъ, насколько были справедливы явныя подозрѣнія огородника, и тотчасъ же послалъ ему самую вѣжливую

записку, прося пожаловать въ камеру всего на нѣсколько минутъ, «по неотложному дѣлу»; по какому именно—я умолчалъ, конечно.

«Батюшка» не заставилъ меня долго ждать и тотчасъ же пришелъ. Такъ какъ въ этотъ день въ камерѣ не было разбора дѣлъ, то публики было очень немного—огородникъ и два-три еврея, ожидавшіе выдачи исполнительныхъ листовъ. Едва N., расчесанный, расфранченный и надушенный, вошелъ въ камеру своею величественною и замедленною походкой и увидѣлъ огородника, какъ тотчасъ же измѣнился въ лицѣ и растерялся...

— Чѣмъ могу служить вамъ, г-нъ судья?—спросилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, любезно со мною раскланиваясь.

Я перешелъ къ дѣлу прямо, безъ всякихъ обиняковъ; взявъ въ руки все «дѣло» и указывая на подшитые въ немъ подложные векселя, я спросилъ:

— Скажите, ради Бога, отецъ N., знакомъ вамъ почеркъ на этихъ векселяхъ или нѣтъ?

Покраснѣвъ еще болѣе, сконфуженный сталъ тщательно вглядываться въ векселя...

— Нѣтъ, не знакомъ,—наконецъ отвѣтилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Я позволяю себѣ спрашивать васъ объ этомъ почеркѣ вотъ почему, продолжалъ я:—эти два векселя оказались подложными; они были представлены ко взысканію евреемъ Б—гомъ... Я отправляю все дѣло къ прокурору и желалъ бы облегчить работу будущему слѣдствію—сообщить, кто именно писалъ эти векселя...

По мѣрѣ моихъ откровеній, лицо почтеннаго пастыря дѣлалось то краснымъ, то блѣднымъ, и онъ заговорилъ мягкимъ и нѣжнымъ шепотомъ... Онъ сталъ объяснять мнѣ, что хотя и «не знаетъ» еврея Б—га, но «кое-что слышалъ о немъ...» Но при этомъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить мнѣ, что здѣсь, въ Хмѣльникѣ, очень часто случается, что векселя подписываются прямо именемъ неграмотнаго векселедателя, какъ бы имъ самимъ писанные, во избѣжаніе засвидѣтельствованія дѣйствительности выдачи векселя и подписи руки грамотнаго писца, расписывающагося за неграмотнаго, такъ какъ эти засвидѣтельствованія обходятся-де у полицейскаго надзирателя очень не дешево.

Огородникъ сидѣлъ молча и лишь время отъ времени тяжко и громко вздыхалъ; N же совершенно его игнорировалъ и не удостоилъ ни разу даже взглянуть въ сторону своего «врага»...

— Вотъ все это слѣдователь и раскроетъ,—сказалъ я,—принято или не принято въ Хмѣльникѣ составлять подложные векселя...

— А развѣ это дѣло не можетъ быть окончено какъ-нибудь?..—спросилъ меня вполголоса N.

— Очень легко,—отвѣчалъ я,—стоитъ только истцу явиться въ мою камеру и формально заявить, что онъ прекращаетъ навсегда взысканіе по своимъ векселямъ—ну хоть за удовлетвореніемъ иска. Я приму это заявленіе, перечеркну векселя—и конецъ дѣлу. Вѣдь вы, немножко знакомы, кажется, съ Б—гомъ?

— Гм... да... очень немного; я купилъ у него какъ-то лошадей.

— Вотъ и посовѣтуйте ему, въ самомъ дѣлѣ, отказаться отъ своего неудавшагося покушенія; вы окажете большую услугу ему и маленькую—мнѣ, избавивъ его отъ арестантскихъ ротъ, а меня—отъ дальнѣйшихъ хлопотъ съ этимъ непріятнымъ дѣломъ.

— Хорошо-съ, если увижу его, то передамъ. А почему вы обратились именно ко мнѣ?—спросилъ N., пристально вглядываясь въ меня.

Я ожидалъ этого вопроса.

— Я потому именно обратился къ вамъ,—отвѣчалъ я,—что вы старожилъ Хмѣльника, часто ведете дѣла своей довѣрительницы г-жи Ч—ской и болѣе или менѣе знакомы съ почерками здѣшнихъ «писателей»...

Онъ выслушалъ меня, лукаво и недовѣрчиво улыбнулся и вышелъ.

Не болѣе часа спустя, когда я еще сидѣлъ въ камерѣ и занимался обычными составленіями рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ, по разсмотрѣннымъ ранѣе дѣламъ, ко мнѣ явился истецъ, еврей Б—гъ, и сдѣлалъ заявленіе о прекращеніи своего иска «вслѣдствіе полнаго удовлетворенія...»

Въ тотъ же день я прогналъ своего разсыльнаго, и «дѣло» окончилось безъ всякихъ дальнѣйшихъ непріятностей и хлопотъ.

VII.

Очистительная присяга въ еврейской синагогѣ.—Невыгорѣвшее дѣло вдовы-маіорши.—Таинственное вечернее посѣщеніе молодой еврейки.—Ея вопіющее дѣло.—Рѣшеніе этого дѣла евреями.—Монтекки и Капулетти города Хмѣльника.—Синедріонъ въ моей квартирѣ.—Нѣсколько теплыхъ словъ объ евреяхъ вообще.

Къ сожалѣнію, я не могъ помочь злосчастной маіоршѣ, подавшей мнѣ прошеніе о приведеніи къ очистительной присягѣ ея должника, очень набожнаго еврея-портнаго; онъ спокойно принялъ присягу, что б ы л ъ долженъ маіоршѣ такую-то сумму по домашнему векселю, но что долгъ свой давно уплатилъ ей и вексель получилъ обратно, кото-

рый и уничтожилъ. Съ присягой этой много было возни и для меня: я долженъ былъ облачаться въ мундиръ, идти въ синагогу и тамъ присутствовать при религіозномъ обрядѣ, происходящемъ на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ я не понималъ ни одного слова. Я сознавалъ, что мое положеніе было нелѣпо, и это еще болѣе усиливало тяжесть испытываемаго мною чувства... Прошу читателя вообразить себѣ, во-первыхъ, еврейскаго раввина въ полной формѣ; затѣмъ внутренность мрачнаго зданія еврейской синагоги, множество посторонняго народа (исключая женщинъ) и приводимаго къ присягѣ еврея Z., одѣтаго, подобно мертвецу, въ бѣлый саванъ, стоящаго съ зажженною свѣчею въ рукахъ и произносящаго, вслѣдъ за раввиномъ, какія-то заклинанія на еврейскомъ языкѣ... А тутъ же, въ видѣ декораціи, мироваго судью въ мундирѣ, съ знакомъ на шеѣ, присутствующаго «по обязанности службы...» Напрасно я, еще до привода къ присягѣ, во время предварительной переписки по этой церемоніи, просилъ раввина доставить мнѣ русскій переводъ еврейской очистительной присяги; онъ мнѣ отвѣтилъ, что «такового перевода не имѣетъ и не находитъ для себя обязательнымъ дѣлать его, такъ какъ не имѣетъ свободнаго времени для этого труда...» Во время обряда я лишь старался, скуки ради, наблюдать физіономію присягавшаго, потому что въ душѣ былъ крѣпко увѣренъ въ томъ, что торговецъ-еврей былъ долженъ маіоршѣ, но узнавъ о пропажѣ его векселя, не пожелалъ, какъ и другіе должники, заплатить свой долгъ; лицо торговца было хотя очень серьезное, но, совершенно спокойное; почтенный раввинъ также отправлялъ свою обязанность не спѣша, торжественно и серьезно...

Меня увѣряли потомъ, что вся эта еврейская присяга не болѣе, какъ комедія, что у евреевъ-талмудистовъ, допускающихъ у себя такую массу мелкихъ формальностей при своихъ религіозныхъ обрядахъ и отправленіяхъ, присяга эта обращается въ н и ч т о; стоитъ лишь, будто бы, присягавшему, вслѣдъ за словами раввина, повторяемыми громко, произносить про себя какія-то другія слова, служащія, такъ-сказать, контръ-присягою, да еще надо, будто бы, имѣть въ карманѣ въ это время головку чесноку – тогда всѣ слова клятвы не дѣйствительны. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли меня нѣкоторые изъ чиновниковъ, давнихъ мѣстныхъ жителей Хмѣльника; впрочемъ, я этому не совсѣмъ-то вѣрю, въ особенности символизму съ чеснокомъ, и лишь привожу здѣсь то, что слышалъ.

Когда я возвратился въ камеру изъ еврейской синагоги и объявилъ маіоршѣ о печальныхъ результатахъ присяги, она громко и горько заплакала, призывая на евреевъ, ограбившихъ ее, всевозможныя бѣдствія и угрожая «подавать» свои жалобы еще куда-то... Я впрочемъ далъ ей тогда же добрый совѣтъ: не слушать болѣе никакихъ адвока-

товъ и не «подавать» никуда никакихъ прошеній по своимъ погибшимъ искамъ. Не знаю, насколько она послѣдовала моему совѣту, но въ моей камерѣ, по крайней мѣрѣ, эта несчастная и эксцентричная женщина болѣе не появлялась, равно какъ долго не появлялся и ея адвокатъ Баранчикъ.

Такъ какъ, по закону, просьбы приносятся мировымъ судьямъ вездѣ и во всякое время,—какъ письменныя, такъ и словесныя,—то я былъ иногда атаковываемъ и у себя на квартирѣ, и при возвращеніи съ купанья въ рѣкѣ Бугѣ, и даже по дорогѣ изъ засѣданій съѣзда, изъ Литина въ Хмѣльникъ.

Однажды, въ позднія сумерки, ко мнѣ въ квартиру пришла молодая еврейка и, пугливо оглядываясь по сторонамъ, просила меня со слезами на глазахъ, принять отъ нея словесную жалобу, заключающуюся въ слѣдующемъ.

Она еще въ дѣтствѣ потеряла своихъ родителей и осталась круглою сиротою; родители оставили ей двѣ тысячи рублей деньгами и какую-то лавочку. Къ ней назначили опекуновъ; и вотъ полгода тому назадъ она была выдана своими опекунами, насильно, замужъ за одного хмѣльникскаго еврея, стараго и богатаго вдовца, имѣвшаго отъ первой жены дѣтей, которыя были много старше ея. На первыхъ же порахъ замужняя жизнь молодой женщины стала, вслѣдствіе различныхъ причинъ, тяжелою и невыносимою, и она рѣшила бѣжать отъ мужа къ дядѣ, торгующему въ Житомірѣ; побѣгъ ей удался, и она начала, черезъ дядю, хлопотать о возвращеніи отъ немилаго мужа ея приданаго. Такъ какъ всѣ эти хлопоты велись чрезъ обычный гражданскій еврейскій судъ, то-есть чрезъ общественныхъ раввиновъ [1]), то дѣло это и затянулось надолго; дядя ея ѣздилъ въ Хмѣльникъ, а мужъ въ Житомиръ, съѣзжались между собою раввины, сходились для обсужденія дѣла достопочтенные старцы и никакъ не могли порѣшить этого казуснаго матримоніальнаго дѣла; мужъ соглашался возвратить женѣ все ея приданое, но лишь подъ условіемъ, чтобъ она окончила годъ совмѣстнаго съ нимъ сожительства, въ разсчетѣ, что она будетъ имѣть ребенка,

---

[1]) Вездѣ, гдѣ существуютъ въ Россіи евреи en masse, у нихъ есть кагалъ и имѣются двоякаго сорта раввины: „казенные“, которые обладаютъ нѣкоторымъ образованіемъ и назначаются властями, и „общественные“, избираемые самими евреями, т. е. кагаломъ. Первые не имѣютъ почти никакого вліянія на массу, уподобляются людямъ, сидящимъ между двумя стульями, и служатъ лишь для оффиціальнаго представительства; вторые же пользуются у евреевъ огромнымъ вліяніемъ и очень часто исполняютъ обязанности не только раввина, но и судьи, разрѣшая между евреями безапелляціонно не только всѣ семейные споры и дѣла, но и часто гражданскіе иски.

и тогда сама не захочетъ развода; а жена никоимъ образомъ не хотѣла возвратиться не только къ мужу, но даже и вообще въ Хмѣльникъ—изъ боязни еврейской мести за побѣгъ отъ мужа; видя же, что ей ничего добромъ не добиться, она имѣла неосторожность высказать однажды роднѣ мужа, пріѣзжавшей ее уговаривать, что если евреи ее «обидятъ», то она уйдетъ къ «гоямъ», то-есть приметъ христіанство... Евреи, конечно, переполошились, и имъ наконецъ какъ-то удалось уговорить молодую женщину, чтобы она пріѣхала лично въ Хмѣльникъ за полученіемъ отъ мужа своего носильнаго приданаго, заключающагося въ бѣльѣ и платьѣ, которыя онъ пожелалъ возвратить ей; та пріѣхала, получила все это и, несмотря на уговоры и просьбы мужа, ушла ночевать къ своей дальней родственницѣ, еврейкѣ же. Но едва она легла въ постель и уснула, какъ служанка родственницы вылила ей, какъ бы нечаянно, на нижнюю часть живота, горшокъ съ горячимъ супомъ, который она хотѣла, будто бы, поставить на окно, около котораго легла спать несчастная... Та, конечно, вскочила и имѣла еще силы выбѣжать на улицу и закричать... Набѣжали евреи, христіане и, увидѣвъ лежащую на улицѣ безъ сознанія молодую женщину, и узнавъ, въ чемъ дѣло, подняли ее, уложили въ кровать и позвали врача... Бѣдняжка промучилась очень долго, но кое-какъ все-таки спаслась отъ смерти. Власти, то-есть полицейскій надзиратель Шав – скій и его «другъ дома», судебный слѣдователь, начали, по собственной иниціативѣ, «дѣло», такъ какъ подозрѣніе падало на довольно богатаго еврея, мужа потерпѣвшей, и можно было разсчитывать на хорошій «заработокъ...» Конечно, «дѣло» было вскорѣ прекращено, такъ какъ подтвердилась-де несчастная неосторожность служанки... Бѣдная же и изуродованная молодая женщина пролѣчила и прожила все свое имущественное приданое, только-что полученное отъ мужа, и осталась теперь безъ всякихъ средствъ и вдобавокъ безъ вида на жительство. Пришла она ко мнѣ просить, во-первыхъ, истребовать для нея отъ мужа какой-нибудь «видъ», такъ какъ ее однажды хотѣли арестовать въ Житомірѣ «за безписьменность»; а во-вторыхъ,—просить взыскать съ мужа хотя пятьсотъ рублей въ счетъ тѣхъ двухъ тысячъ, которыя онъ получилъ въ приданое за нею отъ ея опекуновъ наличными деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ несчастная женщина пришла мнѣ заявить, что если съ нею, пока она живетъ въ Хмѣльникѣ, случится какое-нибудь новое несчастье, то единственнымъ виновникомъ этого будетъ никто иной, какъ ея мужъ, который, по ея словамъ, охотно вновь готовъ заплатить властямъ—ея же деньгами—за новое свое преступленіе, чтобы только такъ или иначе, но изжить жену, отвергшую его и требующую обратно свои приданыя деньги.

Выслушавъ такое заявленіе, я тотчасъ же пригласилъ къ себѣ по-

лицейскаго надзирателя, попросилъ еврейку повторить свое заявленіе, и затѣмъ, въ его же присутствіи, занесъ на бумагу все намъ заявленное и далъ, на всякій случай, надзирателю подписать все это.

На другой день, едва я проснулся и успѣлъ напиться чаю, какъ ко мнѣ, одинъ по одному, явилось нѣсколько самыхъ почтенныхъ еврейскихъ мужей города Хмѣльника, которыхъ я зналъ съ хорошей стороны и съ которыми былъ уже немножко знакомъ. Они явились съ просьбою оставить вчерашнее заявленіе еврейки безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ она, по ихъ словамъ, была и воровкою, и развратною и очень злою женщиною... Я, знакомый уже съ еврейскою массовою несправедливостью въ подобныхъ случаяхъ и фанатическою ихъ ненавистью, сталъ въ свою очередь уговаривать ихъ быть хотя немного справедливыми къ ихъ «жертвѣ», едва уже не поплатившейся жизнью за свою неосторожную и необдуманную угрозу принять христіанство...

Но евреи дѣлали видъ, что это обстоятельство ихъ нисколько не тревожитъ—приметъ она христіанство или останется еврейкой. Я же хорошо понималъ, что вся суть дѣла заключается для собравшихся евреевъ именно въ томъ, чтобы не допустить несчастную выбраться изъ Хмѣльника,—и затѣмъ или свести ее съ мужемъ, или же развести и выдать вновь за еврея, а потому прямо спросилъ синедріонъ:

— Если это васъ, господа, такъ мало интересуетъ—приметъ она христіанство или не приметъ, то ради чего вы всѣ такъ безпокоитесь и зачѣмъ именно пришли ко мнѣ? Неужели за тѣмъ только, чтобы очернить ее въ моихъ глазахъ?

— Она и вправду развратная и воровка!—отвѣтили мнѣ евреи.

— Но вѣдь мнѣ до ея нравственности нѣтъ никакого дѣла; она вчера пришла ко мнѣ, какъ просительница къ мировому судьѣ, и я настолько именно принимаю въ ней участія, насколько обязываетъ меня къ тому законъ.

Евреи внимательно выслушали меня и попросили позволенія переговорить между собою на еврейскомъ языкѣ. Я охотно согласился и даже вышелъ изъ своей маленькой столовой, гдѣ принималъ гостей, въ сосѣднюю комнату, служившую мнѣ кабинетомъ и спальней. Совѣщаніе длилось добрые полчаса; евреи спорили, шумѣли, сердились, упоминая то-и-дѣло имя несчастной еврейки и ея мужа и слово «законъ»... Наконецъ шумъ стихъ; я вышелъ къ евреямъ и узналъ, къ крайнему моему удовольствію, что они, будучи уполномочены заранѣе мужемъ еврейки, рѣшили, что она получитъ триста рублей деньгами и временный «видъ» отъ своего мужа съ тѣмъ, чтобы дала клятву вести себя «честно» (въ переводѣ это означало: не оставлять вѣры отцовъ своихъ), и чтобы тотчасъ же выѣхала изъ Хмѣльника въ сопровожденіи родственницы своей прямо къ дядѣ въ Житоміръ; если же потомъ, по по-

лученіи развода, выйдетъ вновь замужъ за еврея, то получитъ отъ своего перваго мужа всѣ «остальныя», слѣдуемыя ей деньги.

— Но согласится ли еврейка на вашъ приговоръ?—спросилъ я,— я не прекращу дѣла, пока не буду убѣжденъ въ этомъ.

— Будьте покойны!—отвѣчали мнѣ,—она сама придетъ къ вамъ и подастъ прошеніе, чтобы вы не безпокоились больше.

На другой день, когда я сидѣлъ въ камерѣ и разбиралъ дѣла, ко мнѣ вошла эта молодая женщина съ повеселѣвшимъ уже лицомъ и подала мнѣ письменное прошеніе о прекращеніи ея «дѣла». Прошеніе было подписано ея рукою по-еврейски, а переводъ подписи сдѣланъ былъ раввиномъ и засвидѣтельствованъ установленнымъ порядкомъ.

За время моей службы судьею въ Хмѣльникѣ, былъ и еще одинъ случай, когда обсужденіе дѣла происходило тоже въ моей квартирѣ и также въ присутствіи многихъ вліятельныхъ и почтенныхъ евреевъ города. Дѣло это, тоже довольно характерное и интересное, заключалось въ слѣдующемъ.

Ко мнѣ то-и-дѣло стали поступать самыя кляузныя прошенія евреевъ фамиліи Э—зоновъ на содержателей коробочнаго сбора съ евреемъ П—лисомъ во главѣ и обратно—евреевъ партіи П—лиса на Э—зона. Не было, кажется, ни одного проступка въ сферѣ компетенціи судьи, въ которомъ бы обѣ стороны не обвиняли другъ друга: клевета, оскорбленіе словами и дѣйствіемъ, обвиненія въ различныхъ угрозахъ, въ развратномъ поведеніи и пр. и пр... Фундаментомъ ярой и непримиримой ненависти между этими двумя враждующими партіями послужилъ такъ-называемый еврейскій коробочный сборъ—исключительное право рѣзать скотъ и продавать мясо,—право, дающее, какъ извѣстно, очень большіе доходы его содержателямъ. Вначалѣ этотъ «сборъ» принадлежалъ партіи купца Э., съ нимъ во главѣ; затѣмъ партія купца П. получила въ кагалѣ перевѣсъ—и евреи оставили монополію мясной торговли за нею. Представителями той и другой партіи были очень почтенные и хорошіе евреи—купцы, заслуживавшіе, по своей безупречной жизни, по своимъ лѣтамъ и положенію въ обществѣ, полное уваженіе. Между прочимъ мнѣ было извѣстно, что нѣкоторые вліятельные хмѣльникскіе евреи, съ общественнымъ раввиномъ во главѣ, пытались-было примирить эти двѣ враждующія партіи, но успѣха не имѣли; повторилась лишь извѣстная исторія, такъ талантливо изображенная безсмертнымъ Гоголемъ въ его «ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ». Дѣло примиренія совсѣмъ уже, казалось, приходило къ концу, какъ на сцену выступилъ «гусакъ»—и стороны разошлись съ новою, еще сильнѣйшею враждою другъ къ другу, такъ что наконецъ раввинъ умылъ руки въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, по совѣту моего сосѣда по квартирѣ, почтеннаго еврея купца К—ера, я рѣшилъ

попытаться примирить эти двѣ враждебныя партіи, донявшія меня своими взаимными тяжбами и жалобами. Послѣ одного поданнаго мнѣ жестокаго прошенія, въ которомъ содержатели коробочнаго сбора обвинялись въ убоѣ завѣдомо больнаго и зараженнаго скота, для продажи этого мяса христіанамъ, я пригласилъ къ себѣ, вечеркомъ, «на чай», двухъ главныхъ враговъ и нѣсколькихъ евреевъ-стариковъ, пользовавшихся всеобщимъ въ городѣ почетомъ: мануфактуриста Л—ца, сосѣда моего Тевія К—ера и еще кое-кого, имена которыхъ тогда не записалъ, а теперь забылъ... Всѣ приглашенные пришли на зовъ; я усадилъ ихъ въ моей столовой, приказалъ подавать чай, усѣлся съ ними вмѣстѣ и завелъ пока рѣчь о совершенно постороннихъ предметахъ... Но едва мы приступили къ чаепитію, какъ мой разсыльный Андрей сталъ то-и-дѣло подходить ко мнѣ и докладывать, что еще пришли такіе-то и такіе-то евреи и просятъ позволенія войти; я охотно, конечно, разрѣшалъ имъ это—и они входили въ столовую, чинно раскланивались со мною и съ моими гостями, извинялись, что побезпокоили, и просили позволенія принять участіе въ «общемъ собраніи» своихъ единовѣрцевъ. Такимъ образомъ собралось у меня болѣе тридцати человѣкъ торговой еврейской интеллигенціи города Хмѣльника, и у меня не хватило чайныхъ стакановъ, и я вынужденъ былъ послать за ними къ сосѣду, судебному слѣдователю. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что мои гости вели себя очень прилично и настолько деликатно, что, зная, что я человѣкъ не курящій, никто изъ нихъ не позволилъ себѣ даже закурить папиросы; только «враги» не разговаривали между собою и даже не хотѣли сидѣть рядомъ.

Наконецъ, когда прибытіе новыхъ гостей уже прекратилось, я издалека завелъ рѣчь на извѣстную тему—о томъ, что вражда до добра не доводитъ, и потомъ постепенно перешелъ на дѣйствительную цѣль почтеннаго собранія: примирить *бывшихъ* арендаторовъ коробочнаго сбора съ *настоящими*.

— Я не прочь помириться,—сказалъ старый Э.,—если только *они* (и онъ пренебрежительно ткнулъ пальцемъ въ сторону своего главнаго врага, П—лиса) уплатятъ намъ тѣ убытки, которые мы понесли тогда, когда они «перехватили» у насъ коробочный сборъ: мы закупили ранѣе скотъ и потомъ вынуждены были продать его въ убытокъ.

— И я также примириться не прочь,—отвѣчалъ П., если *они* (тотъ-же презрительный кивокъ въ сторону врага) возвратятъ намъ всѣ тѣ убытки, которые мы терпимъ по *ихъ* милости: они умышленно поднимаютъ на базарахъ цѣну на скотъ, дѣлаютъ на насъ доносы, что мы, будто-бы, рѣжемъ больную скотину, для продажи мяса ея христіанамъ.

— А развѣ это не правда?— живо перебилъ Э—зонъ:—кто заплатилъ на той недѣлѣ полицейскому надзирателю пятнадцать рублей, чтобы

онъ дозволилъ вамъ содрать кожи съ околѣвшихъ отъ заразы быковъ и прирѣзать больныхъ?

И пошли писать!... Съ русскаго языка перешли сначала, изъ деликатности передо мною, на польскій, а затѣмъ уже и на еврейскій языкъ,—и въ моей столовой начался такой шумъ и гвалтъ, какой иногда слышалъ я въ пятницу вечеромъ, въ синагогѣ, когда приходилось идти мимо. Напрасно нѣкоторые миротворцы вставали съ мѣстъ, поднимали указательный палецъ правой руки къ верху и, тряся имъ въ воздухѣ, унимали спорящихъ отрывочными восклицаніями: «Ша! ша!! ша!!!.» А я сидѣлъ и молча попивалъ чаекъ, наблюдая эту новую для меня картину, терпѣливо слушая весь этотъ гамъ и не мѣшая имъ высказаться и наговориться вдоволь...

Наконецъ, когда всѣ взаимные попреки были, повидимому, выложены, я счелъ возможнымъ заговорить съ своей стороны: прежде всего я попросилъ своихъ гостей не говорить болѣе на еврейскомъ языкѣ, котораго я не понималъ, а между тѣмъ мнѣ надо было узнать всѣ подробности ихъ дѣла, для котораго я ихъ и собралъ.

Евреи тотчасъ же извинились, что увлеклись, говорили на своемъ жаргонѣ.

— Если вамъ трудно говорить по-русски, то говорите по-польски,— посовѣтовалъ я: — въ своей камерѣ я не допускаю этого, а здѣсь—можно, такъ какъ я понимаю этотъ языкъ.

— Нѣтъ, мы будемъ говорить по русски!—отвѣчали евреи въ одинъ голосъ:—а если будемъ говорить плохо, то господинъ судья насъ извинитъ...

Затѣмъ началось подробное и общее изложеніе дѣла: сначала высказались старые арендаторы коробочнаго сбора, а потомъ новые. Я сталъ наскоро, карандашомъ, записывать пункты обвиненій и убытковъ. Тогда и «враги» быстро достали изъ боковыхъ кармановъ записныя книжки и карандаши и начали излагать свои претензіи въ опредѣленныхъ цифрахъ и въ многочисленныхъ пунктахъ обвиненій. Я не излагаю здѣсь всего дѣла въ его подробностяхъ, такъ какъ это, полагаю, не можетъ особенно интересовать читателей; я лишь упоминаю обо всемъ этомъ дѣлѣ въ виду его крайней исключительности и бытовой характерности, а также и потому еще, что мнѣ тогда удалось-таки кое-какъ, при помощи, главнымъ образомъ, остальныхъ почтенныхъ евреевъ, примирить на время враждующія стороны и уговорить ихъ согласиться взять назадъ изъ моей камеры всѣ свои кляузныя прошенія. Какъ только мы пришли къ этому результату, я предложилъ представителямъ двухъ враждующихъ партій подать другъ-другу руки, что и было исполнено: добрякомъ П. очень охотно, а со стороны сѣдого какъ лунь и почтеннаго Э.—съ нѣкоторымъ упорствомъ и подталкиваніями сзади, точь-

въ-точь какъ въ названномъ выше разсказѣ Гоголя... Тѣмъ тогда и закончилось это памятное для меня «общее собраніе».

На другой день въ мою камеру явились жалобщики и сдѣлали словесное заявленіе о прекращеніи всѣхъ начатыхъ ими враждебныхъ и кляузныхъ дѣлъ.

Съ того времени прошло почти 20 лѣтъ; но я и до сихъ поръ вспоминаю объ этомъ негласномъ засѣданіи мироваго суда съ особеннымъ удовольствіемъ, которое, говоря правду, такъ рѣдко выпадало на долю моей судебной дѣятельности; точно также мнѣ пріятно вспомнить и о многихъ изъ бывшихъ у меня въ то время въ гостяхъ евреяхъ, между которыми встрѣчались люди съ безупречною честностью и съ добрымъ сердцемъ. Евреи, въ массѣ своей, народъ невыносимый, но въ частности и въ отдѣльности я встрѣчалъ между ними прекрасныя и свѣтлыя личности—и въ Хмѣльникѣ, и раньше, когда служилъ въ сѣверо-западномъ краѣ мировымъ посредникомъ, и позже—когда служилъ въ Ковнѣ и въ Вильнѣ предсѣдателемъ отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка. Главную отличительную, добрую черту еврейской расы составляетъ чистота ихъ семейной жизни, любовь къ семьѣ и къ своимъ дѣтямъ, отсутствіе разгуловъ и пьянства —т. е. такая жизнь, какую возможно встрѣтить у насъ развѣ только у однихъ нѣмецкихъ пасторовъ. Затѣмъ, евреи имѣютъ и еще одну добрую, характерную черту, которая, къ сожалѣнію, отсутствуетъ у насъ, русскихъ: они, какъ и поляки же, никогда не забываютъ малѣйшаго добра, имъ оказаннаго. Это я испыталъ на себѣ самомъ. Въ сущности, собирая къ себѣ въ квартиру евреевъ по вышеразсказанному дѣлу, я желалъ только избавить себя отъ нѣсколькихъ десятковъ кляузныхъ дѣлъ въ году, которыя мнѣ довелось бы разбирать въ своей камерѣ; между тѣмъ, евреи ставили это мое приглашеніе на «негласный судъ» очень высоко и считали себя, почему-то, обязанными мнѣ; и когда впослѣдствіи со мною случилось въ Хмѣльникѣ одно большое несчастіе,—евреи, а послѣ и поляки, явились единственными лицами, принявшими теплое участіе въ моемъ бѣдствіи. Это было, впрочемъ, въ концѣ моей службы судьею. Послѣ-же описаннаго «общаго собранія» у меня установились съ хмѣльникскими евреями настолько добрыя отношенія, что я, напримѣръ, сталъ освобождать изъ-подъ предварительнаго ареста, на время еврейскихъ праздниковъ, всѣхъ евреевъ, мною арестованныхъ (преимущественно, за конокрадство); освобождалъ я ихъ, конечно, внѣ правилъ, на «честное слово» тѣхъ почтенныхъ лицъ, евреевъ же, которые приходили ко мнѣ ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ,—и у меня не было случая, чтобы освобожденные такимъ образомъ евреи не являлись бы подъ арестъ сами, добровольно, по окончаніи своихъ праздниковъ. Весь секретъ моихъ добрыхъ отношеній съ евреями, во время моего судейства,

заключался въ томъ, что я з н а л ъ и х ъ х о р о ш о. Такъ, напримѣръ пригласи я ихъ, для примиренія, не въ свою квартиру, а въ камеру, то изъ этого ровно бы ничего не вышло: достаточно бы было только присутствія двухъ-трехъ постороннихъ лицъ,—хотя-бы моего письмоводителя и еще кого-нибудь изъ п у б л и к и,—и все бы пошло прахомъ, и стороны не пришли бы ни къ какому соглашенію.

Къ сожалѣнію, обѣ враждующія стороны прекратили, впослѣдствіи, перемиріе и открыли другъ противъ друга вновь непріязненныя дѣйствія; но я въ это время уже не служилъ мировымъ судьею и ничего, поэтому, не могъ подѣлать.

VIII.

„Bêtes noires" моей камеры.—Отставной поручикъ Б—ичъ.—Война священника съ своими сосѣдями.—Избитый фельдфебель.—Мое письмо къ подольскому архіерею.—Духовное слѣдствіе и его неожиданные результаты.—Семинаристъ-атеистъ, готовящійся въ священники.—Сравнительная параллель бѣлорусскаго духовенства съ подольскимъ.

Каждый мировой судья имѣетъ по нѣскольку особыхъ существъ, такъ сказать bêtes noires мировыхъ судебныхъ камеръ, которыя по мѣрѣ своихъ силъ, нахальства и умѣнья отравляютъ его существованіе. Въ Петербургѣ эти роли занимаютъ кляузники-адвокаты, завсегдатаи портерныхъ и грязныхъ трактировъ; въ глуши Россіи—кулаки Разуваевы, эксплоатирующіе мужика и постоянно съ нимъ судящіеся; а здѣсь, въ Хмѣльникѣ, моими мучителями были: управляющій графа Л—ова, отставной армейскій поручикъ Б—ичъ и пара «батюшекъ».

У Б—ича постоянно были какія-нибудь нехорошія дѣла: то онъ обманывалъ кого-нибудь при продажѣ лошадей, торговля которыми была его спеціальностью, то его обманывали на томъ-же товарѣ;—въ томъ и другомъ случаѣ мнѣ постоянно приходилось разбирать эти мелкія плутовскія дѣла, отдавая имъ значительную часть времени, такъ какъ подобныя разбирательства сопровождались всегда опросомъ многочисленныхъ свидѣтелей. Затѣмъ, этотъ Б—ичъ, занимаясь каждымъ лѣтомъ воздѣлываніемъ свекловичныхъ плантацій и поставкою свеклы на Войтовецкій сахарный заводъ, имѣлъ въ это время постоянныя «недоразумѣнія» съ рабочими, въ особенности съ женщинами: при разсчетѣ, жена Б—ича безбожно ихъ обсчитывала, а когда онѣ начинали роптать и шумѣть, на сцену являлся мужъ, срывалъ съ нихъ головныя платки и

поколачивалъ ихъ. Всѣ эти дѣла Б—ича и самая его личность, напоминающая Ноздрева, постоянно и сильно мучили меня и возмущали.

«Батюшки» тоже донимали меня жестоко. У священника Х—цкаго, какъ только началось лѣто, то начались и исторіи, и дѣла, большинство которыхъ состояло въ слѣдующемъ: онъ имѣлъ отъ общества, при церковномъ домѣ, громадный огородъ, но по своей безпечности и нерадѣнію не желалъ сдѣлать вокругъ него надлежащихъ загородей и плетней, и къ нему въ огородъ попадали то-и-дѣло, прямо съ улицы, сосѣдскія коровы, лошади, свиньи, куры; «батюшка» тотчасъ же ихъ ловилъ и загонялъ въ хлѣвъ, а затѣмъ бралъ совершенно произвольную контрибуцію съ хозяевъ захваченныхъ имъ животныхъ; многіе платили, хотя и съ ропотомъ и бранью, большинство же шло ко мнѣ въ камеру съ жалобами, и мнѣ по всѣмъ этимъ дѣламъ приходилось прибѣгать къ ускоренному судопроизводству, такъ какъ всѣхъ, взятыхъ въ полонъ, животныхъ Х—цкій умышленно не кормилъ и не поилъ въ надеждѣ, что хозяева пожелаютъ скорѣе ихъ выкупить. Интересна была при этомъ слѣдующая черта: когда сосѣди, въ свою очередь, ловили у себя на огородахъ и загоняли животныхъ, принадлежащихъ Х—чу, то онъ, призвавъ къ себѣ всю свою свиту, шелъ въ тотъ дворъ, гдѣ были загнаны его животныя, и уводилъ ихъ силою, не уплачивая за потравы ни копейки. Если же хозяева, у которыхъ былъ потравленъ огородъ, оказывали ему сопротивленіе, то онъ пускалъ въ ходъ свой пастырскій посохъ,—и побѣда, такимъ образомъ, оказывалась на его сторонѣ, а потерпѣвшіе и побитые обращались, конечно, опять-таки въ мою камеру. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, впрочемъ, мнѣ приходилось ограничиваться лишь разсмотрѣніемъ и удовлетвореніемъ только гражданскихъ исковъ потерпѣвшихъ, потому что дѣла по уголовнымъ обвиненіямъ духовенства находились тогда — какъ они находятся и теперь — внѣ компетенціи мировыхъ судей. По этому поводу въ моей камерѣ происходили, иногда, выходки, возмущающія душу. Разбиралось, напримѣръ, однажды дѣло о потравѣ двухъ грядокъ капусты на огородѣ отставнаго фельдфебеля, раненнаго, имѣвшаго солдатскій Георгіевскій крестъ и нѣсколько медалей. У моего судейскаго стола стоитъ старый воинъ, съ подбитымъ глазомъ и подвязанной щекой, и даетъ свои обычныя объясненія:

— Они, «батюшка» то-есть, загоняли, ранѣе, нѣсколько разъ и лошадку мою, и коровку, и я всякій разъ платилъ имъ штрафъ, и мнѣ было очень обидно, потому что штрафъ былъ всегда большой—по рублю.... Ну, вотъ, значитъ, и ихняя коровка попала какъ-то на мой огородъ,—и я ее тоже загналъ и послалъ сказать имъ, чтобы тоже прислали штрафъ—рубль, за капусту.... А «батюшка», значитъ, взяли сейчасъ съ собой дьячка и двухъ сторожей—церковнаго и изъ школки—и идутъ

ко мнѣ на дворъ, и прямо къ сараю, гдѣ была ихъ коровка... Я ихъ не сталъ пущать въ сарай, говорю: «заплатите сначала штрафъ!...» А батюшка меня выругали не по хорошему.... и сейчасъ-же взяли меня за грудки и дали по-уху.... Я закричалъ «караулъ», а они меня разъ!—костылемъ по головѣ.... Я упалъ, и у меня полила кровь изъ носу...

Надо знать, что во время этого разсказа Х—цкій преспокойно сидѣлъ въ мѣстахъ для публики,—какъ онъ дѣлалъ постоянно: когда я его вызываю, то онъ умышленно находится въ сѣняхъ камеры, или на дворѣ, и входитъ лишь тогда, когда дѣло уже начато, и я, слѣдовательно, разбираю его въ отсутствіе отвѣтчика, и у меня, такимъ образомъ, является з а о ч н о е рѣшеніе; а Х—му, если только его дѣло серьезное или крупное, только это и нужно—чтобы потомъ, для оттяжки, просить о новомъ разборѣ... Такъ было и въ этотъ разъ: едва только старикъ-фельдфебель сказалъ: «я упалъ, и у меня полила кровь изъ носу», какъ Х—цкій поднялся съ своего мѣста и хладнокровно проговорилъ:

— Да, я его ударилъ; но это не подлежитъ вашему обсужденію, г. судья!

Эти слова, сильно возмутили меня, и я ему замѣтилъ:

— Я вамъ дѣлаю замѣчаніе за вашу неумѣстную фразу и прошу не прерывать меня во время разбора дѣла, тѣмъ болѣе, что вы не пожелали въ немъ участвовать.

— Это уже мое дѣло!—отвѣтилъ Х—й.

Я прервалъ на минутку разборъ дѣла и оштрафовалъ «батюшку» на три рубля за его выходки; затѣмъ, окончивъ разборъ, приговорилъ Х—цкаго къ уплатѣ фельдфебелю убытковъ за потравленную капусту. О самоуправствѣ же его и причиненныхъ побояхъ я, конечно, сужденія не имѣлъ и указалъ лишь потерпѣвшему тотъ законный путь, по которому онъ долженъ былъ направить свою жалобу.

Нечего и говорить, что по всѣмъ моимъ рѣшеніямъ Х—цкій подавалъ въ съѣздъ и апелляціонныя и—по небольшимъ дѣламъ—кассаціонныя жалобы, и страшно, конечно, надоѣдалъ всему съѣзду, еще болѣе потому, что онъ велъ всегда свои дѣла самъ, лично, не довѣряясь адвокатамъ, и являлся на съѣздъ съ заготовленными заранѣе, длиннѣйшими написанными рѣчами, которыя онъ, потомъ, и ч и т а л ъ съ роздыхами и перерывами, ссылаясь на усталость и одышку....

— Не легко вамъ живется въ Хмѣльникѣ, говорилъ мнѣ однажды, на съѣздѣ, присяжный повѣренный Котляровъ, давній мой еще по Москвѣ пріятель, пріѣхавшій какъ-то на нашъ съѣздъ изъ Виннвцы и попавшій случайно на разборъ батюшкиныхъ дѣлъ:—еще одинъ такой экземпляръ, и можно наложить на себя руки!...

*

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ я:—есть у меня и второй такой экземпляръ, а вотъ, какъ видите, я еще живехонекъ...

Когда выходки Х—цкаго переполнили, наконецъ, мѣру всякаго терпѣнія, я составилъ реестръ всѣмъ его дѣламъ, начиная съ скандальнаго дѣла съ госпожею В—цкою, пояснилъ вкратцѣ содержаніе каждаго дѣла и отправилъ все это, при письмѣ, къ подольскому преосвященному которымъ былъ въ то время всѣми уважаемый епископъ Маркеллъ. Письмо мое было очень рѣзко въ смыслѣ изумленія безнаказанности проступковъ Х—цаго и заканчивалось вопросомъ (по поводу избіенія фельдфебеля и многихъ другихъ лицъ): «Можетъ ли быть по уставу православной церкви терпимо, чтобы служитель алтаря, приносящій почти ежедневно Господу Богу безкровную жертву, въ то же время самъ проливалъ бы, очень часто, человѣческую кровь своихъ многострадальныхъ прихожанъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ духовнымъ отцомъ?...»

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать: о. Х—цкій, указомъ консисторіи, былъ отрѣшенъ отъ прихода, и по его дѣлу было наряжено, духовнымъ начальствомъ, слѣдствіе... Какъ громъ поразила эта вѣсть всѣхъ «батюшекъ», и не только въ Хмѣльникѣ, но и во всемъ Литинскомъ уѣздѣ: всѣ они были сильно возмущены и громко роптали:—Какъ?! кричали они повсюду:—отрѣшать священника отъ должности по одному лишь частному письму мироваго судьи?!... Это вопіющій произволъ и несправедливость!...».

Въ непродолжительномъ времени по дѣлу Х—цкаго прибыли въ Хмѣльникъ и «слѣдователи», то есть отецъ благочинный, отецъ депутатъ и отецъ-слѣдователь, командированные консисторіей. Я, нежданно-негаданно, получилъ приглашеніе отъ этихъ почтенныхъ особъ явиться, въ качествѣ свидѣтеля, въ квартиру Х—цкаго, по его дѣлу... Я отвѣтилъ, что явиться къ нимъ, да еще въ квартиру Х—цкаго, не желаю, да и не имѣю времени; если же имъ угодно знать по этому дѣлу и с т и н у, то я могу допустить ихъ въ своей камерѣ къ обзору и просмотру всѣхъ «дѣлъ», заведенныхъ по жалобѣ самого отца Х—цкаго, или-же по жалобамъ другихъ лицъ н а н е г о,—и что тогда-же, въ камерѣ, они могутъ видѣть и меня лично если пожелаютъ.

На это никакого отвѣта отъ слѣдователей не послѣдовало и мнѣ стало извѣстно лишь, что, недѣли три-четыре спустя по ихъ отъѣздѣ изъ Хмѣльника, священникъ Х—цкій получилъ новое назначеніе въ Винницкій уѣздъ, и я, конечно, несказанно былъ радъ этому переводу...

Когда ушелъ изъ Хмѣльника Х—цкій, его смѣнилъ въ моей камерѣ другой, о которомъ я уже упоминалъ не разъ, какъ о заступникѣ конокрадовъ. Между этими двумя пастырями было только одно сходство—оба были вдовцы; во всемъ остальномъ между ними была нѣкоторая

разница: Х—цкій шелъ всегда на проломъ, бралъ натискомъ и не скрывалъ, даже предъ публикою, въ моей камерѣ, своихъ некрасивыхъ подвиговъ, придумывая лишь для нихъ всевозможныя оправданія; Р—ичъ-же былъ всегда, такъ сказать, за кулисами своихъ дѣйствій: векселя по «тэгоднювкамъ» писались на подставныхъ лицъ; за конокрадовъ онъ хлопоталъ «по христіанскому милосердію», и пр. Въ частныхъ домахъ онъ былъ веселымъ и не глупымъ собесѣдникомъ, позволявшимъ себѣ, однако, такіе циническіе разсказы, при которыхъ не могли присутствовать не только замужнія женщины, но и молодежь мужескаго пола. У него былъ сынъ, молодой человѣкъ, который тоже приготовлялся къ духовному сану, но при этомъ не находилъ даже нужнымъ скрывать своихъ анти-религіозныхъ вѣрованій. Однажды, встрѣтясь съ этимъ юношей въ домѣ у знакомыхъ и слушая его развязную «философію», я спросилъ у него:

— Какъ-же это вы готовитесь быть священнослужителемъ, а между тѣмъ, не вѣрующи?

— Это ничего не значитъ! отвѣчалъ достойный птенецъ Подольской семинаріи:—не быть же мнѣ «пушечнымъ мясомъ» на войнѣ!...

Однако, надежды его не сбылись, — и священническаго мѣста онъ, кажется, не получилъ.

Да не подумаютъ читатели, что я, говоря о духовенствѣ Подольской губерніи, умышленно сгущаю краски и стараюсь приводить лишь однѣ дурныя характерныя черты этого достопочтеннаго сословія;—совсѣмъ нѣтъ! Я стараюсь быть лишь вѣрнымъ истинѣ, занося въ свою скромную лѣтопись то, что́ видѣлъ.... Въ подтвержденіе моихъ словъ ссылаюсь на мои же «Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи» [1]), гдѣ я съ глубочайшимъ уваженіемъ и умиленіемъ разсказывалъ о тѣхъ «пастыряхъ добрыхъ», которые полагали душу свою за паству вообще и, въ частности, за дѣло народнаго образованія, бывшаго въ тѣ времена (въ 60-хъ годахъ) еще только въ зародышѣ: то были бѣдные сельскіе священники, работавшіе, иногда, лично, особливо въ страдную пору, на своихъ поляхъ, скромно жившіе и воздѣлывавшіе свою неблагодарную и плохо родившую землю и едва сводившіе концы съ концами. Они жили въ постоянной войнѣ съ окружающею ихъ польскою средою и умѣли высоко держать знамя своей вѣры, поплатившись даже—въ 1863 году—жизнями нѣсколькихъ своихъ собратій за эту вѣру и за свое мужество въ борьбѣ съ ея утѣснителями. Подольское же духовенство, за нѣкоторыми, конечно, исключеніями, жило въ роскоши и до-

---

[1]) Эти воспоминанія были напечатаны въ журналѣ „Истор. Вѣстникъ“ въ мартовской и апрѣльской книжкахъ 1884 года.

вольствѣ, имѣло цѣлые участки богатой и плодородной земли и обширныя табачныя и свекловичныя плантаціи, выписывало отъ Беккера рояли, а изъ Одессы гувернантокъ для своихъ дѣтей, ѣздило въ вѣнскихъ коляскахъ и проч. Относительно же «знамени православія», я былъ, не разъ, свидѣтелемъ такихъ, напримѣръ, сценъ: сходится гдѣ-нибудь, на нейтральной почвѣ, смѣшанное общество—русскіе, нѣмцы и поляки; изъ деликатности предъ нами, русскими чиновниками,—занимавшими все-таки, по своему общественному положенію, первое мѣсто,—разговоръ ведется вначалѣ на русскомъ языкѣ; но стоитъ только какому-нибудь пану обратиться, на русскомъ же языкѣ, въ разговорѣ, къ священнику, этотъ непремѣнно отвѣтитъ по-польски, а затѣмъ и совсѣмъ перейдетъ на этотъ языкъ....

— Въ дѣтствѣ нашемъ и во время ученія, господствующій языкъ, в ъ о б щ е с т в ѣ, былъ польскій; а потому мы, иногда невольно, и придерживаемся его,—объяснялъ мнѣ одинъ священникъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, когда я полюбопытствовалъ спросить его объ этомъ странномъ явленіи.

Къ счастію для православной церкви, между духовенствомъ той же Подольской губерніи я встрѣчалъ, впослѣдствіи, не мало и такихъ симпатичныхъ и благородныхъ священниковъ, какъ, напр. служившій въ томъ же Хмѣльникѣ о. Василевскій, о которомъ я упоминалъ во II-й главѣ настоящихъ моихъ записокъ; слѣдовательно, такія личности какъ о. Х—цкій и Р—ичъ, являются лишь печальнымъ исключеніемъ въ общей массѣ,—не болѣе.

IX.

Отмѣна съѣзда.—Поднадзорный ксендзъ Б—скій, обращенный въ дойную корову.—Плутоватый судебный приставъ и его увольненіе.—Покупка мною дома въ Хмѣльникѣ.—Отправленіе моего векселя къ министру юстиціи.—Я совершаю проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. Устава о наказаніяхъ.—Новый синедріонъ въ моей квартирѣ.—Два доноса на меня.—Новый доносъ на мироваго судью М—ича.—Продѣлки судебныхъ слѣдователей передъ ревизіей.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ засѣданія нашего съѣзда, по случаю весенней распутицы, не состоялись, и мнѣ пришлось, такимъ образомъ, безъ перерыва кипѣть два мѣсяца въ аду своей камеры, среди разбора пьяныхъ «дѣлъ», давнымъ-давно оплоченныхъ еврейскихъ векселей, адвокатскихъ подвоховъ и плутовскихъ дѣлъ управляющаго графа Л—ова. За эти два мѣсяца произошло, кромѣ того, нѣсколько событій, которыя, такъ или иначе, вліяли на мое служебное положеніе.

Такъ какъ я былъ въ городѣ человѣкомъ новымъ и мало съ кѣмъ знакомымъ, то мнѣ, если я попадалъ куда-нибудь въ гости, приходилось очень часто заводить новыя знакомства, а иногда въ гостяхъ же и заниматься немножко службой: кто имѣлъ какую-нибудь нужду къ судьѣ, а между тѣмъ совсѣмъ не зналъ его и почему-либо не желалъ обращаться, нарочно, въ камеру, тотъ пользовался случаемъ встрѣчи и закономъ, обязывающимъ судью выслушивать обращающихся къ нему лицъ вездѣ и всюду,—и заговаривалъ о своемъ дѣлѣ.

Однажды я былъ въ гостяхъ у одного изъ докторовъ города Хмѣльника; тамъ же былъ и почтенный ксендзъ Б—скій, съ которымъ ранѣе мнѣ еще не доводилось нигдѣ встрѣчаться. Мы познакомились, и панъ-ксендзъ оказался образованнымъ и очень милымъ человѣкомъ. Я съ нимъ проговорилъ около часу, и вижу, что онъ все хочетъ еще что-то мнѣ сказать, но видимо стѣсняется и жмется... Наконецъ, собравшись съ духомъ, ксендзъ началъ:

— Не знаю, право, что́ мнѣ и дѣлать... Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что я состою подъ надзоромъ полиціи; на меня и на садовода Іентша былъ сдѣланъ доносъ священникомъ Р—ичемъ...

Я тотчасъ же прервалъ Б—скаго:

— До меня, панъ пробощъ, это нисколько не касается, и смѣю увѣрить васъ, даже вовсе меня не интересуетъ.

— Ахъ, нѣтъ! это именно до васъ и касается, такъ какъ я хочу просить у васъ, какъ у юриста, совѣта. Дѣло мое вотъ какое: состою я подъ надзоромъ, и обо мнѣ здѣшній надзиратель г-нъ Ш—скій долженъ ежемѣсячно доносить... И вотъ, какъ только оканчивается мѣсяцъ, онъ приходитъ ко мнѣ и, конечно, съ глазу на глазъ, начинаетъ угрожать мнѣ, что донесетъ о моей «неблагонадежности»... И показываетъ мнѣ при этомъ все какія-то новыя бумаги, получаемыя обо мнѣ изъ Кіева и изъ Подольска... И всякій разъ требуетъ отъ меня «взаймы» денегъ. Въ первый разъ взялъ «сто» рублей, а теперь все проситъ то двадцать пять, то тридцать, а иногда и больше.

— Зачѣмъ же вы даете ему? отказали бы—и конецъ дѣлу!

— Никакъ нельзя, господинъ судья; вѣдь онъ можетъ погубить меня... Вотъ я и рѣшилъ воспользоваться встрѣчей съ вами; посовѣтуйте, что́ мнѣ дѣлать?..

— А есть у васъ его росписка, что онъ беретъ «взаймы»?

Ксендзъ безнадежно махнулъ рукой.

— Росписки нѣтъ! Однажды, давая деньги, я подалъ-было ему чернильницу съ перомъ и бумагу, но онъ засмѣялся и сказалъ, что у него болитъ правая рука...

— Какъ судья, я вамъ ничего не могу посовѣтовать,—отвѣчалъ я,—

но на вашемъ мѣстѣ я не далъ бы Ш—скому ни гроша; или же спря талъ бы нѣсколько человѣкъ постороннихъ въ комнатѣ рядомъ, въ то время, когда онъ къ вамъ приходитъ, угрожаетъ и вымогаетъ деньги.

— Никакъ нельзя этого сдѣлать, господинъ судья,—вздохнувъ отвѣчалъ бѣдняга-ксендзъ,—онъ является всегда внезапно и бо́льшею частью или поздно вечеромъ, или на разсвѣтѣ; я, говоритъ, не хочу васъ компрометировать, чтобы всѣ видѣли, что я посѣщаю васъ какъ поднадзорнаго.

— Пожалуйтесь, въ такомъ случаѣ, на него губернатору, посовѣтовалъ я, и подивился той ловкости и изобрѣтательности, съ какою Ш—скій открываетъ для себя все новые и новые источники доходовъ.

На томъ же самомъ вечерѣ нѣкоторые изъ гостей, очевидно умышленно, завели рѣчь объ одномъ изъ судебныхъ приставовъ нашего съѣзда, проживавшемъ въ Хмѣльникѣ, и къ изумленію своему я узналъ совершенно невѣроятныя и возмутительныя вещи. Оказывалось, что этотъ судебный приставъ, женатый на родной сестрѣ жены предсѣдателя нашего съѣзда М—ича, принимая отъ истцовъ исполнительные листы, продѣлывалъ иногда слѣдующія штуки. Прежде всего онъ получалъ съ истца, по положенію, прогоны или, если отвѣтчикъ проживалъ въ городѣ, то «на расходы и на извозчика»; затѣмъ тотчасъ же шелъ или ѣхалъ съ исполнительнымъ листомъ къ отвѣтчику, осматривалъ и оцѣнялъ его имущество и бралъ съ него взятку за то, чтобы обождать взысканіемъ; получивъ мзду и хорошо освѣдомившись относительно имущественнаго положенія отвѣтчика, приставъ клалъ исполнительный листъ «подъ сукно», какъ говорится, и не дѣлалъ по немъ никакого взысканія... Истецъ ходилъ, напоминалъ, просилъ, но все напрасно! Судебный приставъ увѣрялъ его, что онъ уже ѣздилъ, не нашелъ почти никакого имущества и рѣшилъ обождать немного... Это «немного» превращалось въ цѣлые мѣсяцы. Когда, наконецъ, терпѣніе истца истощалось, приставъ великодушно предлагалъ свои услуги, что онъ-де не прочь купить у истца «на рискъ» его исполнительный листъ за половинную сумму взысканія. Измученный напрасными хлопотами и ожиданіями, истецъ волей-неволей соглашается, дѣлаетъ на исполнительномъ листѣ надлежащую надпись, получаетъ «разсчетъ»—и дѣлу конецъ; а судебный приставъ ѣдетъ тотчасъ же къ отвѣтчику и получаетъ съ него долгъ полностью, или же безъ всякаго послабленія и милосердія приступаетъ къ описи и продажѣ имущества должника. Пробовали-было, говорятъ, на него жаловаться и прежнему судьѣ, и предсѣдателю съѣзда, но ничего изъ этихъ жалобъ не выходило.

На мнѣ, какъ на мировомъ судьѣ, лежала прямая обязанность устранить это явное злоупотребленіе, и я, по своей несчастной привычкѣ,

взялся за дѣло горячо и быстро: я рѣшилъ тотчасъ провѣрить дѣйствительность жалобъ и на другой же день вызвалъ въ свою камеру нѣсколькихъ человѣкъ, которымъ, какъ я видѣлъ изъ «дѣлъ», были выданы исполнительные листы и прежнимъ судьею, и съѣздомъ. Половина приглашенныхъ лицъ по разнымъ причинамъ не явилась, а нѣкоторыя изъ явившихся подтвердили фактъ злоупотребленій, творимыхъ судебнымъ приставомъ при взысканіяхъ. Тогда, не испрашивая отъ пристава никакихъ объясненій, я прямо написалъ предсѣдателю съѣзда полуоффиціальное письмо и потребовалъ увольненія его. М—ичъ поступилъ съ большимъ тактомъ: онъ не сталъ заступаться за своего родственника и тотчасъ же отвѣтилъ мнѣ, что до него, М—ича, и ранѣе доходили жалобы на этого невозможнаго пристава, а потому въ слѣдующее же засѣданіе съѣзда онъ уволитъ его отъ должности, что онъ потомъ дѣйствительно и исполнилъ. Такимъ образомъ, я нажилъ себѣ въ Хмѣльникѣ еще одного непримиримаго врага, которому невольно причинилъ большой матеріальный вредъ. Подобно бывшему судьѣ Е—скому, приставъ успѣлъ уже обзавестись собственнымъ домикомъ и устроиться въ немъ; теперь же, оставшись безъ мѣста и не имѣя никакой надежды получить его въ заштатномъ городишкѣ, онъ долженъ былъ искать службы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и продавать и разорять устроенное имъ гнѣздо.

Вскорѣ явилась для меня, совершенно неожиданно, возможность выбраться изъ своей сырой, съ земляными полами, квартиры, хотя въ небольшой и тоже глиняный, но довольно чистенькій и благообразный домикъ, и даже пріобрѣсти его въ собственность. Умеръ старикъ-пенсіонеръ, подполковникъ Черкавскій, и вдова его пожелала ликвидировать всѣ свои дѣла, продать домъ и, затѣмъ, выѣхать изъ Хмѣльника, куда-то къ своимъ роднымъ. Весь этотъ домикъ продавался всего-то за девятьсотъ рублей, да находившаяся въ немъ движимость,—кое-какая мебель и разныя хозяйственныя вещи,—за двѣсти рублей. Я поспѣшилъ воспользоваться возможностью выбраться изъ своей нездоровой квартиры и согласился дать просимую сумму; а такъ какъ у меня налицо было своихъ денегъ всего лишь около пятисотъ рублей, то я, уплативъ ихъ, выдалъ г-жѣ Черкавской, на остальную сумму, срочный вексель и тотчасъ же перебрался въ новокупленный свой домъ. Я потому упоминаю здѣсь объ этомъ, чисто личномъ моемъ дѣлѣ, что никогда уже, потомъ, не увидалъ въ глаза этого моего векселя, съ которымъ приключилась слѣдующая исторія, довольно интересная, какъ увидятъ читатели.

Число лицъ, недовольныхъ моею судебною дѣятельностью и мною лично, стало увеличиваться въ Хмѣльникѣ все болѣе и болѣе; въ томъ числѣ были и почти всѣ русскіе чиновники, съ которыми я очень неохотно

поддерживалъ знакомство, такъ какъ говорить съ ними было не о чемъ, а пить съ ними водку, играть въ карты и злословить я не хотѣлъ. Моими знакомыми въ Хмѣльникѣ оставались лишь нѣмцы, жившіе въ городѣ, нѣсколько польскихъ семействъ, кое-кто изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, да нѣсколько человѣкъ евреевъ, изъ числа тѣхъ, съ которыми мнѣ довелось поближе познакомиться въ памятный вечеръ примиренія двухъ враждующихъ еврейскихъ партій.

И вотъ узналъ я, что мои «враги» рѣшили, во что́ бы то ни стало, выжить меня изъ Хмѣльника, и стали дѣйствовать. Первымъ дѣломъ они уговорили Черкавскую снять съ моего векселя нотаріальную копію, а подлинникъ отправить къ министру юстиціи, «въ собственныя руки», при жалобѣ, что вотъ-де «мировой судья взялъ у меня, бѣдной вдовы, взаймы, шестьсотъ рублей, проигралъ эти деньги въ карты, а когда я, крайне нуждаясь, пришла было къ нему съ слезною просьбою уплатить мнѣ что-нибудь до срока, то г-нъ З—инъ выбранилъ меня непристойными словами и вытолкалъ на улицу по шеѣ»... Я ничего, конечно, не зналъ объ этой кляузѣ, и когда, чрезъ шесть мѣсяцевъ, наступилъ векселю срокъ, то отправился въ квартиру вдовы и предложилъ ей получить свои деньги и возвратить мой векселъ.

— Векселя вашего у меня нѣтъ, объявила моя кредиторша.

— Какъ, нѣтъ? вы его потеряли, что-ли? спросилъ я.

— Да нѣтъ, не потеряла... какъ можно!.. А я нуждалась въ деньгахъ и переуступила его.

— Кому же?

— Да такъ, одному человѣку... Да вы не сомнѣвайтесь, у меня съ векселя копія снята,—и она показала мнѣ копію векселя, засвидѣтельствованную литинскимъ маклеромъ.

На мои дальнѣйшіе разспросы эта почтенная дама, бывшая ростовщица, объяснила мнѣ, что векселъ никому не переданъ, а что онъ только «отданъ одному лицу на сохраненіе...» Не понимая въ чемъ дѣло и видя, что выходитъ какая-то безтолковщина, я отказался взять отъ нея совсѣмъ ненужную мнѣ копію, уплатилъ деньги и попросилъ написать мнѣ платежную росписку, что «по такому-то, дескать, векселю, который у меня въ настоящее время не находится, но который я никому не передавала, деньги получила сполна». Подпись руки Черкавской засвидѣтельствовалъ тотчасъ же мѣстный полицейскій надзиратель, и я полагалъ, что дѣло въ шляпѣ, и совершенно успокоился.

Каково же было мое изумленіе, когда, спустя нѣкоторое время, я узналъ, что векселъ мой находится въ Петербургѣ, въ стѣнахъ дома министерства юстиціи, на Малой Садовой. Такъ я его и не видалъ больше въ глаза! А сдѣланный извѣтъ отпарировалъ коротко и просто:

снялъ для себя копію съ росписки Черкавской, а подлинную представилъ при своемъ объясненіи.

Но мои благопріятели не дремали. Едва я отдѣлался отъ одного доноса, какъ на меня полетѣлъ въ Петербургъ новый, заключающійся въ слѣдующемъ.

Вскорѣ какъ-то послѣ покупки дома, возвращаясь однажды, измученный и усталый, изъ своей камеры домой, я проходилъ по глухому и незаселенному переулку, прилегавшему къ моему дому со стороны училища; кругомъ не было ни души. Вдругъ, вижу, подходитъ ко мнѣ тотъ самый знаменитый Іоська К—еръ, который былъ факторомъ у судебнаго слѣдователя Даніила К—скаго, снимаетъ картузъ и раскланивается со мною. Я хорошо уже зналъ эту личность, а потому, не отвѣчая на его поклонъ, продолжалъ идти своею дорогою; но тотъ прямо подошелъ ко мнѣ и заговорилъ.

— Я имѣю до васъ, г-нъ судья, одно, очень большое и важное, дѣло.

— Какое же именно? спрашиваю его, продолжая идти дальше.

— Вы только, пожалуйста, не сердитесь!.. Я васъ буду очень просить позволить мнѣ къ вамъ ходить.

— Зачѣмъ же ты будешь ко мнѣ ходить? ты мнѣ совсѣмъ не нуженъ.

— Вы увидите, зачѣмъ я буду ходить... И вамъ будетъ хорошо, и мнѣ будетъ хорошо.

— Убирайся отъ меня прочь, негодяй!—крикнулъ я, догадываясь въ чемъ дѣло.

— Какой я негодяй, ну?! Вы очень сердиты... и не хотите брать хабарá... [1]) А всѣ берутъ. И вы привыкнете, ей-Богу же, привыкнете!..

Долѣе терпѣть я не смогъ, и военныя традиціи, давно уже, казалось, покрывшіяся пепломъ, вдругъ вспыхнули въ моей, глубоко оскорбленной, душѣ. Въ рукахъ у меня была небольшая трость, и я началъ бить Іоську этою тростью куда попало, не разбирая,—и по плечамъ, и по лицу, и по рукамъ, которыми онъ сталъ закрывать голову, такъ какъ фуражка его слетѣла и лежала на дорогѣ. Моя палка, наконецъ, сломалась; я бросилъ ее и быстро пошелъ домой. Къ моему неблагополучію, сцену эту видѣли два какіе-то мѣщанина, шедшіе съ кирпичнаго завода. Что они «все видѣли»—объ этомъ я узналъ на другой уже день, когда въ мою камеру поступило «прошеніе хмѣльникскаго мѣщанина Іося К—ера, обвинявшаго меня, грѣшнаго, «въ оскорбленіи дѣйствіемъ,

[1]) „Хабарà“, „халтурá“ или „лапòвыя“ означаетъ, въ разговорномъ языкѣ поляковъ и евреевъ, взятку.

въ публичномъ мѣстѣ, безъ всякаго къ тому повода». Въ концѣ прошенія прибавлялось, что къ разбору дѣла, на судъ, будетъ представлена потерпѣвшимъ и моя, сломанная объ него, трость.

Выходило для меня очень некрасивое и непріятное дѣло... По правиламъ нашего наказа, я долженъ былъ препроводить это прошеніе къ моему коллегѣ, мировому судьѣ 4-го участка, М—ичу; но такъ какъ прошеніе К—ера заключало въ себѣ наглую ложь, что я, будто-бы, побилъ его безъ всякаго повода, «повидимому за то, что онъ, при встрѣчѣ, не снялъ предо мною шапки», какъ написано было въ жалобѣ, то я и рѣшилъ: прежде, чѣмъ отправить ее къ коллегѣ-судьѣ, пригласить къ себѣ въ домъ роднаго дядю Іоськи, очень почтеннаго и умнаго еврея, купца Тевія К—ера, разсказать ему все дѣло и показать прошеніе наглеца. Этотъ дядя жилъ почти рядомъ съ купленнымъ мною домомъ, и я послалъ ему записку, прося зайти въ шесть часовъ вечера.

Наступило шесть часовъ, и, къ моему удивленію, пришелъ не одинъ Тевій К—еръ, а еще человѣкъ пять или шесть евреевъ, и самыхъ вліятельныхъ, которые незадолго передъ тѣмъ были у меня въ домѣ въ числѣ другихъ, по дѣлу обваренной кипяткомъ еврейки. Оказалось, что всѣ они не только знали въ чемъ дѣло, но что о немъ зналъ и толковалъ уже весь городъ, варьируя происшедшій инцидентъ на всѣ лады: одни говорили, со словъ Іоськи, что я избилъ его за то именно, что онъ не снялъ предо мною шапки; другіе же утверждали, что не я побилъ еврея, а онъ меня.

Я разсказалъ собравшимся евреямъ обо всемъ происшедшемъ и обратился къ дядѣ Іоськи, прося его заставить племянника взять назадъ свое «прошеніе».

— Я ничего не могу съ нимъ сдѣлать,—отвѣтилъ Тевій,—это такой негодяй, котораго я самъ боюсь. Вы знаете, онъ былъ однажды на меня сердитъ и, чтобы отомстить, перелѣзъ, ночью, въ мой садъ и подпилилъ всѣ молодыя деревья, яблони и груши, которыя я самъ сажалъ. Я потому-то и не пришелъ къ вамъ одинъ, а пригласилъ еще нѣсколькихъ; ихъ онъ скорѣе послушается, чѣмъ меня.

Я объяснилъ собравшимся все дѣло и прочелъ имъ прошеніе Іоськи. Почтенные евреи только головами покачивали, посылая по адресу жалобщика самые нелестные эпитеты. Рѣшено было послать за нимъ не медля, и дядя тотчасъ же отправился за своимъ племянникомъ и, къ общему удивленію, привелъ его не болѣе, какъ минутъ черезъ пять; оказалось, что Іоська, пронюхавъ какимъ-то путемъ, что ко мнѣ собрались евреи, и догадываясь, вѣроятно, въ чемъ дѣло, дожидался за угломъ моего дома. Дядя ввелъ его на дворъ и оставилъ въ сѣняхъ; евреи вышли къ нему на крыльцо и спросили его строгимъ тономъ:

— Ты, лáйдакъ, опять взялся за старое! задумалъ факторовать у господина судьи...

Іоська отвѣтилъ что-то по-еврейски, и затѣмъ весь дальнѣйшій разговоръ происходилъ у нихъ уже на этомъ языкѣ. Не прошло, впрочемъ, и четверти часа, какъ Тевій вошелъ ко мнѣ въ комнаты и сказалъ:

— Отдайте ему, господинъ судья, его прошеніе; онъ желаетъ взять его назадъ.

Я взялъ кляузу Іоськи и вынесъ ему; онъ, злобно сверкая на меня большими черными глазами, взялъ молча свое прошеніе и направился въ калитку.

Такимъ образомъ, и евреи города Хмѣльника оказали мнѣ, взаимно, большую услугу, избавивъ меня отъ дальнѣйшей возни и непріятностей съ прошеніемъ Іоськи К—ера.

Не прошло и недѣли со времени этого происшествія, какъ я, будучи въ Винницѣ, зашелъ къ нашему милому и доброму товарищу прокурора Д—скому и въ разговорѣ между прочимъ, началъ-было передавать ему о происшедшемъ у меня инцидентѣ съ Іоськой К—еромъ...

— Да, я это дѣло уже знаю, отвѣчалъ Д—скій; у меня, вотъ, лежатъ два анонимныхъ письма объ этомъ происшествіи съ вами.

— Вы, можетъ быть, уже и донесли?—спросилъ я его, совершенно смущенный тою скоростью, съ которой мои хмѣльникскіе благопріятели постарались рекламировать это вздорное и кляузное дѣло.

— Нѣтъ е щ е,—отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, если будете доносить объ этомъ, то, кстати, выслушайте уже и меня.

И я разсказалъ ему о гнусномъ предложеніи Іоськи.

Д—скій внимательно меня выслушалъ и затѣмъ показалъ мнѣ доносы. Одинъ изъ нихъ былъ написанъ очень безграмотно, очевидно самимъ Іоськой; другой же былъ составленъ въ смыслѣ настоящаго обвинительнаго акта: что я, за неснятіе, будто-бы, предо мною шапки, такъ сильно избилъ бѣднаго еврейчика, что даже поломалъ объ него свою палку, которую онъ, потерпѣвшій, и хранитъ-де теперь у себя, для представленія на судъ, какъ «corpus delicti». По латинской фразѣ и по нѣкоторымъ малороссійскимъ словамъ и оборотамъ рѣчи доноса я угадалъ его «автора», юриста, такъ неожиданно оставшагося не у дѣлъ въ Хмѣльникѣ.

Такой же точно доносъ былъ посланъ и въ министерство юстиціи. Впрочемъ, кромѣ досады, что по такимъ извѣтамъ требуютъ, отъ кого слѣдуетъ, «негласныхъ дознаній» и сообщеній, я не испыталъ тогда никакихъ другихъ непріятностей.

Когда, потомъ, заѣхалъ ко мнѣ, по пути въ Литинъ, на съѣздъ, М—ичъ, и я разсказалъ ему о доносахъ, то онъ нашелъ для меня довольно своеобразное утѣшеніе:

— Это еще цвѣточки, что́ на васъ написали. А вотъ на меня, напримѣръ, поступилъ недавно прямо къ министру «въ собственныя руки» доносъ, что я, будто-бы, во время разбора одного дѣла не только кричалъ и топалъ ногами на «защитника» (еврея), но даже притравливалъ его собакою-бульдогомъ, лежавшею подъ моимъ судейскимъ столомъ, которая и укусила его за ногу, а затѣмъ, окончательно выйдя изъ себя, я, будто бы, схватилъ со стѣны висѣвшее двухствольное охотничье ружье (это въ камерѣ-то!), взвелъ курки и прицѣлился въ жидка, съ крикомъ: «убью каналью!..» И вообразите себѣ, этакій-то нелѣпый вздоръ присылаютъ изъ министерства юстиціи прокурору, для «негласнаго разслѣдованія...»

Разговоръ этотъ мы вели съ М—ичемъ ѣдучи вмѣстѣ въ Литинъ на съѣздъ. Между прочимъ, онъ спросилъ меня:

— Вы не получили отъ судебнаго слѣдователя дѣла для склоненія сторонъ къ миру, а также и еще нѣсколько дѣлъ, подсудность которыхъ онъ находитъ спорною?

— Получилъ, отвѣтилъ я, и очень удивился: съ чего это вздумалось слѣдователю снабжать меня дѣлами, которыя лежали у него по полгода и болѣе.

— Не удивляйтесь этому, а радуйтесь; это означаетъ, что у насъ, въ Подольской губерніи, скоро будетъ-таки введенъ окружный судъ, такъ какъ слѣдователи, очевидно, ожидаютъ у себя ревизію. И затѣмъ М—ичъ сообщилъ довольно интересныя и совершенно незнакомыя мнѣ вещи: что судебные слѣдователи, избѣгая во время ревизіи ихъ камеръ излишнихъ и непріятныхъ объясненій съ начальствомъ по такимъ дѣламъ, которыя лежатъ у нихъ по-долгу безъ всякаго движенія, распихиваютъ ихъ куда только можно.

Такія «дѣла», направляемыя ко мнѣ «для склоненія сторонъ къ миру», бывали большею частью двухъ категорій—о тяжкихъ побояхъ и объ оскорбленіи родителей. Первыя дѣла были тождественны съ производящимися въ моей камерѣ, съ тою лишь разницею, что я разбиралъ легкіе побои, а у слѣдователей производились дѣла, т. е. слѣдствія, лишь по тяжкимъ побоямъ. По дѣламъ о побояхъ мнѣ очень рѣдко доводилось склонять стороны къ миру, такъ какъ для пьяницъ и драчуновъ весь интересъ заключался именно въ дальнѣйшемъ судбищѣ и въ финалѣ дѣла. Напротивъ, дѣла объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ дѣтьми своимъ родителямъ, заканчивались въ моей камерѣ очень часто полнѣйшимъ примиреніемъ; мнѣ какъ-то удавалось склонять обѣ стороны и вліять на нихъ: виновныхъ дѣтей я склонялъ къ покорности и испрошенію прощенія, а «отцовъ»—къ милосердію и прощенію виновныхъ чадъ своихъ.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

IV.

Жизнь въ Салтыкахъ.—Карточная игра.—Новые знакомые и друзья.—Религіозность отца.—Хоръ пѣвчихъ.—Духовникъ моего отца о. Капитонъ.—Праведная его кончина.

Въ началѣ своего пріѣзда въ Салтыки, отецъ зажилъ жизнью богатаго помѣщика того времени, съ разными затѣями и тратами. Какъ балованный ребенокъ, отчасти по молодости лѣтъ и своей неопытности, онъ вообразилъ, что къ нему всѣ сосѣди должны пріѣхать знакомиться и праздновать его пріѣздъ; но конечно онъ ошибся: тѣ порядочные люди, съ которыми ему полезно было бы познакомиться, не пріѣхали первые и ждали его визита, а вся дрянь уѣзда, узнавши, что богатый князь-дитя пріѣхалъ, и что можно около него поживиться—съѣхались поздравить съ пріѣздомъ «его сіятельство». Были затѣяны карточныя игры, и отецъ много проигрывалъ такимъ господамъ, съ которыхъ нечего было получить въ случаѣ выигрыша. Мать мою очень сердило, что отецъ весь день проводилъ за картами, и, несмотря на свою кротость, она высказала громко свое неудовольствіе.

— Охота тебѣ, мой другъ, сказала она, сидѣть весь день за картами и проигрывать!

Тогда любитель выигрышей обратился къ матери и сказалъ:

— Почему же вы думаете, княгиня, что князь не можетъ выиграть? Это зависитъ отъ счастья!

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ, 1897 г.

— А потому,—отвѣтила она, разсердившись еще болѣе,—что мужъ мой можетъ проиграть много, имѣя чѣмъ заплатить; въ случаѣ же выигрыша—ему нечего будетъ взять.

Отецъ мой въ ту минуту ничего не сказалъ, но когда его партнеръ уѣхалъ, онъ высказалъ женѣ своей, какъ ему было грустно, что она, такая кроткая и добрая, такъ жестоко обидѣла человѣка. На нѣкоторое время карты были оставлены; конечно, отецъ никогда ничего не выигралъ, а проигралъ 29.000 и тѣмъ закончилъ свою игру, такъ какъ онъ не умѣлъ и не любилъ играть; хотя иногда, но очень рѣдко возвращался къ ней.

Мать утомилась въ подобной компаніи, и вотъ они поѣхали знакомиться съ сосѣдями и въ томъ числѣ съ уважаемымъ семействомъ того края, Рахманиновыми, жившими отъ Салтыковъ въ 25-ти верстахъ въ селѣ Знаменскомъ. Аркадій Александровичъ Рахманиновъ былъ прекрасной души человѣкъ и великолѣпный піанистъ (ученикъ Фильда). Не мудрено, что съ перваго же визита отецъ мой сошелся съ Рахманиновымъ, а музыка еще болѣе скрѣпила ихъ дружбу. Варвара Васильевна, жена его, моя крестная мать, умная, живая, веселая, восторженная, горячо принимающаяся за все доброе и хорошее, по душѣ пришлась моей матери. Сестра ея, Марія Васильевна Павлова, старая дѣвица, не уступала ей въ хорошихъ качествахъ. Хозяйство, дѣти, ихъ образованіе было на ея попеченіи; она была необходимый человѣкъ для семьи своей сестры. Мать ихъ, Анна Михайловна Павлова, урожденная Соковнина, жившая также съ ними, была очень умная, сердечная и такая богомольная, что почти все время свое посвящала молитвѣ. Всѣ ее звали «Бабушей» и всѣ любили «Бабушу».

Вотъ въ этихъ трехъ женщинахъ мать моя нашла задушевныхъ и вѣрныхъ друзей. Онѣ также были преданные друзья и моего отца; онъ же всей полной своей душой привязался къ семьѣ Рахманиновыхъ, а въ особенности былъ друженъ съ Варварой Васильевной.

Когда же отецъ сталъ постарше и вышелъ изъ юношескихъ лѣтъ, онъ сталъ заниматься и дополнять свое образованіе, а главное пристрастился къ музыкѣ и сталъ серьезно ее изучать [1]). Поселившись окончательно въ деревнѣ, онъ заботился о нуждахъ своихъ крестьянъ; былъ, хотя строгъ, но простъ съ ними въ обращеніи и бывалъ у нихъ гостемъ. Не позволялъ никогда брать у нихъ лишняго рабочаго дня, кромѣ трехъ дней въ недѣлю. Если же бурмистры, безъ отца, заставляли лишній день работать крестьянъ, онъ, по возвращеніи, узнавъ объ этомъ, страшно сердился.

---

[1]) Со словъ горничной матери моей, Аграѳены Ивановны, 72-хъ-лѣтней старухи.

Ни бѣдные, ни больные никогда не бывали покинуты имъ или оставлены безъ помощи. Кто бы ни заболѣлъ, отецъ шелъ къ больному въ сопровожденіи подлѣкаря, своего же крѣпостнаго и, несмотря на то, что былъ мнителенъ, онъ все-таки бывалъ у заразно-больныхъ. Кормилъ онъ своихъ людей великолѣпно; на дворѣ было три людскихъ: пѣвческая, домашняя и дворовая; со всѣхъ людскихъ ежедневно, въ 12 часовъ, приносили обѣды на пробу отцу; если чего не хватало, онъ звалъ экономку, бурмистра и приказывалъ, чтобы недостачи не было ни въ чемъ. Нѣкоторые сосѣди говаривали отцу, что онъ балуетъ людей, и были этимъ недовольны, на что отецъ отвѣчалъ имъ: «Я живу для людей, а не для собакъ—у меня псарни нѣтъ!»

Когда же отецъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ, а потомъ губернскимъ, онъ также заботился о нуждахъ дворянъ и о дворянскихъ сиротахъ; у насъ въ домѣ всегда кто-нибудь воспитывался. Кромѣ того на свои средства онъ многихъ дѣтей, небогатыхъ дворянъ, воспитывалъ въ Тамбовскомъ институтѣ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и, давъ имъ воспитаніе, не покидалъ на произволъ судьбы.

Вотъ одинъ фактъ, разсказанный мнѣ очевидцами: сенаторомъ М. Н. Сазоновымъ и И. А. Сабуровымъ, который показываетъ, какъ отецъ мой умѣлъ не только быть добрымъ, но и внимательнымъ. Въ бытность свою тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ, отецъ былъ въ Петербургѣ, по дѣламъ службы, и вспомнилъ, что въ каждомъ учебномъ заведеніи, какъ-то: въ Правовѣдѣніи, въ Лицеѣ, въ корпусахъ, въ университетѣ, въ частныхъ пансіонахъ и т. д. есть дѣти тамбовскихъ дворянъ. Ему захотѣлось всѣхъ ихъ собрать къ себѣ, угостить по-русски и повеселить по-княжески. Съ этой цѣлью онъ объѣхалъ всѣ учебныя заведенія, былъ у всѣхъ директоровъ и просилъ отпустить къ нему молодежь изъ дворянъ Тамбовской губерніи къ обѣду и на весь вечеръ. Разрѣшеніе было получено, приглашеніе принято, и вся веселая, юная молодежь собралась къ 5-ти часамъ въ гостиницу Демутъ, гдѣ ожидалъ ихъ мой отецъ и директоръ Правовѣдѣнія, генералъ Языковъ, который также былъ изъ числа приглашенныхъ. Въ 6 часовъ былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, за которымъ на одномъ концѣ стола предсѣдательствовалъ мой отецъ, а на другомъ—Языковъ. Обѣдъ прошелъ оживленно и весело, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе были знакомы, всѣ съ родной стороны, а въ то время, какъ это было дорого! Разстоянія были большія, пути сообщенія трудные, всѣ были интерны, за малымъ исключеніемъ, и рѣдко приходилось видѣть кого-нибудь изъ своихъ Тамбовскихъ степей. Послѣ обѣда были поданы кареты, и вся юная толпа, опять подъ попечевіемъ генерала Языкова и моего отца, отправилась въ оперу, гдѣ и заняла весь бель-этажъ!

Но я немного отступила отъ жизни въ Салтыкахъ; итакъ, возвра-

щаюсь къ ней. Когда отецъ сталъ входить въ бытъ и жизнь крестьянъ, онъ съ ужасомъ узналъ, что рѣдкій крестьянинъ знаетъ молитвы, а о заповѣдяхъ почти и понятія не имѣютъ. Самъ онъ былъ очень религіозенъ. Тогда онъ потребовалъ, чтобы священники (ихъ было два) выучили не только молодыхъ и дѣтей, но и стариковъ молитвамъ и заповѣдямъ съ объясненіемъ и строго запретилъ вѣнчать прежде, чѣмъ невѣста и женихъ не будутъ знать твердо требуемыхъ молитвъ и заповѣдей. Началось поголовное ученье, а экзаменъ приходили сдавать къ отцу, который не допускалъ ошибокъ и отправлялъ опять къ священникамъ, если не твердо отвѣчали. Уѣхавъ, однажды, на продолжительное время изъ Салтыковъ, онъ поручилъ матери слѣдить за ученіемъ крестьянъ. Въ то время было двадцать паръ, которыя готовились къ вѣнцу; за обученіе ихъ мать моя особенно и принялась: невѣстъ взялась учить сама, а жениховъ поручила священнику. Между мужчинами было довольно грамотныхъ, но между женщинами, кажется, ни одной, и мать немало помучилась съ ними, объясняя имъ молитвы и заповѣди. заставляла учить со словъ, а все-таки къ блистательному результату не пришла. Несмотря на неудовлетворительный результатъ, она порѣшила, посовѣтовавшись со старикомъ-священникомъ отцомъ Капитономъ, что «довольно мучить жениховъ и невѣстъ и пора ихъ обвѣнчать! Безъ князя и такъ сойдетъ!» Обвѣнчали двадцать паръ, а князь тутъ, какъ тутъ!..

Мать моя, священники и двадцать паръ новобрачныхъ взволновались, въ ожиданіи, что скоро послѣдуетъ вопросъ князя—«хорошо ли выучили молитвы?» Такъ и случилось. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ отца было:

— Ну что, женихи и невѣсты хорошо ли знаютъ молитвы?

Отвѣтъ матери послѣдовалъ нерѣшительный:

— Знаютъ... и они ужь обвѣнчаны!..

На другой день были позваны новобрачные, и экзаменъ начался. Оробѣли молодые, смутились и малое свое знаніе забыли... Отецъ, недовольный экзаменомъ, приказалъ бабамъ идти на половину княгини и оставаться тамъ, пока всего не выучатъ, что̀ задано было, а мужиковъ доучивать оставилъ у себя, и только тогда обѣщалъ отпустить ихъ къ женамъ, когда хорошо будутъ отвѣчать молитвы и заповѣди. Черезъ нѣсколько дней экзаменъ повторился, былъ выдержанъ, и довольныя молодыя парочки ушли по своимъ домамъ.

Отецъ и мать говѣли всегда вмѣстѣ, два раза въ продолженіе Великаго поста, и если они были въ Салтыкахъ—выписывали изъ Тамбова отца Нила, который цѣлую недѣлю жилъ въ имѣніи, ведя съ отцомъ религіозную бесѣду и исповѣдуя его чуть не каждый день. Передъ причастіемъ отецъ и мать кланялись народу, прося у всѣхъ прощенія.

Князь всегда со слезами приступалъ къ причастію Святыхъ Тайнъ, и говорятъ, что онъ дѣлалъ такое впечатлѣніе своимъ искреннимъ чувствомъ, что нѣкоторые, глядя на него, плакали съ нимъ. Онъ очень любилъ Псалтырь и часто заставлялъ одного изъ своихъ пѣвчихъ читать его ему; иногда онъ слушалъ лежа, съ закрытыми глазами и, казалось, засыпалъ; тогда пѣвчій переставалъ читать, но отецъ не спалъ и заставлялъ продолжать чтеніе.

На Пасхѣ народъ, приложившись къ образамъ и похристосовавшись съ причтомъ, поголовно весь христосовался со своимъ княземъ и княгинею, цѣлуя ихъ непремѣнно по три раза. На другой же день почти все село, то-есть старшіе изъ каждой семьи, приходили на барскій дворъ, гдѣ если была ясная погода, на раскинутыхъ столахъ было приготовлено пасхальное угощенье, а если было холодно, то то же самое происходило въ комнатахъ господскаго дома, и тогда отецъ ставилъ меня, трехлѣтнюю дѣвочку, на столъ, и я обходила и христосовалась со всѣми бородатыми мужичками, которые ласково и любовно смотрѣли на меня и опускали въ мой фартучекъ красненькія яички... Отецъ садился самъ за столъ, гдѣ сидѣли мужики, а за столомъ, гдѣ были бабы, садилась мать; тутъ же присутствовало и все духовенство, со своими семьями; приборовъ ни для кого не полагалось, чтобы не отличаться отъ крестьянъ, и горячее ѣли изъ чашекъ, деревянными ложками, а остальное—руками.

На третій день Свѣтлаго праздника молодые супруги отправлялись въ гости къ тѣмъ мужикамъ, которые ихъ звали къ себѣ [1]).

Князь самъ былъ церковнымъ старостой и всегда ходилъ съ колокольчикомъ по церкви, долго звоня передъ тѣми, которые не желали положить въ кошелекъ, конечно, онъ это дѣлалъ только съ тѣми, которые завѣдомо могли дать и съ тѣми еще, которые любили выпивать. Однажды у Рахманиновыхъ въ церкви, гдѣ хозяинъ также былъ старостой и также ходилъ съ колокольчикомъ, у моего отца въ карманѣ ничего не оказалось. Рахманиновъ, зная его привычу, хотѣлъ и съ другомъ сыграть штуку: видя, что онъ шаритъ по карманамъ, досадуетъ и ничего не находитъ, Аркадій Александровичъ съ торжествующимъ видомъ стоялъ передъ нимъ, звонилъ и шепотомъ говорилъ: «что, другъ, попался!» Но отецъ не долго задумался и, не найдя денегъ въ карманахъ, вынулъ свои великолѣпные часы съ цѣпочкой и положилъ въ кошелекъ. Послѣ обѣдни Арка-

---

[1]) Всѣ эти мелкія подробности пишу со словъ бывшей горничной моей матери, Аграѳены Ивановны, 73-хъ-лѣтней старухи; она была взята въ услуженіе 13-ти лѣтъ, а матери было 14 лѣтъ, и маленькая Груша выросла со своей госпожей и послѣдовала за ней въ Салтыки, гдѣ и превратилась, подъ старость, въ уважаемую Аграѳену Ивановну.

дій Александровичъ Рахманиновъ хотѣлъ вернуть часы, говоря отцу, что онъ съ нимъ пошутилъ, но тотъ, конечно, назадъ ихъ не взялъ, хотя послѣ самъ же выкупилъ ихъ за очень дорогую цѣну, во всякомъ случаѣ не меньше, если не больше стоимости часовъ.

Я иногда также вмѣстѣ съ отцомъ ходила по церкви съ колокольчикомъ и шла впереди, а онъ сзади меня.

Чуднымъ своимъ хоромъ, въ церкви, отецъ всегда управлялъ самъ и даже утрени не просыпалъ, отправляясь къ ней съ своими пѣвчими.

Онъ съ дѣтства любилъ музыку, хотя тогда совсѣмъ не зналъ ея.

Бывши еще мальчикомъ, убѣгалъ онъ изъ корпуса къ своей бабушкѣ, княгинѣ Голицыной, чтобы послушать игру въ то время жившей у нея одной очень хорошей музыкантши.

Конечно онъ пугалъ всѣхъ своимъ появленіемъ въ неурочный часъ.

Всѣ упрашивали его возвратиться въ корпусъ, но онъ соглашался вернуться только тогда, когда ему, по его выбору, дѣвица-музыкантша сыграетъ любимую его пьесу и когда бабушка пообѣщаетъ сама отвезти его въ корпусъ.

Мать моя мнѣ разсказывала, что на пятый день послѣ ихъ свадьбы былъ въ Харьковѣ концертъ Дрейшока, извѣстнаго въ то время піаниста, и отецъ, вернувшись оттуда въ восторгѣ отъ всего слышаннаго, сѣлъ за фортепіано и до 8 ч. утра проигралъ по слуху все, что слышалъ. Когда онъ женился и поселился въ Салтыкахъ, онъ принялся серьезно изучать теорію музыки и хоровое пѣніе.

Рѣдкія способности и страсть къ музыкѣ подвинули его быстро и изъ любителя сдѣлали серьезнаго музыканта, до тонкости знающаго свое дѣло. Бывши холостымъ онъ содержалъ въ Харьковѣ свой хоръ изъ 30 человѣкъ. Потомъ въ Салтыкахъ онъ составилъ небольшой хоръ изъ женскихъ голосовъ; еще попозднѣе онъ собралъ настоящій большой хоръ изъ мужскихъ и дѣтскихъ голосовъ въ 150 человѣкъ; этотъ то хоръ былъ извѣстенъ не только въ нашихъ столицахъ, но и за границей, куда онъ съ нимъ путешествовалъ [1]).

---

[1]) Вотъ что напечатано было во Всемірномъ лексиконѣ современниковъ, содержащемъ біографіи всѣхъ знаменитыхъ людей Франціи и другихъ странъ, составленномъ Г. Ваперо.

«Голицынъ (Юрій, князь) русскій композиторъ и администраторъ; родился въ С.-Петербургѣ 1823 года, принадлежитъ къ очень древнему роду, знаменитые представители котораго были: князь Салтыковъ и князь Михайло Голицынъ. Отецъ его князь Николай Голицынъ, которому Бетховенъ посвятилъ всѣ свои послѣднія произведенія, былъ музыкантъ и знаменитый віолончелистъ. Князь Юрій Голицынъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ; по окончаніи курса, онъ уѣхалъ въ Германію доканчивать свое образованіе. Противно традиціямъ русской аристократіи, онъ предпочелъ административную карьеру военной и отдался совершенно изученію музыки, которую очень лю-

Въ Салтыкахъ была выстроена громадная зала въ два свѣта съ хорами, спеціально для пѣвчихъ. Резонансъ былъ такой сильный, что бѣжишь бывало по залѣ къ отцу, на его половину, прощаться или здороваться съ нимъ, а сердце такъ и замираетъ, такъ и кажется, что кто-то гонится, а это эхо моихъ маленькихъ шаговъ разносилось по залѣ!....

И вотъ въ этой залѣ отецъ самъ училъ каждаго мальчика-мужичка, и въ этой залѣ разлетались дивные звуки иногда церковнаго пѣнія, иногда русскіе задушевные мотивы, которые онъ такъ любилъ.

Отецъ первый заинтересовалъ русскую публику народными пѣснями, которыя такъ чудно исполнялъ хоръ, подъ его управленіемъ. Онъ такъ воодушевлялся при русскихъ звукахъ, что невольно заставлялъ публику увлекаться вмѣстѣ съ нимъ и любить русскія пѣсни, заунывныя и плясовыя—ухарскія!

Послѣ него были послѣдователи подобныхъ хоровъ, но кто слышалъ хоръ кн. Голицына, тотъ безпристрастно скажетъ, что онъ былъ выше по стройности, и управляемый его магической палочкой, — онъ пѣлъ какъ одна душа! Хористы ловили не только движеніе управляющей ими руки, но даже выраженіе его глазъ, которые у него всегда были зеркаломъ души.

Крѣпостной его хоръ сознательно пѣлъ хорошо. Каждый мальчикъ понималъ, что́ поетъ; они такъ хорошо знали звуки каждой ноты, что никто изъ нихъ никогда не ошибался.

Будучи страшно вспыльчивъ, отецъ приходилъ въ сильное раздраженіе на того, кто тревожилъ его музыкальное ухо фальшивою нотою, но при томъ онъ только шумѣлъ. Когда же бывало за какой-нибудь гадкій проступокъ онъ, въ пылу негодованія, сердился и шумѣлъ, мама прибѣгала усмирять его, и когда онъ разгоряченный не слы-

---

билъ. Онъ устроилъ въ своемъ домѣ постоянный квартетъ изъ струнныхъ инструментовъ и капеллу, надъ усовершенствованіемъ которой онъ трудился болѣе 17 лѣтъ и изъ нея впослѣдствіи вышли самые лучшіе хористы Европы.

„Въ Германіи онъ самъ управлялъ своими концертами, составленными всегда изъ его собственной музыки и музыки его соотечественника—Глинки.

„Онъ былъ въ Англіи, въ Шотландіи и въ Ирландіи, знакомя и заставляя цѣнить русскую музыку; живя своимъ талантомъ онъ энергіей своей и силой того-же таланта преодолѣвалъ всѣ препятствія нравственныя и матеріальныя. Дирижируя концертами, извѣстными подъ именемъ „Princess Golitzin concerts“, онъ сочинилъ много вещей, между которыми были: 1) обѣдня на fa, 2) обѣдня на ut, 3) 18 романсовъ или балладъ, 4) 2 фантазіи для оркестра, 5) соло для флейты, корнетъ-а-пистона и для гобоя, 6) болѣе двадцати пьесъ для танцевъ, для хоровъ, дуэты, тріо и наконецъ двѣ методы пѣнія, изъ которыхъ одна съ экзерсисами для хора изъ 4 голосовъ. Онъ началъ писать оперу подъ заглавіемъ: „Эмансипація рабовъ“, которую принужденъ былъ оставить. Это были либеральныя идеи князя, вызвавшія неудовольствіе на него правительства“.

шалъ ея, громко повторяла слова: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

Когда эти слова доходили наконецъ до слуха отца, онъ стихалъ.... Иногда разсмѣется и поцѣлуетъ жену свою, если не успѣлъ обидѣть виновнаго; если же обидѣлъ его, то уходилъ въ свой кабинетъ, мрачный, недовольный и тамъ плакалъ.... Если же онъ увидитъ, что напрасно сердился, что вина не такъ велика, то всегда позоветъ пострадавшаго и попроситъ у него чистосердечно прощенія и наградитъ чѣмъ нибудь. Когда отецъ пылилъ, то всегда кто нибудь бѣжалъ за стакаиомъ воды и подавалъ ему;—это было его приказаніе, такъ что иногда съ нѣсколькихъ сторонъ сбѣгались съ водой, чтобы скорѣе дать выпить и тѣмъ успокоить своего добраго, но вспыльчиваго князя.

Разсказывая объ отцѣ, я не могу умолчать о человѣкѣ, имѣвшемъ на него большое вліяніе,—его духовникѣ, старшемъ священникѣ с. Салтыковъ, и его праведной кончинѣ. Старикъ-священникъ, отецъ Капитонъ отличался прямодушіемъ, строгой жизнью и добрымъ сердцемъ, хотя съ виду онъ былъ мрачный, глядѣлъ какъ-то исподлобья, и разговоръ его былъ довольно грубоватъ. Не стѣсняясь, онъ говорилъ въ глаза правду, и за эту-то правду отецъ мой глубоко уважалъ его и душевно любилъ. Онъ былъ строгъ по отношенію къ нравственности и упрекалъ отца за его сердечныя увлеченія, порицая ихъ.

Когда отецъ Капитонъ собрался умирать, отецъ въ Салтыкахъ уже не жилъ и случайно пріѣхалъ туда, на нѣсколько дней, какъ будто для того только, чтобы закрыть глаза своему духовнику и получить его благословеніе. Я сказала «собрался умирать»—это именно такъ и было: предчувствуя свою кончину, онъ сознательно и съ полной увѣренностью готовился къ ней; собралъ всѣхъ дѣтей, которыя, не видя въ немъ никакой болѣзни, кромѣ его старости, недоумѣвали и съ недовѣріемъ слушали его предсмертныя распоряженія, надѣясь, что онъ ошибается въ своихъ предчувствіяхъ. Первое распоряженіе было: заказать себѣ самый простой, деревянный гробъ, ничѣмъ не обитый и даже не окрашенный, потомъ сталъ распоряжаться обѣдомъ для своихъ гостей, которыхъ звалъ на свои похороны; заказалъ даже кутью и вспомнилъ, кто какую любитъ: для отца Николая (2-й священникъ с. Салтыковъ), который не ѣлъ кутьи съ медомъ, велѣлъ сдѣлать съ сахаромъ,—больше всего заботился объ обѣдѣ для нищихъ и крестьянъ.

Распорядившись всѣмъ по дому, благословивъ дѣтей, онъ пожелалъ непремѣнно видѣть моего отца и сказалъ, чтобы скорѣе посылали за княземъ, такъ какъ чувствуетъ приближеніе смерти. Дѣти его все не вѣрили, удивлялись и говорили между собой: «Что такое дѣлается съ отцомъ нашимъ?» Но за княземъ все-таки послали и всѣ приказанія и желанія старика исполняли. Наконецъ отецъ Капитонъ подозвалъ къ

себѣ сына, тоже священника, велѣлъ ему облачиться и его облачить «на смерть», пріобщить Святыхъ Таинъ и читать отходную...

Когда отецъ мой пріѣхалъ—отецъ Капитонъ обрадовался и сказалъ ему: «что же ты, братъ?! я жду тебя, не могу безъ тебя умирать, хочу, чтобы ты закрылъ мнѣ глаза!..» Пораженный такъ же, какъ и дѣти священника, но такъ же, какъ и они, повинуясь старику—отецъ мой сталъ передъ нимъ на колѣни; тогда отецъ Капитонъ велѣлъ выйти всѣмъ изъ комнаты и довольно долго бесѣдовалъ съ отцомъ, который, заливался слезами...

Когда бесѣда была окончена, отецъ Капитонъ постучалъ своимъ костылемъ и, подозвавъ къ себѣ сына, сказалъ: «что же ты не надѣлъ на меня скуфью?» И когда сынъ въ томъ же недоумѣніи, видя отца своего сидящимъ по обыкновенію и говорившимъ такъ твердо, надѣвалъ ему скуфью — отецъ Капитонъ твердо и спокойно сказалъ: «Ну теперь кладите меня, дайте крестъ и евангеліе—я готовъ...» и съ этими словами заснулъ вѣчнымъ сномъ. Отецъ мой не отходилъ отъ праведнаго старика, положилъ его и, закрывъ ему глаза, проливалъ горючія слезы по своемъ духовникѣ и другѣ.

V.

Жизнь въ Петербургѣ и Москвѣ.—Расточительность отца.—Празднованіе совершеннолѣтія князя Юрія.—Мое рожденіе.—Поѣздка съ отцомъ въ Петербургъ.—Предводительство въ Тамбовѣ.—Провинціальная жизнь.—Конокрадъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы отецъ повезъ свою молодую жену въ Петербургъ знакомить и представить всѣмъ роднымъ, которые приняли ее ласково, и на которыхъ она сдѣлала самое пріятное впечатлѣніе. Больше всѣхъ полюбила ее Татьяна Борисовна Потемкина (родная тетка отца), которая впослѣдствіи помогала ей и словомъ, и дѣломъ.

Скоро визиты надоѣли отцу, онъ предпочелъ веселую компанію артистовъ и ихъ музыку; поэтому часто отправлялъ жену одну къ кому-нибудь изъ родственниковъ. По его желанію она должна была ѣхать въ первый разъ въ пріемный день къ княгинѣ Долгоруковой (женѣ князя Василія Андреевича). Мать моя вошла въ гостиную, конфузясь, и при вопросѣ княгини Долгоруковой: «Quelle princesse Golitzine êtes vous?» [1]) отвѣтила:

— Je suis la femme de Georges Golitzine [2]).

---

1) Какого князя Голицына супруга вы?

2) Я жена Георгія Голицына.

Тогда хозяйка пригласила ее сѣсть, а сама продолжала оживленный разговоръ съ своей гостьей. Разговоръ длился довольно долго, мать сидѣла и молчала; потомъ онѣ встали и пошли разсматривать картины и портреты.

Мать моя все сидѣла и молчала... Наконецъ, негодуя за такой пріемъ, она встала и, раскланявшись съ нелюбезной хозяйкой, вышла. Оттуда отправилась къ своей тетушкѣ, Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, и въ живыхъ краскахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, описала свой визитъ къ княгинѣ Долгоруковой. Татьяна Борисовна недоумѣвала и не понимала причину, почему мать моя была такъ нелюбезно принята. Вскорѣ дѣло разъяснилось. Татьяна Борисовна отправилась пожурить княгиню Долгорукову за то, что она такъ непривѣтливо обошлась съ молодой женщиной, вступившей только въ ихъ семью; княгиня Долгорукова пришла въ отчаяніе, узнавъ, что жену «Юрки» Голицына она приняла такъ холодно, нелюбезно и воскликнула:

— Если-бъ она сказала мнѣ, что она жена Юрки, а то говоритъ— je suis la femme de Georges Golitzine!

Послѣ этого она загладила свой пріемъ и была всегда добра къ моей матери, которая ее полюбила.

Спустя два года, молодые супруги поѣхали въ Москву на три мѣсяца. Взяли они съ собой большую свиту: двухъ ливрейныхъ лакеевъ, камердинера, парикмахера, жокея, обойщика для выбора мебели въ Салтыки, регента для выбора голосовъ, повара-француза, къ нему поваренка, горничную и экономку; 16 лошадей, при нихъ три кучера, пять подводъ, при нихъ нѣсколько мужиковъ; также были взяты двѣ кареты, сани троичныя и одиночныя. Все это остановилось въ гостиницѣ «Chevalier». Можно себѣ представить, какіе счеты представлялись «его сіятельству» за продовольствіе и квартиру всей этой компаніи! Экономка приходила въ ужасъ отъ подобныхъ расходовъ и ходила къ моей матери охать и вздыхать о томъ, что нельзя же кормить людей обѣдами изъ гостиницы. Но не скоро жалобы экономки увѣнчались успѣхомъ, а деньги все сыпались да сыпались изъ кармана молодой неопытной четы. Мать моя не могла много выѣзжать и больше сидѣла дома или проводила время у своей двоюродной сестры, Маріи Павловны Звегинцевой, рожденной Черепановой, отецъ же много выѣзжалъ, очаровывалъ московскихъ дамъ и веселился веселостью молодости. Онъ постоянно окруженъ былъ артистами и, пользуясь ихъ музыкой, часто угощалъ ихъ обѣдами и ужинами. Въ то время была въ Москвѣ знаменитая пѣвица Альбани, которая пріѣзжала пѣть экзерсисы въ залу гостиницы, занимаемой матерью и отцомъ. На ея концертъ отецъ взялъ 200 билетовъ по 5-ти рублей. Въ этомъ концертѣ мать моя познакомилась съ московскимъ обществомъ и, благодаря его гостепріимству, стала

проводить время пріятнѣе. Маскарады были тогда въ большой модѣ, и многія дамы изъ высшаго круга ѣздили въ домино интриговать своихъ знакомыхъ. Отецъ, конечно, всегда бывалъ тамъ. Широкая жизнь скоро разстроила карманъ. Настало время уѣзжать изъ Москвы, и пришлось расплачиваться брильянтами, серебромъ и даже экипажами. Мать уѣхала одна; отецъ долженъ былъ выѣхать вскорѣ послѣ нея, но у него случилась исторія съ графомъ С—ъ, кончившаяся дуэлью. Мать ничего объ этомъ не знала, каждый день ждала отца, каждый день ѣздила къ нему на встрѣчу; начала встрѣчать въ саняхъ, а кончила на колесахъ. Наконецъ, не вытерпѣвъ, въ маѣ поѣхала выручать мужа въ Москву, но, не доѣхавъ до Козлова, встрѣтила его больнаго и разстроеннаго.

Черезъ два года послѣ женитьбы, отецъ праздновалъ свое совершеннолѣтіе въ Салтыкахъ. Нелюбившій благую середину, онъ хотѣлъ устроить настоящій пиръ-горой. Накупили разнаго рода угощенія, множество ящиковъ съ винами, пригласили оркестръ для танцевъ, и гостей съѣхалось многое-множество. Такъ какъ въ провинціи обыкновенно бываетъ, что меньшая часть кавалеровъ предпочиваетъ дамское общество, то всѣ гости и раздѣлились на дамскую и мужскую компанію. За обѣдъ усѣлись такимъ же образомъ и даже въ разныхъ комнатахъ. Не стѣсненные дамами и строгими взглядами женъ, почти всѣ господа мужчины очень повеселѣли. Послѣ обѣда нѣкоторые мужья пришли цѣловаться съ женами, но другая компанія, не сентиментальнаго свойства, осталась на мужской половинѣ, и вдругъ дамы услышали споръ, потомъ крикъ, потомъ потасовку, а затѣмъ слова князя: «вонъ изъ моего дома».— Таковы были нравы тогдашняго провинціальнаго общества!

Въ 1844 году, 15-го сентября, родился въ Салтыкахъ мой братъ Евгеній, а черезъ годъ—братъ Юрій, умершій 4-хъ лѣтъ.

Отецъ очень желалъ имѣть дочь и, на радость ему, въ 1850 году появилась я на свѣтъ. Онъ такъ былъ обрадованъ моимъ рожденіемъ, что не хотѣлъ даже вѣрить своему счастью. Имя Елена онъ далъ мнѣ въ память обожаемой своей матери, и это имя прибавило еще болѣе прелести, въ его глазахъ, новорожденной дѣвочкѣ.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ воспоминаній дѣтства была моя поѣздка съ отцомъ въ Петербургъ. Мама поѣхала туда опредѣлять брата Евгенія, а отецъ оставался съ нами въ Салтыкахъ. Однажды за обѣдомъ онъ говоритъ мнѣ: «Леля, мы сейчасъ съ тобой поѣдемъ за мамою въ Петербургъ!» Помню, что я попросила взять няню, но отецъ строго сказалъ, что я поѣду съ нимъ одна и няни не нужно; это было зимой. Одѣли меня, посадили въ возокъ рядомъ съ отцомъ, и мы поѣхали. Помню какъ ухаживалъ онъ за мной, какъ дорогой держалъ на своихъ рукахъ, какъ умывалъ и одѣвалъ меня самъ.

Изъ петербургскихъ воспоминаній у меня осталось въ памяти одно: лицо и фигура государя Николая Павловича. Была я разъ у дѣтей принца Ольденбургскаго, и во время нашей игры показался въ дверяхъ громаднаго роста красавецъ-мужчина въ военной формѣ; тутъ кто-то сказалъ: «Государь!» Дѣти всѣ бросились къ нему, а я осталась, какъ прикованная къ своему мѣсту, и дальше я ничего не помню...

Отецъ визиты безъ меня не дѣлалъ, заказалъ мнѣ мйкроскопическія карточки, и такъ какъ я была на него похожа, онъ съ гордостью меня показывалъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, отца съ громадными овaціями выбрали въ тамбовскіе губернскіе предводители. Вскорѣ послѣ этого императоръ Николай пожаловалъ его званіемъ камергера «не въ примѣръ другимъ».

Въ Тамбовѣ отецъ купилъ домъ, и большую часть времени мы жили въ немъ. Въ то время губернскіе города зимою наполнялись помѣщиками, жившими очень весело.

Разъ въ недѣлю у насъ танцовали. Я съ сестрой Соней также были допускаемы на эти балы, и я хорошо себя помню въ бальномъ туалетѣ: у меня было бѣлое тарлатановое платье и бѣлые атласные ботинки, а у Сони—такой же туалетъ, только розовый. Помню отца, танцующаго со мной, и себя, поднимающуюся на цыпочки, чтобы достать его руки. Другой кавалеръ мой былъ Ал. Ис. Араповъ, немного можетъ быть ниже моего отца; но наконецъ, напрыгавшись вдоволь съ своими кавалерами, я, усталая отъ шума и свѣта, прикладывалась къ плечу отца и подъ бальную музыку засыпала и просыпалась уже на верху, въ дѣтской въ ту минуту, когда няня принимала меня изъ рукъ отца....

Отецъ былъ любимъ въ Тамбовѣ, но съ горячимъ и слишкомъ прямымъ характеромъ мудрено было не имѣть и враговъ. Кромѣ того разными выходками, которыя другимъ и въ голову не придутъ, онъ пріобрѣталъ себѣ недоброжелателей. Такъ, напримѣръ: въ то время дворяне гордились своимъ сословіемъ, держа себя съ достоинствомъ, и панибратства съ другими не было, особенно при оффиціальныхъ пріемахъ. Отецъ не былъ гордъ—ни въ душѣ, ни по мыслямъ,—но всегда сохранялъ свое достоинство и былъ настоящимъ дворяниномъ и княземъ. Принимая однажды у себя, какъ губернскій предводитель дворянства, по какимъ-то дѣламъ, нѣсколькихъ купцовъ и воронежскаго разбогатѣвшаго откупщика Кр...ва, который, думая, что съ богатствомъ онъ пріобрѣлъ все на свѣтѣ, не дождавшись, что князь Голицынъ протянетъ ему руку, самъ первый подалъ ему свою,—тогда отецъ мой живо нашелся: вынулъ изъ кармана портмонэ и вмѣсто руки своей вложилъ ему, въ протянутую руку, рублевую бумажку. Еще другой случай, гдѣ онъ наказалъ одного господина, который хотѣлъ неправильно

стащить съ него извѣстную сумму, которую на самомъ дѣлѣ онъ не былъ долженъ: г-нъ Б. считалъ за моимъ отцомъ долгъ въ 1,500 руб., отецъ-же не признавалъ его, но не желая, чтобы Б. думалъ, что онъ жалѣетъ эти 1,500 р. и только поэтому не отдаетъ ихъ ему, отецъ рѣшилъ послать ему эту сумму, но предварительно выжегъ всѣ номера кредитныхъ бумажекъ.

Лѣто мы проводили въ Салтыкахъ, откуда мама ходила иногда пѣшкомъ въ Воронежъ на богомолье; ей тамъ очень нравилась мѣстность, и отецъ для нея купилъ дачу подъ названіемъ «Отрада», которая находилась въ лѣсу на берегу рѣки, и оттуда открывался великолѣпный видъ на Воронежъ. Иногда они проводили тамъ лѣто, хотя жить было и не безопасно: поговаривали о разбойникахъ и слышались иногда страшные звуки, свистъ и не разъ видѣли подозрительныхъ лицъ, но ихъ они не трогали; думали, что оберегалъ ихъ бывшій товарищъ разбойниковъ (изъ крѣпостныхъ отца), котораго мама направила на истинный путь, и не позволялъ имъ тревожить своихъ господъ. Вотъ исторія этого мужика: фамилія его была Прусовъ; многіе изъ крестьянъ подозрѣвали его въ конокрадствѣ, но до поры до времени ему удавалось скрывать свои похожденія. Только разъ поймали его на мѣстѣ преступленія и привели къ отцу. Онъ началъ допрашивать его лично, но тотъ не сознавался и нахальнымъ образомъ увѣрялъ и клялся, что онъ не виноватъ. Тогда отецъ велѣлъ посадить его на хлѣбъ и на воду, рѣшилъ забрить его въ солдаты, если не сознается, но никакія угрозы не него не подѣйствовали,—онъ продолжалъ упрямиться. Мать моя каждый день уговаривала его сознаться въ своемъ проступкѣ и наконецъ ей удалось этого закаленнаго человѣка привести къ истинному раскаянію: онъ во всемъ сознался. Тогда отецъ приказалъ ему говѣть, а мать моя упросила не отдавать его въ солдаты, а взять на конюшню убирать ея лошадей, чтобы онъ всегда былъ на ея глазахъ, и чтобы она могла чаще его вразумлять и учить добру. Добро всегда трогаетъ человѣка, и Прусовъ сдѣлался примѣрнымъ, трудолюбивымъ мужикомъ.

Однажды матери моей куда-то нужно было ѣхать довольно далеко. Отца дома не было, и кучера всѣ были въ разгонѣ. Она приказала Прусову заложить тройку и поѣхала съ нимъ, не взявъ даже лакея съ собой (она любила это дѣлать). Въ дорогѣ на нее вдругъ напалъ страхъ, что она ѣдетъ одна съ бывшимъ конокрадомъ, и по своей живости сказала ему:

— А что, Прусовъ, вдругъ лошадки мои тебѣ такъ понравятся, что захочется ихъ имѣть, и ты меня убьешь, свалишь въ лѣсу, а ихъ уведешь!?

Прусовъ, услыхавъ эти слова, заплакалъ.

— Неужели, матушка,—сказалъ онъ,—вы думаете, что я могу забыть то, что вы сдѣлали для меня! Вѣдь по вашей милости я человѣкомъ сталъ, и вы душу спасли.

Какая награда можетъ быть выше подобнаго отвѣта!

VI.

Кончина императора Николая I и вліяніе ея на кн. Ю. Н. Голицына. — Поступленіе въ ополченіе.— Служба въ Крыму.—Упраздненіе хора пѣвчихъ.— Жизнь въ деревнѣ въ немилости.

Россія облеклась въ трауръ: не стало императора Николая Павловича! Закрылись его свѣтлыя очи.... Перестало биться его благородное, рыцарское сердце....

Ходили слухи въ высшихъ сферахъ, что императоръ, умирая, завѣщалъ сыну своему, наслѣднику престола, освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и миръ съ врагами.... Умы взволновались въ ожиданіи, что-то будетъ?.. Настало новое царствованіе, и съ нимъ выступили на сцену новые люди, новые порядки и перемѣны колоссальныя....

Обыкновенно каждое поколѣніе на склонѣ лѣтъ хвалитъ свое и вспоминаетъ прошедшее съ любовью, но тогдашнее общество съ какимъ-то ожесточеніемъ отрекалось и бросало все старое, не оставляя даже хорошаго изъ своего былаго, жадно хватаясь за все новое.... Были скептики, которые грустно покачивали головой, слыша проклятіе новыхъ людей, сыпавшееся на старое время, и надежду ихъ, возлагаемую на новое; они со страхомъ смотрѣли, какъ все быстро, чуть не въ карьеръ и безъ узды, неслось впередъ и впередъ...

Я очень живо помню моментъ, когда въ Салтыкахъ получили извѣстіе о кончинѣ императора Николая. Слезы матери моей, при чтеніи эстафеты съ печальной вѣстью, слезы всей прислуги, собравшейся въ домѣ, чтобы лично узнать подробности отъ «самой княгини»,— все это врѣзалось въ моей памяти. Няня тотчасъ же подвела меня къ кіоту съ образами, поставила на колѣни, сама стала около и велѣла повторять за ней: «упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего императора Николая гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, ни воздыханій, но жизнь безконечная». Я тогда не могла еще дать себѣ отчета, что такое смерть, что значатъ тѣ слова, которыя я повторяла за няней, но все-таки по-своему понимала, что смерть это что-то страшное!...

«Вчера мы принесли сюда тѣло нашего покойнаго государя, писалъ отецъ В. В. Р—вой, изъ Петропавловской крѣпости, и сегодня я уже опять при немъ дежурный; желая хотя немного въ эту печальную минуту съ вами, мой другъ, побесѣдовать, я попросилъ у коменданта листъ бумаги, карандашъ и отправился въ алтарь—написать вамъ эти строки. Чтобы дать вамъ точное понятіе о нравственномъ моемъ состояніи, я считаю достаточнымъ передать вамъ только то, что я видѣлъ въ эти сутки и чувствовалъ; сегодняшняя панихида была для меня совершеннѣйшая пытка: стоя во время всей службы (т. е. обѣдни и панихиды) у гроба, въ двухъ шагахъ противъ меня стоялъ императоръ Александръ; глубокое горе сына, состояніе супруги, печаль всего семейства, великолѣпная служба, дивное пѣніе—все это вмѣстѣ до того меня разстроило, что я съ трудомъ могъ все время службы выстоять. Тутъ не только мы—православные были тронуты, но и пріѣзжіе принцы (нѣмцы) плакали.

«Представьте себѣ, мой другъ, что по окончаніи службы, въ то самое время какъ государь поклонялся гробу, съ верхняго яруса, иконостаса, упалъ рѣзной Ангелъ и разбился въ дребезги; всѣ такъ испуганы были, что каждый невольно перекрестился. Здѣсь много страннаго происходитъ, но объ этомъ не только писать, но и говорить не хочется. Вечеромъ тоже панихида и тѣ же ощущенія, и какъ на бѣду мою меня всякій день куда-нибудь пырнутъ: завтра я дежурный при императрицѣ; послѣ-завтра опять въ крѣпости, а въ день погребенія—при вдовствующей императрицѣ».

«Все кончено!—писалъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 5-го марта 1855 г., послѣдній долгъ отдали мы нашему великому государю! Описывать вамъ, мой другъ, не въ состояніи: я двое сутокъ не выѣзжалъ изъ крѣпости, не ложился спать и даже не раздѣвался. Сейчасъ мы отвезли регаліи въ Зимній дворецъ, а на завтра меня нарядили въ Москву съ экстреннымъ поѣздомъ—ассистентомъ при регаліяхъ, но я думаю отказаться, ибо я такъ простудился вчера, бывъ въ толпѣ стиснутъ, у Невскихъ воротъ, въ продолженіе двухъ часовъ, что потерялъ шинель и все время стоялъ въ одномъ мундирѣ. Я послѣдній былъ его камергеръ и послѣдній долгъ ему послѣдній отдалъ»....

Съ кончиною императора Николая, отецъ мой потерялъ очень много, такъ какъ государь любилъ его еще съ Пажескаго корпуса, былъ его покровителемъ, не забывая правдиваго и откровеннаго «Юрку Голицына».

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II интриги противъ отца съ каждымъ днемъ усиливались, и хотя губернаторъ былъ переведенъ изъ Тамбова, но и отца моего государь не утвердилъ губернскимъ предводителемъ дворянства.—Самолюбіе его было задѣто,

разочарованіе жизнію было полное, и онъ сталъ мечтать о смерти, «Если бы только Богу угодно было, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ, найти меня достойнымъ предъ Нимъ предстать».

— Презираю, говорилъ мой отецъ, всѣ удачи и пользоваться ими конечно не буду,—Богъ съ ними.

Воспользовавшись тѣмъ, что война въ Крыму была еще въ полномъ разгарѣ, онъ поступилъ въ ополченіе.—Князь шелъ на войну съ увѣренностью, что будетъ убитъ, и потому прощаніе его съ семействомъ и близкими было трогательнѣе тѣхъ, которые шли съ надеждою вернуться.

Онъ потребовалъ, чтобы его хоръ, подъ его личнымъ управленіемъ, пропѣлъ своему учителю «вѣчную память», что и было исполнено.—Очевидцы говорили мнѣ, что подобной панихиды, само собой разумѣется безъ причта и безъ службы, одно только пѣніе,—по стройности и задушевности никто никогда не слышалъ, всѣ присутствующіе плакали на-взрыдъ, молясь о упокоеніи души князя Юрія, который стоялъ еще живой, дирижировалъ своимъ хоромъ и молился о томъ, чтобы Господь принялъ его душу!.... Этого момента я совершенно не помню; но хорошо помню его въ мундирѣ ополченца, стоящаго въ Салтыковской церкви, на колѣняхъ предъ царскими вратами во время напутственнаго молебна; помню также и прощанье съ мужиками, которые благословили его образомъ Святаго Великомученика Георгія.

Мать моя провожала отца до Харькова, а брата, которому тогда было 10 лѣтъ, онъ взялъ съ собою въ Крымъ. Не знаю зачѣмъ онъ это сдѣлалъ; было ли это также желаніе моей матери, чтобы не оставлять его одного въ такомъ удручающемъ состояніи души, или это была одна изъ необдуманныхъ фантазій отца взять ребенка на поле битвы. Но каково было матери моей разставаться съ мужемъ и сыномъ! Однѣ молитвы къ Богу могли утѣшить душевныя ея страданія, и можетъ быть онѣ-то и спасли мужа и сына отъ бѣдствій войны...

«Съ большимъ трудомъ, — писала моя мать изъ Харькова В. В. Р—вой,—рѣшилась я написать вамъ нѣсколько словъ, потому что совсѣмъ голову теряю. Вчера мы пріѣхали сюда, и сегодня вечеромъ мужъ мой покидаетъ меня. Можешь себѣ представить мои страданія и мое горе; но да будетъ воля Господня, лишь-бы Онъ сохранилъ его здоровымъ и успокоилъ его сердце, для его личнаго счастья. Не могу описать вамъ все страданіе моего бѣднаго сердца, видя, что онъ подвергается столькимъ опасностямъ и уѣзжаетъ съ горемъ на душѣ. Молитесь о немъ, молитесь обо мнѣ, молитесь о нашихъ дѣтяхъ. До свиданія, всѣхъ васъ цѣлую. Не забудьте навѣстить моихъ дѣтей, если вы можете это сдѣлать».

Изъ Харькова отецъ мой направился въ Крымъ, откуда писалъ Арк. Ал. Р—ву:

Инкерманъ, 19-го августа 1855 г.

«Ты вѣроятно, cher ami, уже знаешь, что я утвержденъ состоять при Горчаковѣ по ополченію. Къ исправленію моихъ должностей я вновь съ 15-го числа формально поступилъ. Я потому о должности моей отзываюсь во множественномъ числѣ, что на самомъ дѣлѣ князь на меня взвалилъ болѣе, нежели я въ состояніи исполнить обязанности, а именно, кромѣ письменной части, на мнѣ лежитъ попеченіе и осмотръ дружинъ до и по ихъ вступленіи, которыя приходятъ къ намъ въ 78.000-мъ составѣ (изъ коихъ 23.000 уже на позиціяхъ) и разсѣяны по Крымскому полуострову. Штатъ дежурства не составленъ, помощника у меня нѣтъ, такъ что хоть караулъ кричи! Независимо отъ всего, я долженъ тебѣ сказать, что собственныя мои дѣла некрасивы! Верховыхъ лошадей у меня двѣ, и то на одной только можно выѣзжать въ дѣло. Ѣзжалыхъ одна, другая околѣла. Бричка сломалась и къ довершенію у меня гроша денегъ нѣтъ, и Петръ, который болѣлъ съ самаго моего пріѣзда, теперь, послѣ 4-го августа, такъ занемогъ, что я долженъ былъ его отправить въ Бакчисарай; остался у меня pour tout faire Шельменко [1]), qui ne sait rien faire et par conséquant c'est moi qui, tout malade, que j'étais, faisait l'affaire de valet de chambre, de cocher et garçon d'écurie; tous ces ennuis, cher ami, me font tout de mauvais sang que je suis devenu insupportable pour tous et sur tout pour ce pauvre [2]) Шельменко, который мнѣ доказываетъ, что услужливый дуракъ опаснѣе врага. Avec tout cela mon chagrin d'être loin de vous tous augmente de plus en plus, et je crois que le plutôt sera le mieux de finir avec cette vie! [3])—Штурма я дождаться не могъ и долженъ былъ ѣхать въ главную квартиру.

«Вотъ, скоро я здѣсь два мѣсяца и только одинъ разъ былъ въ настоящемъ дѣлѣ—просто обидно! Впрочемъ теперь по службѣ я буду черезъ день ѣздить въ Севастополь, тамъ у меня два другихъ содержатся караула, и 500 человѣкъ охотниковъ поступили въ артиллерійскую прислугу и дѣйствуютъ молодцами; вчера я былъ на бастіонахъ и при

---

[1]) Названіе, данное отцомъ моимъ конторщику малороссу Коротичу—это былъ типъ прежнихъ шутовъ и балагуровъ.

[2]) ...который ничего не умѣетъ дѣлать, и я, совсѣмъ больной, принужденъ былъ взять на себя должность лакея, кучера и конюха; всѣ эти непріятности, милый другъ, такъ портятъ мнѣ кровь, что я сдѣлался невыносимымъ для всѣхъ и особенно для бѣднаго Шельменко.

[3]) Со всѣмъ этимъ, горе мое — быть далеко отъ всѣхъ васъ—увеличивается все больше и больше, и я думаю, чѣмъ скорѣе покончить съ этой жизнью тѣмъ лучше!

мнѣ нѣсколько ратниковъ стояли при своихъ орудіяхъ. Сегодня, однако, ухо мое сильно разболѣлось отъ этого страшнаго шума, такъ что не знаю, какъ впередъ выносить буду подобнаго рода испытаніе. Докторъ приказалъ мнѣ носить повязку, но у меня отъ этого голова болитъ и я ее бросилъ. Непріятель нашъ, кажется, не рѣшится на штурмъ, а готовится опять на 2-хъ-недѣльную бомбардировку; этимъ онъ окончательно уничтожитъ нашъ гарнизонъ. Теперь болѣе, нежели надо, и говорятъ о сдачѣ добровольно южной части Севастополя, т. е. всѣ бастіоны и редуты взорвать и стать на лѣвую часть города въ оборонительномъ положеніи. На-дняхъ былъ рѣшительный совѣтъ, и всѣ мнѣнія и планы посланы на бумагѣ государю, для его разсмотрѣнія и утвержденія,—посмотримъ, что-то будетъ!

«Тысячу разъ лучше умереть, а Севастополя не отдавать! Это будетъ позоръ Россіи! Прощай; душой тебѣ преданный Юрій».

Братъ мой Евгеній вернулся здоровымъ и невредимымъ, а отецъ былъ контуженъ. Во время коронаціи императора Александра II онъ фигурировалъ въ своемъ камергерскомъ мундирѣ, восхищая всѣхъ своимъ хоромъ; тамъ, въ Москвѣ, чуть-ли не послѣднюю «лебединую пѣснь» пропѣлъ его знаменитый крѣпостной хоръ. Дѣла отца приходили въ упадокъ, онъ не могъ содержать хора и съ грустью, съ болью сердца, задумалъ разстаться съ нимъ. Не желая распустить его и мечтая передать свое созданіе въ цѣлости въ хорошія руки и достойнымъ слушателямъ, онъ черезъ министра двора предложилъ продать свой хоръ за 12 тысячъ; изъ этого предложенія ничего не вышло, и онъ долженъ былъ распустить его. Между тѣмъ государь, прочитавъ въ газетѣ «Nord» статью о томъ, что правительство сдѣлало большую ошибку, не купивъ хоръ кн. Ю. Н. Голицына, тѣмъ болѣе, что онъ уступалъ его за 12 тысячъ, тогда какъ подобный хоръ несравненно цѣннѣе, пожелалъ его пріобрѣсти и послалъ къ бабушкѣ Потемкиной просить, нельзя-ли хоръ ея племянника выписать въ Петербургъ, но, къ сожалѣнію, хоръ былъ уже распущенъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ оборваннаго письма отца, изъ котораго видно, какъ любилъ онъ своихъ пѣвчихъ и какъ трудно было ему распустить ихъ: «Сегодня я видѣлъ Віаля [1]) мелькомъ; онъ пришелъ, когда я уже выѣзжалъ, и не успѣлъ у его спросить, почему онъ не остался дѣлать картину, которую я ему заказалъ (хоръ). Я еще недавно писалъ Оливье [2]) que maintenant plus que jamais je tiens à avoir mon tableau comme souvenir de ma chapelle [3]), и для уплаты

---

[1]) Віаль – художникъ, жившій долго у насъ въ Салтыкахъ.

[2]) Оливье—французъ, учитель брата Евгенія.

[3]) И теперь болѣе чѣмъ когда-либо я желаю имѣть эту картину какъ воспоминаніе о моей капеллѣ.

этой картины я, кажется, рубашку бы продалъ! Нѣтъ таки, не сдѣлали по моему, Господи Боже мой! Какъ не понимать душу артиста, который желаетъ имѣть память своего творенія, il faut ne pas avoir de coeur pour ne pas me comprendre et ne pas me simpatiser [1]). Пошлю за Віаломъ и узнаю, кто это его такъ скоро спровадилъ? Не прощу этого никому, даже кажется, и вамъ-бы, другъ мой, не простилъ это неумѣстное участіе. Прошу Шубину заказать эту картину, j'y tiens absolument [2]), докажите дружбу, похлопочите въ Тамбовѣ.

Служебная карьера отца кончилась, и онъ окончательно предался музыкѣ, которая пригодилась ему, какъ средство къ жизни и какъ утѣшеніе. — Государь не утвердилъ его предводителемъ, а камергерство онъ постарался самъ съ себя снять. Отправившись за границу онъ въ Лондонѣ познакомился съ Герценомъ и, вернувшись въ Россію, завелъ съ нимъ переписку, но лучше всего, что письмо свое отдалъ переписать чиновнику изъ военнаго министерства, о чемъ конечно было тогда же донесено кому слѣдуетъ; всѣ же сочиненія Герцена отдалъ переплесть одному изъ придворныхъ переплетчиковъ, велѣвъ сдѣлать переплетъ революціоннаго цвѣта, а въ серединѣ книги большой золотой гербъ князей Голицыныхъ. На эти шалости строго посмотрѣли, и ему запрещенъ былъ въѣздъ въ столицу и предложено избрать себѣ городъ для мѣста жительства. — Онъ избралъ г. Козловъ, гдѣ купилъ себѣ домъ. Послѣ этой опалы отецъ снялъ свой портретъ въ рубашкѣ и халатѣ въ накидку и, отправившись въ Салтыки, ходилъ въ подобномъ же костюмѣ.

Помѣщаю здѣсь два стихотворенія: одно Лермонтова «Я жить хочу», а другое отца моего «Моленіе—О Господи! Прости мя!»—оба положенныя имъ на ноты.

Романсъ «Я жить хочу»

Посвящаю себѣ.

Я жить хочу, хочу печали
Любви и счастію на зло!
Онѣ мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело!
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ!
Что безъ страданья жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?!....

---

[1]) Это безсердечно не понимать меня и не симпатизировать мнѣ.
[2]) Я этого непремѣнно хочу.

«Моленіе»

О Господи! Прости мя!
Я согрѣшилъ передъ Тобой
Я сотворилъ себѣ кумиръ;
Очаровалъ кумиръ земной,
Въ чаду любви забылъ весь міръ,
И поклонялся я предъ нимъ
Всѣмъ сердцемъ и душой
Былъ преданъ весь ему!...
О, Господи! Прости мя!...

Послѣдній этотъ романсъ, кажется въ 1868 или 1869 году, былъ чудно спѣтъ Лавровской въ первый разъ въ концертѣ, данномъ отцомъ моимъ въ дворянскомъ собраніи съ аккомпанементомъ оркестра, которымъ онъ самъ дирижировалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы по исторіи русской цензуры.

II.

Мнѣніе главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи барона (впослѣдствіи графа) Корфа представляетъ собою обширный трактатъ о цензурѣ,—въ немъ сосредоточена масса весьма интересныхъ и цѣнныхъ указаній; собраны господствующія тогда мнѣнія по цензурному вопросу и находятся нѣкоторыя любопытныя историческія данныя. Вотъ почему это мнѣніе заслуживаетъ особаго вниманія.

Баронъ Корфъ начинаетъ его съ попытки разрѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ можетъ быть нынѣ нужно коренное преобразованіе законодательства о книгопечатаніи въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ системѣ такъ называемой карательной? «Вопросъ этотъ, говоритъ баронъ Корфъ, мнѣ казалось тѣмъ необходимѣе обсудить со всею подробностью, что коммиссія, составлявшая проектъ, его почти не касалась, ибо—какъ объясняетъ ея предсѣдатель,—самый фактъ учрежденія сей коммиссіи былъ достаточнымъ указаніемъ, что правительство усмотрѣло въ дѣйствующихъ законахъ о книгопечатаніи такіе органическіе недостатки, которые не могутъ быть исправлены частными мѣрами. Но теперь, при разсмотрѣніи проекта въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, обстоятельное разъясненіе этой стороны дѣла, очевидно, должно служить исходною точкою ко всѣмъ дальнѣйшимъ заключеніямъ.

«Разнообразныя сужденія, высказываемыя у насъ по вопросу о преобразованіи цензурнаго устава, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ, можно раздѣлить на три равныя группы. По мнѣнію *однихъ*, отмѣна цензуры съ водвореніемъ на ея мѣсто

---

[1]) См. „Рус. Стар.“ мартъ 1897 г.

*

карательной системы была бы, какъ въ настоящую пору, такъ и въ близкомъ будущемъ, не своевременна, и посему не слѣдуетъ издавать никакого общаго новаго закона о книгопечатаніи, ограничиваясь пока улучшеніемъ дѣйствующаго цензурнаго устава посредствомъ частныхъ измѣненій и дополненій. Другіе, напротивъ, считаютъ неизбѣжно необходимымъ немедленно замѣнить предварительную систему законодательствомъ, основаннымъ на началѣ чистой карательной системы. Третьи, наконецъ, признавая также нужнымъ перейти къ законодательству карательному, полагаютъ однако, что въ этомъ переходѣ должна быть соблюдена нѣкоторая постепенность. Проектъ, сообщенный мнѣ вашимъ превосходительствомъ, составленъ въ духѣ послѣдняго мнѣнія. Лица, придерживающіяся двухъ первыхъ, крайнихъ воззрѣній, какъ ни различны, впрочемъ, основанія ихъ убѣжденій, сходятся въ единогласномъ осужденіи онаго.

«Въ оправданіе перваго изъ упомянутыхъ мнѣній—о несвоевременности всякаго кореннаго преобразованія законовъ о печати—прежде всего выставляется, что карательная система, служащая цѣлью такого преобразованія, имѣя основаніе юридическое, естественно нуждается въ правильномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, и что было бы неблагоразумно, прежде чѣмъ предполагаемое новое судопроизводство оправдается на дѣлѣ, приравнивать къ нему различныя части законодательства. При этомъ замѣчаютъ, что недостатки системы предварительной цензуры часто преувеличиваются; что болѣе внимательный выборъ цензоровъ и постановленіе нѣкоторыхъ правилъ, болѣе собранныхъ съ даннымъ временемъ и потребностями правительства и самого общества, если не совершенно, то во многомъ могутъ устранить эти недостатки; что произволъ, въ которомъ обвиняютъ цензуру, есть неизбѣжное условіе всякой полицейской или административной дѣятельности и является еще въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, когда выражается вліяніемъ на дѣла государственныя, на службу и карьеру лицъ, чѣмъ когда задѣваетъ только самолюбіе авторовъ запрещеніемъ или передѣлываніемъ статьи; наконецъ, что если цензура въ иныхъ случаяхъ не въ состояніи услѣдить за всѣми злоупотребленіями печатнаго слова, то общее безсиліе ея въ сравненіи съ системою карательною не безусловно. Если-бъ, говорятъ, нужно было противодѣйствовать только такимъ злоупотребленіямъ слова, которыя составляютъ прямое преступленіе, если-бъ не надлежало заботиться о впечатлѣніи, которое печатное слово однимъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ можетъ произвести на умы, то выгоды карательной системы не могли бы подлежать сомнѣнію. Но цензура существуетъ не съ тѣмъ лишь, чтобъ останавливать то, что̀ есть въ печати прямо преступнаго; она служитъ орудіемъ для изъятія изъ обращенія и всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя, по

временнымъ высшимъ видамъ правительства, считаются неудобными или несогласными съ его видами въ данный моментъ; другими словами, она—средство въ рукахъ правительства для нѣкотораго управленія общественнымъ мнѣніемъ. Отказаться отъ такого средства и замѣнить его учрежденіемъ, которое можетъ преслѣдовать только положительные проступки, было бы болѣе чѣмъ когда-либо неудобно въ настоящую переходную пору, при общемъ возбужденіи умовъ, при неумѣніи еще журналистики обсуживать государственные вопросы съ должною мѣрою и выдержностью и при непривычкѣ еще и самого правительства къ столь недавно появившейся у насъ гласности. Можно надѣяться, прибавляютъ, что черезъ нѣкоторое время публика и журналистика навыкнутъ къ болѣе хладнокровной рѣчи: тогда переходъ отъ предупредительной цензуры къ карательной совершится легко, и новыя учрежденія явятся на почвѣ для нихъ подготовленной. Нельзя не согласиться, что въ этихъ аргументахъ есть доля правды, главнѣйше въ томъ, что введеніе карательной системы по дѣламъ печати до общаго преобразованія судебной части весьма неудобно. Рѣшеніе дѣлъ о печати въ нынѣшнихъ нашихъ судахъ признается всѣми невозможнымъ; учрежденіе же для нихъ судовъ спеціальныхъ, дѣйствующихъ на основаніи особаго порядка, представляло бы, кромѣ другихъ недостатковъ подобной комбинаціи, нѣкоторую странность наканунѣ коренной реформы всего судоустройства и судопроизводства. Но совершенно другое дѣло отлагать всякое преобразованіе цензуры и по осуществленіи судебной реформы, подъ предлогомъ, съ одной стороны, что неизвѣстно еще, какъ новое судопроизводство оправдается на самомъ дѣлѣ, а съ другой—что судьи лишь впослѣдствіи пріобрѣтутъ нужную способность для разбора процессовъ о печати. Что судъ въ своей новой обстановкѣ не сразу сдѣлается у насъ совершеннымъ, что магистратура не сразу пріобрѣтетъ тѣ достоинства, которыми она отличается въ другихъ странахъ, стоящихъ выше насъ по образованію, и что вся эта часть будетъ въ теченіе времени постепенно совершенствоваться, параллельно съ общимъ развитіемъ государственной жизни и успѣхами просвѣщенія,—въ томъ нѣтъ, конечно, сомнѣнія. Но уменьшать и урѣзывать надлежащій кругъ дѣйствія судовъ значило бы именно преграждать имъ пути къ дальнѣйшему усовершенствованію, ибо способность правильно разсматривать и рѣшать дѣла, особенно же отличающіяся столь спеціальными свойствами, какъ дѣла о печати, нельзя пріобрѣсти никакимъ теоретическимъ изученіемъ, и она можетъ быть плодомъ только практической дѣятельности.

«Неимѣніе или недостаточная подготовка учрежденій для примѣненія на дѣлѣ предполагаемыхъ вообще новыхъ мѣръ есть одинъ изъ доводовъ, всего чаще приводимыхъ противъ всякаго преобразованія, которое

нарушаетъ давнишнія привычки и предубѣжденія общества, а потому естественно встрѣчаетъ среди его противодѣйствіе. На нашей близкой памяти доводъ этотъ не разъ повторялся по поводу всѣхъ почти совершенныхъ правительствомъ въ послѣдніе годы реформъ и особенно по поводу самой важной изъ нихъ—упраздненія крѣпостнаго права. Еще никто не забылъ, сколько возставали противъ своевременности освобожденія крестьянъ, какъ горячо доказывали, что преобразованіе это совершается на неподготовленной почвѣ, что для успѣшнаго осуществленія его необходимъ длинный рядъ предварительныхъ мѣръ — улучшеніе полиціи, водвореніе безкорыстія въ судахъ, учрежденіе школъ для образованія народа, и т. п. Теперь, бросая на эти прошлыя сужденія взглядъ, просвѣтленный опытомъ, отрезвленный фактами, съ трудомъ вѣришь, что такъ много людей, и, можно прибавить, людей умныхъ и образованныхъ, чистосердечно увлекались ими и не хотѣли понять, что именно въ крестьянской реформѣ и лежалъ ключъ ко всѣмъ остальнымъ, и что всѣ преобразованія безъ нея были бы тщетны, недѣйствительны, даже невозможны.

«Вопросъ о цензурѣ имѣетъ довольно сходства съ крестьянскимъ. Какъ въ крѣпостномъ правѣ, по вѣковой къ нему привычкѣ многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма, и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство безотчетнаго страха, такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и не мало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ. Естественно, что предположеніе отмѣнить этотъ оплотъ должно встрѣтить горячее и часто основанное на искреннемъ убѣжденіи сопротивленіе. Но къ этому присоединяется еще одна особенность по крестьянскому дѣлу: если оспаривалась многими своевременность преобразованія, то, по крайней мѣрѣ, надобности его безусловнымъ образомъ почти никто не отвергалъ; зло крѣпостныхъ отношеній было слишкомъ очевидно; справедливость и необходимость дать права состоянія двадцати милліонамъ населенія бросалась въ глаза; споръ могъ быть исключительно о томъ, когда и какъ это сдѣлать. Вредныя стороны предварительной цензуры и благодѣтельныя дѣйствія свободы печати, напротивъ, среди нашего общества понятны не весьма многимъ; причины, вызывающія преобразованіе, схватываются и ощущаются не всякимъ; оттого здѣсь соображенія о несвоевременности большею частью служатъ лишь оболочкою, за которою просто скрывается отсутствіе убѣжденія о самой надобности или пользѣ реформы.

«Въ журналахъ комиссіи, занимавшейся составленіемъ новаго проекта, указывается на два главныхъ недостатка предварительной цензуры, именно: на безсиліе ея удерживать литературу въ должныхъ предѣлахъ и на произволъ и придирчивость, съ которыми

сопряжено ея дѣйствіе. Если-бъ все вредное вліяніе цензуры ограничивалось этими средствами ея, если-бъ при томъ можно было согласиться съ бывшимъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, что отъ произвола цензоровъ страждетъ преимущественно лишь авторское самолюбіе писателей, статьи которыхъ запрещаются или передѣлываются, то переходъ къ карательной системѣ, конечно, нельзя было бы признать ни особенно важною, ни настоятельно нужною реформою. Хотя цензура оказывается иногда не довольно сильною въ пресѣченіи злоупотребленій слова, но есть много увлеченій, которыя недоступны для судебнаго преслѣдованія. Что же касается произвола, то справедливо говорятъ, что онъ болѣе или менѣе встрѣчается во всякой административной и полицейской дѣятельности, и если отъ него страдаетъ только самолюбіе немногихъ писателей, то это еще не составляетъ первостепеннаго зла. Необходимость органическихъ измѣненій въ учрежденіи должна, очевидно, искать себѣ оправданія въ сознаніи недостатковъ болѣе существенныхъ и глубже лежащихъ въ его основаніи.

«При разсмотрѣніи цензуры со стороны основной ея идеи, она на первый взглядъ могла бы показаться учрежденіемъ самымъ благодѣтельнымъ, необходимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Ея назначеніе, повидимому, указывать лучшую и правильнѣйшую дорогу умственному развитію общества, устранять изъ области мысли все ложное, вредное, опасное и расчищать путь всему истинному и полезному. Въ самомъ дѣлѣ, если-бъ существовало точное, неизмѣнное безошибочное, мѣрило для распознанія, что́ истинно и что́ ложно, что́ въ произведеніяхъ человѣческой мысли можетъ принести пользу и что́ обратится ко вреду; если-бъ нашелся ареопагъ, который, обнимая все прошедшее, настоящее и будущее человѣчества, въ состояніи былъ бы непогрѣшимо указать, какимъ путемъ должна идти наука и въ какія окончательныя формы должно вылиться общество; если-бъ при этомъ, контролируемая правительствомъ, печать была единственнымъ средствомъ распространенія новыхъ мнѣній и ученій между людьми,—установленіе цензуры было бы идеаломъ, лучше котораго нечего бы и желать. Но вѣковой опытъ доказалъ, что ни одна мысль, ни одно мнѣніе, ни одно ученіе при появленіи своемъ въ свѣтъ не носятъ на себѣ положительнаго отпечатка правдивости или лживости; многія истины—если не всѣ,—которыми постепенно обогащалось человѣчество, первоначально встрѣчались съ недовѣріемъ, должны были выдерживать борьбу и только уже среди ея выяснялись, пріобрѣтали силу и окончательно утверждались въ общемъ сознаніи. Угадать заранѣе, чему суждено жить и сдѣлаться ступенью въ развитіи просвѣщенія, чему погибнуть какъ заблужденію,—не по силамъ не только самому геніальному уму, но и цѣлымъ поколѣ-

ніямъ людей. Съ другой стороны, опытомъ не менѣе убѣдительно доказано, что доктрины дѣйствительно ложныя и опасныя успѣваютъ распространяться, несмотря ни на какія запретительныя мѣры. Онѣ находятъ для себя тысячи невѣдомыхъ и недоступныхъ ни для какой правительственной дѣятельности путей и могутъ быть останавливаемы только разоблаченіемъ той лжи, которая лежитъ на ихъ днѣ и не сразу видна за обманчивыми внѣшними покровами. Понятно, къ какимъ результатамъ должно приходить учрежденіе, которое, подъ предлогомъ направленія умственной дѣятельности народа, беретъ на себя покровительствовать однимъ произведеніямъ мысли и преслѣдовать другія. Изъ какихъ бы талантливыхъ личностей это учрежденіе ни состояло, оно роковымъ образомъ впадаетъ въ массу ошибокъ, и исторія представляетъ не одинъ примѣръ самаго крайняго умственнаго разврата въ обществѣ при строжайшихъ цензурныхъ преслѣдованіяхъ. Карательная по дѣламъ о печати система чужда всѣхъ этихъ вредныхъ послѣдствій: при дѣйствіи ея печатное слово не пользуется неограниченною, необузданною свободою; законъ страхомъ преслѣдованія останавливаетъ извѣстныя увлеченія и злоупотребленія; но злоупотребленія эти ограничиваются тѣснымъ кругомъ посягательствъ на тѣ главныя начала общественнаго порядка, которыя, по сознанію и убѣжденію всѣхъ образованныхъ народовъ, должны считаться неприкосновенными, и нападки на которыя, составляя преступленіе или проступокъ въ настоящемъ смыслѣ слова, входятъ въ область уголовнаго правосудія Внѣ этого круга мысль и слово свободны въ движеніяхъ; никто не ищетъ управлять ими; борьба мнѣній предоставляется естественному ея ходу; каждому убѣжденію дается полный просторъ высказываться, и только отъ неизбѣжнаго столкновенія разныхъ взглядовъ, отъ всеобличающей критики ожидается распознаніе истины отъ лжи.

«Дѣйствіе предупредительной цензуры не менѣе вредно и въ другомъ отношеніи: она лишаетъ правительство драгоцѣнной помощи и поддержки въ исполненіи лежащихъ на немъ громадныхъ обязанностей. Дѣятельность, какъ законодательная, такъ и текущая, административная, для успѣшнаго хода требуетъ постоянно огромной массы свѣдѣній и указаній; правительству на каждомъ шагу необходимы и самыя разнообразныя теоретическія познанія по тѣмъ или другимъ вопросамъ государственной науки, и подробныя практическія данныя о потребностяхъ страны и разныхъ ея частей, объ условіяхъ существующаго быта, объ ощущаемыхъ неудобствахъ, неудовлетворенныхъ нуждахъ, желаніяхъ и ожиданіяхъ. Только само общество чрезъ представительницу свою—литературу, въ особенности чрезъ литературу періодическую, въ состояніи доставить правительству, въ этомъ отношеніи, нужную помощь; но этой помощи можно ожидать лишь отъ печати сво-

бодной, откровенно выражающей дѣйствительныя мысли и чувства общества; если же печати дозволено говорить единственно то, что̀ согласно съ видами и намѣреніями правительства въ данную минуту, то она, очевидно, не въ состояніи ему высказать ничего новаго и не спасетъ ни отъ одного ложнаго шага.

«Въ государствахъ Запада надъ системою предварительной цензуры, по сознанію сихъ недостатковъ ея, уже произнесенъ окончательный приговоръ. Нѣкогда, въ младенчествѣ просвѣщенія, при другихъ условіяхъ жизни и другихъ началахъ управленія, эта система была довольно распространена; но съ появленіемъ болѣе развитыхъ формъ государственнаго порядка она повсюду стала падать въ борьбѣ съ возстававшимъ противъ нея общественнымъ мнѣніемъ и нынѣ положительно отвергается законодательствами. Если же свобода слова и подвергается еще иногда довольно важнымъ ограниченіямъ, то принципъ ея не только окончательно вписанъ въ публичное право европейскихъ государствъ, но и проникнулъ всѣ ихъ учрежденія, всю общественную и частную жизнь.

«Въ Россіи, при прежнемъ порядкѣ вещей, удержаніе цензуры было бы естественно и не могло представлять особыхъ неудобствъ или затрудненій. Но въ послѣдніе годы произошелъ въ этомъ отношеніи рѣшительный переломъ. Правительство, признавъ необходимость коренныхъ улучшеній въ нашемъ быту, въ основаніе главныхъ своихъ преобразованій приняло истины, выработанныя европейской жизнью, и стало переносить къ намъ, съ нужными видоизмѣненіями, всѣ лучшія черты общественной организаціи западной Европы. Этотъ образъ дѣйствія его былъ сигналомъ, по которому приходящія съ Запада понятія съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе распространяются во всѣхъ способныхъ къ мышленію классахъ нашего общества. Послѣ этого можно ли не поставить вопроса: логическую-ли, исполнимую-ли задачу задало бы себѣ правительство, если-бъ, вступивъ на означенный путь, оно въ то же время стремилось удержать учрежденіе, съ которымъ прививаемая намъ новая жизнь нигдѣ не могла примириться, и есть-ли основаніе думать, чтобъ у насъ однихъ успѣшно совершались законодательныя преобразованія, искусно дѣйствовала администрація, правильно производился судъ, развивались и приносили желаемый плодъ вновь создаваемыя общественныя учрежденія, безъ той помощи и поддержки, которую они повсюду находятъ себѣ въ свободномъ общественномъ мнѣніи?

«Хотя цензура еще ни на часъ не переставала оффиціально у насъ существовать, но о значеніи свободнаго, общественнаго и литературнаго мнѣнія, какъ пособія правительственной дѣятельности, мы уже можемъ составить себѣ приблизительное понятіе по собственному опыту. Съ пробужденіемъ живаго интереса къ задуманнымъ въ послѣдніе годы

реформамъ, цензурный надзоръ, какъ извѣстно, внезапно ослабѣлъ до того, что въ иныя минуты дѣйствіе его было почти незамѣтно, и печать пользовалась положеніемъ, довольно близкимъ къ полной свободѣ. Отъ чего же это произошло? Еще очень недавно надзоръ цензурный, со стороны его дѣйствительности, не оставлялъ ничего желать. Происшедшая съ того времени перемѣна не была послѣдствіемъ преднамѣреннаго, заранѣе обдуманнаго плана. Въ постановленіяхъ цензурныхъ не послѣдовало въ истекшіе годы никакихъ существенныхъ измѣненій; въ цензоры назначались люди не менѣе благонадежные,—напротивъ, увеличенное содержаніе и другія преимущества еще облегчили выборъ вполнѣ способныхъ къ этой должности; попеченія высшаго правительства о предупрежденіи заблужденій печати не прекращались и не ослабѣвали,—напротивъ, никогда не было столько, сколько въ послѣднее время, заботъ и стараній о бдительнѣйшемъ надзорѣ за литературою. Были создаваемы даже особыя учрежденія собственно съ цѣлію направлять общественное мнѣніе. Но всѣ усилія, въ окончательномъ результатѣ, приводили къ послѣдствіямъ, прямо противнымъ желаемому. Причину сему можно очевидно искать лишь въ измѣненіи той обстановки, той атмосферы, которою прежде окружена была цензура и которая дѣлала существованіе ея естественнымъ и логическимъ. Появились новыя условія жизни, вездѣ бывавшія ея смертнымъ приговоромъ. Оказалось, что когда въ обществѣ возникаетъ истинная потребность свободно высказываться, правительству дѣлается невозможнымъ противодѣйствовать сему; потребность эта обращается въ неудержимую силу, отъ которой не спасается и оффиціальный кругъ, ибо и онъ дышетъ однимъ воздухомъ со всѣми. Мы безпрестанно видѣли это на событіяхъ истекшихъ годовъ. Цензоры, прежде пользовавшіеся репутаціею строгости, вдругъ стали на все смотрѣть сквозь пальцы. Само высшее правительство не могло не оцѣнить услугъ, какія должна была оказать ему свободная литературная дѣятельность, а посему старалось и по самымъ основнымъ вопросамъ не изгонять полезнаго ему разногласія, допуская столкновеніе взглядовъ и нѣкоторую независимость сужденій и само уже передавая въ печати на судъ публики свои проекты, но въ то же время, не отрекаясь отъ прежняго желанія—руководить литературою и направлять ее согласно предвзятымъ видамъ, не могло самою силою вещей не втягиваться въ рядъ безвыходныхъ противорѣчій и затрудненій. Ошибочно было бы видѣть въ этихъ противорѣчіяхъ и затрудненіяхъ одно частное явленіе и думать, что они могутъ быть устранены частными мѣрами. Дѣло можетъ быть исправлено только посредствомъ органическихъ, коренныхъ улучшеній.

«Итакъ, кратковременный, слабый опытъ нашей полуосвобожденной отъ бдительнаго цензурнаго надзора печати уже представилъ до-

казательства тѣхъ истинъ, къ сознанію которыхъ пришли нынѣ всѣ образованныя страны: что въ жизни государствъ наступаютъ эпохи, когда управленіе общественною мыслью посредствомъ цензуры дѣлается невозможнымъ, когда свобода печатнаго слова становится необходимостью для самого правительства, и когда только въ этой свободѣ находится дѣйствительное противоядіе тому, что́ она можетъ произвести дурнаго. На будущее время намъ предстоитъ два пути: или сойти съ той дороги, на которую правительство теперь вступило, т. е. отказаться отъ совершенія элементовъ, которые оно внесло въ нашу жизнь, и отъ благодѣтельнаго дѣйствія учрежденій, такъ горячо ожидавшихся, или же и положеніе печати согласить съ цѣлымъ строемъ общественнаго нашего движенія. Хотя-бы этотъ послѣдній путь и былъ, какъ впрочемъ все человѣческое, сопряженъ съ тѣми или другими частными неудобствами, непреложный законъ историческаго развитія, кажется, дѣлаетъ для насъ выборъ его неизбѣжнымъ.

«Остается еще одно возраженіе, именно, что преобразованіе цензуры должно быть о т л о ж е н о потому, что исключительныя обстоятельства настоящей минуты дѣлаютъ его теперь въ особенности неудобнымъ.

«Выборъ удобнаго момента для коренной реформы въ общественномъ быту есть безспорно вопросъ важный. Какъ бы она ни была нужна и полезна, могутъ быть временныя причины, по которымъ необходимо иногда и отсрочить. Нельзя отрицать, что правительство неосторожно поступило бы, если-бъ освободило печать въ такую пору, когда бы, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, находилось во враждебныхъ съ обществомъ отношеніяхъ, когда бы желанія и виды общества не соотвѣтствовали его намѣреніямъ, и свобода слова могла бы обратиться въ опасное для спокойствія государства орудіе. Но именно въ виду этого соображенія дарованіе бо́льшей свободы печати нашей въ н а с т о я щ у ю пору должно признать болѣе своевременнымъ, нежели когда-либо.

«Правительство, въ теченіе ряда послѣднихъ годовъ, не только н е шло наперекоръ стремленіямъ страны, но, напротивъ, во всѣхъ своихъ мѣрахъ стремилось постоянно предупреждать самыя задушевныя ея желанія. Если, дѣйствуя такимъ образомъ, оно еще не признаетъ себя въ правѣ разсчитывать на сочувствіе и поддержку общественнаго мнѣнія, то надобно потерять надежду когда-либо пріобрѣсти эту поддержку. Впрочемъ факты уже краснорѣчиво высказались: въ послѣднее время едва успѣли раскрыться въ своей наготѣ ученія, столько пугавшія нѣкоторыхъ,—общество убѣдительно доказало, на чьей сторонѣ еще настоящія симпатіи и такъ ли опасно для порядка и вредно для государства выраженіе истинныхъ его мыслей и чувствъ. Конечно, эти мысли не между всѣми одинаковы: есть недовольные, готовые подни-

мать голосъ противъ всего, что ни дѣлается. Но такая оппозиція, — если только можно назвать оппозиціею кучку людей, затронутыхъ въ ихъ личныхъ интересахъ, или же питающихся несбыточными мечтами, — составляетъ явленіе всегда и вездѣ неизбѣжное; скрытая или явная — она не можетъ существовать въ государствѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ она съ теченіемъ времени исчезла или даже ослабѣла: событія будутъ всегда давать ей довольно пищи, а свойства человѣческой природы дѣлаютъ ее неизбѣжною. Между тѣмъ защитники здравыхъ понятій и благоразумныхъ стремленій едва-ли когда-либо будутъ сильнѣе и въ болѣе выгодномъ предъ нею положеніи, чѣмъ именно теперь.

«Коммиссія, составлявшая проектъ новаго устава о книгопечатаніи, предпочитаетъ первый изъ означенныхъ способовъ, т. е. ввести нынѣ систему смѣшанную, состоящую въ сущности въ томъ, чтобъ освободить отъ предварительной цензуры всѣ сочиненія, объемомъ не менѣе 20 печатныхъ листовъ, подвергая ихъ лишь отвѣтственности предъ судомъ, освобождать и періодическія изданія, редакторы которыхъ согласятся, независимо отвѣтственности предъ судомъ, подлежать особымъ административнымъ взысканіямъ; для всѣхъ же прочихъ произведеній литературы оставить цензуру до времени въ прежнемъ положеніи.

«Противъ этого плана заявляется множество возраженій, одинаково раздающихся какъ изъ стана защитниковъ настоящаго порядка, такъ и изъ другаго, противнаго имъ стана, желающихъ немедленнаго водворенія полной свободы печати. Первое, что поражаетъ въ проектѣ коммиссіи, говорятъ, есть самая двойственность началъ, положенная въ его основаніе, двойственность, свидѣтельствующая о неясности взгляда на предметъ, о неумѣньи сладить съ его трудностями, о нерѣшительности и излишней боязливости, никогда и нигдѣ не приводившей къ хорошимъ результатамъ. Чтобы видѣть, какія несообразности непремѣнно влечетъ за собою эта двойственность, достаточно обратить вниманіе на то постановленіе проекта, которое стоитъ, такъ сказать, на межѣ двухъ разнородныхъ, не вяжущихся между собою системъ. Постановляется, что всѣ изданія, относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ, объемомъ менѣе 20 печатныхъ листовъ, подвергаются предварительной цензурѣ. Почему, спрашивается, менѣе 20 листовъ? Почему въ дѣлѣ чисто качественномъ взято за основаніе дѣленія количество? И что значитъ печатный листъ? Съ этимъ словомъ, по самому его существу, не можетъ соединяться никакое понятіе опредѣленное, могущее служить извѣстнымъ предѣломъ права: листы бываютъ различной величины; количество помѣщающагося на нихъ письменнаго матеріала зависитъ отъ различія въ

шрифтахъ, отъ способовъ набора и т. п., да къ тому же на предварительную цензуру книги (кромѣ журналовъ) представляются въ рукописяхъ, когда, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о томъ сколько изъ нихъ выйдетъ печатныхъ листовъ. При опредѣленіи различія между изданіями по одному объему или внѣшней формѣ всякому открывается очевидное, легкое средство обходить дѣйствіе закона: рядъ статей, не пропущенныхъ цензурою къ напечатанію отдѣльно, можетъ явиться впослѣдствіи въ видѣ сборника, имѣющаго болѣе назначеннаго числа листовъ, и правительство будетъ поставлено въ фальшивое и непріятное положеніе, находясь вынужденнымъ или нарушить законъ, или же дозволить безнаказанное обращеніе въ публикѣ того, что было имъ запрещено. При всѣхъ этихъ несообразностяхъ и неудобствахъ дѣйствительное облегченіе, приносимое предположенною системою, состояло бы лишь въ безцензурности сочиненій объемомъ въ 20 печатныхъ листовъ и болѣе. Но именно эти сочиненія, ни по численности своей, ни по значенію въ движеніи общественнаго мнѣнія, не имѣютъ у насъ большой важности. Интересъ ученый, говорятъ, покуда самый слабый въ нашемъ отечествѣ,— ученымъ сочиненіямъ цензура не много мѣшаетъ, они не жалуются на нее и сдѣлаютъ свою дорогу и безъ отмѣны ея; не въ нихъ вопросъ и не къ нимъ должны быть направляемы заботы, а къ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ лежитъ главная сила нашей умственной дѣятельности, которыя обнимаютъ собою то, что шевелитъ, занимаетъ и тревожитъ массу народную. Между тѣмъ относительно этихъ произведеній проектъ коммиссіи не только закрѣпляетъ старое, сознанное зло, а еще прибавляетъ новую язву—административныя взысканія, заключающія въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ постоянно протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, не предвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимою, какъ средство чрезвычайное, тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвратиться: но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ не утѣсненія, а расширенія свободы слова?

«Благодѣтельное вліяніе перехода отъ предупредительной системы къ карательной на литературу и общество должно выразиться преимущественно въ послѣдствіяхъ двоякаго рода: съ одной стороны, въ томъ, что литературная дѣятельность, вмѣсто подчиненія случайному произволу администраціи, поперемѣнно—то слишкомъ придирчивой, то недовольно бдительной, будетъ регулироваться учрежденіями, дѣйствующими на основаніи однажды принятыхъ постоянныхъ принциповъ и

твердыхъ правилъ; съ другой стороны — въ томъ, что, подлежа отвѣтственности только за прямыя нарушенія закона, она въ своихъ движеніяхъ пріобрѣтетъ болѣе свободы и независимости, а отъ того правильнѣе и естественнѣе будетъ слагаться общественное мнѣніе, будутъ скорѣе и полнѣе опровергаться заблужденія и разоблачаться ложныя ученія, зрѣлѣе разрабатываться вопросы, какъ научные, такъ и общественные, и быстрѣе подыматься уровень образованія въ государствѣ. Но чтобы карательная система на самомъ дѣлѣ производила эти, ожидаемыя отъ нея дѣйствія, необходимы и въ народѣ, и въ представителяхъ власти извѣстныя качества и свойства. Литература, какъ выраженіе живой мысли, не можетъ не увлекаться и не впадать иногда въ заблужденія: въ увлеченіяхъ—ея неотъемлемое свойство. Цензура стремится ихъ предупреждать и пресѣкать. При карательной же системѣ иныя изъ этихъ увлеченій хотя и подлежатъ судебному преслѣдованію, но только тѣ, которыя переходятъ за извѣстную черту, означенную въ уголовныхъ законахъ; остальныя допускаются къ свободному обращенію и отпоръ имъ ищется въ умственныхъ и нравственныхъ силахъ самого общества. Въ этомъ свободномъ обращеніи нѣкоторой доли неправды наряду съ истиною — одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ карательной системы, и чрезъ это именно она дѣлается могущественнымъ двигателемъ просвѣщенія и орудіемъ воспитанія народа. Въ странѣ, издавна къ сему привыкшей, подобное обращеніе не можетъ возбуждать опасеній: къ выражаемымъ въ печати мнѣніямъ читающая публика относится свободно и твердо; она не увлекается первою заманчивою мыслью и не смущается отъ слишкомъ смѣлаго и рѣзкаго слова. Но въ странѣ, гдѣ правительство въ теченіе многихъ лѣтъ тщательно сдерживало печатное слово въ узкихъ рамкахъ, заботливо оберегая читателя отъ всякой мысли, могущей непріятно нарушить его умственное спокойствіе, отъ всякаго нехорошо звучащаго выраженія; гдѣ все печатавшееся появлялось съ засвидѣтельствованіемъ одобренія и какъ-бы съ аттестатомъ отъ правительства,—въ народѣ образуется и особый ненормальный взглядъ на печать: ее чтутъ, какъ что-то почти непреложное, ей и вѣрятъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и боятся ее болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Взглядъ этотъ, однажды образовавшись, входитъ въ нравы и понятія и не можетъ исчезнуть или измѣниться внезапно, а пока онъ существуетъ, совершенно свободное обращеніе печатнаго слова въ народѣ можетъ, въ иныхъ случаяхъ, вести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ.

«Значительное въ послѣднее время ослабленіе цензуры начало пріучать русское общество относиться къ явленіямъ прессы съ надлежащимъ благоразуміемъ, и въ главныхъ центрахъ образованія у насъ, безъ сомнѣнія, есть теперь кружки людей, для которыхъ самая полная свобода печати не имѣла бы ничего несвоевременнаго. Но въ массѣ чи-

тающей публики привычки и воззрѣнія, образовавшіяся подъ вліяніемъ прежней системы, дѣйствуютъ еще съ довольно большою силою, и излишняя вѣра въ печатное, равно какъ боязнь печатнаго еще не перестали быть отличительною чертою народнаго характера.

Это незнакомство съ условіями и требованіями свободы печатнаго слова въ самой большей части раздѣляютъ у насъ съ обществомъ и тѣ органы государственной власти, которымъ должно принадлежать примѣненіе карательныхъ законовъ. Законъ о преступленіяхъ печати менѣе чѣмъ всякій другой уголовный законъ можетъ быть точенъ и опредѣлителенъ; какъ ни тщательно будутъ означены въ немъ признаки преступленій, рѣшеніе, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ какой мѣрѣ почитать преступнымъ произведеніе литературы, должно весьма много зависѣть отъ собственнаго усмотрѣнія суда. Тамъ, гдѣ свобода слова вошла въ нравы, гдѣ относительно предѣловъ, въ которыхъ она должна заключаться, существуютъ твердыя убѣжденія, судъ, въ подобныхъ случаяхъ, является глашатаемъ господствующаго мнѣнія; инстинктъ, общій всему населенію, подсказываетъ судьямъ вѣрное рѣшеніе. Но гдѣ — какъ у насъ, въ Россіи,—о свободѣ слова знаютъ только по наслышкѣ, гдѣ на самую пользу и надобность ея смотрятъ еще весьма различно и о томъ, что̀ можетъ безъ вреда быть допущено къ обращенію въ публикѣ и что̀ нѣтъ, каждый думаетъ по сво́ему,—тамъ рѣшенія суда не могутъ не усвоить себѣ того же характера случайности и произвола, въ которомъ нынѣ основательно обвиняютъ дѣйствія цензуры; они не будутъ ни примѣненіемъ мысли законодателя,—которую съ совершенною точностью и высказать невозможно,—ни выраженіемъ мнѣнія всего общества,—котораго еще нѣтъ,—и станутъ представлять лишь индивидуальный, болѣе или менѣе удачный взглядъ лицъ, занимающихъ судейскія кресла, или посаженныхъ жребіемъ на скамью присяжныхъ. Передать, при такихъ условіяхъ, печать въ исключительное вѣдѣніе судовъ и сдѣлать ихъ разомъ единственными и безусловными регуляторами литературнаго движенія—едва-ли значило бы создать и для самой литературы то твердое, спокойное и обезпеченное положеніе, какое рисуется въ воображеніи многихъ при названіи карательной системы.

«Говорятъ, что совокупное примѣненіе двухъ, исключающихъ одна другую, системъ наблюденія надъ печатью—предупредительной и карательной—представило бы явную непослѣдовательность и въ теоріи, и на практикѣ. Это замѣчаніе не лишено основанія. Законъ, не истекающій изъ одного начала, не можетъ быть ни такъ логиченъ, ни такъ теоретически хорошъ, какъ бы могло желаться. Однако извѣстно, что законы, отличавшіеся самою безукоризненною чистотою началъ и правильностью развитія, иногда бывали самыми неудобными въ приложеніи. Изъ неудобствъ практическихъ, могущихъ произойти отъ двойствен-

ности системы, выставляются самыми важными тѣ, къ которымъ даетъ поводъ неопредѣленность и нетвердость понятій о печатномъ листѣ, принимаемомъ за основаніе раздѣленія всѣхъ произведеній литературы на подчиненныя и не подчиненныя цензурѣ. Но примѣръ иностранныхъ государствъ убѣждаетъ, что эти неудобства отнюдь не такъ неодолимы, какъ кажется съ перваго взгляда, и во всякомъ случаѣ не такъ важны, чтобы перевѣсить причины, по которымъ смѣшанная система можетъ на время признаваться нужною. Затрудненіе узнавать напередъ, по писанному оригиналу, сколько выйдетъ изъ него печатныхъ листовъ, легко устранить дозволеніемъ всѣ изданія, относительно которыхъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе, представлять на разсмотрѣніе цензора въ корректурѣ, какъ то разрѣшается проектомъ для журналовъ, сочиненій по точнымъ наукамъ, лексиконовъ, грамматикъ и т. п. Что же касается нераціональности вообще основываться на извѣстномъ, однажды навсегда опредѣленномъ объемѣ сочиненій для отнесенія къ числу подлежащихъ дѣйствію предварительной цензуры, а другихъ—къ числу освобожденныхъ отъ нея, то все, возражаемое противъ этого, можно сказать и противъ множества подобныхъ, весьма часто встрѣчающихся постановленій. Такъ, напримѣръ, законъ гражданскій назначаетъ двадцать лѣтъ съ годомъ, какъ предѣлъ совершеннолѣтія, но никто, конечно, не скажетъ, чтобъ лицо, имѣющее отъ роду 20 лѣтъ и 364 дня, еще не было способно къ управленію собою и своими дѣлами, а чрезъ сутки пріобрѣтало вдругъ эту способность. Точно такимъ же образомъ опредѣляются извѣстные сроки для подачи просьбъ или начатія исковъ, для теченія давности и т. д. Находить неудобство и несообразность назначеній подобнаго рода весьма не трудно, и однакожъ это есть по сіе время лучшее, что̀ законы всѣхъ странъ могли изобрѣсть для приведенія разнообразныхъ случайностей жизни къ какимъ-либо общимъ, постояннымъ формуламъ. Предположеніе объ изъятіи отъ цензуры сочиненій объемомъ болѣе извѣстнаго числа листовъ, конечно, не на той мысли основывается, чтобы всѣ безъ изъятія сочиненія этого размѣра требовали менѣе строгихъ мѣръ наблюденія, а истекаетъ изъ соображенія,—вѣрность котораго едва-ли можно оспаривать,—что такія сочиненія суть въ огромномъ ихъ б о л ь ш и н с т вѣ произведенія серьезнаго труда, которыя заслуживаютъ особаго поощренія, въ которыхъ вредныя увлеченія встрѣчаются рѣже и которыя, какъ по цѣнѣ своей, такъ и по степени образованія, нужной въ читателѣ, распространяются въ болѣе тѣсномъ кругѣ, а, слѣдовательно, представляютъ меньшую опасность, чѣмъ брошюры, памфлеты и другія произведенія летучей литературы.

«Изъ всѣхъ возраженій, заявляемыхъ противъ смѣшанной системы, самыя сильныя тѣ, которыя касаются вводимаго въ нее института административныхъ взысканій. Похвалять этотъ институтъ было бы

трудно, и потому единственнымъ оправданіемъ допущенія взысканій сего рода въ новомъ законѣ можетъ быть лишь присущій ему характеръ переходной мѣры, которая, какъ уже замѣчено, по самому свойству своему не имѣетъ задачею исправленіе всего, что̀ въ существующемъ порядкѣ есть нераціональнаго или ошибочнаго. Принципъ административныхъ взысканій существуетъ у насъ въ данномъ съ 12-го мая 1862 г. министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія правѣ, при вредномъ направленіи періодическаго изданія, прекращать оное на срокъ до восьми мѣсяцевъ. Новый законъ, въ которомъ этотъ принципъ хотя и удерживается, но въ смягченной формѣ, собственно въ видѣ условія для освобожденія періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры, условія, которому никто не будетъ подчиненъ безъ собственнаго на то согласія, еще не можетъ быть названъ, какъ говорятъ иные, шагомъ назадъ. Если-бъ при семъ были приняты тѣ замѣчанія о способѣ наложенія административныхъ взысканій, то институтъ этотъ, удовлетворяя надобности болѣе бдительнаго на первое время надзора за періодическою прессою, утратилъ бы многія стороны, наиболѣе дѣлающія его вреднымъ и наиболѣе всѣхъ противъ него вооружающія».

Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ §§ проекта цензурнаго устава, баронъ Корфъ прежде всего останавливается на § 1, на основаніи котораго печататься и выходить въ свѣтъ безъ предварительной цензуры могутъ изданія объемомъ въ двадцать и болѣе листовъ. «Эта норма, заимствованная изъ прежнихъ французскихъ и нѣмецкихъ законовъ, говоритъ онъ, могла въ свое время быть хороша для странъ, гдѣ литературная дѣятельность сосредоточивалась преимущественно въ сочиненіяхъ значительнаго объема. Но у насъ, въ настоящую пору, когда большая часть литературы поглощается журналистикою, когда капитальныя сочиненія вообще такъ рѣдки, да и изъ нихъ многія выходятъ частями, или выпусками не очень объемистыми, освобожденіе отъ цензуры однѣхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе 20-ти листовъ, было бы по дѣйствію своему почти ничтожно. По приблизительному исчисленію, сдѣланному за послѣдніе полгода, число такихъ книгъ не составляетъ и седьмой части всѣхъ выходящихъ сочиненій. Поэтому необходимо было бы вышеозначенную норму понизить по крайней мѣрѣ, до десяти листовъ. Такимъ образомъ свободою отъ цензуры воспользовалось бы до трети всѣхъ сочиненій; неудобства же или вреда отъ этого ожидать нельзя, ибо изданія, имѣющія не менѣе 10-ти листовъ (слѣдовательно не менѣе 160-ти страницъ in—8), по характеру своему почти не разнятся отъ двадцати листовыхъ, т. е. принадлежатъ, наравнѣ съ послѣдними, къ литературѣ серьезной, обращающейся въ небольшомъ кругу читателей.

«Весьма интересна исторія § 5 проекта устава. Министерство внутреннихъ дѣлъ приняло особое мнѣніе одного члена коммиссіи, состоявшее въ томъ, чтобъ освобожденіе періодическихъ изданій отъ цензуры по просьбамъ издателей, съ подчиненіемъ ихъ дѣйствію административныхъ взысканій, поставить въ зависимость отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Невыгодныя стороны такого порядка уже были объяснены въ мнѣніи 5-ти членовъ, въ которомъ указывается, между прочимъ, на неудобство создать особую привилегированную категорію періодическихъ изданій. Извѣстно, какъ общественное мнѣніе щекотливо ко всему, что касается отношеній между писателями и правительствомъ; какъ легко заподозриваетъ оно честность и искренность убѣжденій и съ какимъ недовѣріемъ и нелюбовью обращается ко всякому мнѣнію, искусственно поддерживаемому властью. Раздѣленіе газетъ и журналовъ на пользующіеся довѣріемъ правительства и на состоящія какъ бы во всегдашнемъ подозрѣніи неблагонадежности, повидимому, имѣетъ цѣлью дать болѣе простора и силы первымъ; но на дѣлѣ оно, весьма вѣроятно, повело бы къ совершенно противному, т. е. къ усиленію вліянія идей, именно враждебныхъ правительству, законности и порядку. Вообще съ переходомъ къ началамъ карательной системы надобно бы, сколько можно, уменьшать случаи прямаго вмѣшательства администраціи въ борьбу литературныхъ партій и мнѣній; освобожденіе же тѣхъ или другихъ изданій отъ цензуры, по усмотрѣнію администраціи, составило бы такое явное и рѣзкое проявленіе этого вмѣшательства, какого нѣтъ и въ дѣйствующемъ нынѣ порядкѣ.

«На основаніи § 8 разсмотрѣнію духовной цензуры должны подлежать с т а т ь и и м ѣ с т а духовнаго содержанія въ сочиненіяхъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. Правило это можетъ повести на практикѣ къ довольно важнымъ неудобствамъ и недоразумѣніямъ, а между тѣмъ едва-ли принесетъ какую-либо вещественную пользу. По смыслу § 7 духовная цензура признается нужною не для всякихъ сочиненій, относящихся къ религіознымъ предметамъ, а лишь для спеціально богословскихъ, именно для заключающихъ въ себѣ изложеніе догматовъ православной вѣры, толкованія св. писанія, житія святыхъ угодниковъ и т. п. Безъ сомнѣнія, то же самое разумѣется и въ § 8 подъ словами, «собственно духовнаго содержанія»: но с т а т е й и м ѣ с т ъ съ такимъ характеромъ обыкновенно вовсе не бываетъ въ сочиненіяхъ и изданіяхъ не духовныхъ».

Баронъ Корфъ возстаетъ весьма рѣзко противъ того правила цензурнаго устава, по которому каждый, желающій выпускать въ свѣтъ періодическое изданіе, обязанъ внести въ главное управленіе денежный залогъ въ размѣрѣ: для изданій, выходящихъ безъ цензуры,—отъ 2,000 до 5,000 р., смотря по тому, какъ часто изданіе выходитъ; для изданій

же, подлежащихъ цензурѣ,—на половину менѣе. Отъ внесенія такого залога освобождаются только изданія чисто оффиціальныя или чисто ученыя, хозяйственныя и техническія.

«Устанавливаемая этими правилами система залоговъ, говоритъ баронъ Корфъ, будетъ совершенною новизною въ русскомъ законодательствѣ. Она, конечно, существуетъ въ большей части европейскихъ государствъ; но авторитетъ западныхъ государствъ едва-ли и не есть единственный въ ея пользу доводъ, при чемъ даже не легко дать себѣ ясный отчетъ въ причинахъ, по которымъ эта система тамъ утвердилась.

«Составлявшая проектъ коммиссія думаетъ, что главное назначеніе залоговъ съ періодическихъ изданій—служить обезпеченіемъ уплаты денежныхъ штрафовъ, къ которымъ тѣ изданія могутъ быть присуждены. Въ этомъ смыслѣ сочтено нужнымъ ввести залоги и къ намъ. Но денежные штрафы опредѣляются закономъ не за одни преступленія и проступки, совершаемые печатнымъ словомъ; они составляютъ обыкновенную мѣру взысканія за всякаго рода нарушенія, безпрестанно случающіяся въ жизни; въ числѣ разнообразныхъ занятій въ кругу человѣческой дѣятельности есть много такихъ, избирающій которыя рискуетъ подвергнуться штрафамъ не менѣе, чѣмъ редакторъ журнала. Уголовный законъ однако ни отъ кого никогда не требуетъ обезпеченія *на случай* совершенія имъ какого-либо проступка. Законъ предвидитъ возможность несостоятельности со стороны приговореннаго къ денежному штрафу и установляетъ для сего нужныя правила, опредѣляя или замѣнъ штрафа другимъ наказаніемъ, или взысканіе слѣдующихъ денегъ гражданскимъ порядкомъ, съ личнымъ задержаніемъ виновнаго,—во всякомъ случаѣ такъ, что несостоятельность не обращается въ выгоду послѣдняго. Такого рода постановленія есть и у насъ, какъ въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ (статьи 92—94), такъ и въ составленномъ нынѣ во второмъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по порученію Государственнаго Совѣта, проектѣ устава о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ. Затѣмъ, имѣя въ виду, что случай несостоятельности редакторовъ журналовъ къ уплатѣ штрафовъ въ нѣсколько десятковъ или сотенъ рублей должны представляться, конечно, не чаще, чѣмъ случай такой же несостоятельности въ массѣ населенія, не усматривается достаточнаго основанія принимать въ отношеніи къ нимъ однимъ исключительную мѣру предупрежденія. Итакъ, съ юридической точки зрѣнія, какъ способъ обезпеченія денежныхъ штрафовъ, залоги не выдерживаютъ критики. Должно думать, что иностранныя правительства, выставляющія пользу и надобность ихъ съ одной этой стороны, не совсѣмъ искренни, и что за наружными объясненіями скрывается другая мысль, которую, впрочемъ, и не трудно угадать. Встрѣчающееся въ соображеніяхъ коммиссіи замѣчаніе, что вве-

*

деніе залоговъ совпадаетъ съ отмѣною предварительной цензуры, не безусловно справедливо. Въ двухъ государствахъ, впервые усвоившихъ себѣ эту систему, именно въ Англіи и во Франціи, она введена послѣ того, какъ законодательства уже провозгласили свободу печати отъ предварительнаго одобренія, и когда правительства, не считая возможнымъ обратиться къ цензурѣ, искали другихъ средствъ для противодѣйствія прессѣ. Въ числѣ такихъ средствъ, еще весьма рано, въ прошедшемъ столѣтіи, начали вводиться разныя фискальныя стѣсненія журналистики, какъ то: установленіе штемпельной пошлины, пошлины съ объявленій, съ бумаги и т. д. Требованіе денежныхъ залоговъ съ издателей было, кажется, не болѣе, какъ отдѣльнымъ звеномъ въ ряду подобныхъ мѣръ, и имѣло общую со всѣми ими цѣль—остановить распространеніе періодической прессы и сдѣлать ее достояніемъ одной только достаточной части населенія. Во Франціи, при введеніи системы залоговъ, цѣль эта была прямо высказана. Шатобріанъ, которому, какъ замѣчено коммиссіею, принадлежитъ первая мысль о залогахъ, говорилъ, что газета есть трибуна, и что какъ въ палатѣ съ трибуны можетъ говорить лишь тотъ, кто платитъ 1,000 фр. податей въ годъ, то справедливо и отъ издателя газеты требовать залога, соотвѣтствующаго ежегодному доходу въ равную сему сумму. Такому воззрѣнію законодательство французское осталось совершенно вѣрно и при дальнѣйшемъ развитіи своемъ: по закону 1835 года размѣръ денежныхъ залоговъ съ газетъ былъ опредѣленъ до 100,000 фр., и нынѣ онъ доходитъ еще до 50,000 фр.—суммы, очевидно многимъ превосходящія то, что могло бы быть нужно исключительно для покрытія штрафовъ. У насъ требованіе залоговъ, въ видѣ обезпеченія исправной уплаты штрафовъ, представило бы явленіе еще болѣе странное, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Тамъ система денежныхъ взысканій за преступленія печати вообще чрезвычайно развита: такъ во Франціи въ 1819 году, когда были въ первый разъ введены залоги, за нѣкоторыя преступленія этого рода назначалась пеня въ 10,000 фр. По настоящему же проекту высшій размѣръ штрафовъ есть 500 руб., а средній—около 200 р. Большинство коммиссіи полагало назначить для ежегодныхъ газетъ размѣръ залога въ 2,800 р., основываясь на томъ, что срокъ для пополненія залога, въ случаѣ сдѣланнаго изъ него вычета на уплату пени, опредѣляется проектомъ двухнедѣльный, и желая, чтобы залога достало на уплату всѣхъ пеней, если-бъ газета, въ теченіе означенныхъ двухъ недѣль, каждый день подвергалась взысканію. Меньшинство же коммиссіи, заключеніе котораго принято въ окончательной редакціи проекта,—находитъ и это недостаточнымъ, замѣчая, что газета можетъ впадать въ нарушенія по нѣскольку разъ въ день, слѣдовательно болѣе четырнадцати разъ въ недѣлю. Натянутость сихъ сужденій достаточно, кажется, обнаруживаетъ невѣрность точки зрѣнія, изъ которой исходятъ предположенія коммиссіи о залогахъ.

«Устраняя мысль о надобности залоговъ, какъ гарантіи исправной уплаты штрафовъ, можно ввести ихъ въ виду двухъ цѣлей: 1) чтобъ отдать періодическую прессу преимущественно въ руки людей болѣе зажиточныхъ, отъ которыхъ скорѣе можно ожидать уваженіе и привязанность къ общественному порядку, и 2) чтобъ удержать эту прессу вообще отъ слишкомъ сильнаго развитія.

«Самый выпуклый примѣръ установленія залоговъ для сосредоточенія журналистики въ кругѣ зажиточныхъ классовъ представляетъ, какъ замѣчено, исторія французскаго законодательства временъ Людовика-Филиппа, когда размѣръ залоговъ съ ежедневныхъ газетъ былъ доведенъ до 100,000 фр. Неизвѣстно, однако, принесло ли такое установленія предвидѣнную пользу, придало ли оно прессѣ болѣе благоразумія и консервативныхъ стремленій и сдѣлало ли ее менѣе опасною для порядка и правительства. При невозможности довести у насъ залоги до размѣра, сколько-нибудь приближающагося къ вышеуказанному, трудно ожидать результатовъ болѣе дѣйствительныхъ. Требованіе капитала въ 5,000, разумѣется, иногда не допуститъ до литературнаго предпріятія то или другое неимущее лицо, а взамѣнъ привлечетъ болѣе имущее, или же успѣвшее получить содѣйствіе чужаго капитала, но въ общемъ итогѣ весьма сомнительно, чтобы въ кругѣ журнальныхъ дѣятелей прибавилось, вслѣдствіе этого, сколько-нибудь благонамѣренности, здравомыслія или другихъ желаемыхъ качествъ.

«Но если залоги едва-ли въ состояніи возвысить уровень умственныхъ или нравственныхъ достоинствъ журналистовъ, то введеніе ихъ, несомнѣнно, имѣло бы другое весьма важное дѣйствіе: составляя налогъ, и налогъ довольно тяжелый, на журналистику, они помѣшали бы общему ея развитію, стѣснили и ограничили бы кругъ литературныхъ предпріятій. Посему, если-бъ государственная власть считала нужнымъ стремиться къ этой послѣдней цѣли, ей нельзя было бы избрать лучшаго средства. Всякій согласится, что власть должна имѣть средства для обузданія литературы и особенно періодической прессы; я думаю и отчасти уже имѣлъ случай выразить выше, что на первое время для этого недостаточно даже одного карательнаго правосудія и необходимы болѣе сильныя, чрезвычайныя орудія, именно цензура или административныя взысканія, а равно предоставленіе администраціи, по своему усмотрѣнію, разрѣшать или не разрѣшать новыя періодическія изданія. Но между этими средствами и системою залоговъ та существенная разница, что первыя направляются исключительно противъ злоупотребленій, имѣютъ въ виду предупреждать и пресѣкать одни опасныя для общества увлеченія; вторая же дѣйствуетъ безразлично и на хорошую, и на дурную прессу, не дозволяя основываться многимъ изданіямъ, въ числѣ которыхъ могло бы явиться еще болѣе полезныхъ,

чѣмъ вредныхъ. Были примѣры, что правительства, испугавшись взволнованнаго состоянія умовъ и приписывая его излишнему развитію политической печати, думали предупредить вредныя отъ нея послѣдствія, обставляя изданіе газетъ и журналовъ разными затрудненіями и дѣлая оное недоступнымъ для большаго числа лицъ. Но послѣдующія событія почти всегда показывали, что старанія этого рода приводятъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Журналистика, ограниченная узкимъ кругомъ дѣятелей, централизованная въ немногихъ рукахъ, пріобрѣтаетъ всѣ свойства и силу монополіи, журналы становятся тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ они малочисленнѣе; распространенные каждый между огромнымъ числомъ читателей, не зная соперничества, они безъ всякаго имъ противорѣчія господствуютъ надъ умами и становятся настоящею властью въ государствѣ; дѣло доходитъ до того, что отъ образа мыслей двухъ, трехъ публицистовъ начинаетъ зависѣть спокойствіе общества и безопасность правительства. Совершенно въ другія условія поставлена пресса тамъ, гдѣ правительство не ставитъ ее на искусственный пьедесталъ и предоставляетъ вещи свободному теченію: журналы, правда, размножаются и проникаютъ во всѣ слои населенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ ихъ неестественное обаяніе; падаетъ то суевѣрное благоговѣніе, съ которымъ относятся въ малообразованной странѣ ко всякому печатному слову; ни одно ученіе или направленіе не можетъ насильственно овладѣть большими массами населенія, ибо каждое имѣетъ тѣсный кругъ распространенія и встрѣчаетъ себѣ отпоръ; народъ пріучается относиться къ произведеніямъ печати такъ же спокойно и самостоятельно, какъ къ обыкновенному говору людскому, въ которомъ смѣсь дурнаго и хорошаго, ложнаго и истиннаго никого не смущаетъ. Стремиться къ водворенію такого порядка вещей намъ, въ настоящее время въ особенности, необходимо; мы теперь вступили въ тотъ именно періодъ полуобразованія и полузнакомства съ гласностью и съ печатнымъ словомъ, который неизбѣженъ въ жизни каждаго народа, но чрезъ который, для блага государства, желательно пройти какъ можно скорѣе. Вернуться назадъ нельзя, да и никто, дорожащій успѣхами нашего развитія, не рѣшится посовѣтовать этого, а затѣмъ выходъ изъ настоящаго положенія только одинъ: стараться, чтобы познанія и привычка къ умственной дѣятельности сколько можно быстрѣе разливались и утверждались въ массахъ. Печать—самое дѣйствительное орудіе къ достиженію этой цѣли».

Баронъ Корфъ возражаетъ также весьма рѣзко и существенно противъ того § проекта, по которому радакторъ повременнаго изданія преслѣдуется за содержаніе всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ изданіи. «Существо вины редактора, говоритъ онъ, часто состоитъ лишь въ томъ, что онъ въ

своемъ изданіи далъ другому средство къ совершенію преступленія. Тутъ, очевидно, онъ является болѣе пособникомъ или участникомъ, чѣмъ главнымъ виновнымъ. Могутъ быть даже случаи, что онъ пропуститъ статью противозаконнаго содержанія неумышленно, по неосторожности или небрежности, конечно непростительной въ его званіи, но ни въ какомъ случаѣ не составляющей преступленія уголовнаго. Извѣстно, что иногда, даже и при довольно внимательномъ чтеніи литературнаго произведенія, не сразу можно угадать преступность мысли, и одному то, въ чемъ другой видитъ злой умыселъ, кажется совершенно невиннымъ. Совѣсть судьи не позволитъ ему, при разборѣ дѣлъ, оставлять безъ вниманія подобныя соображенія, уменьшающія виновность редактора; почему опредѣленіе въ законѣ безразлично строгой отвѣтственности редакторовъ во всѣхъ случаяхъ на практикѣ нерѣдко имѣло бы послѣдствіемъ,—какъ обыкновенно бываетъ, когда строгость закона расходится съ чувствомъ справедливости,—совершенную ихъ безнаказанность. Для предупрежденія этого должно бы, по моему мнѣнію, сдѣлать различіе между статьями, помѣщаемыми въ повременномъ изданіи за подписью ихъ авторовъ, и тѣми, которыя появляются безъ подписи, или же съ подписью лицъ, находящихся внѣ предѣловъ дѣйствія нашихъ судовъ. Статьи безъ подписи справедливо считать выраженіемъ собственныхъ мыслей и мнѣній редактора, который долженъ нести за нихъ полную и даже исключительную отвѣтственность; не слѣдуетъ не только требовать, но даже и принимать отъ него объявленій объ имени сочинителей подобныхъ статей, когда сами они не пожелаютъ назвать себя. Но что касается статей, подписанныхъ именемъ автора, то за преступное содержаніе оныхъ правильнѣе преслѣдовать въ качествѣ главныхъ виновниковъ ихъ сочинителей, редактора же—лишь въ качествѣ пособника или участника, съ тѣмъ, чтобы, когда статья противозаконнаго содержанія пропущена редакторомъ неумышленно, по одной небрежности или невниманію, судъ смягчалъ слѣдующее ему наказаніе, ни въ какомъ случаѣ не назначая мѣру онаго свыше ареста на три мѣсяца, или денежнаго штрафа въ 300 руб. Статьи, подписанныя начальными буквами или псевдонимомъ, можно сравнить съ статьями, подписанными именемъ автора, если редакторъ оное объявитъ, а въ противномъ случаѣ—съ анонимными».

Баронъ Корфъ останавливается на постановкѣ въ проектѣ оскорбленій чести, совершаемыхъ посредствомъ печатнаго слова.

«По проекту, говоритъ онъ, эти оскорбленія дѣлятся на два вида: поруганіе, подъ которымъ разумѣется всякій оскорбительный отзывъ, выражающій презрѣніе или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства, и опозореніе, т. е. оглашеніе такого обстоятельства, которое можетъ повредить

чести, достоинству или доброму имени. За проступокъ втораго рода назначается наказаніе болѣе строгое, чѣмъ за первый; при чемъ не дѣлается никакого различія, было ли обстоятельство, подвергшееся оглашенію, истинно или ложно, а въ проектируемыхъ правилахъ судопроизводства постановлено даже, что обвиняемому въ опозореніи не дозволяется представлять доказательства справедливости позорящаго обстоятельства, кромѣ случаевъ, когда оно касается случаевъ служебной или общественной дѣятельности лица, состоящаго въ государственной или общественной службѣ: тогда допускается, въ подтвержденіе его, письменныя доказательства.

«Есть лица, полагающія, что законъ долженъ преслѣдовать, какъ оскорбленіе чести, только поруганіе и клевету, т. е., въ первомъ случаѣ, соединеніе чьего-либо имени съ выраженіями чисто бранными, а во второмъ, разглашеніе фактовъ, могущихъ нанести кому-либо ущербъ или вредъ въ общемъ уваженіи и при томъ вымышленныхъ, оглашеніе же фактовъ истинныхъ, хотя бы и непріятныхъ для того или другаго лица, считать дѣломъ позволительнымъ и даже полезнымъ. Какъ ни заманчивы на первый взглядъ доводы, которыми мысль эта подкрѣпляется, и которые основаны на соображеніяхъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ гласности, о необходимости суда общественнаго мнѣнія, восполняющаго дѣйствіе оффиціальнаго правосудія и т. д., однако, по тщательномъ обсужденіи предмета, я не могу не присоединиться къ мнѣнію составлявшей настоящій проектъ коммиссіи. Слѣдуя примѣру большей части иностранныхъ законодательствъ, она сочла необходимымъ установить наказаніе за опозореніе въ смыслѣ оглашенія всякаго оскорбительнаго для кого-либо факта, хотя бы даже истиннаго. Но, остановившись на этой, по мнѣнію моему, совершенно справедливой мысли, составители проекта въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи ея уклонились, кажется, въ крайность, вслѣдствіе которой начертанныя ими правила на дѣлѣ были бы не совсѣмъ справедливы и довольно стѣснительны.

«Во-первыхъ, иностранныя законодательства, а еще болѣе утвердившаяся повсюду судебная практика хотя и держатся вообще начала, что печатное оглашеніе оскорбительныхъ для кого-либо фактовъ есть дѣйствіе недозволенное, однако, преступность каждаго поступка этого рода ставятъ въ ближайшую зависимость отъ обнаруженной при томъ злой воли обвиняемаго и посему не признаютъ поступокъ подлежащимъ наказанію, если доказано, что обвиняемый не имѣлъ прямаго намѣренія принести кому-либо ущербъ въ его чести или имуществѣ. Какъ извѣстно, нерѣдко бываютъ случаи, когда оскорбленіе дѣлается совершенно неумышленно, т. е. когда самъ авторъ статьи не давалъ себѣ яснаго отчета, что обнаруживаемое имъ обстоятельство содержитъ въ

себѣ что-либо обидное для того или другаго лица. Не дозволить суду избавлять отъ наказанія въ подобныхъ случаяхъ—значило бы подавить и тѣ проявленія гласности, которыя нельзя не признать спасительными для общества. Проектъ же настоящаго устава вовсе не упоминаетъ объ означенныхъ случаяхъ и даже въ опредѣленіи опозоренія не указываетъ на злую волю, какъ на необходимый элементъ этого преступленія.

«Во-вторыхъ, проектъ не только признаетъ всякое опозореніе подлежащимъ наказанію, но не дѣлаетъ вовсе никакого различія между опозореніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. оглашеніемъ факта дѣйствительнаго, и клеветою, назначая за оба вида преступленія одну и ту же мѣру взысканія и запрещая подсудимому представлять доказательства въ подтвержденіе обнаруженнаго имъ. Отъ этого, съ одной стороны, исчезаетъ огромное различіе, существующее между оскорбленіемъ человѣка посредствомъ оглашенія какого-либо касающагося его и на самомъ дѣлѣ случившагося обстоятельства и клеветою; съ другой же стороны, самъ оскорбленный ставится въ весьма затруднительное и непріятное положеніе, ибо для него часто самое важное не то, чтобы оскорбителя своего подвести подъ наказаніе, а то, чтобъ оправдаться предъ обществомъ, чтобъ изгладить подозрѣніе, которое успѣла набросить на него, въ глазахъ публики, зависть или злоба. Запрещеніе доказывать и разыскивать справедливость печатно приведенныхъ противъ него обстоятельствъ лишило бы самаго необходимаго, законнаго, неотъемлемо ему принадлежащаго, удовлетворенія.

«Для устраненія означенныхъ неудобствъ можно бы, по моему мнѣнію, взамѣнъ содержащихся въ проектѣ правилъ объ оскорбленіяхъ чести постановить слѣдующее:

а) Всякое оглашеніе о частномъ лицѣ или обществѣ, должностномъ лицѣ или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени,—есть о п о з о р е н і е. Оглашеніе такого же обстоятельства вымышленнаго есть к л е в е т а. Всякій оскорбительный отзывъ о частномъ лицѣ или обществѣ, должностномъ лицѣ или установленіи, выражающій презрѣніе или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства,—есть п о р у г а н і е.

б) Учинившій, посредствомъ способовъ, въ § 109 означенныхъ, клевету, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на сроки, означенные въ ст. 42 Улож. о наказ. (по прод.), или аресту на время отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ.

в) Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 109 означенныхъ, опозореніе, подвергается аресту на время отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше трехъ сотъ рублей.

Если позорящее обстоятельство касается семейной или вообще частной жизни, то можетъ быть назначено:

Заключеніе въ тюрьмѣ на сроки, опредѣленные въ ст. 42 Улож. о наказ. (по прод.) для второй и третьей степени наказаній сего рода.

Суду предоставляется вовсе освобождать виновнаго отъ наказанія, когда будетъ доказано, что онъ не имѣлъ прямаго намѣренія нанести ущербъ чьей-либо чести, доброму имени или достоянію.

г) Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 109 означенныхъ, поруганіе, подвергается аресту на время отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше трехъ сотъ рублей.

д) Лицу, обществу или установленію, считающему себя опозореннымъ вслѣдствіе оглашенія какого-либо, касающагося его, обстоятельства, предоставляется вчинать искъ о клеветѣ или объ опозореніи. При искѣ объ опозореніи судъ не входитъ въ изслѣдованіе справедливости позорящаго обстоятельства, и подсудимые не допускаются до представленія въ томъ доказательствъ, кромѣ случаевъ, когда означенное обстоятельство касается чьей-либо служебной или общественной дѣятельности: въ этихъ случаяхъ могутъ быть представляемы доказательства порядкомъ, означеннымъ въ правилахъ о судопроизводствѣ».

Баронъ Корфъ очень подробно останавливается на проектируемыхъ правилахъ относительно цензуры книгъ, изданныхъ за-границей; онъ находитъ весьма непослѣдовательнымъ то различіе между иностранной и внутренней цензурой, которое установлено нашимъ цензурнымъ уставомъ. «Коммиссія, составлявшая проектъ, говоритъ онъ, соглашается, что печатаемымъ въ Россіи книгамъ, объемомъ болѣе извѣстнаго числа листовъ, можно дозволить появляться въ свѣтъ безъ предварительнаго просмотра цензурою, и это заключеніе основывается главнѣйше на томъ, что подобныя книги, по своему содержанію и по цѣнѣ, обращаются въ наименьшемъ кругѣ читателей, слѣдовательно не могутъ быть удобнымъ орудіемъ направленной противъ общественнаго спокойствія пропаганды. Но это самое свойство еще въ большей мѣмѣрѣ принадлежитъ всѣмъ сочиненіямъ на иностранныхъ языкахъ; они доступны еще меньшему числу читателей, и потому должны возбуждать еще менѣе опасеній. Если съ распространеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и сопряженъ какой-либо вредъ, то многимъ ли, на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе отмѣны для нихъ цензуры, можетъ онъ увеличиться? Выше уже было говорено о слабости и безсиліи внутренней цензуры: она, однако, даетъ правительству положительное средство не допускать до обращенія въ свѣтъ извѣстныхъ сочиненій. Произведеніе, запрещенное внутреннею цензурою, дѣйствительно не появляется въ печати. Но объ иностранной цензурѣ никакъ нельзя этого сказать. Повсемѣстный опытъ доказываетъ, что со всѣми внѣшними атрибутами бдитель-

ности и строгости, со всею своею обстановкою запрещеній, вычеркиваній и вырѣзываній она на дѣлѣ почти ничего не останавливаетъ, почти ни отъ чего не ограждаетъ и, производя много наружнаго эффекта, приходитъ, въ сущности, къ совершенно ничтожнымъ результатамъ. Всякому извѣстно, что при постоянномъ у насъ существованіи иностранной цензуры нѣтъ и не было запрещенной книги, которой бы нельзя было достать; что именно въ то время, когда правительство всего строже преслѣдовало извѣстныя лондонскія изданія, они расходились въ Россіи въ тысячахъ экземпляровъ, и ихъ можно было найти едва не въ каждомъ домѣ, чтобы не сказать въ каждомъ карманѣ; что когда мы всего болѣе озабочиваемся огражденіемъ нашей молодежи отъ доктринъ матеріализма и соціализма, трудно указать студента или даже ученика старшихъ классовъ гимназій, который бы не прочелъ какого-нибудь сочиненія, гдѣ извращаются всѣ здравыя понятія объ обществѣ или разрушаются основанія всякой нравственности и религіи. Подобные факты—не исключительное явленіе нашей жизни: они представлялись вездѣ, гдѣ существовала иностранная цензура. Они и дали поводъ къ извѣстному, можетъ быть слишкомъ рѣзкому, но въ оригинальности своей не лишенному мѣткости, сравненію, что стремиться оградить общество отъ проникновенія извнѣ вредныхъ идей посредствомъ цензуры—все равно, что думать защитить свой садъ отъ птицъ заперевъ ворота.

«Разрушеніе такой преграды, конечно, не можетъ угрожать истинною опасностью. Оно, по моему убѣжденію, будетъ, напротивъ, положительно полезно, ибо цензура, не имѣя довольно силы, чтобъ вовсе препятствовать ввозу иностранныхъ книгъ въ государство, однако до извѣстной степени затрудняетъ его; это затрудненіе не чувствительно для книгъ, которыя по своему крайнему направленію, по смѣлости идей, по легкости и неосновательности изложенія особенно заманчивы для большинства публики, но оно значительно мѣшаетъ той обширной категоріи сочиненій, на которыя публика не бросается, которыхъ не берутъ на-расхватъ,—сочиненій, въ которыхъ проводятся ученія болѣе умѣренныя, хотя на взглядъ цензора все еще не позволительныя, и которыя, по серьезному характеру своему, по преобладающему въ нихъ духу научнаго изслѣдованія, по болѣе здравымъ критическимъ пріемамъ, могли бы служить школою для умовъ и лучшимъ огражденіемъ противъ необдуманныхъ увлеченій. Этого разряда книгъ цензура лишаетъ общество и такимъ образомъ оставляетъ его на полную жертву сочиненій самаго сомнительнаго свойства, тысячью путями вездѣ проникающихъ и распространяющихся.

«Не менѣе вредное дѣйствіе должно признать за иностранною цензурою, если отъ области научной перейти къ области политики и об-

сужденія современныхъ вопросовъ. Въ этой области постоянною программою цензуры въ теченіе многихъ лѣтъ было: не допускать до обращенія у насъ ничего, чѣмъ бы могъ оскорбиться самый щекотливый патріотизмъ русскаго, т. е. никакого оспариванія нашихъ правъ въ международной политикѣ, или защиты заявляемыхъ противъ насъ притязаній, никакихъ взводимыхъ на насъ обвиненій, никакихъ нападокъ на наше устройство, жизнь, обычаи, на свойства нашего характера и т. п.; она такимъ образомъ удаляла именно все то, чѣмъ бы могло раздражаться народное самолюбіе, и, слѣдовательно, оживляться и скрѣпляться національное чувство. Вслѣдствіе этого, при обсужденіи европейскою публицистикою самыхъ важныхъ и жизненныхъ для насъ вопросовъ, наша пресса не могла имѣть голоса, и оставался полный просторъ разглашеніямъ нашихъ противниковъ. О результатахъ, къ которымъ естественно долженъ вести подобный порядокъ вещей, я не буду много распространяться. Думаю, что только подъ кровомъ его могъ сложиться противъ насъ, въ мнѣніи почти всей европейской публики, тотъ непонятный заговоръ, который обнаружился въ трудныхъ, хотя съ честью для насъ развязавшихся, событіяхъ минувшаго года,—заговоръ, основанный на столь безсовѣстныхъ клеветахъ, столь превратномъ обращеніи съ исторіею и столь нагломъ извращеніи всякихъ понятій о правѣ. Само правительство, внявъ голосу фактовъ, уже осудило прежнюю систему, и цензура съ прошлаго года стала, по польскому вопросу, пропускать въ газетахъ статьи въ самомъ враждебномъ для насъ духѣ. Опытъ, кажется, блестящимъ образомъ оправдалъ этотъ новый взглядъ. Но то, что оказалось по вопросу о Польшѣ, въ маломъ видѣ повторяется и при всѣхъ другихъ. При громадномъ значеніи, какое пріобрѣло нынѣ на западѣ общественное мнѣніе, при постоянно возрастающемъ вліяніи его на дѣла и при болѣе и болѣе скрѣпляющихся сношеніяхъ нашихъ съ государствами запада, правительство наше не можетъ не встрѣчаться съ затрудненіями, если будетъ устранять нашу литературу отъ борьбы съ представителями взглядовъ, господствующихъ въ другихъ странахъ. Участвовать же въ этой борьбѣ мы, очевидно, можемъ только находясь въ постоянно свободномъ умственномъ общеніи съ ними. Вреда отъ этого общенія, можетъ быть, было еще позволительно опасаться въ то время, когда мы, по своимъ учрежденіямъ, далеко отстали отъ Европы, когда въ осужденіи рабства и въ аналогіи суда присяжныхъ видѣлась критика на основныя начала нашего государственнаго быта. Но теперь, что̀ можетъ принести намъ европейская литература для насъ чуждаго или дѣйствительно опаснаго, если не считать тѣснаго кружка доктринъ, всѣми осужденныхъ, и которыхъ, какъ замѣчено выше, и цензура не останавливаетъ? Напротивъ, преобладающій въ западной литературѣ духъ зрѣлой, обстоятель-

ной разработки вопросовъ—естественное послѣдствіе цивилизаціи болѣе старой, жизни болѣе богатой опытомъ, ошибками и разочарованіями—можетъ лишь содѣйствовать отрезвленію и укрѣпленію не совсѣмъ осѣвшихся умовъ нашей пишущей и читающей публики. Посему казалось бы нужнымъ не только не препятствовать цензурнымъ стѣсненіямъ, ввозу и обращенію у насъ произведеній иностранной печати, а стараться облегчать ихъ распространеніе всѣми путями».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ баронъ Корфъ предполагаетъ установить слѣдующія правила для иностранной цензуры: «1) Всѣ изданія, напечатанныя за-границею на языкахъ русскомъ и польскомъ, допускаются къ обращенію въ имперіи не иначе, какъ по одобреніи ихъ цензурою, согласно дѣйствующему порядку. 2) Изданія, напечатанныя за-границею на иностранныхъ языкахъ, допускаются къ свободному обращенію въ имперіи безъ предварительной цензуры. Посему на таможняхъ изданія такія пропускаются безпрепятственно; означенныя же въ п. 1-мъ пересылаются въ цензурное управленіе по существующимъ правиламъ. 3) Обращеніе въ имперіи каждаго изданія противозаконнаго содержанія можетъ быть особо воспрещаемо судомъ, какъ по непосредственному усмотрѣнію обвинительной судебной власти, такъ и вслѣдствіе сообщеній отъ главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, а равно по просьбамъ частныхъ лицъ. За продажу или распространеніе запрещеннаго такимъ образомъ изданія, виновные, даже когда не было съ ихъ стороны упомянутаго выше преступнаго умысла, подлежатъ взысканію. Для сего постоянно ведутся и доставляются, какъ во всѣ книжныя лавки, такъ и въ мѣстныя полицейскія управленія, реестры запрещенныхъ судами иностранныхъ книгъ. 4) Книгопродавцамъ не запрещается выписываемыя ими иностранныя изданія представлять на предварительное одобреніе цензуры. Въ случаѣ запрещенія такого изданія впослѣдствіи, къ нему примѣняется правило о вознагражденіи за убытки. 5) Если главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія, признавая иностранное сочиненіе нарушающимъ законъ, передастъ вопросъ о дозволеніи ему обращаться въ имперіи судебному разсмотрѣнію, то въ ожиданіи воспослѣдованія рѣшенія суда продажа этого сочиненія можетъ быть, по распоряженію главнаго управленія, пріостановлена. Для сего книгопродавцы всѣмъ, получаемымъ ими изъ за-границы, сочиненіямъ обязаны представлять точные реестры надлежащему правительственному установленію, и продажа вновь выписанныхъ сочиненій можетъ начинаться не прежде, какъ чрезъ три дня послѣ представленія тѣхъ реестровъ. 6) Выписываемые изъ-за-границы чрезъ почтамтъ газеты и журналы на иностранныхъ языкахъ немедленно по приходѣ сообщаются, въ одномъ экземплярѣ, назначенному для того отъ правительства лицу или учрежденію; еже-

дневныя газеты разсылаются подписчикамъ не ранѣе, какъ чрезъ два часа послѣ сообщенія этого экземпляра, а журналы еженедѣльные или еще рѣже выходящіе—не ранѣе, какъ чрезъ 24 часа. Какъ въ означенный промежутокъ времени, такъ и позже, разсылка нумера журнала или газеты можетъ быть остановлена».

Сообщ. **В. Бинштокъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

ніи иллюминацій и о сведеніи караула и о постановленіи на прежнемъ мѣстѣ,—ея императорскому величеству отъ меня докладывано, на что благоволеніе свое императорское указала: фрунтъ на время перевесть и поставить въ прежнемъ мѣстѣ, а впредь соизволенія ея императорскаго величества есть, чтобъ стоять главному караулу у зала, у первой фонтаны, фрунтомъ къ Армитажу, близь самого досчатаго забора; того ради ваше превосходительство соизволите положеніе мѣста осмотрѣть—можно ли цѣлому фрунту, а особливо во время смѣны обоимъ фрунтамъ на ономъ умѣститься; буде же за неспособно найдется, то быть тому фрунту къ залу по лѣвую сторону къ липовымъ деревьямъ большаго крыльца, о коемъ мѣстѣ и ваше превосходительство упомянуть соизволили.

Августа 19. Къ оному же генералъ-маіору Касагову писано:

«Ея императорское величество соизволила повелѣть: 1) чтобы завтра рано, для караулу ея величества, въ полномъ числѣ роту Конной гвардіи на лошадяхъ въ Петергофъ отправить, въ принадлежащемъ числѣ оберъ и унтеръ-офицеровъ и капраловъ, а рядовыхъ не меньше ста человѣкъ, съ однимъ штандартомъ и съ трубачами, которымъ по прибытіи въ Петергофъ занять всею тою ротою караулъ и поставить въ пристойныхъ мѣстахъ часовыхъ и фрунтъ имѣть въ прежнемъ мѣстѣ; 2) сержантовъ шесть человѣкъ гранодерскихъ отъ полковъ гвардіи при той ротѣ особо командировать; 3) священника съ причетниками, ежели — при церкви полковой, поставленный въ Петергофѣ, отлучился, то потому-жъ прикажите, ваше превосходительство, отправить туда наискорѣе; 4) ѣздовыхъ сержантовъ шесть человѣкъ, то же соизволите туда жъ послать; 5) счетчика изъ опредѣленныхъ одного съ денежною суммою въ Петергофъ же отправить; 6) командированной ротѣ велѣть провіанта и фуража взять на пять дней; 7) уповательно въ Конной гвардіи палатокъ нѣтъ, то соблаговолите для рядовыхъ той командированной роты на время оныя взять отъ гвардіи пѣхотныхъ полковъ. Все сіе имѣю честь вашему превосходительству рекомендовать въ скорѣйшее исполненіемъ приведеніе и куда надлежитъ отъ себя сообщить безъ потерянія времени соблаговолите».

Августа 19. Къ нему же, генералъ-маіору Касагову, писано:

«Ея императорское величество повелѣла: сейчасъ наряженную команду въ Петергофъ Конной гвардіи до указу не посылать; того ради, ваше превосходительство, все отправленіе по предложенію моему соизволите остановить».

Августа 20. Къ обрѣтающемуся при строеніи въ Царскомъ Селѣ полковнику Григорьеву предложено:

«Ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что въ недавныхъ числахъ села Царскаго въ деревняхъ приписныхъ къ нѣкото-

рымъ крестьянамъ во дворы приходили въ ночное время воры, въ намѣреніи разбить, коими изъ ихъ скарбу нѣсколько и пограблено, и по признанію—изъ солдатъ; того ради соизволила ея императорское величество своимъ указомъ повелѣть: въ находящіеся здѣсь для работъ отъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ баталіоны накрѣпко приказать, чтобъ за солдатами наиприлежнѣйше присматривать, не найдется ли изъ того пограбленнаго чего; и буде сыщется, съ тѣми поступать по силѣ военныхъ правъ и указовъ ея императорскаго величества не упустительно и о томъ для докладу ея величеству — кто въ помянутомъ преступленіи явится—дежурному генералъ-адъютанту репортовать. А между тѣмъ въ пресѣченіе всякихъ непристойныхъ поступковъ, велѣть воздерживать и изъ лагеря безъ приказа и безъ позволенія никому никуда не отлучаться и по пробитіи вечерней и утренней папты унтеръ-офицерамъ и капраламъ велѣть осматривать и дозорамъ о томъ же подтверждать и другъ за другомъ наблюдать.

Августа 21. Къ генералъ-маіору Касагову писано:

«Репортъ вашего превосходительства полученъ, на который теперь сіе только предложить нахожу: караульному фрунту соблаговолите ваше превосходительство приказать быть, до прибытія ея императорскаго величества, въ поставленномъ мѣстѣ.

(Другою рукою) Подъ тѣмъ предложеніемъ на ноту бе, вынесено слѣдующее:

Ея императорское величество соизволитъ завтрашняго числа рано шествовать въ Петергофъ; того, ради ваше превосходительство, соблаговолите приказать по прежнему моему предложенію, какъ въ отправленіи Конной роты, такъ и въ прочемъ, все исполнить.

Августа 22. * Ея императорское величество соизволила изъ Царскаго Села въ Петергофъ шествіе имѣть пополудни въ 5-мъ часу и прибыть въ 7-мъ часу * [1]).

Августа 23. Лейбъ-гвардіи Коннаго полка ротмистру Респею, инструкція.

1) Имѣющуюся въ вашемъ вѣдомствѣ команду содержать во всякой чистотѣ и исправности и коннымъ ружье имѣть всегда заряжено и отъ всякой непристойности воздерживать.

2) Утреннюю зорю и вечернюю бить въ свое время.

3) Надлежащую честь ея императорскому величеству, со играніемъ музыкою и съ уклоненіемъ штандарта отдавать, когда при случаѣ, дважды въ день.

---

[1]) По „Кам. фур. журн.“ 24-го августа ихъ императорскія высочества изъ Ранибова прибыли въ Петергофъ.

4) Его императорскому высочеству ставить же на караулъ цѣлымъ же фрунтомъ, безъ игранія музыки и безъ уклоненія штандарта.

5) Часовыхъ имѣть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже разставлены и исполнять имъ каждому приказы, что кому на своемъ посту хранить надлежитъ.

6) Ночью, когда Лейбъ-кампаніи пекетъ придетъ, то становить часовыхъ ночныхъ въ показанныхъ мѣстахъ и кромѣ самыхъ тутошнихъ придворныхъ служителей отнюдь не пускать.

7) Послѣ вечерняго кушанья на поварняхъ огонь гасить, такожъ гдѣ не въ приличныхъ мѣстахъ огни останутся потому-жъ велѣть тушить и крайнюю осторожность отъ пожара имѣть.

8) Внизу трубу пожарную и какіе инструменты пожарные и при нихъ имѣющихся служителей имѣть въ вашемъ вѣдѣніи.

9) Челобитчиковъ и другихъ шатающихся людей отнюдь не допущать до ея императорскаго величества и сверхъ того подлаго народа никуда не пущать же, кромѣ однихъ работниковъ.

10) Дозоромъ денно и ношно и рундомъ посылать офицеровъ, чрезъ часъ, чтобъ часовые отнюдь не спали и не сидѣли.

11) Вахтовую шеренгу имѣть и при ней одного унтеръ-офицера или капрала, которымъ, когда генералитетъ будетъ мимо слѣдовать, приступать.

12) Вездѣ, а особливо около караульни, весьма крѣпкое наблюденіе имѣть, дабы каковой нечистоты быть не имѣло.

13) Сержантовъ гранодерскихъ ставить въ томъ мѣстѣ, гдѣ вчера уже показано.

Августа 24. Къ генералъ-маіору и кавалеру Касагову писано.

«Ея императорское величество уповательно соизволитъ изъ Петергофа возвращеніе и въѣздъ свой императорскій въ Санктъ-Петербургъ имѣть въ будущую пятницу, то-есть 26-го (или 27-го) августа; того ради запотребно вашему превосходительству нахожу предложить, дабы благоволили въ адмиралтействъ-коллегію и къ санктъ-петербургскому коменданту послать сношеніи, чтобъ для шествія ея величества изготовлено было ради салютаціи пушечною стрѣльбою указное число пушекъ, почему напредъ сего производилось; чего ради офицера съ сигнальною ракетою потребую поставить у дворца въ пристойномъ мѣстѣ».

Августа 25. Къ генералъ-маіору и кавалеру Касагову писано:

«Уповательно неотмѣнно ея императорское величество сегодняшній день соизволитъ въ Санктъ-Петербургъ въѣхать; того ради для высочайшаго прибытія изготовить для сигналу пушечной пальбы—ракетку, также изволите полный караулъ приказать поставить, а полковую цер-

*

ковь ея величество изволила указать взять; того ради соблаговолите для взятья оной пристойное число подъемныхъ лошадей послать».

Августа 25. Лейбъ-гвардіи Коннаго полка ротмистру Респею.

По высочайшемъ ея императорскаго величества отшествіи ваше высокоблагородіе изволитъ со всею командою, взявъ пѣхотной гвардіи гранодерскихъ сержантовъ, слѣдовать въ Санктъ-Петербургъ, а дворецъ въ содержаніе караула отдать пѣхотныхъ полковъ командѣ и по прибытіи, штандартъ поставя въ свое мѣсто, явиться къ полкамъ.

* Ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изъ Петергофа шествіе свое въ Санктъ-Петербургъ пополудни въ 5-мъ часу изволили возымѣть * и, будучи въ пути, ея величество благоволила вечернее кушать у господина генералъ-лейтенанта и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова на дачѣ, а оттуда прибыть пополудни въ 10-мъ часу.

Августа 26. По допросу явившагося при дворѣ ея императорскаго величества вологодскаго купца Наскова приказчика Федора Шадрина, ея величество, на докладъ, соизволила указать: отдать его оному Наскову съ такимъ высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы онъ, Насковъ, отправилъ его немедленно на свое жилище, въ Вологду, и ежели онъ, Шадринъ, въ такомъ безумствѣ (какъ усмотрѣнъ) далѣе будетъ, то-бъ отдать его подъ началъ, въ чемъ взять съ него подписку.

Августа 29. Къ генералъ-маіору и санктъ-петербургскому оберъ-коменданту князю Мещерскому.

Соизволите, ваше сіятельство, завтрашняго числа указное число для дни кавалеріи св. Александра-Невскаго пушечную пальбу произвесть по окончаніи службы, какъ начнется въ Невскомъ монастырѣ, о чемъ и въ адмиралтейскую коллегію писано.

Августа 29. Отъ флота лейтенанту Синявину предложено:

Завтрашняго числа для дни кавалеріи св. Александра-Невскаго изволите ваше благородіе съ яхтъ, какъ съ Санктъ-Петербургской крѣпости и Адмиралтейства окончится пушечная пальба, приказать изъ 20-ти пушекъ учинить пальбу.

Лейбъ-гвардіи полковъ къ дежурству.

Ея императорское величество соизволила указать: завтрашняго числа: 1-е) для столовой пальбы гвардіи полковъ пушки послать въ Александро-Невскій монастырь; того ради при офицерѣ съ артиллерійскими служителями и отправить и велѣть тамъ въ удобномъ мѣстѣ поставить неподалеку отъ галлерей или отъ зала, гдѣ столъ ея императорскаго величества имѣться будетъ; 2-е) 50 человѣкъ солдатъ, при офицерѣ, для ношенія кушанья командировать въ Невскій же монастырь и завтрашняго числа явиться у его превосходительства г. оберъ-гофмаршала и кавалера Шепелева.

Въ военную коллегію.

Ея императорское величество соизволила указать: поставленные отъ гвардіи пекеты убавить, а быть только малымъ и то въ нужныхъ мѣстахъ, а гдѣ есть состоящій какой-либо караулъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ и вблизости ихъ въ виду—пекетовъ и часовыхъ не ставить, что́ и учинено. А нынѣ ея величество своимъ императорскимъ указомъ благоволила повелѣть и отъ армейскихъ, и морскихъ и другихъ полковъ имѣемые пекеты убавить, о которомъ ея величества высочайшемъ соизволеніи къ исполненію государственной военной коллегіи чрезъ сіе сообщаю, а въ адмиралтействъ-коллегію о томъ писано.

Августа 30. * Въ день ордена св. Александра-Невскаго, по повѣсткѣ отъ придворной конторы, собрались ко двору ея императорскаго величества придворные того ордена кавалеры, а прочимъ велѣно всѣмъ въ Казанской церкви быть и слѣдовать за кресты. А ея императорское величество, гдѣ и его императорское высочество съ придворнымъ штатомъ и кавалерами, шествіе изволили имѣть въ Александро-Невскій же монастырь, куда по прибытіи архіереемъ съ протчими духовными чинами со крестами у воротъ встрѣчены были, и оттуда ея величество прямо шествовать благоволила въ церковь къ литургіи, а кавалеры того ордена передъ ея величествомъ * по старшинству шли впереди по два человѣка въ рядъ, и при ономъ входѣ въ монастырь изъ стоящихъ тамъ монастырскихъ пушекъ произведена была пальба. А какъ литургія окончилась, тогда сказана была предика, а по оной всѣми архіереи * служенъ былъ соборный молебенъ и во время чтенія Св. Евангелія изъ монастырскихъ пушекъ вторично учинена пальба. * Потомъ, какъ вся та служба окончилась и третичная пальба стала чиниться, тогда и изъ крѣпостей Санктъ-Петербургской изъ 21-й, Адмиралтейской —изъ 20-ти, съ яхтъ изъ 20-ти-жъ пушекъ пушечная пальба произведена, о чемъ наканунѣ дано было знать.

А ея императорское величество со всѣми кавалерами слѣдовать соизволила въ галлерею [1]), гдѣ * за приготовленнымъ столомъ вышеупомянутаго ордена съ кавалерами и кушать благоволила *, а за столомъ изъ поставленныхъ близъ галлерей отъ гвардіи полковыхъ пушекъ, по воли ея величества, чрезъ оберъ-гофмаршала и кавалера Шепелева, произведена 3 раза пальба. И по окончаніи стола ея величество, съ придворнымъ штатомъ, въ императорскіе свои лѣтніе покои пополудни въ 4 часа прибыть изволила.

Пополудни въ 7 часовъ собрались ко двору ея императорскаго величества объявленнаго ордена кавалеры и чужестранные послы, мини-

[1]) „Ея императорское величество изволила выйти и сѣсть въ карету, поѣхала въ садъ, гдѣ пріуготовленъ столъ“ („Кам.-фур. журн.“ стр. 50).

стры и знатныя генералитетскія обоего пола персоны для надлежащаго поздравленія и затѣмъ (былъ) балъ и продолжался до 10-ти часовъ послѣ полудня.

Сентября 2. Капитану Кочетову, приказъ.

Ея императорское величество соизволила указать, что проходящіе чрезъ садъ рвутъ яблоки и другіе фрукты, въ которомъ своевольствѣ своею высочайшею императорскою особою усмотрѣть изволила. Въ отвращеніе отъ того къ имѣющимся караульнымъ въ день по одному изъ солдатъ часоваго безъ ружья, а ночью стоящаго по каналу часоваго къ тому саду ставить ближе, которымъ накрѣпко надъ такимъ своевольствомъ наблюдать, и ежели во ономъ кто явится—велѣть тѣхъ брать подъ караулъ.

Сентября 3. Въ военную коллегію.

Отъ двора ея императорскаго величества сообщено, чтобъ въ день высочайшаго ея величества тезоименитства, сентября 5-го дня, при дворѣ, за обѣденнымъ кушаньемъ, имѣли остаться дѣйствительно служащіе полковники и о томъ отъ военной коллегіи соблаговолено-бъ было — кои здѣсь господа полковники имѣются—дать знать.

Противъ того-жъ гвардіи полковъ къ дежурству о капитанахъ гвардейскихъ писано.

Генералъ-адъютантъ Бутурлинъ.

Сентября 4. Лейбъ-гвардіи полковъ къ дежурству сообщено.

Ея императорское величество соизволила указать: завтрашняго числа: 1) для столовой пальбы гвардіи полковъ полковыя пушки, при офицерѣ съ артиллерійскими служители, прислать ко двору ея величества и поставить въ удобномъ мѣстѣ; 2) ради ношенья кушанья при офицерѣ и унтеръ-офицерахъ командировать солдатъ 100 человѣкъ, которымъ велѣть явиться у его превосходительства оберъ-гофмаршала и кавалера Шепелева поутру рано.

Къ генералъ-маіору и санктъ-петербургскому оберъ-коменданту князю Мещерскому.

Для дни высочайшаго ея императорскаго величества тезоименитства завтрашняго числа ваше сіятельство изволите приказать съ крѣпости надлежащую пушечную пальбу произвесть по данному отъ дворца сигналу и для того поутру рано съ сигнальною ракетою прислать артиллеріи офицера, которому явиться у дежурнаго генералъ-адъютанта.

Сентября 4. Отъ флота лейтенанту Синявину.

Завтрашняго числа для дни высочайшаго ея императорскаго величества тезоименитства изволите ваше благородіе приказать: 1-е) яхты съ утра убрать флагами; 2-е) по окончаніи съ Санктъ-Петербургской и Адмиралтейской крѣпостей пушечной пальбы съ яхтъ произвесть пальбу

изъ 51-й пушки; 3-е) какъ зажжена будетъ иллюминація, тогда (по собраніи флаговъ) убрать фонарями съ огнемъ.

Въ Адмиралтействъ-коллегію.

Для дни высочайшаго ея императорскаго величества тезоименитства завтрашняго числа потребно съ Адмиралтейской крѣпости учинить, какъ съ Санктъ-Петербургской произведена быть имѣетъ—указную пушечную пальбу, о чемъ и сообщается.

Генералъ-адъютантъ Бутурлинъ.

Дежурство генералъ-адъютанта и кавалера графа Шувалова.

Сентября 5. * Въ день всевысочайшаго ея императорскаго величества тезоименитства пополуночи въ 10-мъ часу съѣхались ко двору ея императорскаго величества чужестранные послы и министры, генералитетъ, штатсъ-дамы и протчія знатныя особы.

Пополуночи-жъ въ 11-мъ часу ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изволили въ придворной церкви слушать божественную литургію; по отпѣніи божественной литургіи отъ вышеозначенныхъ персонъ ея императорскому величеству всеподданнѣйше принесено поздравленіе; потомъ, по сигнальной отъ двора ракетѣ, производилась съ крѣпостей Санктъ-Петербургской и Адмиралтейской пушечная пальба по табели *; также и съ находящихся противъ двора яхтъ.

* Пополудни во 2-мъ часу ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изволили кушать въ залѣ, на императорскомъ тронѣ и изъ иныхъ нѣкоторыя знатныя персоны, также гвардіи маіоры, старшіе капитаны и ротмистры и капитанъ-поручики, Лейбъ-Кампаніи унтеръ-офицеры, армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ полковники *, а артиллерійскіе (?) и подполковники кушали-жъ за особливыми столами; во время чего, при питіи за превысочайшее здравіе, была, изъ поставленныхъ у угла, что̀ къ Мойкѣ, полковыхъ пушекъ три раза пальба.

* Въ 6 часовъ пополудни предписанныя знатныя обоего пола особы начали съѣзжаться паки ко двору ея императорскаго величества и начался въ залѣ балъ *. Около осьмаго часу при дворѣ ея императорскаго величества предъ залой, у Прешпективой зажжена представленная для того высочайшаго ея императорскаго величества тезоименитства иллюминація, а на Санктъ-Петербургской крѣпости, по бастіонамъ, горѣли плошки, что̀ все продожалось до полуночи.

Сентября 5. Ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловать соизволила его сіятельство генералъ-лейтенанта и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова, дѣтей его графовъ Николая, да

Андрея Шуваловыхъ, а именно: Николая—лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, въ сержанты, а Андрея—лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ въ вахмистры, о чемъ въ вышеобъявленные полки отъ генеральнаго дежурства сообщено.

Сентября 6. Ея императорское величество именнымъ своимъ всемилостивѣйшимъ указомъ соизволила указать: камергера и кавалера Романа Ларіоновича Воронцова—сына Александра Воронцова, камергера-жъ и кавалера Алексѣя Андреевича Хитрова—сына Николая Хитрова—лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ написать въ солдаты; о чемъ во оный Измайловскій полкъ и сообщено.

Сентября 7. Пополуночи въ 12-мъ часу ея императорское величество соизволила выѣздъ имѣть въ Смольный дворецъ, гдѣ благоволила кушать, а оттуда соизволила возвратиться въ 6-мъ часу пополудни.

* Пополудни въ 8-мъ часу ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изволили выходъ имѣть на оперу, а прибыли въ 11-мъ часу * [1]).

Сентября 8. Писано къ генералъ-маіору, лейбъ-гвардіи маіору и кавалеру Касагову.

«Ея императорское величество высочайшій отъѣздъ изволитъ имѣть сегодняшній день до Гостилицъ; того ради ваше превосходительство изволите при дворѣ ея величества остаться и дежурить вмѣсто насъ. О благополучномъ состояніи дворца, кромѣ чрезвычайныхъ приключеній, къ дежурному генералъ-адъютанту, кто при ея величествѣ находиться будетъ, присылать репорты по-недѣльно, а въ прочемъ ссылаюсь на прежнія предложенія».

* Пополуночи въ 8-мъ часу ея императорское величество соизволила выходъ имѣть въ Гостилицы *.

Генералъ-адъютантъ графъ Александръ Шуваловъ.

Походный журналъ генералъ-адъютанта и кавалера Батурлина [2]).

Сентября 8. Ея императорское величество изъ Санктъ-Петербурга изволила шествіе предпріять до Гостилицъ пополуночи въ 8-мъ

---

[1]) По «Кам.-фур. журн.», стр. 58: ...«отправлялось итальянское дѣйствіе, называемое пастораль".

[2]) Случайное нахожденіе подобнаго журнала, въ видѣ отдѣльно вплетеннаго листа при „Журналѣ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ", повидимому, указываетъ, что при каждой кратковременной отлучкѣ императрицы изъ С.-Петербурга велись „походные журналы", но они не всегда, вѣроятно, сдавались генералъ-адъютантами къ дѣламъ генеральнаго при ея величествѣ дежурства. Въ данномъ случаѣ «Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ» съ 20-го сентября продолжался на томъ же листѣ „походнаго журнала", такъ какъ дежурство генералъ-адъютанта Бутурлина, бывшаго „въ походѣ", окончилось 24-го сентября.

часу и, будучи въ пути, благоволила литургію слушать въ церкви, на дачѣ генерала Бутурлина, а обѣднее кушать у оберъ-гофмаршала и кавалера г. Шепелева, откуда въ Гостилицы ея величество прибыла пополудни въ 10 часовъ.

Сентября 10. Ея императорское величество выходъ имѣть изволила камеръ-юнкера Сиверса въ мызу и обѣднее кушать, откуда ея величество прибыла пополуди въ 6 часовъ [1]).

Сентября 15. * Ея императорское величество изъ Гостилицъ изволила шествіе предпріять до Царскаго Села * пополуночи въ 11-мъ часу и, будучи въ пути, благоволила обѣднее кушать на Кипени, откуда въ Царское Село ея величество прибыла пополудни въ 8 часовъ.

Сентября 17. Ея императорское величество изволила забавляться псовою охотою въ близости Царскаго Села.

Генералъ-аншефу и кавалеру графу Румянцову.

Ея императорское величество указать соизволила: состоящихъ въ Царскомъ Селѣ для работъ трехъ баталіоновъ дивизіи вашего сіятельства расположить на винтеръ-квартиры по показанію господина полковника Григорьева по близости Села Царскаго, о чемъ вашему сіятельству для единаго извѣстія доношу, въ прочемъ пребываю съ особливымъ почтеніемъ.

Сентября 19. * Ея императорское величество изъ Царскаго Села изволила шествіе предпріять до Санктъ-Петербурга пополудни въ 8-мъ часу и, будучи въ пути, благоволила вечернее кушать у Среднихъ Рогатокъ, а оттуда въ Санктъ-Петербургъ прибыла въ 12 часовъ.

Сентября 21. Лейбъ-гвардіи полковъ къ дежурству.

Ея величество императорскій свой переходъ въ Зимній дворецъ соизволитъ завтрашняго числа возымѣть, того ради указано: 1) въ четвертокъ рано, то-есть 22-го сентября, въ оный, а не въ Лѣтній уже, отъ полковъ Конной и пѣхотной гвардій послать надлежащій, при знамѣ, караулъ, который привесть господину дежуръ-маіору; 2) по вступленіи оному фрунтъ занять въ прежнемъ мѣстѣ; 3) часовыхъ разставить въ показанныхъ по прежней разводной мѣстахъ: пѣхотной пѣхотному, а конной команды конному офицерамъ, и что на каждомъ посту хранить, должно роздать онымъ цидулки съ прежнихъ же приказовъ; и какъ иные разставятся, тогда бывшей командѣ и офицеру велѣть явиться къ своимъ полкамъ; 4) для забранія и переносу въ тотъ Зимній дворецъ штандартовъ, знаменъ и литавръ при офицерахъ пристойныя команды послать и велѣть оные, по переносѣ, положить въ прежнихъ мѣстахъ и тѣмъ командированнымъ офицерамъ явиться для принятія приказа у

[1]) 10-го сентября „ихъ императорскія высочества изволили поѣхать изъ Санктъ-Петербурга въ Гостилицкую мызу“ („Кам.-фур. журн.“, стр. 58).

дежурнаго генералъ-адъютанта; 5) по переходѣ ея императорскаго величества, въ Лѣтнемъ дворцѣ караулу остаться при одномъ поручикѣ, въ надлежащемъ числѣ рядовыхъ, съ унтеръ-офицерами и капралами и велѣть онымъ посты занять въ пристойныхъ мѣстахъ по усмотрѣнію оставшаго офицера и, по разстановленіи на оные, командѣ явиться къ своимъ полкамъ приказать; 6) потому оставшему при Лѣтнемъ дворцѣ офицеру велѣть караульнымъ имѣть прежнюю отъ пожара предосторожность и нигдѣ ни до какой нечистоты не допускать, то-жъ и въ прочемъ во всемъ непремѣнно по силѣ прежнихъ приказовъ поступать.

Сентября 21. Отъ флота лейтенанту Синявину.

Ея величество императорскій свой переходъ въ Зимній дворецъ завтрашняго числа соизволитъ имѣть; того ради ваше благородіе изволите слѣдующее учинить: 1) по учиненіи съ Санктъ-Петербургской крѣпости и Адмиралтейства пушечной пальбы, приказать съ яхтъ изъ пятидесяти одной пушки пальбу произвесть; 2) по оной пальбѣ съ тѣми яхтами спускаться къ Зимнему дворцу, и какъ поравняетесь противъ крѣпости, тогда съ каждой изъ семи пушекъ учинить селютацію; 3) наивозможнымъ образомъ стараться, чтобъ къ тому Зимнему дворцу спускомъ ихъ ускорить къ обѣднему ея величества кушанью, чего ради, когда оныя въ то время успѣютъ, то остановя ихъ повыше деревянныхъ, къ адмиралтейству стоящихъ, флигелей, тотчасъ чрезъ мичмана къ дежурному генералъ-адъютанту дать извѣстіе, коему отъ него дастся о пальбѣ съ нихъ приказъ, по которому ту пальбу и произвесть; 4) и для того, дабы иногда отъ случившейся противной погоды въ томъ не могъ быть пресѣченъ успѣхъ,—заблаговременно для буксированія отъ Адмиралтейства морскихъ судовъ, канатовъ и прочихъ принадлежностей (и) людей истребовавъ, — въ готовности при оныхъ яхтахъ могли быть; 5) ежели-жъ паче чаянія къ тому времени за совершенною невозможностью никакъ ускорить будетъ нельзя, то уже въ такомъ случаѣ, хотя послѣ обѣда спуститесь помянутымъ же образомъ, не производя пальбу, дежурному генералъ-адъютанту чрезъ присланнаго увѣдомленіе подать.

Сентября 21. Въ Государственную Адмиралтейскую коллегію.

Ея величество императорскій свой переходъ изъ Лѣтняго въ Зимній дворецъ соизволитъ воспріять завтрашняго числа поутру; того ради благоволено-бъ было приказать надлежащую пушечную пальбу—указное число—съ Адмиралтейства произвесть по даннымъ сигналамъ, какъ ея императорское (го) величество (а) высочайшее повелѣніе воспослѣдуетъ, по выходѣ-ли изъ Лѣтняго или по пришествіи въ Зимній дворецъ, и для того сигнальныя ракеты велѣно изъ Санктъ-Петербургской крѣпости съ офицерами прислать. Когда же высочайшее благоволеніе императорское послѣдуетъ, стрѣльбу учинить съ крѣпостей по дважды,

какъ то при отшествіи, такъ и по пришествіи въ Зимній дворецъ, то-бъ потому же-бъ приказано было поставленныхъ сигналовъ наблюдать и по тѣмъ даннымъ—пушечную пальбу производить, а сколь скоро первый сигналъ дастся, то напередъ съ крѣпости пятьдесятъ одинъ выстрѣлъ учинить. И понеже по данному въ силѣ высочайшаго соизволенія ея величества флота лейтенанту Синявину ордеру велѣно съ транспортомъ и яхтами слѣдовать того-жъ дня ко оному-жъ Зимнему дворцу и дабы иногда отъ случившейся противной погоды не могъ быть пресѣченъ повелѣнный въ томъ слѣдованіи успѣхъ, то-бъ заблаговременно для буксированія по истребованіи отъ Адмиралтейства шлюпки и прочихъ принадлежностей при тѣхъ яхтахъ въ готовности могли быть, о чемъ Адмиралтействъ-коллегія благоволитъ вѣдать и безъ укоснительное по его требованію удовольствіе учинить.

Сентября 21. Генералъ-маіору и Санктъ-Петербургской крѣпости оберъ-коменданту князю Мещерскому.

Ея величество императорскій свой переходъ изъ Лѣтняго въ Зимній дворецъ соизволитъ воспріять завтрашняго числа поутру; того ради ваше сіятельство благоволите приказать надлежащую пушечную пальбу—указное число—съ крѣпостей (и) произвесть по даннымъ сигналамъ, какъ ея императорское (го) величество (а) высочайшее повелѣніе воспослѣдуетъ—по выходѣ-ли изъ Лѣтняго или по пришествіи въ Зимній дворецъ. А для того сигнальныя ракеты прислать; однѣ въ Лѣтній, другія въ Зимній дворецъ и велѣть онымъ явиться съ тѣми и ожидать приказа отъ дежурнаго генералъ-адъютанта. Когда же высочайшее благоволеніе императорское послѣдуетъ—стрѣльбу учинить съ крѣпостей по дважды, какъ-то по отшествіи, такъ и по пришествіи въ Зимній дворецъ, то-бъ потому же-бъ приказано было поставленныхъ сигналовъ наблюдать и по тѣмъ даннымъ—пушечную пальбу производить, а сколь скоро первый сигналъ дастся, то напередъ съ крѣпости пятьдесятъ одинъ, а потомъ съ Адмиралтейства пятьдесятъ выстрѣловъ учинить. А понеже по посланному флота къ лейтенанту Синявину ордеру велѣно съ транспортомъ и яхтами слѣдовать того-жъ дня ко оному жъ дворцу, и тогда какъ противъ крѣпости оные поравняются, съ каждой изъ семи пушекъ (будутъ) селютовать; того ради таковую-жъ заимность во оное время пальбою и изъ крѣпости приказать соизволите произвесть.

Сентября 22. Отъ флота лейтенанту Синявину.

Ея величество императорскимъ своимъ указомъ соизволила повелѣть: транспорты и яхты, стоящіе передъ дворцомъ, разоружа, ввесть и поставить въ ихъ мѣста; по оному ея императорскаго величества высочайшему указу изволите учинить исполненіе, а адмиралтействъ-коллегіи за извѣстіе о томъ сообщается.

Сентября 22. Лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ.

Изъ особливой высочайшей монаршей милости ея императорское величество соизволила сего 21-го сентября пожаловать лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ въ корнеты графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. О которомъ благоволеніи ея императорское величество чрезъ сіе во исполненіе и сообщается.

Сентября 22. * Ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами въ 11-мъ часу пополуночи высочайшій свой императорскій переходъ изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, со всѣмъ своимъ придворнымъ статомъ, возымѣть благоволила, причемъ въ препровожденіи слѣдовала за каретою его императорскаго высочества при одномъ оберъ-офицерѣ Конной гвардіи команда, а потомъ статсъ-дамы и фрейлины; и какъ ея императорское величество соизволила прибыть въ Зимній дворецъ и войти въ церковь, то по данному сигналу произведена была съ крѣпости и Адмиралтейства изъ указнаго числа пушечная пальба *.

Сентября 23. Караульному лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану Мячкову, приказъ.

Ея императорское величество указать соизволила: близъ покоевъ ея величества стоящую будку перенести и поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ отъ лугу къ Адмиралтейству въ ночное время веревка закидывается.

Сентября 23. * Въ Оперномъ домѣ была французская комедія, на которую пополудни въ 8-мъ часу ея императорское величество благоволила выходъ имѣть, при чемъ присутствовать изволили и ихъ императорскія высочества, и оная комедія продолжалась до 11-го часу, въ которомъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами и возвратиться соизволили *.

Генералъ-адъютантъ Бутурлинъ.

Сентября 24. Пополудни въ 9-мъ часу отъ караульнаго лейбъ-гвардіи г. капитана князя Волконскаго дежурному генералъ-адъютанту представленъ пойманный въ томъ часу часовымъ бѣжавшій во дворецъ ея императорскаго величества, чрезъ крыльцо отъ лугу, въ темныхъ сѣняхъ, на лѣстницѣ къ покоямъ, незнаемо какой человѣкъ, въ сѣромъ кафтанѣ и въ однихъ чулкахъ, отъ котораго тогда, по бывшему отъ него бѣшенству (ибо кричалъ и бросался всѣхъ бить), ничего увѣдать было не можно, кромѣ того, что сказалъ о себѣ, яко онъ Астраханскаго пѣхотнаго полка извозчикъ—и затѣмъ отданъ подъ караулъ. А между тѣмъ того Астраханскаго полка маіоръ Швенсонъ призываиъ, которому

приказано о состояніи его подать къ дежурному генералъ-адъютанту обстоятельное извѣстіе [1]).

Дежурство генералъ-адъютанта и кавалера графа Петра Шувалова.

Сентября 25. Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану Чирикову отданъ словесный приказъ, чтобъ изъ офицеровъ, съ перемѣною, и чрезъ всю ночь одинъ не спалъ.

Въ 10-мъ часу пополудни былъ пожаръ; сгорѣла лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ свѣтлицахъ одна связь.

Сентября 26. Ея императорское величество соизволила указать: Лейбъ-Кампаніи вицъ-сержанта Петра Языкова арестовать, который дежурнымъ ея величества генералъ-адъютантомъ и арестованъ и при немъ взято подъ караулъ четыре человѣка людей его; притомъ же послано въ домъ его, на Выборгскую сторону, при одномъ капралѣ, два человѣка солдатъ для караула нѣкоторой колодницы. А шпага помянутаго Языкова отдана подъ часы часовому, стоящему у казны въ дежурной генералъ-адъютантской палатѣ.

Сентября 27. Ея императорское величество пополудни въ 5-мъ часу соизволила имѣть выходъ на дачу генералъ-лейтенанта и кавалера графа Петра Шувалова, гдѣ и вечернее кушанье имѣть благоволила.

Сентября 28. Ея императорское величество соизволила высочайшій свой имѣть выходъ къ камергеру и кавалеру барону Сергѣю Строганову, въ которомъ своемъ благоволительномъ пребываніи изустно повелѣть соизволила: у жены Лейбъ-Кампаніи вицъ-сержанта Петра Языкова взять на письмѣ въ непорядочныхъ его съ нею поступкахъ показаніе, по которому, изслѣдовавъ, донесть ея императорскому величеству.

Сентября 30. Въ Каморъ-цалмейстерскую контору сообщено:

«Понеже при смѣнахъ въ сдачѣ и принятіи фарфоромъ уставленной горы въ залѣ великое медленіе происходитъ, а въ то время, какъ пришедшіе ко двору ея императорскаго величества на караулъ, такъ и бывшіе солдаты принуждены, дожидаясь, стоять на дворѣ и претерпѣвать холодъ, а иногда и дождь; того ради симъ въ Каморъ-цалмейстерскую контору сообщается, дабы благоволено было къ той горѣ нарочнаго смо-

---

[1]) Изъ допроса, произведеннаго этому извозчику, Степану Солодовникову, послѣ того, когда онъ пришелъ уже «въ чувство», можно заключить, что онъ былъ просто пьянъ; оказалось, что онъ самовольно отлучился «изъ гошпиталя», получивъ въ послѣднемъ «поутру», «въ порцію» одну чарку водки.

трителя приставить, который бы въ каждые сутки при смѣнахъ былъ и, смотря, сказывалъ, что оная въ цѣлости или въ поврежденіи и съ тѣмъ новаго часоваго оставлялъ, чтобъ чрезъ оное скорое ея пришедшими на караулъ принятіе не такъ медленно смѣна быть могла, и стоящіе на дворѣ солдаты нуждъ миновали. А часовые токмо имѣютъ смотрѣть того, чтобъ кто чего не разбилъ, а когда что повредится, то о томъ того-жъ часа въ Каморъ-цалмейстерскую контору дано знать быть имѣетъ».

Октября 1. * Ея императорское величество изъ Санктъ-Петербурга до Царскаго Села шествіе предпріять соизволила пополудни въ 4-мъ часу *.

Октября 7. * Ея императорское величество изъ Царскаго Села пополудни въ 9-мъ часу въ Санктъ-Петербургъ прибыть соизволила *.

Октября 8. Караульному лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитану г. Мордвинову, приказъ.

Содержащуюся на Выборгской сторонѣ, въ домѣ Лейбъ-Кампаніи вицъ-сержанта Петра Языкова дѣвку Авдотью Артемьеву дочь изъ-подъ караула свободить и имѣющихся при ней на караулѣ солдатъ возвратить сюда по прежнему.

Октября 9 (отданъ октября 16-го). Караульному поручику г. Давыдову, лейбъ-гвардіи Коннаго полка, приказъ.

Ея императорское величество изъ высочайшей своего величества милости указать соизволила: во время куртаговъ и по утрамъ въ различные дни армейскихъ полковъ оберъ-офицеровъ пропускать въ галлерею, токмо накрѣпко того смотрѣть, дабы оные были во всякой приличной по ихъ офицерской чести чистотѣ и убранствѣ, а ежели кто не убранъ, въ разодранномъ платьѣ или не въ состояніи (нетрезвымъ) придетъ, таковыхъ не пропускать.

Дежурство генералъ-адъютанта графа Александра Шувалова.

Октября 9. Пополудни въ 7-мъ часу при дворѣ ея императорскаго величества былъ куртагъ.

Ея императорское величество высочайшимъ своимъ именнымъ указомъ соизволила указать: сосланнаго въ прошломъ 1743 году бывшаго лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка гранодера Ивана Григорьева, который явился по дѣлу о учинившихся въ 1742 году въ арміи, подъ Выборгомъ, лейбъ-гвардіи полковъ съ унтеръ-офицерами противностяхъ [1]) въ дальній гарнизонъ — въ солдаты, возвратить въ Санктъ-

[1]) «Противности» эти выразились въ томъ, что около четырехсотъ нижнихъ чиновъ, большею частью лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Измайловскаго пол-

Петербургъ; чего ради по силѣ онаго высочайшаго ея императорскаго величества указа отъ генеральнаго дежурства въ военную коллегію и сообщено.

Октября 11. Пополудни въ 8-мъ часу ея императорское величество соизволила выходъ имѣть къ его сіятельству дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковнику и разныхъ орденовъ кавалеру графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, гдѣ благоволила кушать, а прибыть соизволила пополуночи во 2-мъ часу.

Октября 13. Пополуночи въ 7-мъ часу ея императорское величество соизволила выходъ имѣть къ Горѣлому Кабачку, въ Шалоши [1]); кушать благоволила на дачѣ его сіятельства генералъ-адъютанта и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова, а прибыть соизволила въ 11-мъ часу пополудни.

Октября 14. Пополудни въ 7-мъ часу ея императорское величество и ихъ императорскія высочества соизволила (и) выходъ имѣть въ комедію, а прибыли въ 11-мъ часу.

Октября 16. Ея императорское величество соизволила указать, чрезъ метеръ-деръ-гардероп Василья Ивановича Чулкова, чтобъ противъ покоевъ ея императорскаго величества веревку закидывать... [2]) въ 12 часовъ, хотя и пекетъ поставленъ не будетъ; о чемъ караульному капитану господину Любовникову и приказъ данъ.

Графъ Александръ Шуваловъ.

Дежурство генералъ-адъютанта и кавалера Бутурлина.

Октября 16. Лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ.

Ея императорское величество соизволила повелѣть, чтобъ завтра рано для караула ея величества Конной гвардіи на лошадяхъ въ Петергофъ отправить при двухъ оберъ-офицерахъ, унтеръ-офицеровъ двухъ, капраловъ четырехъ, рядовыхъ пятьдесятъ, трубачей четырехъ, которымъ по прибытіи въ Петергофъ занять всею тою командою караулъ и поставить въ пристойныхъ мѣстахъ часовыхъ и фрунтъ имѣть въ прежнемъ мѣстѣ, а провіанта и фуража взять на пять дней и для рядовыхъ той команды взять палатокъ пристойное число; ежели-жъ въ лошадяхъ будетъ недостатокъ, то взять отъ двора ея императорскаго величества, съ караула. Такожъ и при той командѣ быть лѣкарскому ученику одному.

ковъ, возмутились противъ офицеровъ изъ иностранцевъ, покушаясь ихъ перебить; при этомъ они распространяли слухъ, что офицеры-иностранцы (генералъ Ливенъ, графъ Ласси и мн. др.) умышляютъ заговоръ противъ государства (А. Вейдемейеръ—„Царств. Елис. Петр.“, ч. I, стр. 40—45).

[1]) Судя по записи 28-го ноября—это былъ пунктъ охоты императрицы.

[2]) Неразборчивое слово.

Октября 17. * Ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изъ Петербурга изволили отсутствіе возымѣть пополудни въ 1-мъ часу въ Петергофъ, и въ шествіи ономъ ея величество изволила обѣднее кушать на дачѣ графа Петра Ивановича Шувалова, и въ Петергофъ соизволила прибыть пополудни въ 8 часовъ *.

Октября 18. Ея императорское величество благоволила изъ Монплезира перейтить верхніе въ новые флигеля пополудни въ 3-мъ часу, откуда и фрунтъ переведенъ и поставленъ при новыхъ флигеляхъ.

Ея императорское величество соизволила повелѣть: лейбъ-гвардіи Коннаго полка командированную команду отправить завтра рано въ Царское Село,—которая и отправлена.

Октября 19. * Ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изъ Петергофа изволила (и) въ Царское Село отсутствіе возъимѣть пополудни въ 3-мъ часу и прибыть соизволила (и) въ 7-мъ часу * [1]).

Дежурство генералъ-адъютанта графа Петра Шувалова.

Октября 25. * Ея императорское величество изъ Царскаго Села изволила шествіе предпріять до Санктъ-Петербурга пополудни въ 4-мъ часу и прибыть соизволила въ 6 часовъ.

Октября 28. * Ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествы пополудни въ 7-мъ часу соизволила выходъ имѣть въ Оперный домъ *, въ которомъ представляема была комедія, а въ 10-мъ часу возвратиться благоволила.

Октября 29. Лейбъ-гвардіи полковъ къ дежурству сообщено.

Ея императорское величество указать соизволила: завтрашняго числа отъ полковъ лейбъ-гвардіи двадцать пушекъ съ довольнымъ числомъ картузовъ пороху поставить на Смольномъ ея императорскаго величества дворѣ, между обѣими хоромными связьми, а дуломъ чтобы были къ рѣкѣ Невѣ. Вслѣдствіе того ея императорскаго величества всевысочайшаго повелѣнія симъ сообщается, дабы благоволено было оныя пушки туда поутру привезть рано и къ нимъ командировать одного оберъ-офицера съ пристойною для пальбы командою, которому во оном Смольномъ дворцѣ для принятія приказовъ явиться у дежурнаго ея императорскаго величества генералъ-адъютанта.

Ея императорское величество соизволила имѣть выходъ въ домъ генералъ-лейтенанта и кавалера Петра Шувалова, гдѣ вечернее кушанье имѣть благоволила.

---

[1]) По „Кам. фур. журн.“, стр. 62, императрица выѣхала въ Царское Село 19-го октября одна.

Лейбъ-гвардіи полковъ къ дежурству.

Хотя въ посланномъ сего числа сообщеніи и объявлено именное ея императорскаго величества высочайшее соизволеніе о привозѣ въ Смольный ея величества дворецъ отъ полковъ лейбъ-гвардіи пушекъ и о постановкѣ оныхъ между двухъ хоромныхъ связей, и нынѣ ея императорское величество указать благоволила, чтобъ оныя пушки поставлены были къ рѣкѣ Невѣ, за прудомъ, на плотинѣ. О чемъ для исполненія симъ и сообщается.

Генералъ-адъютантъ графъ Петръ Шуваловъ.

Дежурство ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Бутурлина.

Октября 30. * Ея императорское величество по слушаніи въ придворной Большой церкви литургіи соизволила съ ихъ императорскими высочествами выѣздъ имѣть, при провожаніи придворнаго штата и команды Конной гвардіи, въ Смольный дворецъ пополуночи въ 11-мъ часу, а знатный генералитетъ и дамы, по повѣсткѣ, собирались въ церковь Конной гвардіи, и по окончаніи службы было крестное хожденіе до самого Смольнаго дворца, и по прибытіи туда, въ присутствіи ея императорскаго величества, по церковному уставу и чиноположенію чрезъ псковскаго архіерея, зачалась закладка Дѣвичьяго монастыря и Соборной церкви, и по заложеніи учинено изъ поставленныхъ тамъ лейбъ-гвардіи полковыхъ пушекъ 101 выстрѣлъ; по окончаніи же церемоніи слѣдовали въ покои, гдѣ какъ для духовныхъ, такъ и для обоего пола знатныхъ свѣтскихъ персонъ приготовлены столы, и при обѣднемъ кушаньи выпалено въ 2 раза изъ тѣхъ же полковыхъ пушекъ: въ первый—51, въ другой—31 выстрѣлъ. А пополудни въ 7-мъ часу при таковомъ же, какъ выше значитъ, провожаніи сонзволила ея величество возвратиться *.

Октября 31. Лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ сообщено.

Ея императорское величество изъ высочайшей своего величества милости пожаловать соизволила: онаго полка гранодера Карпа Смирнова въ тотъ же полкъ капраломъ, о чемъ симъ и сообщается.

Ноября 1. Лейбъ-гвардіи полковъ къ дежурству сообщено.

Въ Оперномъ ея императорскаго величества домѣ сегодняшняго дня имѣетъ представлена быть комедія; того ради благоволено-бъ было къ оному изъ полковъ лейбъ-гвардіи при офицерѣ послать пристойный караулъ.

Ноября 2. Въ государственную адмиралтействъ-коллегію сообщено.

Хотя генваря 6-го нынѣшняго году въ государственную адмиралтействъ-коллегію отъ дежурнаго генералъ-адъютанта сообщено и требовано было, чтобъ стоящему на Адмиралтейской башнѣ, подъ спицомъ караулу, которому съ такой высоты можно лучше другихъ карауловъ въ Санктъ-Петербургѣ начинающійся иногда, отъ чего Боже сохрани, пожаръ усмотрѣть, наистрожайше подтвердить, дабы отъ онаго тотъ же моментъ о томъ пожарѣ, ежели на которой сторонѣ случится, въ Адмиралтействѣ обрѣтающемуся караульному офицеру, а отъ него при дворѣ ея императорскаго величества стоящему на главномъ караулѣ лейбъ-гвардіи капитану дано было увѣдомленіе, почему-бъ оный капитанъ могъ дежурнаго генералъ-адъютанта репортовать. А понеже октября 30-го о случившемся въ Смольномъ дворцѣ пожарѣ не токмо отъ караульнаго въ Адмиралтействѣ офицера стоящему при дворцѣ ея императорскаго величества на караулѣ капитану знать дано не было, но и посланнаго отъ него, капитана, о томъ пожарѣ—гдѣ оный учинился—спрошать, сержанту объявлено, что онъ (о пожарѣ) неизвѣстенъ, да и приказу о увѣдомленіи стоящаго во дворцѣ капитана не имѣется. А для того чрезъ сіе еще принуждено отъ государственной адмиралтействъ-коллегіи истребовать, дабы отнынѣ, на основаніи прежняго требованія, помянутому на башнѣ караулу и караульному въ Адмиралтействѣ офицеру соблаговолено было о томъ накрѣпко подтвердить и о семъ дежурнаго генералъ-адъютанта не оставить безъизвѣстно.

Ея императорскаго величества кабинета, статскому совѣтнику г. Демидову.

Ея императорское величество соизволила указать: пріѣзжему изъ Гдовска оружейному мастеру Гуту за поднесенную имъ винтъ-биску изъ своей императорской высочайшей милости пожаловать двѣсти рублевъ выдать. Того ради о ономъ ея величества высочайшемъ соизволеніи объявя, сообщаю—въ выдачѣ того числа денегъ и въ присылкѣ для отдачи оному учинить опредѣленіе, по которой означенная винтъ-биска ея величеству поднесется и съ моимъ должнымъ почтеніемъ пребываю.

Ноября 5. Ея императорское величество соизволила выѣздъ имѣть для увеселенія къ шалашамъ на чучелы и вечернее благоволила кушать на дачѣ графа Петра Ивановича Шувалова, а оттуда возвратиться пополудни въ 9 часовъ.

Генералъ-адъютантъ Бутурлинъ.

Дежурство генералъ-адъютанта графа Шувалова.

Ноября 6. * Пополудни въ 7-мъ часу при дворѣ ея императорскаго величества былъ куртагъ *.

Ноября 13. Лейбъ-гвардіи Коннаго полка въ полковую канцелярію, сообщеніе.

Для свадьбы лейбъ-гвардіи прапорщика князя Гагарина съ фрейлиною Салтыковою Коннаго полку нарядить команду: вахмистра и капрала, да литаврщика и четырехъ трубачей и двѣнадцать человѣкъ рейтаръ и оной командѣ велѣть явиться въ Зимнемъ ея императорскаго величества домѣ сего ноября 13-го дня пополудни въ 9 часовъ у маршала [1]), дѣйствительнаго тайнаго совѣтника кавалера генералъ-прокурора князя Трубецкаго.

Генералъ-адъютантъ графъ Александръ Шуваловъ.

Дежурство генералъ-адъютанта и кавалера Бутурлина.

Ноября 13. При дворѣ ея императорскаго величества имѣли быть двѣ свадьбы: первая—лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка прапорщика князя Гагарина съ фрейлиною Салтыковою [2]); вторая же Коннаго полка поручика Бѣляева съ камеръ-юнгферою Молчановою. И пополудни въ 9-мъ часу, какъ собрались знатныя обоего пола персоны, тогда въ придворной церкви одна за другою повѣнчаны были, и по окончаніи той церемоніи слѣдовали въ покои и трактованы были всѣ оные приготовленнымъ столомъ, а по оном началъ балъ и продолжался до 3-го часа пополуночи.

Ноября 15 * Ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изъ Санктъ-Петербурга въ Царское Село отсутствіе изволили предпріять * пополуночи въ 12 часовъ, а прибыть благоволили пополудни въ 3-мъ часу.

Ноября 16, 17, 18, 19. Ея императорское величество и ихъ императорскія высочества, будучи въ Царскомъ Селѣ, благоволили выѣзжать для забавы стрѣляніемъ птицъ къ постановленнымъ чучеламъ.

Ноября 19-го-жъ. Ея величество изъ Царскаго Села до Санктъ-Петербурга возвратное шествіе изволила возымѣть пополудни въ 8 часовъ и, будучи въ пути, благоволила вечернее кушать у Четырехъ-рукъ, во дворцѣ, и оттуда прибыть въ 1-мъ часу пополуночи.

Дежурство генералъ-адъютанта Шувалова.

Ноября 20. Отъ оружейнаго мастера Гута принятая винтъ-биска, за которую изъ высочайшей ея императорскаго величества милости отъ кабинета выдано ему 200 рублевъ—ея величеству поднесена; при чемъ ея императорское соизволеніе послѣдовало оному мастеру сказать: ежели онъ

---

[1]) По свадебному обряду.

[2]) По „Кам.-фур. журн.“, стр. 65, имя князя Гагарина—Матвѣй, а фрейлины Салтыковой—Анна.

*

пожелаетъ принять службу, во оную его опредѣлить и обязать подъ лишеніемъ живота, чтобъ отнюдь онъ ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, будучи въ Россіи, такихъ ружей, какъ оная винтъ-биска, не дѣлалъ..

Ноября 23. Писано къ генералъ-маіору и санктъ-петербургскому оберъ-коменданту князю Мещерскому.

Завтрашняго числа, для дни тезоименитства ея императорскаго высочества и 25-го числа сего-жъ мѣсяца, въ день высочайшаго ея императорскаго величества на всероссійскій императорскій престолъ восшествія, имѣетъ быть съ Санктъ-Петербургской крѣпости произведена противъ прошлогодняго пушечная пальба, а именно: завтрашняго числа изъ 31, а 25-го—изъ 101 пушки. Чего ради ваше сіятельство изволите приказать исполненіе учинить, а для сигналу прислать одного оберъ-офицера съ ракетами и велѣть явиться у дежурнаго ея императорскаго величества генералъ-адъютанта.

Въ адмиралтейскую коллегію, противъ того-жъ, сообщено.

Ноября 24. * Въ день тезоименитства ея императорскаго высочества пополуночи въ 10-мъ часу съѣхались ко двору ея императорскаго величества чужестранные послы, здѣшній обоего пола генералитетъ, статсъ-дамы и придворные кавалеры и отъ оныхъ ея императорскому высочеству учинено поздравленіе *.

Въ началѣ 11-го часа ихъ императорскія высочества соизволили идти въ большую придворную церковь слушать божественную литургію, и по окончаніи оной, по данному отъ двора ракетою сигналу, произведена съ крѣпостей Санктъ-Петербургской—изъ 31, съ Адмиралтейской изъ 30 пушечная пальба и отъ полковъ лейбъ-гвардіи армейскихъ и гарнизонныхъ—барабаннымъ боемъ и играніемъ музыки предъ покоями ихъ высочествъ учинена селютація. А ея императорское величество у литургіи въ большой церкви присутствовать не соизволила.

Пополудни въ 1-мъ часу ихъ императорскія высочества соизволили кушать въ своихъ покояхъ, гдѣ статсъ-дамы и обоего пола первыхъ двухъ классовъ персоны находились, а ея императорское величество кушать благоволила въ своихъ-де аппартаментахъ и во время продолженія того кушанья производилась съ Адмиралтейской крѣпости пушечная пальба: въ 1-й и 2-й разы—по 51-му, а въ 3-й—по 31-му выстрѣл (у).

* Пополудни въ 8-мъ часу паки ко двору ея императорскаго величества съѣхались чужестранные послы, здѣшній обоего пола генералитетъ, статсъ-дамы и придворные кавалеры, и начался въ галлереѣ балъ, при которомъ ея императорское величество высочайшею своею персоною присутствовать благоволила; и по окончаніи того бала пяти классовъ обоего пола персоны трактованы за приготовленными въ Меньшомъ залѣ и Столбовой палатѣ столами, при чемъ была итальянская

музыка *, а Санктъ-Петербургская крѣпость по бастіонамъ и весь городъ иллюминованы были.

Ноября 25. * Въ день высочайшаго ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ восшествія, пополуночи въ 10 мъ часу, съѣхались ко двору ея императорскаго величества чужестранные послы и министры, здѣшній обоего пола генералитетъ, статсъ-дамы и придворные кавалеры.

Въ исходѣ 11-го часа ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами соизволили идти въ большую придворную церковь слушать божественную литургію, въ которой въ надлежащее время архіереемъ Митропольскимъ (?) сказывана предика и, по окончаніи оной, отъ всѣхъ, какъ чужестранныхъ, такъ и здѣшнихъ обоего пола персонъ учинено ея императорскому величеству поздравленіе *, и по данному отъ двора ракетою сигналу, произведено съ крѣпостей Санктъ-Петербургской изъ 101, съ Адмиралтейской изъ 100 пушечная пальба, а отъ полковъ лейбъ-гвардіи, армейскихъ, гарнизонныхъ, кадетскаго и артиллерійскаго корпусовъ барабаннымъ боемъ и играніемъ музыки учинена предъ покоями ея императорскаго величества селютація.

Въ 1-мъ часу пополудни публичнаго стола не было, а во время кушанья ея императорскаго величества, по высочайшему ея величества соизволенію, произведена съ Адмиралтейской крѣпости въ 2 раза по 51-му выстрѣлу пушечная пальба.

* Въ 8-мъ часу Лейбъ-Кампанія введена въ галлерею, гдѣ ея императорское величество изъ высочайшей своей императорской милости соизволила ихъ жаловать къ рукѣ.

Въ 9-мъ часу оной Лейбъ-Кампаніи оберъ и унтеръ-офицеры, въ ихъ мундирахъ, при высочайшемъ ея императорскаго величества за столомъ присутствіи, въ большомъ залѣ кушали, а гранодеры въ томъ же залѣ за особливыми столами; и во время того кушанья произведена съ Адмиралтейской крѣпости пушечная пальба: въ 1-й разъ—51, 2-й и 3-й—по 31-му выстрѣлу. А ихъ императорскія высочества съ чужестранными послами, здѣшнимъ обоего пола генералитетомъ, статсъдамами и придворными кавалерами соизволила (и) кушать въ особливомъ передъ заломъ покоѣ *.

На Большомъ театрѣ, противъ двора ея императорскаго величества, зажжена была иллюминація, а Санктъ-Петербургская крѣпость, по бастіонамъ, плошками и всѣ домы иллюминованы были.

Ноября 26. Караульному лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитану господину Мордвинову и пришедшему на смѣну ему лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитану Любовникову, когда они пришли съ докладомъ, приказано-ль будетъ смѣняться (для опробаціи), велѣно,

дабы во время морозовъ смѣнялись какъ наискорѣе, которые въ 43 минуты часа съ репортомъ возвратились, что смѣнились благополучно.

Генералъ-адъютантъ графъ Петръ Шуваловъ.

Дежурство генералъ-адъютанта и кавалера Бутурлина.

Ноября 27. Пополудни въ 7 часовъ ея императорское величество соизволила выѣздъ имѣть въ Оперный домъ, въ которомъ была представлена французская комедія, а оттуда благоволила возвратиться въ 10 часовъ.

Ноября 28. Ея императорское величество изволила выѣздъ имѣть для увеселенія стрѣляніемъ птицъ на поставленныя у шалашей чучелы, и обѣднее при оныхъ, а вечернее на дачѣ господина генералъ-лейтенанта и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова кушать, и оттуда возвратиться въ 12 часовъ.

Ноября 30. * Пополуночи въ 11-мъ часу ко двору ея императорскаго величества съѣхались чужестранные послы, министры и кавалеры ордена святаго Андрея Первозваннаго въ платьѣ того ордена, то-жъ и обоего пола знатныя особы, и объявленные кавалеры въ присутствіи ея императорскаго величества и его императорскаго высочества слѣдовали церемоніею въ придворную церковь и слушали литургію, а какъ оная окончилась, тогда по данному отъ дворца ракетою сигналу съ крѣпостей съ Санктъ-Петербургской и Адмиралтейской началась пушечная пальба, а отъ тѣхъ всѣхъ съѣхавшихся персонъ ея императорскому величеству принесено было поздравленіе.

А пополудни во 2-мъ часу въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества и его императорскаго высочества объявленнаго ордена кавалеры кушали и потомъ разъѣхались.

А въ 7 часовъ оные паки ко двору собрались, и начался балъ *, который продолжался до 12-го часу.

Декабря 4. Ея императорскому величеству небезъизвѣстно учинилось, что на дорогѣ, на Красномъ Кабачкѣ приказчикъ откупщика Гнѣвышева жестоко побилъ двухъ охотниковъ, ѣдущихъ со псовою охотою, на коихъ раны и бой явствуютъ. А понеже за таковые самовольные и дерзостные поступки наипаче, что охотники ея величества имѣютъ знаки на себѣ: гербы и придворную ливрею, что̀ видя, дѣлать весьма-бъ не надлежало, а хотя-бъ оные охотники что самовольное и учинили, то-бъ на нихъ просить, а не самимъ собою управляться. И того ради высочайшее ея императорскаго величества благоволеніе послѣдовало бойцовъ самихъ сыскать и изслѣдовать, и когда найдутся, что подлинно они были, велѣть батожьемъ-жъ высѣчь, а съ откупщика Гнѣвышева за бой и увѣчья и безчестье доправить отъ 30 до 40 рублевъ

каждому и отдать тѣ деньги битымъ охотникамъ, дабы онъ, Гнѣвышевъ, на то смотря, впредь того своего приказчика отъ такихъ своевольственныхъ поступокъ могъ воздерживать, что было и до того ему то подтвержденіе чинить надлежало.

Посыланный за онымъ откупщикомъ Гнѣвышевымъ и приказчикомъ ѣздовой сержантъ Шибаевъ объявилъ, что ни котораго въ домѣ не засталъ и объявлено, яко оные въ отлученіяхъ отъ Санктъ-Петербурга имѣются, а представилъ повѣреннаго онаго Гнѣвышева, купца Петрова и жену приказчикову, кои показали, что хозяинъ отъ Санктъ-Петербурга въ отлучкѣ, а приказчикъ былъ боленъ и также чрезъ три дни отлучился для леченья въ Стентерево, а гдѣ оное мѣсто, о томъ не знаютъ, которые отпущены по прежнему въ квартиры съ такимъ обязательствомъ, какъ оный Гнѣвышевъ въ квартиру придетъ, то-бъ того-жъ часу-бъ явился: женку (а) отъ тебя какъ потребуется, то тебѣ и представить [1]).

Генералъ-адъютантъ Бутурлинъ.

Дежурство генералъ-адъютанта графа Шувалова.

Декабря 4. Пополудни въ 7-мъ часу при дворѣ ея императорскаго величества былъ куртагъ.

Декабря 7. Пополудни въ 5-мъ часу ея императорское величество соизволила выходъ имѣть къ его превосходительству генералъ-аншефу и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, а прибыть соизволила въ 12-мъ часу.

Декабря 11. Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ полковую канцелярію, сообщеніе.

Ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловать соизволила: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанта Петра Татищева въ оный полкъ въ прапорщики; того ради онаго Татищева привесть къ присягѣ; о чемъ симъ сообщается.

Декабря 12. Въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ сообщено:

«Ея императорское величество соизволила указать: содержащагося въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ подъ карауломъ армейскихъ полковъ примеръ-маіора и Лейбъ-Кампаніи вицъ-сержанта Петра Языкова изъ-подъ караулу свободить съ тѣмъ, чтобъ онъ въ Москвѣ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ для окончанія имѣющагося объ немъ и женѣ его дѣла явился, при которомъ до окон-

---

[1]) Во исполненіе высочайшаго указа, съ Гнѣвышева было взыскано 80 р. и деньги эти сданы „въ Оберъ-егермейстерскую канцелярію“.

чанія того и былъ, являясь, какъ о томъ Святѣйшимъ Синодомъ опредѣлено будетъ».

Противъ 13-го числа, пополуночи во 2-мъ часу, на воздухѣ видимо было круглое огненное яблоко, отъ котораго напослѣдокъ и вдругъ (на подобіе дѣйствія молніи) сдѣлалось очень свѣтло, чѣмъ и пресѣклось.

Декабря 15. Пополуночи въ 11-мъ часу ихъ императорскія высочества изъ Санктъ-Петербурга въ Москву отсутствіе изволили возъимѣть.

Декабря 15. * Ея императорское величество изъ Санктъ-Петербурга соизволила въ Москву шествіе предпріять на 16-е число декабря пополуночи въ часъ съ половиною *, и какъ изъ покоевъ выходъ возъимѣла, тогда по данному отъ Зимняго дворца ракетою сигналу началась производиться съ крѣпостей пушечная пальба и учинено съ Санктъ-Петербургской 101, съ Адмиралтейской 100 выстрѣловъ.

Будучи въ слѣдованіи, соблаговолила присутствіе имѣть во дворцахъ и пробытіи: у Четырехъ-Рукъ 2 часа и въ Чудовѣ 4 часа.

Декабря 16. * Въ Бронницахъ (гдѣ вечернее кушать * и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдата князя Козловскаго въ тотъ полкъ капраломъ пожаловать соизволила); пробыла 6 часовъ.

Въ Мѣдномъ, вечернее кушавъ, пробыла 4 часа.

Декабря 17. Въ Хатиловѣ, обѣднее кушавши, пробыла 4 часа.

Во время стола произведена была троекратная изъ полковой Санктъ-Петербургскаго пѣхотнаго полка случившейся тамъ артиллеріи—пушечная пальба [1]).

Декабря 18. * Въ Завидовѣ, въ день своего высочайшаго тезоименитства *, обѣдню слушавъ, пробыла 4 часа.

Въ Клину, обѣднее кушавъ, пробыла 2 часа.

На Солнечной пробыла 1 часъ.

На Черной Грязи пробыла 1 часъ.

* Въ Москву, во дворецъ, прибыть того декабря 18-го пополудни въ $11^1/_2$ часовъ и заѣхать напередъ въ Успенскій соборъ *, въ которомъ пробыть близъ часа соизволила.—Итого 29 часовъ.

И тако въ настоящемъ (при томъ включая перепряжки и другія остановки) пути изволила быть 41 часъ.

А всего до Москвы и съ пробытіями было 70 часовъ.

---

[1]) Пальба производилась „за здоровье наступающаго торжественнаго дня рожденія ея императорскаго величества“ (Кам.-фур. журн.“, стр. 75).

Въ Москвѣ.

* При ономъ въ Москву ея величества вшествіи и въ Успенскій соборъ при слѣдованіи произведена изъ поставленной на Красной площади артиллеріи пушечная пальба * и учиненъ 101 выстрѣлъ, а изъ онаго собора при прибытіи во дворецъ изъ поставленной близъ онаго [1]) учиненъ 51 выстрѣлъ [2]).

Генералъ-адъютантъ графъ Петръ Шуваловъ.

Дежурство генералъ-адъютанта Бутурлина.

Декабря 19. Пополуночи въ 10 часовъ ко дворцу собрались обоего пола знатныя персоны, придворные кавалеры, духовные и штатскіе чины, отъ которыхъ ея императорскому величеству съ высочайшимъ въ Москву прибытіемъ учинено поздравленіе [3]).

Декабря 20. Въ военную контору сообщено:

Ея императорское величество изъ высочайшей своего величества милости указать соизволила: во время куртаговъ и по утрамъ въ праздничные дни армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеровъ пропускать въ покои, токмо накрѣпко того смотрѣть, дабы оные были во всякой приличной по офицерской чести чистотѣ и убранствѣ, а ежели кто не убранъ, въ разодранномъ платьѣ или не-въ-состояніи(пьяный) придетъ, таковыхъ не пропускать; о чемъ военной конторѣ въ исполненіе и сообщается.

Декабря 20. Въ главную полиціймейстерскую канцелярію.

Двора ея императорскаго величества ѣздовые сержанты не имѣютъ квартиръ; того ради главная полиціймейстерская канцелярія благоволитъ какъ прибывшимъ нынѣ, такъ и впредь будущимъ оныя показать.

Декабря 21. Пополудни въ 6-омъ часу ихъ императорскія высочества изволили въ Москву прибыть.—Того же числа былъ куртагъ.

Декабря 22. Въ главную полиціймейстерскую канцелярію.

Понеже ея императорскаго величества дворецъ отъ городу въ дальности находится [4]) и тако, ежели пожаръ (отъ котораго Боже сохрани) гдѣ-либо случиться можетъ, объ ономъ въ скорости нельзя быть при дворцѣ увѣдомленію, того ради главная полиціймейстерская канцелярія

---

[1]) Пропущено слово „артиллеріи“.

[2]) Императрица Елисавета Петровна пробыла въ Москвѣ почти годъ—до 15-го декабря 1749 года, а возвратилась въ С.-Петербургъ 20-го того же декабря.

[3]) По „Кам.-фур. журн.“, стр. 77,—пріемъ былъ 20-го декабря.

[4]) Императрица остановилась во дворцѣ—„который на Яузѣ“ („Кам.-фур. журн.“, стр. 76).

благоволитъ о таковыхъ случаяхъ, ежели гдѣ паче чаянія случится, чрезъ обрѣтающихся при главной полиціймейстерской канцеляріи у разъѣзду драгунскихъ унтеръ-офицеровъ при дворцѣ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ тотчасъ репортовать.

Декабря 22. Въ мастерскую оружейную палату.

Представленная отъ той мастерской оружейной палаты, въ охраненіи содержавшаяся, походная по атласу золотомъ, серебромъ и шелками шитая церковь Святыя Живоначальныя Троицы по высочайшему ея величества соизволенію оставлена во дворцѣ. О томъ чрезъ сіе для вѣдома сообщается и какова въ принятіи оной росписка взята посылается при семъ.

Копія съ росписки:

«1748 года, декабря 21-го, походную по атласу золотомъ, серебромъ и шелками шитую церковь Святыя Живоначальныя Троицы принялъ придворный священникъ Матвѣй Андреевъ».

ИНСТРУКЦІЯ

стоящимъ при дворцѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи полковъ господамъ капитанамъ.

1) Зоріи утреннюю, какъ гораздо ободнюетъ, съ всходомъ солнешнымъ, а вечернюю съ позволенія дежурныхъ генералъ-адъютантовъ (что отъ нихъ получать можно при принятіи паролей и лозунговъ) бить.

2) Сборъ бить въ обыкновенное время, или какъ отъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ объ ономъ будетъ приказывано, и какъ оный пробьютъ, тогда пришедшей командѣ, съ докладу оныхъ, знамя изъ дворца брать и по соединенію онаго къ той командѣ, весть ее господину маіору до надлежащаго мѣста, на которомъ смѣна караулу учреждена.

3) Когда оная на то мѣсто приведется, тогда или какъ отъ дежурнаго генералъ-адъютанта приказано будетъ, смѣняться, причемъ господамъ капитанамъ смотрѣть, чтобъ у рядовыхъ ружье было въ замкахъ и кремняхъ исправное и заряженное и имѣли-бъ на полкахъ порохъ, и по смѣнѣ, сколько печатей и замковъ старымъ карауломъ сдано и новымъ принято, оному генералъ-адъютанту письменно репортъ подавать.

4) Когда ея императорское величество соизволитъ шествовать куда, тогда всѣмъ чинамъ становиться во фрунтъ и отдавать честь съ барабаннымъ боемъ и играніемъ музыки и уклонять знамя; что̀ чинить и при возвращеніи ея величества во дворецъ.

5) Буде же его императорское высочество особливо куда выходъ имѣть изволитъ, то становиться во фрунтъ и честь отдавать безъ барабаннаго бою и музыки и знамя держать на караулѣ; равно чинить и при возвратномъ его высочества прибытіи.

6) При фрунтѣ имѣть вахтовую шеренгу, которой первымъ двумъ классамъ, то-есть генералъ-фельдмаршаламъ и генераламъ полнымъ, приказывать приступать къ ружью.

7) Какимъ образомъ въ отданіи полномочнымъ посламъ и посланникамъ чужестранныхъ дворовъ чести поступать, о томъ изъ печатнаго церемоніалу выписанные пункты прилагаются подъ симъ, по которымъ и поступать.

8) Часовымъ отдавать честь генералитету, придворнымъ кавалерамъ

Лейбъ-Кампаніи оберъ и унтеръ, лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ, а корпусовъ артиллерійскаго, и инженернаго, и кадетскаго и армейскихъ полковъ однимъ только штабъ-офицерамъ.

9) Смотрѣть, какъ Лейбъ-Кампаніи команду поведутъ на пекетъ, тогда вокругъ покоевъ, въ показанныхъ отъ дежурнаго генералъ-адъютанта мѣстахъ, поставить два пекета и при главномъ быть офицеру, а при другомъ унтеръ-офицеру, и стоять во всякой осторожности, по силѣ военныхъ артикуловъ; смѣняться-жъ имѣютъ, расчисляя ночные часы; а стоять на ономъ изъ господъ офицеровъ—поручикамъ, подпоручикамъ и прапорщикамъ, и какъ оный поставится, то смотрѣть, дабы крику и шуму не было и близко стоящаго фрунту никого не пропускать.

10) По постановленіи онаго смотрѣть, чтобъ отнюдь огня, особливо-жъ у нижнихъ чиновъ и на караульняхъ, не было, и ежели гдѣ усмотрится оный, затушать и заливать велѣть.

11) Въ караульнѣ сидѣть, расчисляя-жъ часы, капитану-поручику, секундъ-ротмистру и поручику старшему для всякой предосторожности и посылать рунды, а между оныхъ и дозоры всечасно и осматривать часовыхъ, дабы они на своихъ постахъ стояли во всякой исправности и осторожно; и приказывать онымъ: ежели гдѣ иногда которымъ усмотрится пожаръ, чтобъ тотчасъ караульнаго капитана, а оный дежурнаго генералъ-адъютанта репортовалъ, и тревоги безъ приказу не бить.

12) Имѣютъ, въ показанныхъ отъ дежурнаго генералъ-адъютанта мѣстахъ, веревки закидываться, тогда ставить у оныхъ часовыхъ, съ тѣмъ чтобъ никого какъ въ каретахъ, такъ и верхами не пропускали, а и пѣшимъ, кои пойдутъ мимо оныхъ, сказывать, чтобъ шли безъ шуму и крику; какъ же оныя веревки снимутся, тогда ихъ взять и имѣть въ караульнѣ и часовыхъ сводить.

13) Имѣющіеся для пожарнаго случая (отъ чего Боже сохрани) трубы и всѣ инструменты содержать подъ смотрѣніемъ главнаго караула, и ежели что будетъ до поправленія касаться, о томъ въ интендантскую контору сообщать, а дежурному генералъ-адъютанту для вѣдома репортовать. А притомъ смотрѣть, дабы на потолокахъ въ чанахъ всегда была вода, а въ морозы оную велѣть въ нихъ разогрѣвать [1]).

14) Ежели кто какую вещь изъ дворца ея императорскаго величества понесетъ, таковыхъ отнюдь не пропускать, развѣ на то позволеніе будетъ отъ караульнаго капитана или дежурнаго генералъ-адъютанта; во дворецъ же, кромѣ ея величества каретъ и саней, никакихъ посторонніхъ не впускать.

15) Какъ внутри, такъ и съ наружной стороны дворца ея императорскаго величества стоящимъ часовымъ наблюдать прилежно, дабы никакой нечистоты не было, при томъ же смотрѣть, чтобъ никто отнюдь при дворцѣ табаку не курилъ.

16) Челобитчиковъ и подлаго народу въ сѣрыхъ въ простыхъ кафтанахъ, въ шубахъ и въ лаптяхъ и нищихъ, какъ внутрь дворца, такъ и близко ко оному и къ окошкамъ не пускать и отсылать прочь. Ежели-жъ отъ кого произойдетъ шумъ и крикъ, а по увѣщанію пресѣчь его будетъ не можно, въ такомъ случаѣ оныхъ брать подъ караулъ и капитану дежурнаго генералъ-адъютанта репортовать

17) Имѣть по два человѣка вѣстовыхъ, которымъ, какъ и по 16-му пункту часовымъ велѣно, смотрѣніе имѣть, а сверхъ того онымъ приказывать, чтобъ

[1]) Разогрѣваніе производилось каленными ядрами.

у большаго крыльца кареты не стояли близко и отсылать оныя прочь; тако-жъ собакъ, кромѣ комнатныхъ борзыхъ и охотничьихъ—во дворецъ и близъ онаго не допускать и отгонять.

18) Господамъ капитанамъ приказывать офицерамъ осматривать часовыхъ и инспимовать отдаваемые имъ чрезъ капраловъ приказы: внятно ли содержатъ, причемъ и самимъ онымъ господамъ капитанамъ, а особливо на нужныхъ постахъ того наблюдать, дабы какого упущенія и непорядку не могло произойтить.

19) Конной гвардіи часовымъ быть въ день на лошадяхъ (гдѣ конные становятся), а ночью пѣшимъ; когда-жъ великіе морозы, то и въ день быть пѣшимъ.

20) Полномочныхъ пословъ служителей въ переднюю по одному, а пажей ихъ до второй пропускать.

21) Каково росписаніе учинено, гдѣ часовыхъ имѣть и что онымъ на своихъ постахъ неослабно смотрѣть должно, оное для раздачи по капраламъ, а имъ по часовымъ цыдулъ—прилагается при семъ.

22) Приказовъ ни отъ кого, кромѣ какъ отъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ, не принимать, развѣ только, что отъ ея императорскаго величества самой воспослѣдуетъ, которое высочайшее соизволеніе тотчасъ исполнить, а дежурнаго генералъ-адъютанта немедленно репортовать, дабы оный то высочайшее повелѣніе къ сей инструкціи или къ росписанію часовыхъ прибавить или же исключить изъ оныхъ чрезъ письменный приказъ могъ. Буде же чрезъ кого ея величества указъ скажется, то объ ономъ напередъ дежурнаго генералъ-адъютанта репортовать, отъ коего о исполненіи имѣется дать на письмѣ приказъ.

23) Стоящимъ при дворцѣ ея императорскаго величества на караулѣ унтеръ-офицерамъ, капраламъ, рядовымъ и другимъ нижнимъ чинамъ производятся порціи, въ сутки по четыре копѣйки каждому; того ради объ отпускѣ оныхъ посылать къ обрѣтающемуся при дежурныхъ генералъ-адъютантахъ у раздачи тѣхъ денегъ унтеръ-офицеру за руками оберъ-офицеровъ вѣдомости, а пекетныхъ требовать отъ кабинета ея императорскаго величества и по принятіи оныя раздавать сполна.

24) Въ Кардегардіи имѣть всякую чистоту, какъ военный артикулъ повелѣваетъ.

29-го декабря. Стоящему при дворцѣ ея императорскаго величества на караулѣ Конной гвардіи ротмистру Респею отдана оная (инструкція) и нижеписанные пункты съ росписаніемъ о постахъ и часовыхъ.

Какимъ образомъ въ отданіи чести полномочнымъ посламъ и посланникамъ стоящимъ при дворцѣ ея императорскаго величества на караулахъ господамъ капитанамъ поступать, о томъ, между прочимъ, въ печатномъ церемоніалѣ слѣдующее включено въ пунктахъ:

«22.—Какъ посолъ приватную у ея императорскаго величества аудіенцію приметъ и изъ покоевъ выйдетъ, тогда находящемуся при дворѣ ея императорскаго величества обыкновенному караулу становиться въ ружье и ставить «на караулъ», безъ барабаннаго боя, а командующимъ офицерамъ имѣть въ рукахъ свои экспантоны и отдавать честь только снятіемъ шляпъ, безъ уклоненія экспантоновъ».

«23.—По случаямъ, когда посолъ для приватныхъ аудіенцій, тако-жъ и во время куртаговъ ко двору ея императорскаго величества пріѣзжать будетъ, то находящемуся при дворѣ карауду становиться въ строй и держать ружье «къ ногѣ», а офицерамъ отдавать честь шляпою, безъ барабаннаго бою».

«57.—Когда посолъ къ публишной аудіенціи ко двору поѣдетъ, тогда находящемуся при дворѣ ея императорскаго величества карауду Конной гвардіи надлежитъ быть въ парадѣ, на его обыкновенномъ мѣстѣ».

«64.—Какъ же оный посолъ во дворецъ пріѣдетъ, тогда гвардіи пѣхотной и конной, которая стоитъ на караулѣ во дворцѣ ея императорскаго величества, вездѣ, гдѣ онъ пройдетъ, отдавать честь: солдатамъ, ставя ружье «на караулъ», а рейтарамъ имѣть обнаженныя шпаги и бить при томъ въ барабаны „апель“ или позывъ, при распущеніи знаменъ; а офицерамъ пѣхотной гвардіи отдать честь шляпами, безъ уклоненія экспантоновъ, а Конной гвардіи офицерамъ отдавать честь шпагою».

РОСПИСАНІЕ,

по которому значитъ, коликое число при дворцѣ ея императорскаго величества часовыхъ и гдѣ оные на постахъ и что оные наблюдать должны.

Въ Москвѣ декабря 22-го дня 1748 г.

1-й постъ. Въ сѣняхъ при покояхъ его императорскаго высочества двое часовыхъ.—Никого изъ подлыхъ, кромѣ знатныхъ и придворныхъ и офицерства, не пропускать.

2-й постъ. У знаменъ и штандарта одинъ часовой.—Смотрѣть, чтобы какимъ-либо случаемъ не могли поврежденія имѣть.

3-й постъ. Въ большихъ сѣняхъ съ пріѣзду—2-е часовыхъ.—Кромѣ знатныхъ офицеровъ и придворныхъ внутрь покоевъ другихъ никого не пропускать.

4-й постъ. Въ залѣ—гранодерской одинъ часовой.—Чтобъ тронъ, зеркала и стулья, и обои были во всякой цѣлости и кромѣ караульныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и капраловъ, кои будутъ для смѣны приходить туда, никого не пускать.

5-й постъ. Передъ кавалерской 2-е часовыхъ.—Кромѣ генералитета, Лейбъ-Кампаніи оберъ и унтеръ-офицеровъ, а гвардіи штабъ и оберъ-офицеровъ, корпусовъ же артиллерійскаго, и инженернаго, и кадетскаго, и полевыхъ полковъ штабъ и оберъ-офицеровъ,—другихъ не пропускать.

6-й постъ. Противъ переходовъ отъ зала одинъ часовой.—Постороннихъ и людей боярскихъ пропускать и стоять тутъ не велѣть.

7-й постъ. Близъ мыльни одинъ часовой.—Къ мыльни двухъ истопниковъ, которымъ даны будутъ билеты, тако-жъ и другихъ, и дѣвушекъ комнатныхъ ея величества посланныхъ пропускать, а другихъ никого.

8-й постъ. Въ проходныхъ сѣняхъ одинъ часовой, и 9-й постъ. Близъ церкви на крыльцѣ одинъ часовой. } Близъ покоевъ ея императорскаго величества подлаго народу не пускать и никому изъ посторонниихъ ходить не велѣть, кромѣ придворныхъ.

10-й постъ. На собственномъ ея императорскаго величества крыльцѣ, у спальни гранодеровъ 2-е часовыхъ.—Никого, кромѣ ея императорскаго величества и кто за ея величествомъ пойдетъ,—другихъ не пропускать.

11-й постъ. У заднихъ воротъ 2-е часовыхъ.—Изъ дворца ни съ какими вещьми безъ приказу не выпускать и того накрѣпко смотрѣть; на дворъ же, кромѣ ея императорскаго величества каретъ и саней, другихъ не впускать.

12-й постъ. При фрунтѣ у знаменъ одинъ часовой.—Оныя беречь и всего,

что есть при фрунтѣ смотрѣть, чтобъ было въ цѣлости, дабы отъ проѣзжающихъ каретъ ружья попорчены не были.

13-й постъ. Въ день конным ъ: У пріѣзжаго крыльца 2-е часовыхъ.—На часахъ стоять во всякой исправности и никакихъ подлыхъ людей отнюдь не пропускать, крику и шуму не было-бъ.

14-й постъ. У Тріумфальныхъ воротъ (а въ ночное время быть пѣшимъ) 2-е часовыхъ.—Кромѣ ея императорскаго величества и кто за ея величествомъ поѣдетъ; то-жъ когда Лейбъ-Кампаніи фрунтъ поведется,—другихъ никого не пропускать.

15-й постъ. При фрунтѣ одинъ часовой.—Смотрѣть, чтобъ было все, что при ономъ, въ цѣлости тако-жъ бы крику ни отъ кого не было.

16-й постъ. У средней кухни одинъ часовой.—Наблюдать отъ пожару и никакихъ постороннихъ шатающихся во оную не впускать.

17-й постъ. У погреба и печати одинъ часовой.—За оную пропускать того, чья печать; на распечатываніи напередъ свѣрить тѣ печати сходны-ль.

18-й постъ. При фрунтѣ на вѣстяхъ двое.—Онымъ по приказамъ карауленаго капитана быть.

19-й постъ. У придворныхъ наличныхъ припасовъ одинъ часовой.—Что отдано подъ часы, то беречь, и ежели печати есть, тѣхъ за оныя, отъ кого положены, и пускать, только при распечатываніи смотрѣть оныхъ сходства.

20-й постъ. На кухнѣ у серебра одинъ часовой.—Смотрѣть, чтобъ въ цѣлости быть могло и постороннихъ въ нее никого не пропускать.

21-й постъ. У свѣчъ и у серебра одинъ часовой.—Никого постороннихъ не пускать и что сдается смотрѣть было-бъ въ сохраненіи.

22-й постъ. Вверху у казенной при печати и замкѣ одинъ часовой.—Во оную пропускать кто запечаталъ его и до распечатыванія сходны-ль печати свидѣтельствовать.

23-й постъ. Противъ кухни на крыльцахъ 2-е часовыхъ.—Постороннихъ, а особливо подлыхъ никого не пропускать.

24-й постъ. Противъ переходовъ внутри одинъ часовой. Никого изъ постороннихъ, а особливо изъ подлыхъ людей не подпускать.

25-й постъ. У пожарныхъ инструментовъ одинъ часовой.—Имѣть смотрѣніе чтобъ оные были въ цѣлости.

26-й постъ. У новой церкви.—Наблюдать о сохраненіи всего въ цѣлости и постороннихъ, особливо подлыхъ, никого близко не подпускать.

27-й постъ. При флигеляхъ оной церкви на крыльцахъ и у дверей одинъ часовой.—Чтобъ было все въ цѣлости и постороннихъ никого туда не пускать,

28-й постъ. У старой церкви на переходахъ одинъ часовой.—Подлыхъ и никого не пускать.

29-й постъ. Въ Головинскомъ каменномъ домѣ 2-е часовыхъ.—Стоять на крыльцахъ и смотрѣть, чтобъ въ цѣлости были замки, печати и окончины и кромѣ тутошнихъ опредѣленныхъ и работныхъ людей, которымъ даны будутъ билеты,—не пропускать.

30-й постъ. Отъ сада на крыльцѣ одинъ часовой.—Съ такимъ же приказомъ какъ и подъ п. 29, стоять.

31-й постъ. У новой мыльни на крыльцѣ одинъ часовой.—Никого постороннихъ не пускать.

32-й постъ. На углу галлереи, на крыльцѣ и внутри 2-е часовыхъ.—Кромѣ придворныхъ никого не пропускать.

33-й постъ. Въ саду у ранжареи и на прудахъ 8 часовыхъ.—Смотрѣть того, что сдается, дабы въ цѣлости было.

34-й постъ. Въ Покровскомъ селѣ, у церкви 2-е часовыхъ.—Быть подъ приказомъ тамошняго командира.

35-й постъ. На конюшнѣ, гдѣ ѣздовыхъ лошади ставивали, 1 часовой.—Смотрѣть того, что сдается, чтобъ было въ цѣлости.

36-й постъ. Въ Головинскомъ лѣтнемъ домѣ 10 часовыхъ.—Смотрѣть, чтобы все въ цѣлости было и постороннихъ никого не пускать, а быть имъ на семъ караулѣ до смѣны, какъ изъ вѣдомства бригадира Давыдова другой караулъ пришлется.

37-й постъ. Въ новыхъ покояхъ, у смотрѣнія печей и замковъ 2-е часовыхъ.—Смотрѣть того, что сдается, было-бъ въ цѣлости, и за печать пускать того, кто запечаталъ, токмо оныя смотрѣть были-бъ сходны.

38-й постъ. Въ новыхъ покояхъ въ сѣняхъ одинъ часовой.—Никого посторонниихъ, особливо подлыхъ,—не пропускать.

39-й постъ. Вверху у смотрѣнія трубъ и въ наливаніи воды съ ефрейторомъ 7 человѣкъ—одинъ часовой.

40-й постъ. Въ Лафортовскомъ домѣ, у погребовъ 2-е часовыхъ.

41-й постъ. Въ Оперномъ домѣ 3-е часовыхъ.

} Смотрѣть, чтобъ все было сдаваемое въ цѣлости и быть до присланной отъ бригадира Давыдова смѣны.

Декабря 23. Лейбъ-гвардіи Коннаго полка ротмистру Респею, приказъ.

Стоящихъ на Новомъ крыльцѣ, близъ церкви, гвардіи двухъ гранодеровъ свесть и поставить въ сѣняхъ у комнаты ея императорскаго величества, гдѣ стояла Конная гвардія, съ такимъ повелѣніемъ: кромѣ комнатныхъ никого туда не пропускать; а на ихъ мѣста, на помянутое крыльцо, поставить пѣхотныхъ полевыхъ полковъ дву(хъ) гранодеровъ.

Декабря 24. Въ артиллерійскую контору.

Ея императорское величество соизволила именнымъ своимъ указомъ повелѣть: въ день Рождества Христова, по окончаніи божественной литургіи, пальбу изъ ста одной пушки произвесть; того ради высочайшее императорское соизволенію въ надлежащее исполненіе рекомендую. А для сигнала прислать поутру рано ракету и быть при томъ отъ артиллеріи офицеру и принимать приказъ, когда оной стрѣльбѣ быть, отъ дежурнаго генералъ-адъютанта; а понеже, гдѣ ея императорское величество соизволитъ слушать литургію, того знать не можно, того ради приготовить къ стрѣльбѣ пушки, какъ при дворцѣ стоящія, такъ и на площади въ запасъ, ибо когда ея императорское благоволеніе будетъ въ означенный день въ Кремлѣ, то будетъ стрѣльба произвождена съ площади, когда же во дворцѣ ея величества, то—изъ стоящихъ при томъ (дворцѣ) пушекъ—изъ ста одной произвесть.

Генералъ-адъютантъ Бутурлинъ.

Дежурство генералъ-адъютанта и кавалера графа Шувалова.

Декабря 25. * Ея императорское величество соизволила литургію слушать въ церкви Воскресенія Христова, что̀ при дворцѣ. По окончаніи божественной литургіи произведена изъ 101 пушки пальба *.

А во время обѣдняго кушанья пальба-жъ произведена изъ 51 пушки.

Графъ Александръ Шуваловъ.

Декабря 26. * При дворѣ ея императорскаго величества былъ куртагъ *.

Декабря 27. Въ Москвѣ были два пожара: 1) Пополуночи въ 3-мъ часу въ Китаѣ, на Воскресенскомъ подворьѣ сгорѣли на кельяхъ кровли. 2) Пополуночи въ 5-мъ часу за Москвою рѣкою, въ Земляномъ городѣ, на полянкѣ, сгорѣла торговая масляная изба, да сломаны двѣ избы, да богадѣльна.

Декабря 28. Ея императорское величество соизволила отсутствіе имѣть въ село Покровское пополуночи въ 11-мъ часу, а обратно прибыть соизволила пополудни въ 1-мъ часу.

Декабря 29. Ея императорское величество соизволила изъ дворца имѣть отсутствіе въ село Покровское въ 12-мъ часу, а обратно прибыть пополуночи во 2-мъ часу.

Декабря 30. Ея императорское величество соизволила пополудни въ 6-мъ часу имѣть изъ дворца выходъ къ генералу и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, а прибыть пополуночи въ 4-мъ часу.

Декабря 31. Лейбъ-гвардіи Коннаго полка господину ротмистру Респею, приказъ.

Понеже усмотрѣно, что близъ двора ея императорскаго величества у средней кухни стоятъ съ лошадьми извозчики; того ради стоящимъ часовымъ имѣете приказать, чтобъ они означенныхъ извозчиковъ съ лошадьми становиться близъ кухонь и дворца не допускали, а отсылали-бъ далѣе, за кухни.

Графъ Александръ Шуваловъ.

Архивный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

СЪ НОЯБРЯ 1896 ГОДА

издается въ Москвѣ подъ редакціей **М. М. Каткова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

—— Годовое изданіе «**Русскаго Вѣстника**», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, въ 1897 году стоитъ въ Москвѣ безъ доставки **15** р. **50** к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ **16** р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **17** р.

Принимается также подписка, только черезъ контору журнала, на 6 мѣсяцевъ **8** р. **50** к., на 3 мѣсяца **4** р. **25** к. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к., съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала **9** руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ, съ уплатой по **1** р. **50** к. въ мѣсяцъ, впредь до уплаты всей подписной суммы.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, допускается только чрезъ контору журнала.

—— За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными билетами или переводомъ: въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза, по **18** рублей, а въ остальныя государства—по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на «**Русскій Вѣстникъ**» принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала (Малая Дмитровка, 29), куда и просятъ адресоваться гг. подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Гг. подписчики благоволятъ писать свой адресъ четко, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также того почтоваго учрежденія, куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда, или станціи желѣзной дороги, присоединивъ названіе этой дороги. 2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала, вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначить его нумеръ. 3) Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги. 4) Контора журнала не отвѣчаетъ за своевременную доставку книгъ журнала передъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались. 5) За перемѣну адреса уплачивается **40** коп., за исключеніемъ перемѣны городскаго адреса на иногородній, за каковую перемѣну уплачивается **1** р. **50** коп.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1897 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.				Съ казенными приб.	
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р. — к.	9 р. — к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р. — к.	10 р. — к
Съ пересылкою иногород. .	17 » — »	10 » — »	5 » 50 »	2 » — »	19 » — »	11 » — »
За границу.....	26 » — »	14 » — »	8 » — »	3 » — »	28 » — »	16 » — »

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель Э. Э. Ухтомскій.

3—3

ИМПЕРАТОРСКАЯ

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМІЯ,

изготовляя къ предстоящему въ 1898 году празднованію столѣтняго своего юбилея исторію Академіи и отдѣльныхъ ея каѳедръ (два ОСОБЫЯ изданія) ЗА СТО лѣтъ, убѣдительнѣйше проситъ лицъ, владѣющихъ какими-либо документами, могущими освѣтить прошлое ея (какъ напр., записки современниковъ, дневники, біографическія свѣдѣнія, письма, рисунки, портреты дѣятелей и т. п.), оказать любезное содѣйствіе Академіи присылкою (ЖЕЛАТЕЛЬНО НЫНѢ ЖЕ и во всякомъ случаѣ до января 1898 г.) такихъ документовъ съ указаніемъ, требуется ли возвращеніе ихъ обратно. О всѣхъ присланныхъ документахъ, если ими можно будетъ воспользоваться, какъ матеріаломъ для исторіи, съ благодарностію будетъ упомянуто на ея страницахъ. Посылки такого рода слѣдуетъ адресовать къ начальнику Академіи, тайному совѣтнику В. В. Пашутину. Деньги, израсходованныя на пересылку, будутъ возвращены Академіею немедленно по заявленіи о семъ.

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія АВГУСТѢЙШЕЙ Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, при всѣхъ кассахъ учрежденій Общества Краснаго Креста открытъ сборъ пожертвованій для устройства въ Имперіи колоній, въ которыхъ будутъ призрѣваться подъ покровительствомъ Краснаго Креста прокаженные. 3—1

гихъ побили і языковъ взяли 15 ч(е)л(о)в(ѣ)къ, да знамя бѣлое, а на немъ клеймо да 2 барабана. А какъ н(а)ши ратные люди за ними к Менску догнали і на ихъ спинахъ в городъ и въѣхали, и городъ Менскъ взяли, и полковниковъ салдатцкихъ с полками по городу поставили".

Описавъ въ письмѣ отъ 3-го августа 1656 г., взятіе города Динабурга приступомъ, на которомъ „всѣхъ нашихъ было 3400 (ч.). А убито і ранено немного", онъ заканчиваетъ это письмо слѣдующими словами: „Писан в н(а)ш(е)мъ городе преже именованном Динобурке, а н(ы)не в нареченном Борисоглѣбове городе августа въ 3 де(нь)".

Кромѣ описанія походовъ и военныхъ дѣйствій, въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича встрѣчаются свѣдѣнія и другаго характера. Такъ въ письмѣ отъ 10-го іюня 1655 г. онъ сообщаетъ весьма важное извѣстіе: „Да буди вамъ, г(о)с(у)д(а)р(ы)нямъ, вѣдомо, что привезли к намъ из Аѳонскія горы кр(е)стъ ц(а)ря Константина да гл(а)ву Іоанна Златоустаго, которым кр(е)стомъ ц(а)рь Константин победил Максентия".

Въ 69-мъ письмѣ (послѣднемъ изъ помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ сборникѣ), отъ 24 сентября 1674 или 1675 г. (съ точностью годъ не установленъ), царь обращается сперва къ своимъ дочерямъ Евдокіи, Маріѣ, Софіи, Екатеринѣ, Маріи, Ѳеодосіи, Наталіи, и Ѳеодорѣ Алексѣевнамъ, потомъ ко второй женѣ своей царицѣ Наталіи, затѣмъ къ сестрамъ своимъ царевнамъ Иринѣ, Аннѣ и Татіанѣ Михайловнамъ и наконецъ къ своимъ сыновьямъ, царевичамъ Ѳеодору, Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, извѣщаетъ ихъ о благополучномъ прибытіи въ Троице-Сергіевъ монастырь, и, какъ бы предчувствуя свою близкую кончину, посылаетъ всѣмъ своимъ роднымъ благословеніе. 29-го января 1676 года царя Алексѣя Михайловича не стало.

Н. К-ш-ъ.

Начальникъ «деташемента» арміи императрицы Екатерины Великой подполковникъ Гейсманъ. Составилъ П. А. Гейсманъ.

Военные подвиги русскихъ войскъ въ польскія и турецкія войны Екатерины II имѣли большое вліяніе на развитіе русскаго военнаго искусства. Военное дѣло въ Россіи въ царствованіе Великой императрицы достигаетъ небывалой высоты, всецѣло сохраняя самостоятельныя черты своего развитія и идя дорогою, указанною геніемъ Петра Великаго.

Конечно, самыми блистательными представителями русскаго военнаго искусства этой эпохи являются «знаменитые фельдмаршалы»: Румянцевъ, Суворовъ и Потемкинъ; но общему движенію впередъ русскаго военнаго дѣла немало содѣйствовали и многіе другіе талантливые люди этого времени съ графомъ П. И. Панинымъ во главѣ.

Въ числѣ старшихъ армейскихъ офицеровъ, составлявшихъ многочисленный и хорошо подготовленный контингентъ для комплектованія начальствовавшаго персонала, находились выдающіяся личности, военныя дѣйствія которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія. Къ такимъ старшимъ армейскимъ офицерамъ принадлежалъ и прапрадѣдъ автора разбираемаго нами очерка—начальникъ одного изъ «деташементовъ», дѣйствовавшихъ противъ «польскихъ возмутителей» (конфедератовъ), главнымъ образомъ въ западной части нынѣшней Галиціи въ 1771 году,—Троицкаго пѣхотнаго полка подполковникъ И. И. Гейсманъ.

Гейсману съ небольшимъ самостоятельнымъ «деташементомъ» приходилось въ одно и то же время выполнять три возложенныя на него задачи: оборонять сообщенія съ нашей главной арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ; защищать ввѣренный ему довольно обширный участокъ отъ конфедератовъ и помогать, въ случаѣ надобности, начальникамъ сосѣднихъ отдѣльныхъ отрядовъ. Эти задачи были выполнены Гейсманомъ вполнѣ успѣшно и, если бы не ранняя смерть на стѣнахъ Кракова, то ему, основательно усвоившему всѣ главные принципы Суворова, быть можетъ, предстояла бы блистательная карьера. На 23-мъ году секундъ-маіоръ, на 26-мъ—премьеръ-маіоръ, на 30-мъ—подполковникъ, на 31-мъ—начальникъ отряда и представленный къ производству въ полковники, Гейсманъ былъ, видимо, отличаемъ начальствомъ, не взирая на отсутствіе протекціи. Начальство дало ему слѣдующую аттестацію, могущую служить примѣромъ того, какъ писались въ то время подобные документы: «По россійски, по нѣмецки, по француски и по голландски умѣетъ и сверхъ того знаетъ арифметики, геометріи, фортификаціи и артилеріи... Въ отпуску въ домѣ ни на какое время не бывалъ.., ни въ какихъ штрафахъ не бывалъ... Въ должности званія своего прилеженъ, отъ службы не отбываетъ, подъкомандныхъ своихъ содержитъ и военной экзерциціи обучаетъ порядочно и къ сему тщаніе имѣетъ, лѣности ради больнымъ не рапортуется и во всемъ ведетъ себя такъ, какъ исправному штабъ-офицеру надлежитъ, и какъ по чину своемъ опрятенъ, такъ и никакихъ отъ него непорядковъ не происходитъ, и такихъ пороковъ, которые по указу государственной военной коллегіи 765 году января 29 дня написаны, не имѣетъ для чего и повышенію чина достоинъ».

Очеркъ П. А. Гейсмана, знакомящій читателя съ дѣйствіями И. И. Гейсмана въ 1771 году противъ польскихъ конфедератовъ, читается съ большимъ интересомъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.